С. ГОРЯИНОВЪ.

БОСФОРЪ И ДАРДАНЕЛЛЫ.

Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ Архивахъ.

Съ десятью портретами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1907.

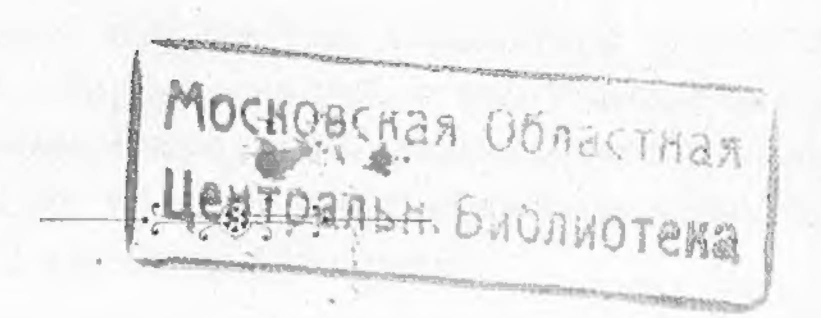

С. ГОРЯИНОВЪ.

БОСФОРЪ И ДАРДАНЕЛЛЫ.

Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главномъ Архивахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

*

СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Появившіяся въ повременной печати, въ концѣ 1904 года, разсужденія, иныя устанавливавшія, другія оспаривавшія обязательную силу для Россіи международныхъ постановленій, признавшихъ закрытіе проливовъ Босфора и Дарданеллъ для военныхъ судовъ всѣхъ державъ, побудили меня обратиться къ источникамъ, къ изученію всей дипломатической переписки по этому вопросу за большую часть девятнадцатаго столѣтія. Изученіе ея меня привело къ выводу о безусловной обязательности этихъ постановленій не только для Россіи, но и для всѣхъ державъ, ихъ подписавшихъ, при чемъ отвѣтственность сторонъ за соблюденіе этихъ постановленій должна быть признана круговой.

Къ такому заключенію я пришелъ изъ буквальнаго смысла подлинныхъ актовъ, а равнымъ образомъ изъ ихъ толкованія по намѣренію сторонъ, ихъ заключившихъ, которое выразилось въ перепискѣ, предшествовавшей ихъ заключенію, и вытекало изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его. Такъ какъ всѣ эти письменныя доказательства приведены въ подлинникѣ, то каждому будетъ легко провѣрить вѣрность сдѣланныхъ мною выводовъ, согласиться съ ними или предложить свои.

С. Г.

14 января 1907 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Постепенное открытіе Чернаго моря и проливовъ русскимъ торговымъ судамъ.

Вслѣдствіе завоеваній Петра Великаго россійская имперія достигла береговъ Балтійскаго моря и Чернаго, морей внутреннихъ, воды которыхъ вливаются въ океанъ черезъ узкіе проходы, зорко охранявшіеся владѣльцами ихъ береговъ. Если въ теченіе прошлаго вѣка проливы Зунда и двухъ Бельтовъ стали свободными для плаванія всякихъ судовъ всѣхъ народовъ, то Черное море еще при ближайшихъ преемникахъ Петра, а проливы, соединяющіе это море съ Средиземнымъ, и до сей поры закрыты для военнаго флота имперіи. Въ томъ, чьей власти подчинены проливы Босфоръ и Дарданеллы, кроется разрѣшеніе для Россіи пресловутаго восточнаго вопроса.

Завоевавъ Азовское побережье и положивъ основаніе русскаго военнаго флота, Петръ снарядилъ въ Константинополь первый русскій военный корабль «Крѣпость», на которомъ прибылъ въ Царьградъ, въ первыхъ числахъ сентября 1699 г., первый русскій чрезвычайный посланникъ думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ. Ему было поручено заключить мирный договоръ, которымъ, между прочимъ, разрѣшалось бы русскимъ судамъ свободное плаваніе по Черному морю отъ Азова и Таганрога до Константинополя. При переговорахъ по этому вопросу султанова величества тайныхъ дѣлъ секретарь Александръ Маврокордато объявилъ Украинцеву неизмѣнное рѣшеніе Порты, что «никогда никому ни для чего иныхъ государствъ кораблямъ по Черному морю плаваніе позволено не будетъ, и то де у салтанова величества и у всей Порты постановлено съ великимъ подкрѣпленіемъ, а то де Черное море называетца у нихъ чистая, непорочная дѣвица, потому что

никому неоткровенно и плаваніе кораблямъ не поволено». (22-я конференція 29-го апрѣля 1700 г.). Порта упорно отказывалась предоставить намъ свободное судоходство по Черному морю, на которое она смотрѣла, какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать иноземца. Къ упорству турокъ присоединились впослѣдствіи происки морскихъ державъ Европы, опасавшихся соперничества нашихъ судовъ съ своимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ. Благодаря настоянію Франціи по Бѣлградскому мирному договору 18-го сентября 1739 г. постановлено, «чтобы россійская держава ни на Азовскомъ, ни на Черномъ морѣ никакой корабельный флотъ, ниже иныхъ кораблей имѣть и построить не можетъ и что россійская коммерція по Черному морю отправлена быть имѣетъ на судахъ турецкимъ подданнымъ надлежащихъ».

Блестящія побѣды русскаго оружія при Екатеринѣ II, закончившіяся миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, «каковаго, по словамъ Екатерины, никто не ожидалъ да и ожидать не могъ», открыли русскому торговому флоту доступъ въ Черное и въ Средиземное море. XI-я статья Кучукъ-Кайнарджинскаго договора 10-го іюля 1774 г. гласитъ: «для выгодности и пользы обѣихъ имперій имѣетъ быть вольное и безпрепятственное плаваніе купеческимъ кораблямъ, принадлежащимъ двумъ контрактующимъ державамъ во всѣхъ моряхъ, ихъ земли омывающихъ, и блистательная Порта позволяетъ таковымъ точно купеческимъ россійскимъ кораблямъ, каковы другія государства въ торгахъ въ ея гаваняхъ и вездѣ употребляютъ, свободный проходъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое, а изъ Бѣлаго въ Черное».

Такимъ образомъ Россія добилась въ этомъ договорѣ лишь признанія Портою ограниченнаго торговаго судоходства на такихъ корабляхъ, «каковы другія государства употребляютъ»; военное судоходство, хотя и не было прямо запрещено, но по аналогіи съ англійскимъ и французскимъ подразумѣвалось, что военныя русскія суда могли изъ Средиземнаго моря доходить лишь до Константинополя и лишены были права проходить Босфоръ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Открытіе проливовъ русскимъ военнымъ судамъ. Договоры 23-го декабря 1798 и 11/23-го сентября 1805 г.

Въ царствованіе Павла I политика превратила Турцію въ союзницу Россіи. Предпринятый Наполеономъ Бонапартомъ походъ противъ Египта заставилъ Порту обратиться къ Россіи за помощью. Былъ посланъ въ Константинополь русскій флотъ подъ командою вице-адмирала Ушакова, вошедшій съ разрѣшенія султана въ Босфоръ. 23-го декабря 1798 г. былъ подписанъ между Россіей и Турціей союзный договоръ, по которому Россія обязалась помогать Турціи въ теченіе войны 12-ю кораблями, а Турція открыла русскому флоту свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно. Союзъ былъ заключенъ на 8 лѣтъ. Совмѣстными дѣйствіями русскаго и турецкаго флота французы были вынуждены очистить Іоническіе острова, въ которыхъ учреждено правленіе въ видѣ республики семи соединенныхъ острововъ, находящейся подъ покровительствомъ Россіи и платящей дань султану.

За нѣсколько лѣтъ до окончанія срока договора 1798 г. завязались, по предложенію оттоманской Порты, сношенія между нею и императорскимъ правительствомъ о его возобновленіи. Рескриптомъ отъ 12-го декабря 1804 г. нашему посланнику въ Константинополѣ Италинскому были поручены переговоры по заключенію новаго договора. Онъ имѣлъ цѣлью, какъ сказано въ инструкціи, высочайше одобренной 13-го декабря 1804 г., пріобщить Турцію къ тѣснѣйшему союзу съ Россіею, отвлечь ее отъ сближенія съ Франціею, обязать Турцію ко вступленію въ коалицію, которую Россія могла бы образовать совмѣстно съ Англіею и другими державами противъ Франціи, и предоставить Россіи право заступничества передъ Портою за ея подданныхъ изъ христіанъ для облегченія ихъ участи. Италинскому были сообщены выработанные министерствомъ проекты договора объ оборонительномъ союзѣ, заключавшагося въ 17 статьяхъ явныхъ и 8 тайныхъ. Послѣдними предусматривалось содѣйствіе, оказываемое Турціею Россіи и Великобританіи съ цѣлью воспрепятствовать замысламъ

Наполеона о захватахъ за счетъ Турціи и изгнать французовъ изъ Италіи.

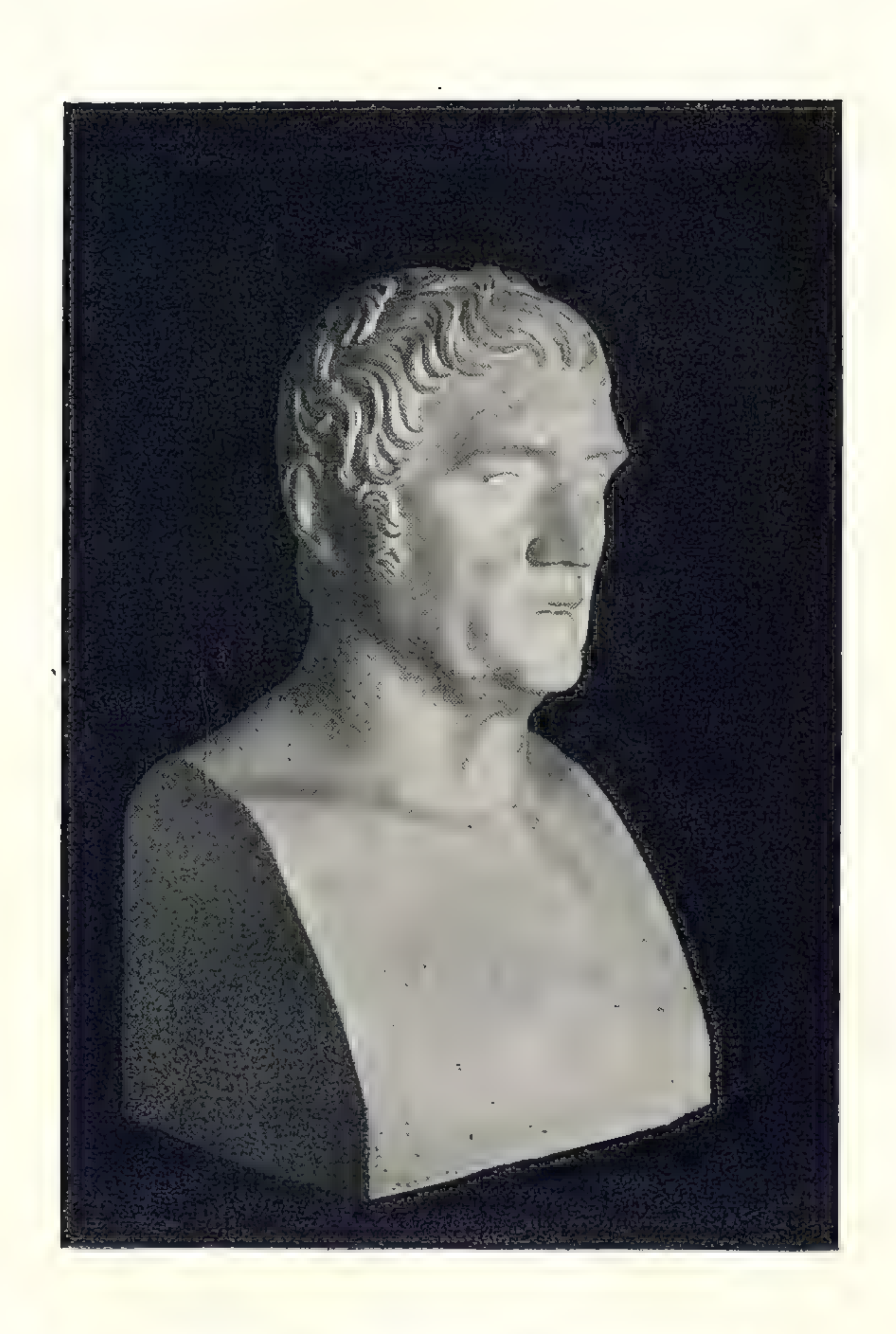
Въ отношеніи Іонической республики семи острововъ вышеуказанное содѣйствіе Порты опредѣлялось тѣмъ, что она обязывалась не только не препятствовать проходу черезъ Константинопольскій проливъ русскимъ военнымъ судамъ, направлявшимся изъ Чернаго моря къ этимъ островамъ, занятымъ русскими войсками, но всѣми мѣрами способствовать ихъ прохожденію.

Въ министерскомъ проектѣ договора только въ этомъ смыслѣ упоминалось о правѣ русскихъ военныхъ судовъ проходить черезъ проливы. Но посланникъ Италинскій, по предоставленному ему полномочію, счелъ необходимымъ точнѣе опредѣлить выговариваемое для нашего флота преимущество. Ссылаясь на то, что, по 9 ст. предъидущаго договора 1798 года, Черное море было объявлено закрытымъ для военныхъ судовъ другихъ державъ, Италинскій настоялъ на сохраненіи этой статьи во избѣжаніе того, какъ пояснялъ онъ, чтобъ англичане, а за ними французы не требовали пропуска своего флота въ Черное море.

Въ виду этихъ соображеній Италинскій включилъ въ составленный имъ проектъ тайнаго соглашенія требованіе о закрытіи Чернаго моря; оно содержится въ VII ст. сего договора и изложено слѣдующимъ образомъ [1]).

«Обѣ высокія договаривающіяся стороны соглашаются считать Черное море какъ бы закрытымъ и не допускать появленія никакого военнаго или вооруженнаго судна какой бы то ни было державы. Въ случаѣ же если бы какая-либо изъ нихъ попыталась явиться туда вооруженною, то обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются считать такую попытку поводомъ къ союзу (casus foederis) и ей препятствовать всѣми своими морскими силами, признавая въ томъ единственное средство для обезпеченія своей взаимной безопасности. При этомъ разумѣется, что свободный переходъ черезъ Константинопольскій каналъ не перестанетъ быть открытымъ для военныхъ судовъ и транспортовъ Е. В. Императора Всероссійскаго, которымъ блистательная Порта, насколько отъ нея будетъ зависѣть, во вся-

[1]) Constantinople. 1805. Réc. Italinsky, dép. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$ 1805 № 94.

Андрей Яковлевичъ Италинскій.

комъ случаѣ окажетъ всякую помощь и предоставитъ всякое облегченіе».

Означенная статья вошла въ этомъ видѣ въ договоръ, заключенный съ Портою 11/23-го сентября 1805 г. Такимъ образомъ обѣ стороны, объявляя Черное море закрытымъ для военныхъ судовъ какой бы то ни было державы, признавали это начало необходимымъ для обезпеченія мирныхъ между ними отношеній; въ случаѣ же нарушенія этого начала какой-либо державой, т.-е. появленія въ Черномъ морѣ военнаго судна подъ иностраннымъ флагомъ, обѣ стороны обязались сплотиться, чтобы отразить такое вторженіе и воспротивиться ему всѣмъ своими соединенными морскими силами. Россія, какъ обладательница сѣвернаго и части восточнаго берега Чернаго моря, пріобрѣла право защиты его совмѣстно съ Турціей, владѣвшей западнымъ и южнымъ берегомъ и отказавшеюся, силою событій, отъ своихъ притязаній на господство надъ всѣмъ моремъ. Оно признавалось въ общемъ владѣніи Россіи и Турціи, защита входа въ него равнымъ образомъ была общею. Проливы оставались въ рукахъ султана, но пользованіе ими предоставлялось русскимъ военнымъ судамъ на прежнемъ основаніи, и Порта обязалась способствовать всѣми мѣрами проходу русскихъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Этимъ свободный пропускъ предусматривался во всѣхъ случаяхъ (dans chaque occasion), но спеціально для русскихъ военныхъ судовъ, идущихъ на Іоническіе острова, какъ это ближайшимъ образомъ опредѣлено въ ст. IV тайнаго договора 11/23-го сентября 1805 г., въ силу котораго Порта обязалась, за все время пребыванія русскихъ войскъ на территоріи республики семи острововъ, облегчить проходъ черезъ Константинопольскій каналъ русскимъ военнымъ судамъ, предназначеннымъ для замѣщенія морскихъ силъ, находившихся у этихъ острововъ или для исполненія и смѣны войскъ, имѣвшихъ тамъ стоянку.

Договоръ 11/23-го сентября 1805 г. былъ заключенъ на девять лѣтъ.

Едва этотъ договоръ былъ подписанъ и утвержденъ обѣими сторонами, какъ блестящія побѣды, одержанныя французами надъ русскими, побудили турецкихъ министровъ внять совѣтамъ агентовъ Наполеона, домогавшихся

расторженія союзнаго договора между Россіей и Портой. Султанъ призналъ за Наполеономъ титулъ императора; Турки стали въ дунайскихъ княжествахъ усиленно готовить провіантъ на Днѣстрѣ и на Дунаѣ исправлять укрѣпленія. Чего главнымъ образомъ домогалась французская дипломатія было неисполненіе Портою самаго существеннаго условія договора 11/23-го сентября 1805 г. о пропускѣ нашихъ военныхъ судовъ черезъ проливы. На такое настойчивое требованіе французовъ могло имѣть вліяніе занятіе нами Катаро. Уступая этимъ домогательствамъ, рейсъ-ефенди Вассифъ-Ефенди обратился въ Италинскому съ просьбой прекратить посылку черезъ проливъ военныхъ судовъ и морскихъ силъ. «Хотя,—писалъ Италинскій,—обращеніе является самымъ дружескимъ, но нельзя было не удивляться тому, что Порта высказывала настроеніе не исполнять единственнаго существеннаго условія союзнаго договора, въ такое время, когда болѣе чѣмъ когда-либо повелительно требовался обстоятельствами пропускъ войскъ и вооруженныхъ судовъ [1]). «Переговоры по этому предмету были поручены первому драгоману Фонтону, съ которымъ турецкій министръ подѣлился своими опасеніями относительно того, что Турція могла бы вызвать разрывъ съ Франціей, если будетъ пропускать русскія военныя суда черезъ проливы. По толкованію турецкаго министра 4-я статья договора была непримѣнима къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Договоръ былъ заключенъ на случай войны общей и оборонительной, Россія вела войну наступательную, направляя свои морскія силы черезъ проливы для нападенія на французскія владѣнія въ Адріатическомъ морѣ. Такія военныя дѣйствія не согласовались съ цѣлью союза и нейтральнымъ положеніемъ, занимаемымъ Турціей въ отношеніи Франціи. До сей поры Порта оправдывала передъ французами проходъ русскихъ судовъ черезъ проливы тѣмъ что русскія войска перевозились для поддержанія порядка въ Іоническихъ островахъ, но это объясненіе не имѣло тогда значенія, такъ-какъ эти силы предназначались противъ Франціи, а въ Корфу уже имѣлось вполнѣ достаточное количество войскъ. Противъ этихъ объясненій Фонтонъ возразилъ, что ст. 4-я договора

---

[1]) Депеша Италинскаго 18/30-го апрѣля 1806 г. № 58.

изложена вполнѣ ясно и опредѣлительно, такъ какъ въ ней вовсе не упоминалось о войнѣ ни оборонительной, ни наступательной. Турецкіе министры не могли быть освѣдомлены, куда русское правительство предполагало направить свои суда съ войсками; Портѣ извѣстно, что они предназначались въ Корфу и объясненія, данныя ею французамъ въ этомъ смыслѣ, являлись совершенно достаточными. Не ограничившись этими разсужденіями, рейсъ-ефенди, отдѣльною нотою отъ 14/20-го апрѣля 1806 г., переданною посланнику Италинскому, просилъ его довести до свѣдѣнія императорскаго правительства о желаніи султана, чтобъ русскія военныя суда не проходили болѣе черезъ проливы. Донося о вышеизложенномъ, Италинскій высказалъ, что, по его мнѣнію, Порта не рѣшилась бы протестовать противъ предстоявшаго прохода русскихъ судовъ черезъ проливы, но если бы это произошло, то онъ предоставитъ на ея усмотрѣніе прибѣгнуть къ силѣ. Случай этотъ представился въ скоромъ времени. 24-го іюня пришло военное русское судно бригъ «Ясонъ», отправленный въ Корфу для передачи графу Мочениго 190,000 голландскихъ дукатовъ. Въ день прибытія брига на Константинопольскій рейдъ рейсъ-ефенди не преминулъ напомнить драгоману Фонтону о нотѣ, переданной имъ нашему посланнику, сказавъ, что султанъ очень непріятно пораженъ появленіемъ русскаго военнаго судна. Италинскій сообщилъ Портѣ, что судно прибыло и пройдетъ черезъ проливы въ Средиземное море по праву, предоставленному русскимъ судамъ согласно договору, и что если Порта нашла бы возможнымъ воспрепятствовать его проходу, то она должна принять въ соображеніе тѣ послѣдствія, которымъ подвергнется ея противодѣйствіе.

Отвѣтъ Италинскаго вызвалъ со стороны турецкихъ министровъ увѣренія, что они, не оспаривая права русскихъ военныхъ судовъ проходить черезъ проливы, не имѣли никакого намѣренія противодѣйствовать этому проходу [1]).

Вслѣдствіе прибытія 23-го іюля изъ Чернаго моря фрегата «Кильдумъ» съ транспортами для нашихъ войскъ, слѣдовавшими на Іоническіе острова, рейсъ-ефенди полу-

---

[1]) Депеша Италинскаго 2/14-го іюля 1806 г. № 122.

чилъ приказаніе отъ султана объясниться съ посланникомъ Италинскимъ для прекращенія на будущее время прихода такихъ военныхъ судовъ. Посланникъ указалъ, что русское правительство будетъ отправлять черезъ проливы столько судовъ, сколько ему потребно. Турецкіе министры въ заключеніе въ своихъ объясненіяхъ заявили, что они обращались къ русскому посланнику лишь съ дружескою просьбой, опасаясь мести со стороны Франціи [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Порта отказывается исполнять договоръ 11/23-го сентября 1805 г. Разрывъ ея съ Россіею (11/23-го декабря 1806 г.) Тильзитскій договоръ 25-го іюня (7-го іюля) 1807 г.

Нарушеніе Турціей принятыхъ на себя обязательствъ въ отношеніи Россіи и явное нежеланіе ея исполнить условіе о допущеніи нашихъ судовъ въ проливы понудило императорское министерство поручить посланнику Италинскому потребовать отъ Порты соблюденія договора, заключеннаго ею съ Россіей, а въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта уполномочило его просить о выдачѣ ему и всему посольству паспортовъ для выѣзда изъ Константинополя [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ командующій русскими войсками на Днѣстрѣ ген. Михельсонъ 16-го октября 1806 г. получилъ приказаніе вступить въ Молдавію. Хотя Порта, вслѣдствіе настоянія посланника Италинскаго, согласилась удовлетворить одно изъ требованій русскаго правительства о возстановленіи власти господарей молдавскаго князя Мурузи и валахскаго князя Ипсиланти, свергнутыхъ Портою, министерство нашло эту уступку недостаточною и предписало Италинскому добиваться исполненія Турціей остальныхъ нашихъ требованій.

Въ депешѣ 12-го ноября 1806 г. министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ писалъ между прочимъ Италинскому, что попытка Порты воспрепятствовать про-

1) Депеша Италинскаго 2/14-го августа 1806 г. № 139.

2) Депеша Италинскому 26-го августа 1806 г.

ходу русскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ, несмотря на заключенные договоры, показывала, насколько она слѣпо подчинилась волѣ Франціи, почему государь рѣшилъ потребовать отъ Порты торжественнаго заявленія, которымъ она бы обязалась никогда ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ не нарушать предоставленнаго русскимъ военнымъ судамъ права пропуска черезъ каналъ.

Но до полученія Италинскимъ означенной депеши ему 11/23-го декабря 1806 г. было предъявлено требованіе выѣхать совмѣстно съ посольствомъ изъ Константинополя въ теченіе трехъ дней [1]).

13/25-го декабря Италинскій сѣлъ на рейдѣ, по предложенію англійскаго посланника Арбутнота и англійскаго адмирала Луиса, на англійское судно «Canopus» для перехода на Мальту [2]).

При депешѣ отъ $\frac{\text{21-го декабря}}{\text{2-го января}}$ 1806 г. № 203, отправленной съ судна «Canopus», Италинскій сообщилъ хатти шерифъ отъ 27-го декабря 1806 г. объ объявленіи войны Россіи. 18-го января 1807 г. онъ прибылъ на англійскомъ суднѣ «l'Active» на Мальту [3]).

Письмомъ отъ 20-го февраля 1807 баронъ Будбергъ увѣдомилъ великаго визира, что наши войска вступили въ Молдавію вслѣдствіе нарушенія Турціей договоровъ съ Россіей. Онъ призывалъ Порту возвратиться къ союзу съ русскими и англичанами подъ однимъ условіемъ строгаго соблюденія всѣхъ заключенныхъ договоровъ, настаивая главнымъ образомъ на сохраненіи за русскими судами права прохода черезъ проливы. Между тѣмъ императоръ Александръ старался объяснить Портѣ движеніе русскихъ войскъ на Дунай и посылку эскадры подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина въ Архипелагъ не завоевательными стремленіями, а желаніемъ вывести Порту изъ заблужденій, въ каковыя она была вовлечена замыслами Франціи. Императоръ Александръ готовъ былъ приступить къ переговорамъ о мирѣ [4]), завязать которые его побудило еще

---

[1]) Депеша 11/23-го декабря 1806 г. № 201.

[2]) Депеша 14/26-го декабря 1806 г. № 202.

[3]) Депеша 23-го января/4-го февраля 1807 г. № 1.

[4]) Campagnes. 1807. Turquie. Exp., письмо барона Будберга Михельсону 19-го марта 1807 г.

болѣе извѣстіе о проходѣ англійскихъ судовъ подъ начальствомъ адмирала Дэкворта черезъ Дарданеллы и о намѣреніи англичанъ занять эти проливы до заключенія мира. Съ цѣлью прекращенія военныхъ дѣйствій командующему нашими войсками въ дунайскихъ княжествахъ генералу отъ кавалеріи Михельсону было предложено довести до свѣдѣнія турецкаго правительства, что, коль скоро Порта отпуститъ французскаго посла генерала Себастіани, возобновитъ союзный договоръ съ Англіей и возстановитъ дѣйствіе всѣхъ договоровъ, существовавшихъ до войны между Россіей и Портой, императоръ Александръ готовъ удалить свои войска изъ княжествъ [1]). Одновременно находившійся въ Вѣнѣ полковникъ Поццо-ди-Борго получилъ порученіе отправиться на эскадру вице-адмирала Сенявина въ Архипелагъ и оттуда войти въ сношенія съ турецкими министрами черезъ парламентера или черезъ интерпунція Штюрмера или датскаго повѣреннаго въ дѣлахъ бар. Гибнера. Поццо долженъ былъ предложить предварительныя условія, которыя бы легли въ основаніе будущаго мира, между прочимъ возстановленіе всѣхъ прежнихъ договоровъ и соглашеній, которыя обѣ стороны обязуются соблюдать «avec la plus stricte exactitude et une parfaite loyauté et bonne foi» [2]), возобновленіе союзнаго договора съ Англіею и удаленіе французовъ изъ Далматинской бывшей венеціанской области [3]). О порученіи, данномъ Поццо-ди-Борго, былъ увѣдомленъ главнокомандующій Михельсонъ барономъ Будбергомъ письмомъ отъ 19-го марта 1807 г.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Александръ I и Наполеонъ заключили договоръ о мирѣ въ Тильзитѣ (25-го іюня (7-го іюля) 1807 г.), по которому, было обусловлено прекращеніе всѣхъ военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей (ст. 21 договора); русскія войска должны были выступить изъ княжествъ (ст. 22); Александръ принималъ посредничество Наполеона на предметъ заключенія съ Портою мира почетнаго и выгоднаго для обѣихъ сто-

---

[1]) Campagnes. 1807. Turquie. Exp., письмо 8-го апрѣля 1807 г.

[2]) Съ строжайшею точностью и совершенною искренностью и добросовѣстностью.

[3]) Campagnes. Turquie. 1807. Pozzo di Borgo. Exp., dép. du baron Budberg 7/12 Mars 1807.

ронъ (ст. 23). По договору о дружбѣ того же числа опредѣлено въ ст. 8, что въ случаѣ непринятія Портою посредничества Франціи или неудачи переговоровъ по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со времени ихъ возникновенія, Франція соединится съ Россіей противъ Турціи и обѣ стороны согласятся между собою, чтобы изъять всѣ области оттоманской имперіи въ Европѣ изъ власти и гнета турокъ, за исключеніемъ Константинополя и Румеліи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Перегороры о мирѣ съ Портою черезъ посредство Франціи. Заключеніе перемирія въ Слободзіе 12/24-го августа 1807 г. Перенесеніе переговоровъ въ Парижъ. По соглашенію съ Франціей въ Эрфуртѣ Россіи предоставлено самой вѣдаться съ Портой. Созывъ конференціи о мирѣ въ Яссахъ. Проектъ условій мира, подлежавшихъ предложенію Портѣ.

Вслѣдствіе постановленій Тильзитскаго договора императоръ Александръ, рескриптомъ отъ 28-го іюня 1807 г., даннымъ въ Таурогенѣ командующему войсками въ княжествахъ генералу отъ кавалеріи Михельсону, предписалъ ему предложить верховному визиру заключить предварительный договоръ о перемиріи и, если таковой состоится, вывести изъ Молдавіи и Валахіи русскія войска и занять лучшую, по его усмотрѣнію, позицію по сю сторону Днѣстра. На заключеніе перемирія Михельсонъ получилъ надлежащее уполномочіе. Переговоры съ турецкимъ правительствомъ были поручены тайному совѣтнику Лашкареву, который 22-го іюля 1807 г. прибылъ въ Бухарестъ, а оттуда отправился въ Слободзіе близъ Журжева, въ имѣніе сераскира Мустафы-паши, гдѣ онъ съѣхался съ турецкимъ уполномоченнымъ Саидомъ Мехмедомъ-Галибомъ-Ефенди и французскимъ полковникомъ Гильемино. Выработанныя условія перемирія заключались, между прочимъ, въ томъ, что обѣ стороны назначали уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ, русскія и турецкія войска выступали изъ княжествъ въ теченіе 35 дней, русскіе очищали островъ Тене-

досъ и возвращали туркамъ суда, захваченныя у нихъ во время войны; перемиріе прекращалось, въ случаѣ неудачи въ переговорахъ о мирѣ, не прежде какъ будущею весною. Условія перемирія были подписаны обоими уполномоченными и полковникомъ Гильемино въ Слободзіе 12/24-го августа 1807 г. Во время переговоровъ умеръ русскій главнокомандующій Михельсонъ, мѣсто его заступилъ по старшинству генералъ отъ кавалеріи баронъ Мейендорфъ, который, хотя не имѣлъ уполномочія на утвержденіе условій о перемиріи, но, по настоянію Лашкарева и Гильемино, счелъ себя въ правѣ скрѣпить этотъ договоръ своею ратификацію въ Бухарестѣ 23-го августа 1807 г., о чемъ онъ увѣдомилъ барона Будберга письмомъ отъ 27-го августа [1]). Между тѣмъ на мѣсто Михельсона былъ назначенъ главнокомандующимъ русскою арміею въ княжествахъ и уполномоченнымъ на заключеніе мира съ Турціею генералъ-фельдмаршалъ князь Прозоровскій, котораго графъ Румянцевъ, управлявшій иностраннымъ департаментомъ за болѣзнью барона Будберга, депешею отъ 2-го сентября 1807 г. [2]) увѣдомилъ о томъ, что государь не согласился утвердить двухъ статей перемирія, а именно о возвращеніи судовъ, захваченныхъ у турокъ, и о прекращеніи перемирія не прежде какъ будущею весною и поручилъ объявить турецкимъ уполномоченнымъ черезъ посредство тайнаго совѣтника Лашкарева, что заключенное перемиріе государь соглашается оставить въ своей силѣ не иначе какъ съ изъятіемъ сихъ двухъ статей и что баронъ Мейендорфъ не имѣлъ права утверждать условія о перемиріи, бывши только временно командующимъ войсками и не снабженнымъ никакими уполномочіями на заключеніе международнаго акта. Вслѣдствіе даннаго ему порученія князь Прозоровскій обратился къ турецкимъ властямъ съ требованіемъ объ измѣненіи условій перемирія, не принятыхъ императоромъ, но ни Галибъ-Ефенди, ни верховный визиръ не согласились войти въ обсужденіе этого требованія, считая перемиріе правильно заключеннымъ [3]).

[1]) Campagnes. Turquie. Réc. Baron Meyendorf.

[2]) Campagnes. Turquie. 1807. Exp. Prince Prozorovsky.

[3]) Campagnes. Turquie. 1807. Exp. Prince Prozorovsky 12 novembre 1807. Réc. Prince Prozorovsky 1 octobre 1807, № 1886. 24 septembre 1807. № 1797.

Вслѣдствіе соглашенія, подписаннаго графами Румянцевымъ и Шампаньи 12-го октября 1808 г. въ Эрфуртѣ, Россія освободилась отъ всякаго посредничества и императору Александру предоставлены завладѣніе княжествами и полная свобода вести съ Турціей переговоры о мирѣ или вновь начать войну. Въ виду этого фельдмаршалъ князь Прозоровскій обратился къ верховному визиру съ просьбой прислать въ Яссы уполномоченныхъ для переговоровъ о мирѣ. Императорскимъ рескриптомъ отъ 17-го декабря 1808 г. главнокомандующему было приказано предложить турецкимъ уполномоченнымъ условіями мира распространеніе нашей границы на Дунай, независимость Сербіи и признаніе русской власти въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи, а въ случаѣ непринятія этихъ условій двинуть войска противъ турокъ [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ фельдмаршалу князю Прозоровскому былъ препровожденъ [2] проектъ договора о мирѣ (принятія котораго можно было бы потребовать отъ уполномоченныхъ Порты и статьи котораго не противорѣчатъ Тильзитскому договору). Въ ст. 2 этого проекта упоминалось о возобновленіи всѣхъ предъидущихъ договоровъ съ Турціей, но о договорѣ 1805 г. не было никакихъ указаній, равнымъ образомъ умалчивалось о правѣ русскихъ военныхъ судовъ на проходъ черезъ проливы; очевидно это преимущество, предоставленное русскому военному флоту по договору 1805 г. для борьбы съ Франціею и прохода судовъ на Іоническіе острова, перешедшіе во власть французовъ, не согласовалось съ условіями Тильзитскаго договора.

Готовясь къ конференціи, созванной въ Яссахъ, князь Прозоровскій начертилъ инструкцію нашимъ уполномоченнымъ генералъ-лейтенанту Милорадовичу, сенатору тайному совѣтнику Кушникову и инженеру генералъ-маіору Гартингу и передалъ имъ выработанныя имъ условія мира, которыя они должны были предложить турецкимъ делегатамъ. Какъ было замѣчено выше, въ проектѣ договора, препровожденномъ графомъ Румянцовымъ князю Прозо-

---

[1]) Campagnes. Turquie. 1808. Exp. № 106. Prozorovsky. Rescrit 17 décembre.

[2]) Campagnes. Turquie. 1808. № 83. Депеша графа Румянцова изъ Веймара 3/15-го октября 1808.

ровскому, не выговаривалось въ пользу русскихъ военныхъ судовъ право на проходъ черезъ проливы, такъ какъ съ точки зрѣнія министра иностранныхъ дѣлъ условія мира должны были быть согласованы съ договоромъ, заключеннымъ въ Тильзитѣ. Князь Прозоровскій не упустилъ однако важнаго преимущества, предоставленнаго нашему флоту Портою въ 1805 г. въ виду усиленнаго настоянія посланника Италинскаго, и включилъ въ условія, подлежавшія предложенію турецкимъ уполномоченнымъ на предстоявшей конференціи, статью VIII, по которой: «Высокая оттоманская Порта предоставляетъ всякаго рода военнымъ судамъ русской имперіи, какихъ бы то ни было размѣра и величины, свободный проходъ черезъ Константинопольскій каналъ и Дарданеллы въ Средиземное море и для обратнаго его слѣдованія съ единственнымъ ограниченіемъ, чтобы за разъ не проходило черезъ Константинопольскій каналъ и черезъ Дарданеллы болѣе трехъ военныхъ судовъ. Имъ однако будетъ разрѣшено тамъ останавливаться въ случаѣ нуждъ, съ цѣлью чиниться или запасаться, въ чемъ имъ никогда не будетъ оказано препятствій кѣмъ бы то ни было изъ высокой Порты» [1]).

Данная княземъ Прозоровскимъ инструкція и проекты предварительныхъ условій мира были высочайше одобрены. Въ инструкціи князь Прозоровскій пояснилъ относительно выше указанной VIII ст. условій, что она не могла Портѣ причинить ни вреда, ни опасенія, тѣмъ болѣе, что число проходящихъ судовъ крайне ограничено. Въ депешѣ отъ 9-го февраля 1809 г. № 28 на имя графа Салтыкова фельдмаршалъ князь Прозоровскій высказывалъ, что Россія открытыхъ портовъ, кромѣ Архангельска, не имѣетъ, прочіе же всѣ состоятъ въ зависимости: Балтійскіе отъ Зунда, а Черноморскіе отъ Дарданеллъ; съ турками же можно было ладить, но отъ французовъ трудно будетъ имѣть свободный проходъ черезъ Дарданеллы, даже и для купеческихъ судовъ. Не довѣряя французской политикѣ въ турецкихъ дѣлахъ, онъ доказывалъ, что она не измѣнилась, «что и какъ издревле называли турокъ француз-

---

[1]) Campagnes. Turquie. 1809. Prozorovsky. Réc. № 120. Депеша 23-го февраля 1809 г. № 42. Exp. № 33. Депеша графа Румянцева 11-го марта 1809.

скими гонскими собаками, чтобы дѣлать изъ нихъ, что хотятъ, Турцію берегутъ, имѣя при томъ въ виду, въ случаѣ войны съ Австріею или Россіею, употреблять ее къ отвлеченію противъ Франціи части войскъ сихъ державъ. Весьма вѣроподобно, что теперь, по заключеніи мира между Портою и Англіею, въ императорѣ Наполеонѣ возродится желаніе присвоить себѣ европейскую часть турецкой имперіи». Князь Прозоровскій полагалъ, что при раздѣлѣ намъ необходимо было получить Константинополь, полуостровъ Морею, острова Тенедосъ и Лемносъ, такъ какъ эти послѣдніе закрываютъ входъ въ Дарданеллы, а Морея дастъ Россіи вліяніе и въ Адріатическомъ морѣ.

Обладаніе Константинополемъ и Дарданеллами явилось дѣйствительно камнемъ преткновенія въ переговорахъ, которые велись между императорами Александромъ и Наполеономъ относительно раздѣла оттоманской имперіи. Александръ доказывалъ, что Константинополь служитъ ключемъ къ его дому, французскій посолъ Коленкуръ ему возражалъ, что въ такомъ случаѣ Россія бы получила ключъ къ Тулону, къ Корфу, ко всемірной торговлѣ [1]). Наполеонъ въ предполагаемомъ дѣлежѣ присваивалъ себѣ Дарданеллы и часть Никомидійскаго полуострова до Родоста [2]). На такое требованіе ни императоръ Александръ, ни графъ Румянцовъ не могли согласиться и на счетъ этой полосы земли, которую графъ Румянцовъ называлъ кошачьимъ языкомъ (langue de chat) [3]), между русскимъ канцлеромъ и французскимъ посломъ произошли горячіе споры, не приведшіе ни къ какому результату и оставившіе весь вопросъ о раздѣлѣ неразрѣшеннымъ.

---

[1]) Донесеніе Коленкура 24-го іюня 1808.

[2]) Донесенія Коленкура 1808 № 20 и 9 марта 1808 № 22.

[3]) Campagnes. Turquie. 1809. Prozorovsky. Réc. 88, депеша 3/15-го января № 13.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сближеніе Порты съ Англіею; договоръ о мирѣ, заключенный между ними 5-го января 1809 г.

Сближеніе Наполеона съ Александромъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, направленное главнымъ образомъ противъ Англіи, заставило великобританскій кабинетъ искать возобновленія сношеній съ Портой. «Англичане,—писалъ князь Прозоровскій,—употребляютъ всѣ усилія и даже угрозы для заключенія мира съ Турціей, дабы пріобрѣсти себѣ твердую ногу, все сіе предвѣщаетъ намъ только кровопролитіе». Довѣренное лицо сообщило князю Прозоровскому, что 5-го января подписанъ мирный трактатъ между Англіею и Турціею, что 14-го онъ былъ утвержденъ султаномъ и что ожидался пріѣздъ англійскаго посланника Адэра (Adair) [1]). Договоръ, подписанный 5-го января 1809 г. [2]) въ Константинополѣ, устанавливалъ мирныя отношенія между Англіей и Турціей и предоставлялъ англичанамъ разныя торговыя преимущества, но Порта, помня появленіе англійскаго флота подъ начальствомъ адмирала Дэкворта въ 1806 году передъ Константинополемъ и желая себя оградить въ будущемъ отъ такой случайности, отъ которой не могли въ достаточной мѣрѣ защитить столицу султана укрѣпленія, возведенныя у входа Дарданеллъ, включила въ договоръ XI ст. слѣдующаго содержанія. «Въ виду того, что во всякія времена было запрещено военнымъ судамъ входить въ Константинопольскій каналъ, а именно въ проливъ Дарданеллы и Чернаго моря, и такъ какъ это древнее правило оттоманской имперіи должно быть точно также и впредь соблюдаемо въ мирное время въ отношеніи войскъ державы, какой бы то ни было, то британскій дворъ обѣщаетъ подчиниться равнымъ образомъ этому правилу».

Мы видѣли выше, что по VII ст. договора 11/23-го сентября 1805 г. Россія и Турція согласились признать Черное море закрытымъ и обязались воспрепятствовать

---

1) Campagnes. Turquie. 1809. Prosorovsky. Réc. № 105.

2) Fréderic Martens, nouveau recueil de traités depuis 1808, t. I, 1808—1814; éd. 1817.

совмѣстными силами появленію черезъ проливы въ этомъ морѣ военнаго судна какой-либо иной державы. Турція такимъ образомъ отказалась отъ своихъ исключительныхъ верховныхъ правъ на Черное море, признавъ такое же право за Россіей, суда которой могли свободно проходить черезъ проливы. Въ ст. XI договора 5-го января 1809 г. Турція настояла на своемъ исключительномъ правѣ на проливы; выраженіе «древнее правило оттоманской имперіи» встрѣчается здѣсь впервые въ международномъ актѣ. До того времени это древнее правило, на основаніи котораго не пропускались иностранныя военныя суда черезъ проливы, имѣло значеніе внутренняго распоряженія правительства, полицейской мѣры, принятой Портою для защиты столицы съ моря. Въ силу своихъ верховныхъ правъ надъ обоими берегами Порта держала проливы закрытыми или открывала ихъ судамъ той или другой державы по своему усмотрѣнію, соблюдая свою пользу и руководствуясь въ каждомъ случаѣ своею выгодою. Въ виду своего господства надъ мѣстностью, она никакой державѣ не обязана была отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, но за то и на ней одной лежала защита ея правъ силою оружія въ случаѣ ихъ нарушенія. Если она поступилась своими правами на время въ пользу Россіи въ силу договора 1805 года, то дѣйствіе его въ моментъ подписанія соглашенія съ Англіей было пріостановлено открытою войною съ Россіею.

Во время переговоровъ съ англичанами султанъ, покинутый французами, которые помогли ему оборониться противъ нападенія адмирала Дэкворта въ 1807 году, сознавалъ въ 1809 г. свое безсиліе и, недовѣряя сооруженіямъ, воздвигнутымъ передъ Константинополемъ, рѣшился укрыться подъ защиту международнаго акта. Англія первая обязалась подчиниться началу закрытія Дарданеллъ, но изъ обязательства Англіи возникало обязательство Порты, ограничившее верховныя права послѣдней. Турція умаляла ихъ и допускала постороннее вмѣшательство въ своихъ распоряженіяхъ по пропуску судовъ черезъ проливы. Лондонскій кабинетъ подчинился древнему правилу имперіи, по скольку оно будетъ соблюдаться другими державами, изъ чего слѣдовало, что если бы Порта рѣшилась въ мирное время пропустить военныя суда какого-либо го-

сударства, кромѣ Великобританіи, послѣдняя освободилась бы отъ своего обязательства и могла бы воспротивиться этому рѣшенію путемъ угрозъ и военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ султану грозило англійское вмѣшательство въ случаѣ, если бы онъ вздумалъ воспользоваться своимъ верховнымъ правомъ надъ проливами, открывъ Дарданеллы или Босфоръ военнымъ судамъ другого государства, идущимъ къ Константинополю изъ Средиземнаго или Чернаго моря.

Безъ сомнѣнія, договоръ 1809 г. касался однѣхъ сторонъ, его заключившихъ; для третьей державы онъ не могъ имѣть юридическаго значенія. Однако, Порта обязалась этимъ договоромъ соблюдать начало закрытія проливовъ въ отношеніи всѣхъ другихъ государствъ, кромѣ Англіи. Въ защиту этого правила она могла предпринять всякія мѣры обороны противъ попытки прорвать входъ въ Дарданеллы или Босфоръ со стороны судовъ одного изъ нихъ; въ дѣйствительности осуществленіе этихъ мѣръ было не по силамъ Порты. Въ защиту правила, освященнаго вѣками, въ которой заинтересованы были всѣ державы, имѣющія притязанія на различныя части владѣній султана при ихъ распаденіи и изъ ревности зорко слѣдившія другъ за другомъ, выступили всѣ онѣ; внутреннее распоряженіе оттоманской имперіи, обратившееся первоначально въ договорное соглашеніе между Англіею и Турціею, постепенно видоизмѣнилось въ нераздѣльное и совокупное международное обязательство, выразившееся въ Лондонской конвенціи о проливахъ подписанной 13-го іюля 1841 г., безспорно умалившей верховные права султана. Запрещеніе военнымъ судамъ входить въ Дарданеллы и Босфоръ, по смыслу XI ст. договора 1809 г., распространялось не только на суда, шедшія изъ Средиземнаго въ Черное море, но и на тѣ, которыя шли изъ Чернаго моря. Хотя англійскія суда могли проникнуть только въ Дарданеллы изъ Средиземнаго моря, но Англіи было интересно, чтобы Россія не имѣла права выслать свой черноморскій военный флотъ въ Средиземное море, почему Англіей и выговорено, чтобы и Босфоръ былъ закрытъ въ мирное время, т.-е. пока Турція находилась въ мирѣ съ нею. Въ заключеніе укажемъ на одно выраженіе, встрѣчающееся въ ст. XI договора 1809 г.; въ ней говорится о томъ,

что начало закрытія проливовъ должно соблюдаться, въ отношеніи всякой иной державы, кромѣ Англіи, въ мирное время, т.-е. пока Турція не состояла въ войнѣ; въ случаѣ войны султанъ имѣлъ право открыть проливы, если онъ находилъ свою выгоду въ такомъ распоряженіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Непосредственные переговоры между Россіею и Портою о мирѣ не увѣнчались успѣхомъ. Объявленіе Портою войны Россіи (1809 г.). Заключеніе мира въ Бухарештѣ 16-го мая 1812 г.

Сближеніе Англіи съ Турціей на почвѣ договора, заключеннаго въ Константинополѣ, вызвало требованіе, предъявленное Россіей къ Портѣ о высылкѣ англійскаго посланника изъ Турецкой столицы. Вслѣдствіе неисполненія этого требованія переговоры о мирѣ были прерваны въ Яссахъ и приступлено къ военнымъ дѣйствіямъ, продолжавшимся нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ возобновлялись переговоры о мирѣ. Одному изъ главнокомандующихъ графу Каменскому былъ высланъ проектъ условій [1]); въ числѣ ихъ приведена ст. XI о правѣ военныхъ судовъ на переходъ черезъ проливы: «Блистательная Порта оттоманская дозволяетъ россійскимъ военнымъ судамъ всякаго рода, какого бы названія и какой бы величины они ни были, свободно проходить черезъ Константинопольскій каналъ и Дарданеллы въ Средиземное море, равно какъ и на возвратномъ оттуда пути, съ тѣмъ только, чтобы черезъ Константинопольскій каналъ и Дарданеллы никогда не проходило вдругъ болѣе трехъ кораблей или другихъ военныхъ судовъ. Имъ не будетъ впрочемъ возбраняемо въ случаѣ нужды тамъ останавливаться для починки ли судовъ или для запасенія себя всѣмъ нужнымъ: въ чемъ

[1]) Campagnes. Turquie. 1810. Kamensky. Exp. № 47, указъ 4-го февраля. Exp. № 48, депеша 8-го февраля 1810 г. Exp. № 48, отношеніе 7-го февраля 1810 г.

никогда не повстрѣчаютъ никакого препятствія со стороны блистательной Порты оттоманской».

Окончательные переговоры о мирѣ были начаты генераломъ-отъ-инфантеріи Голенищевымъ-Кутузовымъ, который и заключилъ миръ въ Бухарештѣ 16-го мая 1812 г.

При переговорахъ, которые велись съ нашей стороны таїнымъ совѣтникомъ Италинскимъ, генералъ-маіоромъ Сабанѣевымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Фонтономъ, не было никакого упоминанія о проливахъ и правѣ прохода русскихъ военныхъ судовъ черезъ нихъ. О проливахъ ничего не говорилось и въ самомъ трактатѣ, въ которомъ однако имѣется статья III, подтверждающая всѣ предъидущіе договоры, заключенные въ прежнія времена, за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя были измѣнены въ нихъ или настоящимъ договоромъ, или предъидущими.

Договоръ, заключенный Кутузовымъ въ Бухарестѣ, не вполнѣ удовлетворилъ императора Александра I, который желалъ привлечь султана къ союзу противъ Франціи. Въ рескриптѣ на имя адмирала Павла Васильевича Чичагова, назначеннаго главнокомандующимъ на мѣсто графа Кутузова [1]), Александръ Павловичъ выразилъ свое сужденіе объ означенномъ договорѣ и указалъ на цѣль, которой онъ желалъ бы достигнуть.

По мнѣнію государя, Кутузовъ сдѣлалъ очень важное упущеніе: онъ долженъ былъ согласиться на просимыя уступки только при условіи заключенія союза оборонительнаго и наступительнаго, онъ одинъ могъ бы насъ вознаградить за то стѣсненіе, которое породилъ настоящій миръ въ нашихъ сношеніяхъ съ сербами и славянами. Не нужно брезгать никакими средствами, чтобы добиться такого союза съ Турціей и ея содѣйствія, черезъ посредство сербовъ и славянъ, противъ Франціи.

---

[1]) Campagnes. Turquie. 1812. Amiral Tchitchagoff. Exp. № 149, rescrit 14 mai 1812.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Желаніе императора Александра I заключить съ Турціей союзный оборонительный и наступательный договоръ. Причины, почему онъ не могъ быть заключенъ. Адріанопольскій миръ 2-го сентября 1829 г. Засѣданіе секретнаго комитета по дѣламъ востока 4-го сентября 1829 г.

Заключеніе съ Портою союзнаго оборонительнаго и наступательнаго договора было поручено тайному совѣтнику Андрею Яковлевичу Италинскому, который былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь [1]). Но заключенію такого союза не было суждено состояться вслѣдствіе недовѣрія Порты къ русской политикѣ. Отношенія Турціи къ Россіи въ началѣ XIX столѣтія очень ярко очерчены въ запискѣ тайнаго совѣтника Д. В. Дашкова, представленной 1-го сентября 1829 г. въ секретный комитетъ по восточному вопросу [2]). «Послѣдніе годы минувшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго,—писалъ Д. В. Дашковъ,—виды нашей политики измѣнились. Съ турками былъ заключенъ союзъ [3]) по наружности самый дружественный и тѣсный: флаги россійскіе и турецкіе вѣяли вмѣстѣ среди острововъ Іоническихъ, но симъ не было и не могло быть побѣждено народное чувство. Въ то самое время, когда Россія употребляла всѣ усилія для возвращенія Портѣ захваченнаго французами Египта, турецкіе воины изъявляли ненависть свою къ симъ хищникамъ, называя ихъ московами, и само правительство, при появленіи въ Босфорѣ кораблей друга своего Ушакова, совѣщалось въ тайнѣ и спѣшило принимать мѣры какъ бы противъ нападенія непріятельскаго».

Записка тайнаго совѣтника Д. В. Дашкова была прочитана въ засѣданіи секретнаго комитета 4-го сентября 1829 г. въ тотъ моментъ, когда главнокомандующій русской арміи графъ Дибичъ велъ въ Адріанополѣ, черезъ посредство

---

[1]) Campagnes. Turquie. 1812. Amiral Tchitchagoff. Exp. № 167, депеша Румянцева 23-го іюня 1812 г. Réc. № 185, письмо Чичагова Италинскому 3-го іюля 1812 г.

[2]) 1829. Comité sur les affaires d'Orient. Réc.

[3]) Договоръ 1807 года.

назначенныхъ съ нашей стороны уполномоченныхъ генералъ-адъютанта графа Орлова и тайнаго совѣтника графа Палена, переговоры о мирѣ съ Турціей.

Секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ императора Николая въ томъ же засѣданіи обсуждалъ вопросъ о мѣрахъ, которыя предстояли Россіи принять въ случаѣ разложенія Турціи. По проекту графа Каподистрія о раздѣлѣ турецкихъ владѣній, Константинополь долженъ былъ обратиться въ вольный городъ съ ограниченіемъ его владѣній пространствомъ земли вдоль Чернаго и Мраморнаго моря, островомъ Тенедосомъ и еще двумя укрѣпленными мѣстами на азіатскомъ берегу Босфора, съ тѣмъ, чтобы всѣ прочія укрѣпленія въ сей окружности, а равно около Дарданеллъ, были срыты. По мнѣнію Дашкова, слѣдовало, напротивъ, еще болѣе нынѣшняго укрѣпить азіатскій берегъ вдоль обоихъ проливовъ такъ, чтобы плывущіе черезъ оные корабли не могли быть тревожимы жителями, а для большей безопасности Босфора присоединить къ константинопольскому округу весь Никомидійскій полуостровъ. Затѣмъ Дашковъ въ своей запискѣ задавалъ вопросъ: будетъ ли въ состояніи слабый неукрѣпленный городъ противиться вторженію непріятельскаго флота въ Черное море при первой нашей войнѣ съ Англіею или иною державою? «Нынѣ мы,—продолжалъ Дашковъ,—съ сей стороны безопасны, ибо турецкая морская сила ничтожна, а народные предразсудки и вѣчная недовѣрчивость къ европейцамъ едва ли когда-нибудь дозволятъ Портѣ, даже и въ самыхъ тѣсныхъ для нея обстоятельствахъ, открыть свободный входъ въ Черное море сильному христіанскому флоту».

Въ заключеніе,—излагалъ Дашковъ,—въ случаѣ паденія оттоманской имперіи, если Россія не будетъ обладать Константинополемъ, то ей нуженъ вѣрный залогъ, который бы обезпечилъ невредимость южныхъ ея областей, и никто не могъ бы справедливо укорять ее въ какихъ-либо тайныхъ замыслахъ, если бы она тогда потребовала себѣ два каменные уголка на обоихъ берегахъ Босфора, у сѣвернаго его устья, для построенія крѣпостей, способныхъ защищать сей проходъ въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Въ виду этихъ соображеній комитетъ между прочимъ призналъ, что выгоды отъ сохраненія оттоманской имперіи въ Европѣ превысятъ ея невыгоды и что въ случаѣ паденія Турціи

Россіи предстояло всѣми возможными мѣрами не допускать, чтобы проходъ въ Черное море перешелъ въ руки какой-либо сильной державы.

Между тѣмъ 2-го сентября 1829 г. въ Адріанополѣ былъ подписанъ договоръ о мирѣ на основаніяхъ, изложенныхъ выше. Въ немъ не упоминалось о правѣ русскаго военнаго флота на проходъ черезъ проливы, но предоставлено это право всѣмъ торговымъ судамъ Россіи и всѣхъ дружественныхъ державъ. Въ XV ст. договора подтверждена сила всѣхъ предъидущихъ соглашеній, за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя отмѣнены настоящимъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Возстаніе Мегемета-Али и вмѣшательство Россіи въ турецкія дѣла. Заключеніе Ункіаръ-Искелесскаго договора 1833 г.

Возстаніе могущественнаго вассала Турціи, египетскаго паши Мегеметъ-Али, честолюбивые замыслы котораго, поддерживаемые Франціею, состояли не только въ отложеніи отъ власти султана, но и въ низверженіи самого падишаха, побудило императора Николая прибѣгнуть къ своему авторитету для прекращенія распри. Государь,—писалъ [1]) графъ Нессельроде нашему посланнику въ Константинополѣ Бутеневу,—проникся мыслью прекратить междоусобіе на востокѣ; съ этою цѣлью онъ рѣшилъ воспользоваться своимъ нравственнымъ вліяніемъ на египетскаго вице-короля. Генералъ-лейтенанту Муравьеву было поручено обратиться къ нему отъ имени государя съ предложеніемъ примириться съ султаномъ. Бутеневъ долженъ былъ предварить Порту о пріѣздѣ Муравьева съ письмомъ отъ государя на имя султана Махмуда. Въ инструкціи, данной Муравьеву, точно опредѣлены основанія, которыя побудили Николая Павловича принять означенное рѣшеніе. Успѣхи Мегемета-Али,—говорилось въ ней [2]),—повлекутъ гибель султана, паденіе котораго уни-

[1]) 1832. Constantinople. Exp. № 1778, dép. 28 octobre. Exp. № 1784, ép. 1 novembre.

[2]) 1832. Constantinople. Mouravieff. Exp. № 1781, dép. 1 novembre.

чтожило бы всѣ выгоды Адріанопольскаго мира, пріобрѣтенныя Россіею. Государь былъ бы принужденъ взяться вновь за оружіе для защиты своихъ правъ. Торжество Мегемета-Али привело бы къ преобладанію Франціи въ Константинополѣ, гдѣ бы нашли себѣ убѣжище всякіе проходимцы, враждебные Россіи, безъ вѣры и отечества. Кромѣ того, въ лицѣ Мегемета-Али Россія пріобрѣла бы сильнаго сосѣда, упоеннаго побѣдою, вмѣсто сосѣда слабаго и побѣжденнаго, почему въ выгодахъ Россіи предупредить, если возможно, паденіе султана и сохранить Турцію въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась. Муравьевъ долженъ былъ требовать отъ Мегемета-Али прекращенія войны, а султану объяснить, что его порученіе не состояло въ предложеніи ни посредничества, ни помощи, а заключалось въ торжественномъ объявленіи намѣреній императора: государь порицалъ возмущеніе и оставался другомъ султана, будетъ ли его непокорный вассалъ торжествовать или выразитъ свое подчиненіе.

Порученіе, данное Муравьеву, заключалось не въ предложеніи посредничества или помощи. Оно состояло въ торжественномъ провозглашеніи намѣреній государя, который считалъ своимъ долгомъ выразить, независимо отъ успѣховъ паши, свое порицаніе мятежнымъ его дѣйствіямъ и остаться вѣрнымъ въ своемъ дружескомъ расположеніи къ султану.

Увѣдомляя Бутенева о томъ, что адмиралу Грейгу высочайше повелѣно приступить къ вооруженію Черноморскаго флота и быть готовымъ къ отплытію въ Константинополь, графъ Нессельроде писалъ Бутеневу [1]), что объ этомъ повелѣніи ему поручено сдѣлать сообщеніе султану.

9/21-го декабря прибылъ въ Босфоръ на фрегатѣ «Штандартъ» генералъ-лейтенантъ Муравьевъ, который на свиданіи, бывшемъ 11-го декабря, съ сераскиромъ Хозревъ-пашей въ присутствіи Бутенева объяснилъ турецкимъ министрамъ цѣль своей миссіи. Какъ сераскиръ, такъ и рейсъ-ефенди, писалъ Бутеневъ [2]), казались ошеломленными отъ радости и благодарности. Не смотря

[1]) 1832. Constantinople. Exp. № 1864, dép. 24 novembre.
[2]) 1832. Constantinople. Réc. № 1833, dép. 16/28 décembre № 175.

Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ.

на то, что въ Константинополь уже пришло извѣстіе о пораженіи турецкихъ войскъ египетскими подъ Коніей, султанъ на аудіенціи, данной Муравьеву, изъявилъ свою дружбу и благодарность государю за предложеніе его прислать эскадру, но никакого отвѣта на счетъ ея не далъ, наказавъ ему повидаться еще съ рейсъ-ефенди. Нѣсколько дней спустя Бутеневъ узналъ, что Порта отказывалась отъ помощи предложенной императоромъ Николаемъ въ видѣ присылки эскадры [1]), послѣ чего 23-го декабря Муравьевъ отбылъ на фрегатѣ «Штандартъ» въ Александрію для передачи египетскому вице-королю сообщенія отъ имени государя.

Между тѣмъ въ Константинополь пришли вѣсти о наступательномъ движеніи Ибрагима-паши изъ Коніи въ Бруссу; султанъ, испуганный приближеніемъ египетскихъ войскъ къ своей столицѣ, вспомнилъ о предложеніи императора Николая и велѣлъ рейсъ-ефенди просить русскаго посланника о помощи. Султану казалась присылка русской эскадры недостаточной, онъ ходатайствовалъ о выступленіи русскаго корпуса въ 30,000 человѣкъ съ береговъ Дуная для защиты Константинополя [2]). Бутеневъ объяснилъ, что онъ уполномоченъ только на вызовъ эскадры изъ Одессы и что присылка сухопутныхъ войскъ будетъ зависѣть отъ воли государя, и потребовалъ отъ рейсъ-ефенди изложенія ходатайства султана на письмѣ, что и было исполнено того же 21-го января со словъ рейсъ-ефенди секретаремъ Титовымъ.

25-го января Муравьевъ возвратился изъ Александріи, совершивъ порученіе государя къ Мегеметъ-Али, которое увѣнчалось успѣхомъ: египетскій паша обязался пріостановить военныя дѣйствія противъ султана и Ибрагимъ далъ знать Портѣ, что онъ не пойдетъ на Бруссу [3]). Эти извѣстія ободрили турецкихъ министровъ, чѣмъ воспользовались приверженцы Мегемета-Али, которыми руководило французское посольство, чтобы ослабить русское вліяніе и вселить въ совѣтѣ султана опасеніе на счетъ замысловъ Россіи.

---

[1]) 1833. Constantinople. Réc. № 8224, dép. 24 décembre 1832 № 176.
[2]) 1833. Constantinople. Réc. № 8479, dép. 21 janvier 1833 № 13.
[3]) 1833. Constantinople. Réc. № 8546, dép. 26 janvier № 22.

На конференціи, бывшей 27-го января, въ которой участвовали Муравьевъ и Бутеневъ, турецкіе министры выразили Муравьеву благодарность султана за успѣшную его миссію, но изъ нихъ рейсъ-ефенди и нѣкоторые другіе обратились къ Бутеневу съ вопросомъ, не слѣдуетъ ли въ виду того, что опасность со стороны Ибрагима исчезла, отмѣнить призывъ эскадры и выступленіе русскихъ войскъ. Бутеневъ, указавъ, что эти мѣры были приняты по настоянію султана, потребовалъ для ихъ отмѣны письменнаго заявленія ему въ этомъ смыслѣ отъ турецкаго правительства. Но 29-го января прибылъ въ посольство любимецъ султана муширъ Ахметъ-паша для выраженія Муравьеву отъ имени султана его благодарности и для приглашенія его и Бутенева на аудіенцію 30-го января. Ахметъ высказалъ, что султанъ очень тронутъ благородствомъ государя, питаетъ къ нему самую искреннюю дружбу, несмотря на происки Франціи и другихъ державъ. Ахметъ настаивалъ на присылкѣ эскадры. На аудіенціи султанъ очень благосклонно принялъ Муравьева и Бутенева; ни во время ея, ни послѣ нея не было никакого упоминанія объ отмѣнѣ принятыхъ уже Бутеневымъ, по просьбѣ султана, мѣръ къ защитѣ [1]) Константинополя. 8-го февраля прибыла въ Буюкдере русская эскадра изъ 9 судовъ подъ командою контръ-адмирала Лазарева. Явившись въ посольство привѣтствовать командира нашего флота, муширъ Ахметъ-паша выразилъ благодарность султана императору за присланную помощь, но вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ отъ имени своего повелителя просьбу, чтобы эскадра удалилась для стоянки немного сѣвернѣе Константинополя въ Сизополь, откуда она могла явиться при малѣйшей опасности. Ахметъ-паша выставилъ причиною такого распоряженія опасеніе султана за неприкосновенность русской эскадры въ проливахъ вслѣдствіе недружелюбія Франціи и происковъ приверженцевъ Мегемета-Али, могущихъ поднять чернь въ Константинополѣ противъ русскихъ. По обсужденіи этого вопроса съ Муравьевымъ и Лазаревымъ, Бутеневъ принялъ на себя отвѣтственность передъ своимъ правительствомъ за удовлетвореніе этого ходатайства султана, при чемъ было услов-

[1]) 1833. Constantinople. Réc. № 8608, dép. 3/15 février № 24.

лено, что эскадра удалится въ Сизополь, коль скоро поднимется южный вѣтеръ [1]). Французскій посолъ адмиралъ Руссенъ всякими средствами старался вселить въ султанѣ подозрѣніе противъ намѣреній русскаго правительства и удалить русскую эскадру изъ Босфора въ Сизополь, но не успѣлъ, такъ какъ русскія суда не только остались передъ Константинополемъ, но Порта заявила русскому посланнику просьбу о присылкѣ 10,000 человѣкъ десантныхъ войскъ изъ Одессы и о приготовленіи на Дунаѣ корпуса въ 30,000 человѣкъ, въ случаѣ, если бы султанъ былъ принужденъ удалиться въ Адріанополь [2]). 26-го марта прибыли моремъ 5,000 человѣкъ русскихъ войскъ, которые были расквартированы лагеремъ на азіатскомъ берегу противъ Буюкдере въ Ункіаръ-Искелесской долинѣ [3]). Согласно повелѣнію, полученному Бутеневымъ, онъ объявилъ Портѣ, что эскадра и войска останутся въ Босфорѣ, пока Мегеметъ-Али не подпишетъ соглашенія съ султаномъ и не очиститъ Малую Азію, отступивъ за горами Тавромъ.

Постоянныя колебанія въ политикѣ Турціи, зависѣвшія отъ нерѣшительности султана и податливости его совѣтниковъ, чѣмъ пользовались адмиралъ Руссенъ и приверженцы Мегеметъ-Али, ставили русскаго посланника Бутенева въ очень затруднительное положеніе. Ему недоставало настойчивости, онъ по характеру былъ слишкомъ скроменъ [4]), чтобы бороться съ интригами Руссена и его партіи, при чемъ его связывали полученныя изъ министерства инструкціи, которыя не могли предвидѣть всѣ случайности. Почему императоръ Николай рѣшилъ послать въ Константинополь временно, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, генералъ-адъютанта графа Орлова, пользовавшагося особымъ его довѣріемъ и облеченнаго самыми широкими полномочіями, которому онъ предоставилъ распоряжаться эскадрой и войсками и прибѣгать на мѣстѣ ко всякимъ

---

[1]) 1833. Constantinople. Réc. № 8639, dép. 11 février № 34.

[2]) 1833. Constantinople. Réc. № 8980, dép. 20 mars/1 avril № 55.

[3]) 1833. Constantinople. Réc. № 9082, dép. 26 mars.

[4]) 29 апрѣля 1883 г. графъ Орловъ писалъ графу Нессельроде изъ Константинополя: „Mes rapports avec Bouteneff sont comme ceux de deux frères; je ne lui connais qu'un seul défaut, c'est d'être trop modeste“.

рѣшеніямъ, не испрашивая особаго на каждый случай наставленія [1]).

Въ инструкціи [2]), данной Орлову, ему ставилось главною задачей внушить султану и его совѣтникамъ убѣжденіе, что ихъ спасеніе зиждется единственно на помощи, столь благородно оказанной государемъ, и продолжать нашу дѣятельность въ Константинополѣ на пользу и выгоду Россіи въ томъ направленіи, въ какомъ дѣйствовали до того, совершенно независимо и не допуская ни вмѣшательства, ни коллективнаго посредничества, каковая комбинація только повредила бы свободѣ и силѣ нашихъ дѣйствій и затруднила бы впослѣдствіи наши отношенія къ остальнымъ вмѣшавшимся державамъ.

23-го апрѣля графъ Орловъ прибылъ въ Константинополь на корветѣ «Пандераклія». Въ письмѣ отъ 29-го онъ писалъ графу Нессельроде, что, если султанъ и часть его совѣтниковъ убѣждены въ томъ, что мы удалимся, коль скоро Ибрагимъ перейдетъ Тавръ, большинство этому не вѣрило. Графъ Орловъ, по пріѣздѣ, объявилъ, что онъ не привезъ съ собою никакихъ тайныхъ замысловъ, что государь просилъ только дружбы и довѣрія, но, несмотря на эти увѣренія, распространялись самые нелѣпые слухи.

Послѣдовавшія событія показали, насколько политика Турціи была шаткая и колебалась то въ сторону Россіи, то въ сторону ея недруговъ. Престарѣлый сераскиръ Хозревъ-паша умолялъ графа Орлова держаться объявленія, сдѣланнаго имъ Ахмету-пашѣ, что русская эскадра и войска не удалятся до тѣхъ поръ, пока Ибрагимъ не перейдетъ черезъ Тавръ со всѣми своими силами. Сераскиръ просилъ Орлова не уступать ни подъ какимъ предлогомъ отъ сдѣланнаго имъ въ этомъ смыслѣ заявленія [3]). Султанъ на аудіенціи, данной имъ Орлову 27-го апрѣля, высказалъ свое полнѣйшее довѣріе къ дружбѣ государя и желаніе заключить съ нимъ тѣсный союзъ. Передавая эти свѣдѣнія, графъ Орловъ описывалъ султана, какъ человѣка, хотя и одушевленнаго хорошими и благородными чувствами,

---

[1]) 1833. Constantinople. Exp. № 2198, dép. 8 avril.

[2]) 1833. Constantinople. Orloff. Exp. № 2200, instr. 8 avril.

[3]) 1833. Constantinople. Réc. № 9528, dép. $\frac{\text{30 avril}}{\text{12 mai}}$ № 2.

Графъ (князь съ 1856 г.)
Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ.

но лишеннаго силы воли и постоянства [1]). Несмотря на увѣренія султана Махмуда о дружбѣ и о довѣріи къ намѣреніямъ Россіи, нѣкоторые изъ его ближайшихъ совѣтниковъ продолжали интриговать противъ графа Орлова. Присутствіе нашей эскадры въ Константинополѣ ихъ тревожило, и они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы вызвать ея удаленіе. Въ виду этихъ интригъ графъ Орловъ писалъ графу Нессельроде 12-го мая 1833 г., что турокъ нужно ласкать одной рукой, а другой показывать имъ кулакъ.

Когда турецкіе министры ему сообщили, что, по ихъ свѣдѣніямъ, Ибрагимъ отступитъ изъ Кутаи только, когда русскіе уйдутъ изъ Босфора, онъ имъ далъ понять, что, если египтяне не отступятъ за Тавръ, онъ не только не оставитъ Босфора, но вызоветъ войска изъ Одессы. Послѣ такого категорическаго заявленія турки перестали намекать на уходъ эскадры [2]). Душою козней противъ русскихъ былъ французскій посолъ адмиралъ Руссенъ, который добивался отъ Порты пропуска французскихъ судовъ въ Дарданеллы. Однако попытка французскаго военнаго судна «La Mésange» прорваться 2/14-го мая въ проливъ не увѣнчалась успѣхомъ. Судно было встрѣчено пушечными выстрѣлами у входа въ Дарданеллы, адмиралъ Руссенъ протестовалъ, но турецкіе министры, по совѣту графа Орлова, къ которому они обратились, объявили французскому послу, что Порта не допуститъ появленія французской или англійской эскадры въ проливѣ, а графъ Орловъ далъ понять турецкимъ министрамъ, что въ случаѣ такого появленія, на немъ будетъ лежать обязанность защищать столицу султана [3]). Въ частномъ письмѣ отъ 12/24-го мая 1833 г. на имя графа Нессельроде Орловъ писалъ: «Мы успѣли придать нѣсколько храбрости туркамъ: они воспротивились адмиралу Руссену, онъ теперь принужденъ признаться, что онъ не вступитъ въ Дарданеллы; это уже важный результатъ. Я сказалъ Ахмету-пашѣ, когда онъ объяснялся о возможности вступленія французской эскадры: тогда наступитъ конецъ; если Ибрагимъ перейдетъ Тавръ,

---

[1]) 1833. Constantinople. Réc. № 9529, dép. $\frac{30 \text{ avril}}{12 \text{ mai}}$ № 3.

[2]) 1833. Constantinople Réc. № 9638, dép. 12/24 mai № 6.

[3]) 1833. Constantinople. Réc. № 9639, dép. 12/24 mai № 7.

я уйду со всѣми моими пожитками, но если вступятъ иностранцы, то будетъ начало конца».

Какъ писалъ графъ Орловъ 30-го апрѣля, султанъ на первой аудіенціи сообщилъ ему о своемъ желаніи заключить съ императоромъ Николаемъ тѣсный союзъ. Еще ранѣе Бутеневъ доносилъ графу Нессельроде [1]), что Ахметъ-паша ему передалъ довѣрительно мысли султана о союзѣ съ Россіей, которая одна могла и искренно желала его спасти отъ гибели. Въ отвѣтъ на сообщеніе Бутенева объ этомъ довѣрительномъ разговорѣ его съ Ахметомъ-пашей графъ Нессельроде [2]) увѣдомилъ, что, въ виду желанія султана заключить союзный договоръ съ Россіей, графу Орлову отправлена инструкція, въ которой приведены въ проектѣ основанія оборонительнаго договора и полномочіе на его заключеніе. Инструкція изложена въ депешѣ графа Нессельроде Орлову [3]).

Государь, — говорилось въ ней, — согласился на предложеніе султана, такъ какъ этимъ путемъ вполнѣ оправдывалось то участіе, которое мы приняли въ защитѣ султана противъ всякаго нападенія и въ недопущеніи того, чтобы сильный и смѣлый врагъ не замѣнилъ на нашихъ границахъ, сосѣда слабаго и трусливаго. Выгоды такого оборонительнаго договора представлялись намъ въ слѣдующемъ: 1) онъ удостовѣрялъ Мегемета-Али въ томъ, что Турція рѣшилась положиться на защиту Россіи, которая, съ своей стороны, согласилась ее предоставить Турціи. Посредствомъ его египетскій паша удерживался отъ завоеваній въ Европѣ, продолжалось въ европейской Турціи на нѣкоторое время состояніе мира и политической немощи, которые наиболѣе согласовались съ интересами Россіи. 2) Начало сохраненія оттоманской имперіи, которое положено въ основаніе союзнаго договора, успокоитъ западныя державы относительно дѣйствительныхъ намѣреній Россіи. 3) Во время усложненій, переживаемыхъ Портою, договоръ навсегда прекратитъ ея колебанія насчетъ союзника, такъ какъ въ такія минуты она обратится къ Россіи, а не къ Франціи, а мы же будемъ въ правѣ держать свои

[1]) 1833. Conspantinople. Réc. № 9296, dép. 13/25 avril № 70.
[2]) 1833. Constatinople. Exp. № 2267, dép. 8 mai.
[3]) 1833. VII. Constantinople. Exp. № 2258, dép. 8 mai.

войска въ Турціи, приспособляя свои силы или къ защитѣ ея существованія, или къ участію въ ея разложеніи, если таковое случится.

По примѣру договора, заключеннаго Портою 23-го декабря 1798 г., который служилъ образцомъ, новый договоръ былъ только оборонительнымъ; понятіе о взаимной гарантіи владѣній, о которой упоминалось въ первомъ, исключено изъ второго, такъ какъ государь не желалъ ручаться за неприкосновенность такихъ владѣній султана, какъ, напримѣръ, въ Африкѣ, которыя онъ не былъ въ состояніи защищать.

Относительно секретной статьи говорилось въ депешѣ, что было бы выгоднымъ воспользоваться существовавшими отношеніями съ Портой, чтобы ее связать формальнымъ обязательствомъ, обезпечивающимъ спокойствіе и неприкосновенность нашихъ южныхъ областей. Подобное обезпеченіе являлось бы единственнымъ способомъ, которымъ бы располагалъ султанъ для возмѣщенія намъ тѣхъ услугъ, которыя онъ ожидалъ отъ Россіи. Это обязательство не налагало бы на Порту никакой новой тяготы, такъ какъ, при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, она, по чувству самоохраненія, сама была заинтересована въ томъ, чтобы входъ въ Дарданеллы былъ воспрещенъ иностраннымъ военнымъ судамъ, и это начало признано въ дѣйствительности и освящено обычаемъ всѣхъ временъ. Это обязательство включено въ секретное условіе съ тою цѣлью, чтобы не поставить Турцію въ неблагопріятное положеніе передъ другими державами и не возбуждать нареканій противъ нея. Государь придавалъ большое значеніе этому условію, такъ какъ онъ его внушилъ изъ чувства справедливой предусмотрительности.

Получивъ этотъ проектъ договора [1]), графъ Орловъ ожидалъ, чтобы совѣтники султана первые о немъ заговорили, такъ какъ предложеніе союза исходило отъ Порты. Хотя султанъ и Ахметъ-паша были расположены къ этому шагу, но министры о немъ не имѣли понятія и графъ Орловъ ихъ наводилъ на мысль о необходимости заключенія союзнаго договора. Внезапное появле-

---

[1]) 1833. VI. Constantinople. Orloff. Réc. № 9814, dép. $\frac{25 \text{ mai}}{19 \text{ juin}}$ № 16.

ніе англійской эскадры у острова Тенедоса и опасенія того, чтобы она не приблизилась въ Константинополю [1]), заставили министровъ послѣдовать внушеніямъ графа Орлова. Они предложили ему собраться на конференцію для обсужденія проекта оборонительнаго договора. Первое собраніе состоялось 14/26-го іюня на дачѣ сераскира Хозрева-паши; министры не предъявляли никакихъ возраженій противъ содержанія проекта, составленнаго русскимъ правительствомъ. На слѣдующемъ засѣданіи конференціи 26-го іюня (8-го іюля) договоръ былъ подписанъ; при обсужденіи секретной статьи турецкіе министры предложили закрытіе Дарданеллъ всякому иностранному военному судну, которое бы пыталось войти въ проливъ съ намѣреніемъ враждебнымъ противъ обѣихъ договаривающихся сторонъ (avec des intentions hostiles contre les deux parties contractantes). Относительно этого предложенія графъ Орловъ писалъ [2]), что ему не было трудно доказать на приличіе этого условія, такъ какъ оно бы уничтожило единственную выгоду, которую Порта могла по взаимности предоставить Россіи. Султанъ высказался за принятіе секретной статьи въ той редакціи, въ которой она была изложена русскимъ министерствомъ.

Между тѣмъ, въ виду того, что Ибрагимъ-паша удалился изъ Малой Азіи и состоялось соглашеніе между султаномъ и пашой, наступилъ обусловленный срокъ для удаленія русской эскадры и войскъ изъ Константинополя. Послѣ отпраздновонія самымъ торжественнымъ образомъ дня рожденія государя 25-го іюня церковною службою, иллюминаціей и фейерверкомъ, русскія войска отплыли 28-го іюня. На прощальной аудіенціи того же числа султанъ передалъ графу Орлову собственноручное письмо на имя императора Николая [3]), въ которомъ онъ выражалъ надежду, что никакое постороннее вліяніе не нарушитъ согласія между ними, а въ случаѣ возникновенія какого-либо недоразумѣнія онъ просилъ обратиться прямо къ нему. «Да благословленъ будетъ провидѣніемъ союзъ, только что заклю-

---

[1]) 1833. VI. Constantinsple. Orloff. Rés № 10061, dépêche $\frac{19 \text{ juin}}{1 \text{ juillet}}$ № 33.

[2]) 1833. VI. Constantinople. Réc. № 10152, dép. $\frac{29 \text{ juin}}{11 \text{ juillet}}$ № 37.

[3]) 1833, VI. Constantinople. Orloff. Réc. №№ 10151, 10155, 10157, dép. 29 juin №№ 36, 40, 42.

ченный»,—говорилось въ письмѣ. Письмо заключалось заявленіемъ, что для передачи чувствъ благодарности и пожеланій султанъ отправляетъ къ государю своего ближайшаго совѣтника Ахмеда-Февзи-пашу [1]),

Договоръ 26-го іюня 1833 г. содержитъ шесть явныхъ и одну секретную статью. Въ первыхъ провозглашаются миръ, дружба и союзъ между обѣими державами. «Поелику этотъ союзъ имѣетъ единственною цѣлью взаимную защиту обоихъ государствъ противъ всякаго покушенія, то императоръ Николай и султанъ обѣщали согласоваться откровенно касательно всѣхъ предметовъ, которые относились до ихъ обоюднаго спокойствія и безопасности; и на сей конецъ подавать взаимно существенную помощь и самое дѣйствительное подкрѣпленіе (ст. 1). Согласно правиламъ охраненія и взаимной защиты, которыя служатъ основаніемъ настоящему союзному договору, и вслѣдствіе искреннѣйшаго желанія обезпечить существованіе, сохраненіе и полную независимость блистательной Порты, императоръ всероссійскій, въ случаѣ, если бы представились обстоятельства, могущія снова побудить Порту требовать отъ Россіи воинской и морской помощи, обѣщаетъ снабдить сухимъ путемъ и моремъ такимъ количествомъ войскъ и силъ, какое обѣ стороны признаютъ нужнымъ. А потому постановлено, что въ таковомъ случаѣ сухопутныя и морскія силы, которыхъ Порта потребуетъ для своей защиты, будутъ готовы въ ея распоряженіе (ст. 3)». Договоръ заключенъ на восемь лѣтъ, считая со дня размѣна ратификаціи (ст. 5).

Въ секретной статьѣ постановлено, что «поелику императоръ всероссійскій, желая освободить Порту отъ тягости и неудобствъ, которыя произошли бы для нея отъ доставленія существенной помощи въ случаѣ, если бы обстоятельства поставили Порту въ обязанность подавать оную, то Порта, взамѣнъ помощи, которую она въ случаѣ нужды обязана подавать по силѣ правилъ взаимности договора, должна будетъ ограничить дѣйствія свои въ пользу россійскаго двора закрытіемъ Дарданельскаго пролива, т.-е. не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ оный подъ какимъ бы то ни было предлогомъ».

---

[1]) 1833. Turquie. Sultan. Réc. № 10157.

Эта секретная статья, мысль которой принадлежала самому императору, обязывала Порту закрывать Дарданеллы, когда безопасности русскихъ владѣній на Черномъ морѣ угрожало бы вторженіе непріятельскаго флота въ проливы, т.-е. въ случаѣ войны Россіи съ западными державами. Закрытіе Дарданеллъ предполагало проходъ изъ Чернаго моря открытымъ для военныхъ судовъ Россіи, какъ союзницы Турціи. Условія означенной секретной статьи въ этомъ составляютъ отличіе отъ XI статьи англо-турецкаго договора 1809 г., въ силу которой были признаны закрытыми, даже въ мирное время, проливы какъ Дарданельскій, такъ и Чернаго моря, для судовъ какой бы то ни было державы. Англо-турецкій договоръ, несмотря на то, что Россія въ немъ не участвовала, представлялъ самъ по себѣ для нея то преимущество, что въ случаѣ войны между Россіей и Великобританіей, въ которой бы Турція не принимала участія, англійскія суда не могли бы произвести набѣга на южныя владѣнія Россіи. Но это преимущество ослаблялось тѣмъ неудобствомъ, что при тѣхъ же условіяхъ русскія суда не имѣли бы возможности, въ виду закрытія Босфора, пройти изъ Чернаго въ Средиземное море для нападенія на англійскій флотъ. Ункіаръ-Искелесскій договоръ уничтожалъ это неудобство при войнѣ Россіи съ Англіей, такъ какъ, въ силу его секретной статьи, Турція обязана была оказать помощь Россіи, въ случаѣ ея требованія, закрытіемъ Дарданеллъ для англійскаго флота со стороны Средиземнаго моря, русскій же флотъ могъ бы, при толкованіи общаго смысла сего договора, свободно пройти изъ Чернаго моря, черезъ оба пролива, въ Средиземное и произвести нападеніе на англійскій флотъ.

Несмотря на всю выгоду, которую, казалось бы, Россія извлекала изъ секретной статьи Ункіаръ-Искелесскаго договора, эта выгода ослаблялась вслѣдствіе неопредѣленности его постановленій. Прототипомъ его послужилъ договоръ, заключенный съ Турціей въ 1798 г., по 9 ст. котораго Черное море было объявлено закрытымъ для военныхъ судовъ другихъ державъ, кромѣ Турціи и Россіи. При возобновленіи означеннаго договора въ 1805 году, это начало было повторено въ ст. VII новаго соглашенія, при чемъ въ ней выговорено для русскихъ военныхъ судовъ право свободнаго прохода черезъ Босфоръ изъ

Чернаго въ Средиземное море во всѣхъ случаяхъ (dans chaque occasion). При заключеніи послѣдовавшихъ договоровъ между Россіей и оттоманской имперіей, обѣ стороны предпосылали статью, въ которой объявлялось, что всѣ предъидущія соглашенія, какого бы то ни было рода, оставались въ силѣ въ частяхъ, прямо не отмѣненныхъ. Такая статья предпослана тексту самаго Ункіаръ-Искелесскаго договора, изъ чего слѣдуетъ, что постановленіе 1805 года, имѣвшее предметомъ, между прочимъ, право свободнаго черезъ Константинопольскій проливъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, оставалось въ силѣ. Это положеніе должно быть признано правильнымъ какъ вслѣдствіе выводовъ изъ смысла Ункіаръ-Искелесскаго соглашенія, такъ и изъ статьи VII договора 11/23-го сентября 1805 года.

Новое соглашеніе съ Турціею прямо не разрѣшало и другого вопроса, а именно, о правѣ прохода русскихъ военныхъ судовъ изъ Средиземнаго моря черезъ проливы въ Черное. Такое право было признано тою же VII ст. договора 1805 года для нашихъ судовъ Черноморскаго флота и вытекало изъ того обстоятельства, что, разъ эти суда были пропущены въ Средиземное, возвращеніе ихъ обратно въ Черное должно было быть имъ разрѣшено. Пропускъ черезъ проливы нашихъ судовъ балтійской эскадры изъ Средиземнаго въ Черное море могъ быть допущенъ единственно въ силу VII ст. договора 1805 г., которая обязывала Порту оказывать всякое содѣйствіе нашимъ судамъ при проходѣ черезъ проливы.

Заключеніе Ункіаръ-Искелесскаго договора вызвало большую тревогу въ правительствахъ западныхъ державъ и ихъ представителей въ Константинополѣ. Ими руководили опасенія, возникавшія изъ того громаднаго вліянія, которое, какъ они полагали, пріобрѣтетъ Россія на дѣла оттоманской имперіи въ силу условій договора, имъ еще въ точности неизвѣстныхъ.

Первый протестъ морскихъ державъ противъ него выразился прибытіемъ англо-французской эскадры къ острову Тенедосъ. Въ виду такой угрозы турецкіе министры пришли въ смущеніе и обратились къ Бутеневу за совѣтомъ. Графъ Орловъ получилъ уже въ Одессѣ письмо посланника съ просьбой снабдить его указаніемъ, какъ поступить.

Въ отвѣтъ графъ Орловъ сообщилъ Бутеневу [1]), что ему слѣдовало проявить открытую твердость и благоразумную умѣренность въ своихъ объясненіяхъ съ турецкими министрами и посланниками морскихъ державъ. Онъ совѣтовалъ Бутеневу убѣдить турокъ, чтобы они не тревожились, въ особенности не сбивались съ пути и не уступали глупымъ угрозамъ, такъ какъ они могли потерять друзей, которыхъ болѣе они не найдутъ. Въ виду того, что турецкіе министры вняли совѣтамъ Бутенева и не поддались страху, англо-французская эскадра скоро снялась съ якоря и удалилась, не рѣшившись пробиться черезъ проливы въ Черное море. Когда наша балтійская эскадра, находившаяся въ греческихъ водахъ подъ командою вице-адмирала Рикорда, была пропущена султаномъ черезъ проливы въ Черное, то лордъ Пальмерстонъ замѣтилъ турецкому посланнику въ Лондонѣ Мавроени, что, въ виду пропуска военныхъ судовъ Россіи черезъ Дарданеллы, англійскія могутъ быть также пропущены въ силу договора 1809 г.[2]). Это замѣчаніе показываетъ не столько ревность, съ которою Англія оберегала свои права, сколько упадокъ власти султана надъ проливами, сильно расшатанной договоромъ 1809 г и подвергавшейся всякимъ случайностямъ. Въ томъ же 1833 г. прибылъ въ Константинополь американскій фрегатъ «The United States», капитанъ котораго коммодоръ Петтерсонъ обратился въ Порту съ просьбой разрѣшить его судну проходъ въ Черное море, рейсъ-эфенди обратился за совѣтомъ къ Бутеневу, который полагалъ отклонить означенное ходатайство въ виду того, что разрѣшеніе дало бы поводъ командирамъ другихъ державъ просить о томъ же [3]).

---

[1]) 1833. Constantinople. Réc. № 10318, dép. d'Orloff 17 juillet № 44.

[2]) 1833. III. Constantinople. Bouteneff. Réc. № 10663, dép. $\frac{\text{24 aout}}{\text{5 septembre}}$ № 115, 10/12 septembre № 128.

[3]) 1833. III. Constantinople. Bouteneff. Réc. № 11318, dép. $\frac{\text{25 novembre}}{\text{7 décembre}}$ № 182.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Выгодно ли было Россіи начало сохраненія оттоманской имперіи? Записка графа Кочубея (1802 г.).

Сближеніе Россіи съ Турціею путемъ союза совершалось уже не въ первый. Въ 1798 и въ 1807 г. были заключены договоры о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ, но, какъ замѣтилъ тайный совѣтникъ Дашковъ въ своей запискѣ, представленной въ комитетъ по восточному вопросу 4-го сентября 1829 года, «этотъ союзъ, по наружности самый дружественный и тѣсный, не могъ побороть народнаго чувства: ненависть и недовѣріе къ намъ турокъ не прекратились, а наша дружба къ нимъ была только искусственною и притворною». Чувство недовѣрія съ одной стороны, презрѣнія съ другой—не исчезли при заключеніи союза 1833 года и послѣ его заключенія Императоромъ Николаемъ руководила мысль о необходимости сохранить оттоманскую имперію въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась въ Европѣ, и не дать ей распасться изъ боязни, чтобы, взамѣнъ слабаго и колеблющагося султана, не воцарился рѣшительный и властолюбивый государь въ родѣ Мегемета-Али, а въ случаѣ неминуемаго распаденія быть на мѣстѣ съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы не уступить Константинополя и проливовъ какой-либо другой державѣ, враждебной Россіи.

Хотя императоръ Николай увѣрялъ султана въ томъ, что онъ помогалъ ему противъ Мегеметъ-Али изъ чувства дружбы и сознанія его правоты въ борьбѣ законнаго государя съ мятежникомъ, но султанъ и его совѣтники не могли не постигнуть, что за благородствомъ намѣреній русскаго императора скрывалась боязнь потерять плоды Адріанопольскаго мира, въ случаѣ побѣды египтянъ надъ турками, и вызвать новую войну, уже всеобщую. Выраженія дружескихъ чувствъ обоихъ государей были, очевидно, притворны и не согласовались съ историческимъ ходомъ развитія и политики обоихъ государствъ.

Послѣ Екатерины II политика наша въ отношеніи Турціи не была національной, она противорѣчила вѣрованіямъ и

преданіямъ русскаго народа и была направлена противъ его идеаловъ и воззрѣній. Екатерина, пользуясь замѣшательствами въ западныхъ государствахъ Европы, неуклонно, всѣми средствами добивалась разложенія оттоманской имперіи. Она подняла единовѣрныя съ русскимъ народомъ и родственныя ему племена востока противъ турецкаго ига, ихъ сплотила и вызвала къ жизни, пріучая ихъ смотрѣть на Россію, какъ на ихъ спасительницу и защитницу. Она своими постоянными побѣдами надъ турецкими войсками привела оттоманскую имперію до такого состоянія упадка, изъ котораго она не возстала, и на ея развалинахъ основала преобладаніе Россіи на Черномъ морѣ путемъ покоренія Таврическаго полуострова. Преемники Екатерины не сумѣли завершить начатое ею дѣло, ихъ политика въ отношеніи Турціи всецѣло измѣнилась. Императоръ Павелъ сдѣлался союзникомъ, защитникомъ и другомъ султана. Уже съ 1801 г. въ инструкціи, данной Александромъ I графу Разумовскому 10/22-го сентября 1801 г [1]), онъ заявилъ, что однимъ изъ основныхъ началъ его политической системы будетъ принятіе постоянныхъ мѣръ къ сохраненію оттоманской имперіи, слабость и внутренніе безпорядки которой служатъ драгоцѣннымъ обезпеченіемъ безопасности для Россіи съ ея стороны.

Эта мысль выражена еще опредѣленнѣе въ запискѣ, поданной въ 1802 г. [2]) графомъ Кочубеемъ императору Александру по поводу слуховъ о покушеніи Бонапарта на Турцію. Кочубей спрашивалъ: «что въ такомъ случаѣ Россія дѣлать должна?» и отвѣчалъ: «поведеніе ея не можетъ быть иное, какъ или приступить къ подѣлу Турціи съ Франціей и Австріей, или стараться отвратить столь вредное положеніе вещей. Сомнѣнія нѣтъ, чтобы послѣднее не было предпочтительнѣе, ибо независимо отъ того, что Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи, нѣтъ сосѣдей покойнѣе турокъ и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть коренныъ правиломъ нашей политики».

«Графъ Кочубей справедливо вооружался, замѣчаетъ

---

[1]) 1801, I, Vienne. Resrits. Rasoumovsky. № 49, projet d'instruction 10 septembre.

[2]) 1802. Ministère, № 2.

историкъ Соловьевъ [1]), противъ плана о раздѣлѣ Турціи, такъ какъ Россія въ пространствѣ своемъ не имѣетъ уже нужды въ расширеніи. Но напрасно онъ такъ безусловно принимаетъ положеніе Монтескье, что для государства нѣтъ ничего выгоднѣе слабыхъ сосѣдей. Слабое государство всегда служитъ поводомъ къ столкновенію и борьбѣ между сильнымъ, ибо слабое государство подчиняется вліянію каждаго сильнаго и ни одно государство не можетъ позволить другому усиливать свое вліяніе надъ слабымъ, брать его въ опеку, дѣлать исключительно своимъ орудіемъ. Если сами турки покойны, то обязанность охранять ихъ развѣ не влекла къ сильнымъ безпокойствамъ? Развѣ война для сохраненія Турціи не была не менѣе опасной, чѣмъ война съ самими турками?»

Если припомнить всѣ колебанія султана и его ближайшихъ совѣтниковъ въ ихъ отношеніяхъ къ намъ съ 1805 г., сближеніе ихъ то съ французами, то съ англичанами противъ насъ, расположеніе султана Махмуда въ 1833 г. къ союзу съ нами, сопротивленіе ему со стороны большей части его министровъ подъ вліяніемъ французскаго посла, постоянное измѣненіе рѣшеній Порты, то въ угоду намъ, то въ нашъ ущербъ, смотря по тому, какая сторона успѣвала взять верхъ надъ противною, прекращеніе этихъ колебаній только по пріѣздѣ облеченнаго особою властью графа Орлова, сумѣвшаго понудить султана къ заключенію союзнаго договора, одна изъ главныхъ выгодъ котораго указывалась именно въ томъ, что разъ навсегда ставилась преграда нерѣшительности Порты въ выборѣ ея союзниковъ и, султанъ могъ, въ случаѣ усложненій, обратиться къ единственному своему союзнику русскому императору, обязавшемуся печись о его защитѣ и сохраненіи его власти, если,—говоримъ мы,—припомнить всѣ эти обстоятельства, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Соловьева о невѣрности того положенія, что турки, по своей слабости и покойности, являются для Россіи самыми выгодными сосѣдами.

Несмотря на спорность этого положенія, начало сохраненія оттоманской имперіи легло въ основаніе всей нашей политики на востокѣ и не только соблюдалось нами въ ущербъ русскихъ національныхъ и религіозныхъ интере-

---

[1]) Соловьевъ, собраніе сочиненій, стр. 910.

совъ, но къ этому началу пріобщены нами, путемъ заключенія особыхъ международныхъ актовъ, и другія державы, сперва Австрія, а затѣмъ Великобританія и Франція.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Россія призываетъ къ совмѣстному съ нею охраненію оттоманской имперіи западныя державы. Исключительное покровительство Россіи надъ оттоманскою имперіею переходитъ въ совмѣстное съ Россіею покровительство западныхъ державъ.

I.

Мюнхенгрецкое соглашеніе 6/18-го сентября 1833 г.

6/18-го сентября 1833 г. въ Мюнхенгрецѣ подписана графомъ Нессельроде и княземъ Меттернихомъ конвенція о поддержаніи существованія оттоманской имперіи и о согласныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Австріи въ случаѣ ея паденія.

Къ этой конвенціи были приложены двѣ секретныя статьи: въ первой говорилось, что принятыя сторонами обязательства относительно Турціи будутъ прежде всего примѣнены къ египетскому пашѣ, чтобы воспрепятствовать ему распространить его власть прямо или косвенно на европейскія области оттоманской имперіи.

Вторая же статья постановляла, что, если бы, невзирая на общія желанія и усилія обоихъ кабинетовъ, существующій порядокъ Турціи былъ ниспровергнутъ, Россія и Австрія будутъ держаться полнаго согласія и солидарности во всемъ, что касается учрежденія новаго порядка дѣлъ, имѣющаго замѣнить существующій въ настоящее время, и сообща будутъ имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы измѣненія, совершившіяся во внутреннемъ строѣ этой имперіи, не могли нанести ущерба ни безопасности ихъ собственныхъ владѣній, ни правамъ, обезпеченнымъ за ними трактатами, ни европейскому равновѣсію.

Насколько первый пунктъ секретныхъ статей соглашенія точно выражалъ волю сторонъ относительно недопу-

щенія, ни подъ какимъ видомъ, распространенія власти египетскаго паши на берега Босфора, настолько второй пунктъ поражалъ своею неясностью. Въ немъ предвидѣлся случай распаденія оттоманской имперіи, а такъ какъ взгляды Австріи и Россіи на вопросъ о преемствѣ власти султана были совершенно различны, то стороны, не желая предрѣшать этого вопроса и опасаясь возбуждать споръ, который могъ помѣшать соглашенію, ограничились общими словами о согласіи и солидарности во всемъ, что касалось учрежденія новаго строя, взамѣнъ существовавшаго.

II.

Первая Лондонская конвенція 3/15-го іюля 1840 г.

Какъ было выше замѣчено, заявленія обоихъ правителей Россіи и Турціи о чувствахъ дружбы и довѣрія, питаемыхъ другъ къ другу, послужившія основаніемъ къ заключенію Ункіаръ-Искелесскаго соглашенія, были притворными; исполненіе договора, основаннаго на нихъ, въ виду ихъ несоотвѣтствія историческому ходу развитія обоихъ государствъ, претило обѣимъ сторонамъ.

Султанъ Махмудъ, только подъ вліяніемъ страха передъ Мегеметомъ-Али и ненависти къ нему, рѣшился въ 1833 г. призвать русскихъ въ Босфоръ. Если онъ заключилъ съ ними союзъ, то въ надеждѣ на то, что съ ихъ помощью онъ со временемъ отниметъ у Мегемета-Али захваченныя имъ области и смиритъ непокорнаго вассала. Между тѣмъ, султану пришлось скоро удостовѣриться, что Россія вовсе не была намѣрена помогать его воинственнымъ замысламъ противъ египетскаго паши: напротивъ, ея посланникъ постоянно твердилъ турецкимъ министрамъ быть умѣренными и благоразумными въ отношеніи Мегемета-Али. Этимъ намѣреніемъ русскаго правительства не могли не воспользоваться представители Англіи и Франціи въ Константинополѣ, чтобы дѣйствовать противъ Россіи.

Императоръ Николай, который принялъ на себя роль охранителя неприкосновенности оттоманскаго господства въ Европѣ, изъ самолюбія только не уклонялся отъ исполненія силою оружія принятаго имъ на себя обязательства, но не отвергалъ того, насколько это обязательство было тягостно

для Россіи и исполненіе его грозило войною противъ нея самой.

Такимъ образомъ султанъ Махмудъ, при возникновеніи новой распри между нимъ и Мегеметомъ-Али, обрѣталъ въ лицѣ императора Николая союзника, хотя строго рѣшившагося исполнить то, что обѣщалъ, но съ тревогою ожидавшаго наступленія условія, предусмотрѣннаго договоромъ. Возобновленными въ 1839 г. султаномъ военными дѣйствіями противъ Мегемета-Али и поколебленнымъ довѣріемъ обоихъ союзниковъ другъ къ другу воспользовались западныя державы, чтобы возбудить вопросъ о коллективномъ вмѣшательствѣ въ дѣла востока. По предложенію Франціи и Англіи должно было быть созвано въ Вѣнѣ совѣщаніе по этимъ дѣламъ съ цѣлью отправить въ Дарданеллы эскадры морскихъ державъ и установить общее ручательство за цѣлость и независимость Турціи.

Русское правительство не могло согласиться на предложенный созывъ общаго совѣщанія, цѣли котораго противорѣчили его видамъ. Оно поэтому выражало князю Меттерниху надежду на то, что онъ съ своей стороны отклонитъ предложеніе Англіи и Франціи и будетъ строго держаться постановленій Мюнхенгрецкаго соглашенія. Князь Меттернихъ, увѣряя въ своей преданности къ союзу съ Россіей, не былъ чуждъ мысли ограничить преобладающее вліяніе на Турцію, пріобрѣтенное императоромъ Николаемъ по Ункіаръ-Искелесскому договору; затѣмъ князю Меттерниху лестно было созвать въ Вѣнѣ совѣщаніе представителей европейскихъ державъ, среди которыхъ онъ бы занималъ первенствующее мѣсто. При такихъ обстоятельствахъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ Струве получилъ отъ графа Нессельроде въ руководство своей дѣятельности инструкцію, только что преподанную министерствомъ посланнику въ Константинополѣ Бутеневу [1]).

На основаніи этой инструкціи русская политика въ отношеніи Турціи опредѣлялась въ слѣдующемъ: «сегодня, какъ тогда (въ 1833 г.) государь твердо рѣшился: 1) воспользоваться всѣми зависѣвшими отъ него средствами, чтобы вліяніемъ и дѣйствіемъ поддерживать существованіе оттоманской имперіи подъ нынѣ царствующею династіею; 2) противодѣй-

[1]) 1839. Vienne. Exp. № 1815 a; Struve, dép. 4 juillet

ствовать всякому плану, который бы клонился къ нарушенію независимости власти султана; 3) не признавать порядка вещей, который могъ бы посягнуть на настоящее существованіе оттоманской имперіи, и, наконецъ, 4) согласиться съ Австріею насчетъ наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ, принятыхъ сообща обоими императорскими дворами, съ цѣлью предупредить опасности отъ измѣненія въ строѣ оттоманской имперіи, каковое измѣненіе вредно отразилось бы на спокойствіе и интересы ихъ собственныхъ владѣній, пограничныхъ съ Турціей».

Въ поясненіе этой инструкціи графъ Нессельроде писалъ Струве[1]), что корень вопроса находился въ томъ, чтобы помѣшать Ибрагиму-пашѣ идти на Константинополь и тѣмъ не вынуждать государя къ посылкѣ во второй разъ эскадры въ Босфоръ для спасенія престола султана. Поэтому графъ Нессельроде предложилъ дворамъ Европы поставить преграду движеніямъ Мегемета-Али. Если бы это предложеніе было принято въ Лондонѣ и поддержано, какъ слѣдуетъ, въ Александріи, то намъ нечего было бы бояться за безопасность Константинополя, нечего было бы намъ посылать эскадру и войска въ Босфоръ и мы бы избѣжали европейскаго столкновенія. Этотъ вопросъ находилъ свое разрѣшеніе для мирнаго окончанія въ Александріи, а не въ Константинополѣ.

«Въ дѣлахъ,—продолжалъ Нессельроде,—надо знать съ кѣмъ говорить. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ египетскимъ пашой, слѣдовательно посылать союзную эскадру должно только передъ Александріею. Посылая ее въ Мраморное море, поведутъ разговоръ съ Портою, и я боюсь, чтобы съ нею не поговорили въ послѣдній разъ, такъ какъ она не въ силахъ устоять подъ выстрѣлами передъ самимъ сералемъ». Графъ Нессельроде предостерегалъ Струве, чтобы онъ отнюдь не допускалъ возможности назначенія союзнымъ эскадрамъ сборнаго пункта (rendez-vous) въ Мраморномъ морѣ, такъ какъ ихъ прибытіе туда было бы направлено не противъ Египта, а противъ Россіи.

Графъ Нессельроде не поддавался предложенію князя Меттерниха подвергнуть восточный вопросъ обсужденію совѣщанія представителей державъ, созваннаго въ Вѣнѣ.

---

[1]) 1839. IV. Vienne. Exp. № 1815 c. Lettre à Struve 4 juillet.

Смерть, постигшая султана Махмуда, еще болѣе укрѣпила русскаго министра въ мысли уклониться отъ этого совѣщанія. Онъ писалъ Струве [1]), что, въ виду смерти султана, Порта должна самостоятельно, безъ содѣйствія державъ, согласиться съ Мегеметомъ Али насчетъ окончанія распри и что созывъ конференціи являлся совершенно излишнимъ, такъ какъ обсуждать на ней то, что могло бы случиться, не имѣло практическаго значенія, а согласовать претензіи или взаимное недовѣріе державъ прямо невозможно. Совѣщаніе могло бы принести пользу только, если бы оно состоялось между представителями государствъ, проникнутыхъ одинаковыми стремленіями и имѣвшихъ общіе интересы, каковы Россія и Австрія, заключившія Мюнхенгрецкую конвенцію. Онѣ имѣли единственною цѣлью сохраненіе оттоманской имперіи для спокойствія своихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ нею. Морскія державы руководствовались совсѣмъ иными выгодами и началами, питали къ намъ чувства недовѣрія и зависти, которыя не позволили бы имъ слѣдовать по одному пути съ нами. Онѣ вовсе не заинтересованы въ сохраненіи оттоманской имперіи въ видѣ залога для безопасности Россіи. Напротивъ, онѣ стремились установить на востокѣ порядокъ вещей, противный, а если возможно, то враждебный Россіи, другими словами. онѣ не желали оберегать наше спокойствіе, но имѣли бы въ виду опутать наше могущество. Онѣ завидовали тому, что мы были призваны защищать безобидное существованіе Порты (l'existence inoffensive), сдѣлавшейся нашей союзницей и другомъ. Онѣ бы предпочли видѣть въ Турціи сопредѣльное съ нами государство, всецѣло освобожденное отъ нашего вліянія и находившееся подъ европейской гарантіей, къ которой насъ бы пригласили примкнуть.

Графъ Нессельроде усматривалъ для насъ два послѣдствія такой комбинаціи:

1) Турція, увлеченная обѣщаніями морскихъ державъ, мало-по-малу удалилась бы отъ насъ, забывая услуги наши, ей оказанныя, и обязательства, принятыя ею на себя въ пользу насъ. Она вновь поддалась бы чувству недовѣрія къ намъ, которое постепенно привело ее въ теченіе вѣка къ упадку и которое намъ удалось только въ ближайшее

---

[1]) 1839. IV. Vienne. Exp. № 1850, dép. 18 juillet.

время изгнать изъ нашихъ взаимныхъ сношеній. Западнымъ державамъ совершенно безразлично, идетъ ли Турція къ своей гибели, лишь бы она перестала быть нашей союзницей, не держала Дарданельскій проходъ закрытымъ въ пользу нашей безопасности и, однимъ словомъ, не препятствовала бы вражеской эскадрѣ проникнуть къ намъ и намъ нанести оскорбленіе. Въ этомъ заключалась главная цѣль всѣхъ усилій Англіи и Франціи.

2) Другимъ послѣдствіемъ такой гарантіи было бы совершенное измѣненіе сущности нашихъ отношеній къ Портѣ. Мы подписали съ нею договоры, которыми обезпечивали самые дорогіе интересы русской имперіи. Порта соблюдала эти договоры, сознавая, что нарушеніе ихъ ею не прошло бы для нея безнаказаннымъ. Требовать отъ Россіи дарованія Турціи гарантіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали западныя державы, значило требовать отъ насъ невозможнаго и неразумнаго, такъ какъ мы бы обязывались обезпечить турокъ отъ насъ самихъ, уничтожить своими собственными руками наши договоры, начиная съ Кучукъ-Кайнарджійскаго и кончая Адріанопольскимъ. Мы отлично постигли заднія мысли англичанъ и французовъ. Они думали насъ связать обязательствами, которыя, подъ видомъ пользы Турціи, направлены въ дѣйствительности противъ насъ. При подобныхъ условіяхъ мы не могли участвовать въ конференціи, ни даже примкнуть къ обсужденію въ совѣщаніи, которое всегда бы обратилось въ нашу невыгоду. Наконецъ, разрѣшать вопросъ о турецкихъ дѣлахъ безъ участія самой Турціи значило, по мнѣнію графа Нессельроде, умышленно подкапываться подъ расшатанное зданіе этого государства.

Въ то время, какъ графъ Нессельроде излагалъ повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ Струве свои соображенія о безполезности совѣщанія, предложеннаго княземъ Меттернихомъ, представители державъ въ Константинополѣ успѣли убѣдить Порту прервать непосредственные переговоры съ Мегеметомъ-Али, вслѣдствіе которыхъ она уступала ему въ потомственное владѣніе всѣ области, находившіяся въ его власти, и предложили Портѣ свои добрыя услуги для заключенія окончательнаго соглашенія ея съ египетскимъ вице-королемъ. Изъ этого предложенія вытекало для державъ нравственное обязательство передъ Портою выгово-

рить въ пользу нея болѣе выгодныя условія примиренія, чѣмъ тѣ, которыя она надѣялась получить отъ Мегемета-Али одна, безъ содѣйствія другихъ; но такъ какъ онъ уступилъ бы только силѣ, то для поддержанія своихъ требованій державы должны были бы прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ противъ него посылкою англійской и французской эскадры для блокады египетскихъ гаваней, а если бы Ибрагимъ-паша предпринялъ вновь походъ на Константинополь, то предстояло бы Россіи вновь придти на помощь султана для защиты его престола и столицы. Но готовы ли были Англія и Франція ввѣрить Россіи такое порученіе?

Въ виду нецѣлесообразности веденія переговоровъ съ Мегеметомъ-Али безъ поддержки силою требованій, предъявленныхъ къ нему, и во избѣжаніе опасности раздражать его угрозами, трудно осуществимыми, графъ Нессельроде изложилъ въ своемъ докладѣ государю [1]), что для разрѣшенія кризиса, готовившагося разразиться на востокѣ, необходимо было достигнуть быстраго и окончательнаго соглашенія, которымъ бы водворилось спокойствіе въ Турціи и утверждены были бы за египетскимъ вице-королемъ выгоды, имъ уже пріобрѣтенныя. Въ основаніе мира могли бы быть предложены условія, на которыя Порта уже согласилась и которыя державы должны настоятельно поддерживать: уступка Мегемету-Али и его потомству областей, находившихся уже въ его власти, уплата съ его стороны дани султану и возвращеніе имъ Турціи ея флота. Но, предполагалъ графъ Нессельроде въ своемъ докладѣ, въ тотъ день, когда между Портою и Мегеметомъ-Али состоится мировое соглашеніе, вѣнскій, лондонскій и парижскій дворы предложатъ намъ поручиться сообща за его исполненіе. Подъ этимъ предложеніемъ скрывалось тайное намѣреніе этихъ дворовъ привлечь насъ къ общему соглашенію, имѣвшему цѣлью обезпеченіе неприкосновенности и независимости оттоманской имперіи. Къ такому предложенію мы не могли приступить, сознавая однако, что и безъ нашего участія Австрія, Англія и Франція готовы сдѣлаться между собою, обязуясь сообща передъ Турціею обезпечить ея неприкосновенность. Такая сдѣлка, совершенная [illegible]

[1]) 1839. Доклады. 3-го августа.

безъ нашего участія, представляла бы двойную для насъ невыгоду, такъ какъ она разъединила бы насъ отъ остальныхъ дворовъ и соединила бы ихъ вмѣстѣ для осуществленія комбинаціи, придуманной будто бы въ пользу Турціи, но въ дѣйствительности направленной противъ насъ. Съ цѣлью разстроить эту комбинацію, графъ Нессельроде полагалъ, что намъ слѣдовало, не отвергая начала гарантіи, предоставляемой великими державами оттоманской имперіи, требовать ограниченія ея дѣйствія только тѣмъ особымъ соглашеніемъ, которое будетъ заключено между Турціею и Египтомъ, такъ что исполненіе условій одного этого соглашенія подлежало бы гарантіи союзныхъ кабинетовъ, на остальную же часть оттоманской имперіи сія гарантія бы не распространялась. Ограниченная въ такихъ предѣлахъ гарантія не вредила бы нашимъ правамъ и вполнѣ соотвѣтствовала бы нашимъ прямымъ выгодамъ, утверждая миръ на востокѣ. Почему къ акту о гарантіи такого рода мы могли бы приступить подъ однимъ условіемъ, чтобы Дарданельскій проливъ былъ закрытъ военнымъ судамъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, и это закрытіе было признано за начало публичнаго права Европы, освященное общимъ соглашеніемъ и соблюдаемое ненарушимо. При достиженіи этого условія мы бы получили очень дѣйствительную выгоду, такъ какъ оно установило бы навсегда закрытіе Дарданельскаго пролива въ военное время, каковое закрытіе, надо сказать, до того времени не было признано морскими державами и было обѣщано намъ единственно Портою согласно Ункіаръ-Искелесскому договору, дѣйствіе котораго прекратится черезъ два года. Мы, безъ сомнѣнія, не могли разсчитывать съ большимъ вѣроятіемъ на успѣшное возобновленіе этого договора, который Порта, находившаяся въ такомъ упадкѣ, подъ вліяніемъ представленій и угрозъ морскихъ державъ, никогда не рѣшилась бы заключить вновь. Съ нашей стороны, просить о возобновленіи сего акта и его не получить было бы для насъ неудачей, которой намъ слѣдовало избѣгнуть во что бы то ни стало. Такимъ образомъ, намъ нужно было сохранить за собою выгоды, предоставленныя Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ, и не требовать его возобновленія. Мы могли бы достигнуть этого результата, если бы закрытіе пролива было признано общимъ началомъ европейскаго публичнаго

права. Тогда Ункіаръ-Искелесскій договоръ не имѣлъ бы для насъ практическаго значенія; мы бы получили всю выгоду, которую онъ намъ предоставлялъ, и не несли бы тягости, имъ наложенной, такъ какъ обязательство оказывать помощь султану, въ случаѣ его просьбы, уже не существовало бы.

Графъ Нессельроде, въ заключеніе своего доклада, заявилъ, что мы готовы замѣнить договоръ 28-го іюня 1833 г. общею сдѣлкою, клонящеюся къ той же цѣли сохраненія спокойствія и неприкосновенности оттоманской имперіи, къ которой стремились всѣ державы, что этимъ путемъ мы удалимъ отъ себя недовѣріе и завистъ, возбуждавшіяся противъ Россіи, такъ какъ новая сдѣлка будетъ освящена согласіемъ всѣхъ державъ, и что Россія обязуется не возобновлять Ункіаръ-Искелесскаго договора въ срокъ его истеченія.

Въ другомъ докладѣ [1]) графъ Нессельроде изложилъ, что по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Вѣны, Австрія готова согласиться съ Англіею и Франціею безъ насъ и вопреки нашему мнѣнію, если мы отказались бы отъ участія въ общемъ совѣщаніи, которое вѣнскій кабинетъ предложилъ открыть по восточному вопросу. Разсчетъ князя Меттерниха не представлялся вѣрнымъ, ни остроумнымъ, такъ какъ нельзя было предполагать, зная характеръ и политику государя, чтобы его можно было бы принудить къ такому шагу, который онъ бы не считалъ полезнымъ сдѣлать добровольно Къ тому же великія державы, совмѣстно обязавшись передъ султаномъ привести къ окончанію его переговоры съ Мегеметомъ-Али, были нравственно связаны между собою исполненіемъ сего, иначе они переходили на сторону египетскаго вице-короля. Торжество послѣдняго было бы полнымъ, если ему удалось бы посѣять раздоръ между державами. Но такъ какъ русскій императоръ другъ и союзникъ султана и его политика всегда стояла выше мелочныхъ разсчетовъ, которыми руководствовались остальныя правительства, то графъ Нессельроде полагалъ, что, въ виду принятія Портою посредничества Европы въ ея распрѣ съ Египтомъ и невозможности намъ оставить сул-

---

[1]) 1839. Доклады. Entente séparée de l'Autriche avec la France et l'Angleterre, 3 août 1839.

тана на произволъ судьбы, участіе наше въ общемъ совѣщаніи по египетскимъ дѣламъ вызывалось настоятельною необходимостью. При нашемъ уклоненіи отъ совѣщанія мы бы пріучили европейскіе кабинеты къ обсужденію восточнаго вопроса безъ нашего участія. Это было бы прискорбнымъ прецедентомъ, котораго мы не могли допускать. Посему, если кабинеты собрались бы на совѣщаніе по дѣламъ востока, намъ представлялось бы одно средство для лишенія этого собранія возможности намъ вредить, заключавшееся въ томъ, чтобы участвовать намъ въ обсужденіи совмѣстно съ ними и не дозволять имъ обсуждать безъ насъ. Наше участіе, однако, могло бы состояться только подъ извѣстными условіями, которыя должны были нанести ударъ (paralyser) нашимъ врагамъ, если бы они ихъ приняли, и обнаружить козни тѣхъ же враговъ, если бы они отказались ихъ принять. Въ первомъ случаѣ мы бы получили выгоду вмѣсто вреда, во второмъ—злое намѣреніе прочихъ кабинетовъ намъ бы дало достаточный поводъ устраниться отъ участія въ соглашеніи, которое было бы направлено противъ насъ. Условія состояли бы 1) въ томъ, чтобы предполагаемое обезпеченіе со стороны державъ касалось одного соглашенія, подлежавшаго заключенію между Турціею и Египтомъ, и не было бы распространено на всю оттоманскую имперію, такъ какъ иначе державы сдѣлались какъ бы ея опекунами, обязавшись ею управлять и тѣмъ препятствовать ей впадать въ ошибки, которыя очень часто ее приводили къ краю гибели; 2) въ томъ, чтобы закрытіе Дарданельскаго и Босфорскаго проливовъ военнымъ судамъ въ мирное и военное время было признано за начало публичнаго права Европы и, какъ освященное договоромъ, было соблюдаемо безъ всякаго нарушенія: 3) въ обѣщаніи со стороны Россіи не возобновлять Ункіаръ-Искелесскаго договора; 4) чтобы въ случаѣ похода Ибрагима-паши на Константинополь, Россіи, имѣвшей одной возможность скорѣе придти на помощь столицы оттоманской имперіи, было предоставлено державами оказать эту помощь въ видѣ посылки эскадры и десантнаго отряда черезъ Босфоръ, при чемъ появленіе англійской эскадры черезъ Дарданеллы въ Мраморное море являлось бы безполезнымъ и даже вреднымъ, такъ какъ удаленіе ея отъ береговъ Египта только отвлекло бы ее отъ наблюденія за дѣйствіями египет-

скаго флота; 5) чтобы, по заключеніи мира между султаномъ и пашой, русскія войска и флотъ были отозваны въ Россію, а англійская и французская эскадры возвратились въ Мальту и въ Тулонъ.

Послѣдствіемъ этихъ двухъ докладовъ отъ 3-го августа 1839 г. было рѣшеніе императора Николая искать сближенія съ Англіею, чтобы оторвать ее отъ вліянія князя Меттерниха и разрушить центръ соглашенія (centre d'entente), цѣль котораго была направлена преимущественно противъ Россіи. Императорскій посланникъ въ Штутгартѣ баронъ Брунновъ былъ отправленъ въ Лондонъ съ чрезвычайною миссіею[1]). Ему поручалось объясниться съ англійскимъ министерствомъ, узнать, что оно думаетъ, чего хочетъ и куда оно стремится. Съ своей стороны баронъ Брунновъ долженъ былъ предложить условія соглашенія, а именно: морскія державы отказываются отъ намѣренія предоставить Турціи общую гарантію за неприкосновенность всѣхъ ея владѣній; закрытіе обоихъ проливовъ въ мирное и военное время будетъ признано за начало публичнаго права въ Европѣ; морскія державы отказываются отъ посылки своего флота въ Мраморное море одновременно съ появленіемъ въ Босфорѣ русской эскадры въ случаѣ призыва ея для защиты Константинополя. Съ своей стороны Россія обязуется гарантировать, совмѣстно съ другими державами, условія мира между Турціей и Египтомъ, обѣщаетъ не возобновлять Ункіаръ-Искелесскаго договора и, въ случаѣ посылки флота и войскъ въ Босфоръ, прибѣгнетъ къ этой мѣрѣ не на основаніи сего договора, а для блага общаго, съ цѣлью сохраненія оттоманской имперіи и съ согласія великихъ державъ.

Если бы соглашеніе могло состояться на этихъ основаніяхъ, то баронъ Брунновъ долженъ былъ убѣдить англійскихъ министровъ въ томъ, что общее умиротвореніе могло бы быть достигнуто безъ всякаго совѣщанія и центра соглашенія. Въ случаѣ принятія этихъ условій англійскимъ кабинетомъ, его примѣру послѣдуетъ Франція и Австрія не захочетъ остаться назади. Инструкціи, данныя барону Бруннову, были сообщены императорскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Татищевымъ австрійскому посланнику въ С.-Пе-

---

[1]) 1839. Londres. Exp. № 1881, instructions à Brunnow 16 aout.

тербургѣ графу Фикельмону, который не преминулъ ихъ передать князю Меттерниху. Австрійскій канцлеръ, въ своей депешѣ австрійскому посланнику въ Лондонѣ князю Эстергази отъ 30-го сентября 1830 г.[1]), сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія относительно обязательства, которое готовъ былъ принять на себя императоръ Николай I, о невозобновленіи Ункіаръ-Искелесскаго договора и относительно выбора основанія, на которомъ было построено, путемъ этого отказа, закрытіе обоихъ проливовъ. По мнѣнію князя Меттерниха, всякое обязательство о невозобновленіи означеннаго договора было бы равносильно порицанію послѣдняго (jetterait un blâme sur celui-ci). Россія могла это выражать и не обращать сего въ обязательство. (La Russie peut bien le dire et ne pas en faire une stipulation).

Князю Меттерниху не улыбалась мысль, что Россія, отказываясь отъ Ункіаръ-Искелесскаго договора, возобновленіе котораго по истеченіи его срока, по всему вѣроятію, не могло бы состояться, получило бы взамѣнъ его, путемъ закрытія не одного, но обоихъ проливовъ, полное обезпеченіе отъ вторженія непріятельскаго флота въ Черное море не только въ мирное, но и въ военное время. Почему князь Меттернихъ возражалъ противъ обоснованія закрытія проливовъ на отказѣ Россіи отъ преимуществъ, связанныхъ съ Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ. Настоящее основаніе онъ находилъ въ закрытомъ морѣ, которое для Порты представлялось верховнымъ правомъ (la véritable base, selon nous, se trouve dans la mer close, qui pour la Porte est un droit souverain). По мнѣнію Меттерниха, за одной Портой могло быть признано право на возбужденіе этого вопроса; ей одной должно быть предоставлено высказать самое начало и объявить ея волю о его примѣненіи, тогда какъ остальныя державы призваны только къ тому, чтобы признать за нею это право и не спорить противъ совершившагося факта. Но это относилось къ мирному времени. Въ военное время Порта, по мнѣнію Меттерниха, имѣла безусловное право призывать на помощь, кого бы она пожелала. Если же идетъ вопросъ о заключеніи соглашенія на военное время, то оно должно состояться между Россіей и морскими державами на началахъ взаимности. Въ

[1]) Госуд. арх., III, № 101.

случаѣ войны между державами, Россія обязалась бы отказаться отъ посылки своей черноморской эскадры въ Бѣлое море, а морскія ея силы этого моря не могли бы появиться въ Черномъ.

Князь Меттернихъ становился на началѣ о закрытомъ морѣ, находящемся подъ турецкимъ верховенствомъ, упуская изъ вида, что берега Чернаго моря, въ большей ихъ части, уже состояли во владѣніи Россіи. При столкновеніи Россіи съ морскими державами Турція могла быть на сторонѣ или Россіи или послѣднихъ. Въ первомъ случаѣ оба союзника, владѣтели береговъ Чернаго моря, закрыли бы непріятелю входъ въ Дарданеллы и Россія, въ силу предположеннаго Меттернихомъ обязательства, хотя и не въ правѣ была бы перевозить свои эскадры изъ Чернаго въ Бѣлое море и обратно, но могла бы послать свой бѣломорскій флотъ къ берегамъ Англіи или Франціи, а черноморскій вышелъ бы, съ согласія союзницы Турціи, изъ Дарданельскаго пролива на встрѣчу непріятеля, и выходъ русской эскадры не противорѣчилъ бы соглашенію, такъ какъ закрытіе Чернаго моря предполагало недопущеніе военныхъ судовъ въ Черное море, но не выходъ ихъ изъ послѣдняго. Во второмъ случаѣ, т.-е. при войнѣ Россіи съ морскими державами, въ которой Порта была бы ихъ союзницей, русскій черноморскій флотъ оказался бы запертымъ, но бѣломорскій могъ бы нанести вредъ непріятелю и не входя въ Дарданеллы. Очевидно, князь Меттернихъ предвидѣлъ возможность только этого случая, а такъ какъ при его наличности положеніе Россіи было бы опаснымъ, то согласіе на предложенное княземъ Меттернихомъ условіе она не могла бы дать, и вся придуманная австрійскимъ канцлеромъ комбинація не заслуживала вниманія. Впрочемъ, онъ самъ сознавалъ ея неисполнимость, такъ какъ въ концѣ своей депеши князю Эстергази высказалъ, что закрытіе проливовъ Дарданеллъ и Босфора, какъ составляющее начало европейскаго публичнаго права, потребовало бы объявленіе или признаніе вѣчнаго нейтралитета Порты во всѣхъ войнахъ между морскими державами и безусловное запрещеніе Портѣ когда-либо начинать войну отъ ея имени, но такое требованіе,— заключалъ Меттернихъ, — не могло быть заявляемо оттоманской имперіи (un régime pareil ne peut être appliqué à

l'empire ottoman). Такимъ образомъ, попытка австрійскаго канцлера связать закрытіе проливовъ и въ военное время съ обязательствомъ Россіи, ограничивавшимъ ея дѣйствія въ отношеніи морскихъ державъ, являлась неудачною, но изъ его замѣчаній можно было уже тогда предугадать, что предложенное Россіею условіе о закрытіи проливовъ и въ военное время будетъ служить предметомъ возраженій и споровъ со стороны другихъ правительствъ.

3/15-го сентября баронъ Брунновъ прибылъ въ Лондонъ. На первомъ свиданіи съ лордомъ Пальмерстономъ[1]) онъ старался убѣдить его въ томъ, что понудительныя мѣры противъ Мегемета-Али должны быть приняты Англіей и Россіей въ такомъ видѣ, чтобы Англія отправила свой флотъ въ Александрію, а русскіе бы самостоятельно дѣйствовали передъ Константинополемъ для его защиты, безъ всякаго участія англичанъ. Затѣмъ баронъ Брунновъ перешелъ къ другому предложенію о признаніи проливовъ закрытыми, упирая на то, что русское правительство предлагаетъ закрытіе не только Дарданеллъ, что предвидѣлось Ункіаръ-Искелесскимъ договоромъ, но и Босфора.

Если будетъ признано начало закрытія проливовъ, то государь готовъ, объяснялъ баронъ Брунновъ,—отказаться отъ возобновленія Ункіаръ-Искелесскаго договора, заключеннаго единственно съ цѣлью защиты Турціи и неправильно понятаго западными державами.

Лордъ Пальмерстонъ былъ изумленъ и пораженъ рѣчью барона Бруннова. Онъ согласился, что возраженія Англіи противъ Ункіаръ-Искелесскаго договора вовсе не касались закрытія Дарданельскаго пролива и что обоимъ государствамъ будетъ взаимно выгодно закрытіе обоихъ проливовъ навсегда. Затѣмъ онъ призналъ, что этотъ договоръ возбуждалъ неудовольствіе и недовѣріе въ Англіи въ виду того, что онъ исключительно предоставлялъ Россіи вмѣшиваться въ дѣла Турціи.

Таковъ былъ первый разговоръ барона Бруннова съ Пальмерстономъ; мысли, переданныя русскимъ представителемъ, мало-по-малу усваивались англійскимъ министромъ.

---

[1]) 1839. Londres. IV. Réc. Brunnow, dêp. 12/24 septembre № 4.

«Начало закрытія Босфора,—писалъ Брунновъ [1]),—быстро близится къ тому, чтобы стать европейскимъ. Безъ сомнѣнія Пальмерстонъ испытываетъ еще отвращеніе и сожалѣніе, въ томъ, что Россія, какъ онъ говоритъ, сдѣлается неуязвимою при закрытіи этого пролива, но Эстергази думаетъ, что онъ примирится съ этимъ. Смѣшно то, что уже посовѣтовались съ извѣстными правовѣдами, которые дали заключеніе въ томъ смыслѣ, что такъ какъ мы владѣемъ сѣвернымъ и восточнымъ побережьемъ Чернаго моря, то они не прочь его признавать за море закрытое, но главное затрудненіе находилось въ степени гарантіи, предоставляемой Турціи, такъ какъ австрійскій посолъ стоялъ за общую гарантію, ссылаясь на то, что она считалась мѣрою полезною и предохранительною для Австріи». Впрочемъ, князь Эстергази обѣщалъ барону Бруннову поддерживать предложенія Россіи передъ Пальмерстономъ. Послѣдній, въ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ австрійскимъ посломъ, казался рѣшившимся не посылать англійскихъ судовъ въ Мраморное море совмѣстно съ русскими. Далѣе онъ являлся расположеннымъ провозгласить общимъ началомъ закрытіе проливовъ, но не остановился еще, на чемъ обосновать его; онъ бы желалъ подвести закрытіе проливовъ подъ общіе законы морского права, которыми руководствуется Англія. По его мнѣнію, дѣйствіе всякаго государства на морѣ распространяется на разстояніе трехъ миль отъ береговъ, ему принадлежащихъ, а такъ какъ ширина проливовъ, оба берега которыхъ находятся во владѣніи султана, не превышаетъ шести миль, то Порта имѣетъ несомнѣнное право закрывать этотъ проходъ, противъ чего никакая посторонняя держава не можетъ возражать. Такое начало публичнаго права, если бы оно получило общее признаніе, служило бы, по мнѣнію Пальмерстона, совершенно достаточнымъ обезпеченіемъ безопасности Россіи. «Положимъ,—сказалъ онъ,—что при европейской войнѣ Порта находится въ союзѣ съ Россіей; она закроетъ проливъ всякому непріятельскому флоту. Если бы она осталась нейтральной, прочія державы обязаны уважать ея нейтралитетъ, и въ этомъ случаѣ закрытіе проливовъ будетъ служить Россіи залогомъ ея безопасности».

---

[2]) 1839. Londres. IV. Réc. Brunnow, lettre 12/24 septembre

Этими разсужденіями, основанными на теоріи права, лордъ Пальмерстонъ,—пишетъ баронъ Брунновъ [1]), опровергалъ наше предложеніе о признаніи проливовъ закрытыми въ мирное и военное время. Въ поясненіе этого предложенія Брунновъ указывалъ на то, что вопросъ о возможности для иностраннаго флота пробиться черезъ Дарданеллы въ Черное море подвергался тщательному изслѣдованію. Если непріятельская эскадра равна нашей по численности, мы завяжемъ съ нею бой. Если она превосходитъ нашу— суда наши останутся въ Севастополѣ, а войска въ это время займутъ княжества и направятся прямо на Дарданеллы, чтобы не допустить прохода вражеской эскадры. Но въ этомъ случаѣ рушилось бы все зданіе Порты, если бы, противъ нашей воли и желаній, насъ заставили переступить Дунай и идти на Дарданеллы. Посему, при громогласномъ провозглашеніи нами закрытія проливовъ, мы руководствовались менѣе нашей собственной выгодой, чѣмъ интересами Порты, и желали бы ее навсегда устранить отъ европейскаго столкновенія. Мы желали бы, чтобы удары, направленные противъ насъ, не нанесли смерти Турціи, спасеніе и сохраненіе которой одинаково выгодны для насъ всѣхъ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, баронъ Брунновъ выработалъ слѣдующую редакцію акта, который предполагалось подписать въ Лондонѣ: «европейскія державы, равнымъ образомъ воодушевленныя желаніемъ поддержать независимость и утвердить сохраненіе оттоманской имперіи, рѣшили, по общему согласію, ее оберечь отъ столкновенія, которое могло бы возникнуть между ними, и съ цѣлью предохранить эту имперію отъ тяжелыхъ послѣдствій, которыя могли бы произойти для нея отъ такого столкновенія, они рѣшили считать, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, проливы Дарданеллъ и Босфора закрытыми военнымъ судамъ всѣхъ націй Европы, провозгласивъ закрытіе этихъ проливовъ общимъ началомъ публичнаго права Европы, которое всѣ кабинеты обязуются ненарушимо уважать».

Очевидно, что при редакціи этого проекта Брунновъ не упустилъ изреченія Меттерниха. «Voulons-nous faire vivre la Porte, laissons-la tranquille».

Какъ уже сказано было выше, Россія, исходя изъ того

[1]) 1839. Londres. IV. Réc. Brunnow, dép. 18/30 septembre № 15.

положенія, что слабая Турція для нея—самый спокойный и безопасный сосѣдъ, поставила цѣлью своей политики поддерживать всѣми средствами ея существованіе; почувствовавъ всю тягость этой задачи, которая окончательно опредѣлилась въ условіяхъ Ункіаръ-Искелесскаго договора, Россія пріобщила къ ней Австрію, которая, по Мюнхенгрецскому соглашенію, равнымъ образомъ объявила себя защитницей существовавшаго строя оттоманской имперіи; переговорами въ Лондонѣ обязательство поддерживать ея неприкосновенность распространилось и на другія европейскія державы, кромѣ Австріи и Россіи. По проекту барона Бруннова, ихъ заботы объ оттоманской имперіи должны были дойти до того, что она устранялась отъ всякаго столкновенія, которое могло бы возникнуть между государствами Европы. Такое условіе подходило къ предположенію князя Меттерниха объ объявленіи вѣчнаго нейтралитета Турціи, съ тою разницею, что, по мысли австрійскаго канцлера, Турція должна была отречься отъ права объявлять войну отъ своего имени.

Совѣтъ англійскаго кабинета, на обсужденіе котораго были переданы лордомъ Пальмерстономъ предложенія русскаго правительства, высказался за совмѣстныя съ Россіею и Франціею, и даже безъ послѣдней, дѣйствія для поддержки независимости оттоманской имперіи и для ея сохраненія [1]). Кабинетъ призналъ необходимость защиты Константинополя русскими войсками, но допускалъ появленіе русскихъ судовъ въ Босфорѣ не иначе, какъ совмѣстно съ англійскими. Исключеніе британскаго флага считалось бы противнымъ чести и достоинству англійскаго народа, послѣдствіемъ чего было бы паденіе министерства. По словамъ Пальмерстона, совмѣстное участіе обоихъ флотовъ могло бы быть достигнуто распредѣленіемъ морскихъ силъ обоихъ государствъ въ разныхъ мѣстностяхъ. «Если,—сказалъ Пальмерстонъ,—изъ общаго правила о закрытіи обоихъ проливовъ для иностранныхъ военныхъ судовъ будетъ сдѣлано, съ цѣлью защиты оттоманской имперіи, исключеніе въ пользу вашихъ морскихъ силъ, входъ въ одинъ изъ проливовъ будетъ разрѣшенъ вашимъ судамъ, то справедливо, что, съ тою же цѣлью, былъ бы открытъ другой проливъ для англійской эскадры. Такимъ образомъ, каж-

---

[1]) 1839. IV. Réc. Brunnow, dép. $\frac{26 \text{ septembre}}{8 \text{ octobre}}$ № 20.

дый изъ проливовъ находился бы подъ охраною одной изъ державъ, суда которыхъ останутся разъединенными». На такое предложеніе баронъ Брунновъ отвѣтилъ, что, въ виду полученныхъ имъ очень точныхъ инструкцій, ему оставалось только снестись съ его правительствомъ.

Хотя лордъ Пальмерстонъ лично склонялся вѣрить безкорыстію и доброму расположенію государя, но англійскій кабинетъ продолжалъ настаивать на посылкѣ англійской эскадры въ Мраморное море, вслѣдствіе чего баронъ Брунновъ писалъ[1]), что если мы не допустимъ добровольно присутствія нѣсколькихъ англійскихъ судовъ въ Дарданельскомъ проливѣ, то они войдутъ и безъ насъ, такъ какъ турки, по всему вѣроятію, не въ силахъ будутъ воспрепятствовать ихъ входу. Раздосадованный этимъ недовѣріемъ англійскаго министерства къ политикѣ императора, баронъ Брунновъ, въ бесѣдѣ съ лордомъ Пальмерстономъ[2]), сказалъ ему: «Государь, отказавшись отъ всякой мысли воспользоваться всѣми преимуществами, которыя ему предоставлялъ Ункіаръ-Искелесскій договоръ, желалъ только, по соглашеніи съ вами, принять совмѣстныя мѣры для общихъ дѣйствій, въ которыхъ роли были бы благоразумно распредѣлены. На довѣріе государя какъ вы отвѣчаете? Вы ему отказываете во всемъ, вы настаиваете на посылкѣ вашихъ судовъ въ Мраморное море, чтобы показать всему свѣту ваше несогласіе на то, чтобы мы тамъ оставались одни».

Не довольствуясь этимъ, лордъ Пальмерстонъ допускалъ неправильное толкованіе Ункіаръ-Искелесскаго договора, увѣряя, что Порта, обезпечивъ себѣ помощь Россіи, имѣла право просить защиты у другихъ державъ. Брунновъ отрицалъ ея права, доказывая, что, на основаніи 1 ст. договора, Порта обязалась уговариваться съ Россіей по всѣмъ, безъ изъятія, предметамъ, которые имѣли бы отношеніе къ ея спокойствію и защитѣ, и что, посему, она не имѣла бы права просить помощи у третьей державы, не согласившись предварительно по сему вопросу, безъ всякихъ оговорокъ, съ нами. Опасаясь за паденіе мини-

---

[1]) 1839. Londres. IV. Réc. Brunnow, dép. $\frac{\text{29 septembre}}{\text{8 octobre}}$ № 21.

[2]) 1839. Londres. IV. Réc. Brunnow, dép. $\frac{\text{26 septembre}}{\text{8 octobre}}$ № 22.

стерства, лордъ Пальмерстонъ приводилъ возраженіе, которое могла бы сдѣлать оппозиція противъ предложенія русскаго правительства. Она могла бы сказать, что Ункіаръ-Искелесскій договоръ, какъ заключенный между Россіей и Портой, вовсе не обязывалъ Англіи, тогда какъ, признавая закрытіе Дарданеллъ общимъ началомъ, котораго державы обязались бы никогда не нарушать, министерство тѣмъ самымъ дѣлало Россію неуязвимою.

Убѣдившись въ невозможности, въ скоромъ времени, достигнуть соглашенія съ англійскимъ министерствомъ, баронъ Брунновъ 10-го октября 1839 года выѣхалъ изъ Лондона, возвращаясь въ Штутгартъ, но на пути онъ посѣтилъ въ Англіи герцога Веллингтона, а въ Германіи — князя Меттерниха, въ его замкѣ Іоганнисбергѣ. Веллингтонъ, которому онъ объяснилъ политическое положеніе, высказалъ, что первоначально надо признать за Портою безусловное право быть на стражѣ проливовъ и что турецкій вопросъ разрѣшится окончательно, если Порта будетъ признана независимою, а Черное море—объявлено закрытымъ. Въ послѣднемъ изреченіи герцогъ Веллингтонъ остался вѣрнымъ тому, что онъ сказалъ лорду Пальмерстону въ 1835 г., когда послѣдній, вступивъ вновь въ министерство, спросилъ его, какой системы придерживаться въ восточномъ вопросѣ: стремиться ли къ открытію Мраморнаго моря англійскимъ судамъ, а слѣдовательно, и судамъ другихъ державъ, или къ закрытію его всѣмъ, въ томъ числѣ и англійскимъ? Герцогъ отвѣтилъ Пальмерстону безъ колебанія: «Къ закрытію; мы въ этихъ странахъ слишкомъ отдалены отъ своихъ запасовъ, а у Россіи они подъ рукою». Это изреченіе поразило лорда Пальмерстона своею вѣрностью и разумностью [1]).

Такимъ образомъ, и русское правительство и государственные люди Англіи стояли за начало закрытія проливовъ всѣмъ военнымъ судамъ; мы требовали закрытія со стороны Средиземнаго моря, охраняя побережье Чернаго моря отъ нападенія флота морскихъ державъ; англичане настаивали на закрытіи Босфора, опасаясь нападенія рус-

[1]) Guizot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, ed. 1861, t. IV, page 510. Lettre du baron de Bourqueney au maréchal Soult, Londres 12 juillet 1839.

скихъ силъ на Константинополь и прорыва ихъ въ Средиземное море.

Баронъ Брунновъ нашелъ князя Меттерниха въ Іоганнисбергѣ пораженнымъ неудачею, постигшею его комбинацію о центрѣ соглашенія. Онъ высказалъ свое одобреніе относительно начала, предложеннаго герцогомъ Веллингтономъ, о признаніи Чернаго моря закрытымъ; но, по его мнѣнію султанъ долженъ провозгласить это начало, къ которому бы примкнули всѣ остальныя державы. Затѣмъ князь Меттернихъ объявилъ, что онъ отказывается отъ мысли объ общей гарантіи предоставляемой державами оттоманской имперіи [1]), и вполнѣ удовлетворяется частною гарантіею, которою бы обезпечивались условія мира между Портою и Египтомъ лишь бы они были выгодны для первой.

Въ декабрѣ баронъ возвратился въ Лондонъ чрезвычайнымъ посланникомъ; ему поручалось приведеніе къ окончанію переговоровъ по египетскимъ дѣламъ и по вопросу о закрытіи проливовъ совмѣстно съ представителями другихъ державъ, между которыми еще не было достигнуто единомысліе. Австрійское правительство предлагало подписать въ Лондонѣ условія о мирѣ между Портою и Египтомъ, а въ Константинополѣ, соглашеніе о закрытіи проливовъ. Брунновъ, ссылаясь на то, что такое предложеніе противорѣчило его инструкціямъ, убѣдилъ Пальмерстона отклонить его [2]).

Французскій кабинетъ понималъ рѣшеніе императора Николая объ отказѣ отъ Ункіаръ-Искелесскаго договора въ смыслѣ безмезднаго дара, который французы были готовы принять и обратить въ предметъ всеобщей сдѣлки, отнюдь не пріобщая къ этому предложенію ни вопроса о закрытіи проливовъ, ни разграниченія Египта, ни примѣненія мѣръ принужденія противъ Мегемета-Али [3]). Вообще французскій кабинетъ проходилъ молчаніемъ предложеніе о признаніи закрытія проливовъ постояннымъ началомъ. Между тѣмъ герцогъ Веллингтонъ, съ которымъ баронъ Брунновъ опять видѣлся [4]), выразилъ ему свое удоволь-

---

[1]) 1839. Londres. IV. Réc. Brunnow, dép. $^{10}/_{22}$ octobre № 2.
[2]) 1839. Londres. IV. Réc. Brunnow, dép. 18/30 décembre № 5.
[3]) 1839. Londres. IV. Réc. Brunnow, dép. 18/30 décembre № 6.
[4]) 1840. Londres. I. Réc. Brunnow, dép. 9/21 janvier № 25.

ствіе, что начало закрытаго моря признано и англійскимъ министерствомъ, и самою Австріею. «Это начало—сказалъ онъ,—должно быть всѣмъ пригодно: Россіи, такъ какъ оно обезпечивало ей безопасность Чернаго моря, Англіи и Австріи, такъ какъ оно утверждало существованіе Порты, наконецъ самой Франціи, такъ какъ оно прикрывало ея африканскія владѣнія. Дѣйствительно, что бы она сдѣлала,—сказалъ Веллингтонъ,—если бы мы съ вами собрались напасть на нее въ Алжирѣ? Если французы будутъ противиться закрытію проливовъ, какъ началу европейскаго права, то они сами не знаютъ, что дѣлаютъ. По моему—они просто глупцы (des imbéciles)».

Вслѣдствіе настоянія барона Бруннова, лордъ Пальмерстонъ обѣщалъ составить проектъ соглашенія, не взирая на всѣ возраженія французскаго правительства и очевидное его желаніе затягивать переговоры. Только 7/19-го января 1840 г. лордъ Пальмерстонъ прочелъ свой проектъ барону Бруннову и австрійскому уполномоченному Нейману [1]). Соглашеніе было составлено отъ имени австрійскаго императора, французскаго короля, великобританской королевы, прусскаго короля и русскаго императора. Статьи 4 и 5 содержали условія о проливахъ.

По 4 ст. императоры Россіи и Австріи, короли Великобританіи, Пруссіи и Франціи обязывались, въ случаѣ, если Константинополю будутъ угрожать возмутившіяся противъ власти султана войска, идущія изъ Сиріи или Египта, послать, буде эти государи получатъ о томъ просьбу отъ султана, свои морскія и военныя силы къ проливамъ Дарданеллъ и Босфора и въ Мраморное море съ цѣлью защитить Константинополь, препятствуя переходу вышеозначенныхъ возмутившихся войскъ изъ Азіи въ Европу, также съ цѣлью оказать поддержку и помощь всякимъ операціямъ, которыя войска султана предприняли бы для отраженія возставшихъ.

Въ ст. 5 говорилось: «какъ это ясно понимаютъ высоко договаривающіяся стороны и о томъ объявляютъ, ни предъидущая статья, ни какая-либо иная часть сего договора, по своему содержанію, не предполагаетъ и не имѣетъ въ виду опорочить, въ малѣйшей степени, несомнѣнное право, при-

[1]) 1840. Londres. I. Réc. Brunnow, dép. 12/24 janvier № 27.

надлежащее, въ виду общаго правила принятаго всѣми народами, султану, какъ владѣльцу обоихъ береговъ узкихъ проливовъ Дарданеллъ и Босфора, запрещать входъ въ эти проливы какимъ бы то ни было военнымъ судамъ какихъ бы то ни было иностранныхъ державъ, и султанъ, съ своей стороны, объявляетъ, что, если бы онъ нашелъ нужнымъ, въ случаѣ, особо опредѣленномъ предъидущей статьей, призвать въ эти проливы морскія или военныя силы своихъ союзниковъ для временной защиты своей столицы, то такой его призывъ долженъ считаться исключительнымъ случаемъ, такъ какъ онъ, султанъ, имѣетъ твердую рѣшимость на будущее время оставаться вѣрнымъ существующему и давно установленному правилу его имперіи и не допускать, пока Порта находится въ мирѣ, входа въ Босфоръ и Дарданеллы никакимъ иностраннымъ судамъ, развѣ только это будутъ единичные фрегаты или суда малаго размѣра, отправленные съ депешами или везущіе должностныхъ лицъ, находящихся на службѣ своихъ государей, при чемъ императоры Австріи и Россіи, короли Великобританіи, Пруссіи и Франціи, съ другой стороны, обязуются уважать это рѣшеніе султана и дѣйствовать согласно съ вышеозначеннымъ правиломъ».

Проектъ договора, составленный Пальмерстономъ, былъ признанъ барономъ Брунновымъ и Нейманомъ неудовлетворительнымъ въ части, касавшейся египетскаго паши и его отношеній къ султану. Лордъ Пальмерстонъ самъ призналъ недостаточность своей работы и просилъ Бруннова заняться изложеніемъ договора. 9/21-го января послѣдній былъ представленъ русскимъ министромъ и заслужилъ одобреніе Пальмерстона [1]).

Статья о проливахъ (5) изложена имъ была въ слѣдующемъ видѣ. «При этомъ, однако, разумѣется, что упомянутыя въ предъидущей статьѣ совмѣстныя дѣйствія, предпринимаемыя съ цѣлью поставить временно Дарданельскій и Босфорскій проливъ подъ защиту высокихъ договаривающихся сторонъ противъ всякаго нападенія Мегемета-Али, будутъ считаться мѣрою исключительною, принятою по особой просьбѣ султана и только для его защиты, въ единственномъ, выше сего означенномъ, случаѣ.

[1]) 1840. Londres. I. Réc. Brunnow, dép. 12/24 janvier 1840 № 28.

Посему постановляется, что эта мѣра не будетъ ни въ какомъ отношеніи отмѣнять несомнѣннаго права, въ силу котораго султанъ, какъ властитель обоихъ береговъ Константинопольскаго канала, признавалъ, во всѣ времена, оба пролива, Дарданельскій и Босфорскій, какъ бы закрытыми военнымъ судамъ всѣхъ иностранныхъ державъ. Такъ какъ это начало служило постояннымъ правиломъ оттоманской имперіи, какъ вытекающимъ изъ права, присущаго султану въ качествѣ властителя, охраняющаго проливы, высокія стороны, желая единодушно изъявить свое уваженіе къ независимости и спокойствію оттоманской имперіи, согласились между собою признавать, въ мирное время и даже въ военное, оба пролива какъ бы закрытыми военнымъ судамъ всѣхъ державъ, пока Порта будетъ находиться въ мирѣ съ ними, начало, несомнѣнно установленное, которое обѣ стороны обязались впредь признавать составною частью европейскаго публичнаго права».

Въ депешѣ отъ 12/24-го января 1840 г., за № 27, баронъ Брунновъ объясняетъ, чѣмъ онъ руководствовался при изложеніи вышеозначенной 5 статьи: «Правило о закрытіи проливовъ было изложено согласно точному смыслу данныхъ мнѣ инструкцій, я въ ней исключилъ выраженіе «о закрытомъ морѣ» по тремъ слѣдующимъ причинамъ: 1) потому, что это выраженіе, которое я позаимствовалъ отъ Веллингтона, не содержится въ моихъ инструкціяхъ; во 2-хъ, потому, что вѣнскій кабинетъ, разсматривая мою депешу Татищеву, замѣтилъ, что оно могло бы дать мѣсто безцѣльному спору, такъ какъ, при закрытіи обоихъ проливовъ, и Черное и Мраморное море естественно будетъ закрыто; при такомъ замѣчаніи со стороны вѣнскаго министерства Нейманъ не могъ бы быть моимъ пособникомъ. Въ 3-хъ, потому что лордъ Пальмерстонъ уже разъ мнѣ указалъ на то, что выраженіе «закрытое море» могло бы быть предметомъ превратныхъ толкованій о намѣреніяхъ Россіи преградить торговлѣ судоходство по морю, впервые открытому на основаніи Адріанопольскаго договора. Я не позволилъ себѣ собственною властью исключить условіе о закрытіи проливовъ и въ военное время; я сохранилъ эти слова, прибавивъ только поясненіе, которое я счелъ умѣстнымъ включить въ виду замѣчаній вѣнскаго кабинета. Князь Меттернихъ поручилъ, именно, Нейману указать мнѣ на

то, что при недостаточности редакціи этихъ словъ «и въ военное время», сама Турція, если бы она находилась въ войнѣ съ Франціею, не имѣла бы права призывать нашъ флотъ къ себѣ на помощь, такъ какъ Босфоръ былъ бы закрытъ, и, напротивъ, въ случаѣ войны съ нами, она не могла бы призвать никого на помощь, такъ какъ она должна была бы держать проливы закрытыми даже и въ этомъ случаѣ; чтобы избѣжать этого затрудненія и согласовать желаніе обоихъ императорскихъ дворовъ, я предложилъ редакцію, приведенную въ пятой статьѣ проекта».

«Лордъ Пальмерстонъ, по поводу закрытія проливовъ въ мирное и военное время, мнѣ замѣтилъ,—пишетъ баронъ Брунновъ [1]),—что онъ отлично понимаетъ мою идею, но что ее надо выразить еще яснѣе, во избѣжаніе превратныхъ толкованій и заключенія въ томъ смыслѣ, что мы желали бы закрыть входъ въ проливы султану вопреки его самого и противъ его воли».

Эта редакція правила о проливахъ разнилась отъ той, которую выработалъ баронъ Брунновъ въ сентябрѣ 1839 г. (см. депешу 15-го сентября № 15). Тогда онъ предполагалъ отстранить оттоманскую имперію отъ послѣдствій столкновенія, могущаго произойти между европейскими державами, и съ этою цѣлью за нею признавалось неотъемлемое право держать оба входа къ ея столицѣ закрытыми и въ мирное и въ военное время; такого рода опека, слишкомъ уже явная, казалась несоотвѣтствующей достоинству султана, почему придумана была редакція, по которой султанъ, какъ владѣлецъ обоихъ береговъ, самъ всегда считалъ проливы закрытыми, и державы обязались признавать это правило установившимся началомъ и соблюдать его въ мирное и даже въ военное время, пока Порта находилась въ мирѣ съ ними. Эта послѣдняя оговорка прибавлена Брунновымъ, чтобы согласовать возраженія Меттерниха; но она недостаточно ясна, такъ какъ Порта могла быть въ мирѣ съ нѣкоторыми изъ державъ, а въ войнѣ съ одной. Въ этомъ случаѣ возбудился бы вопросъ, будутъ ли проливы считаться закрытыми? По буквальному смыслу оговорки, они при войнѣ съ одной только изъ державъ, должны оставаться закрытыми, такъ какъ въ этой оговоркѣ закрытіе

---

[1]) 1840. Londres. I. Réc. Brunnow, dép. 12/24 janvier № 28.

или открытіе ихъ поставлено въ зависимость отъ состоянія Порты въ мирѣ или въ войнѣ не съ одной, а со всѣми державами.

Переговоры по заключенію акта продолжались еще нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ былъ приглашенъ представитель оттоманской имперіи и выяснилось, что Франція не приметъ участія въ подписаніи акта. 10-го іюля Пальмерстонъ сообщилъ проектъ конвенціи, который былъ исправленъ имъ по указаніямъ барона Бруннова, Неймана и Бюлова [1]).

Надо замѣтить, что Пальмерстонъ и въ предъидущемъ своемъ изложеніи избѣгалъ упоминать о возможномъ нападеніи Мегемета-Али на Константинополь; онъ и въ новой редакціи указалъ лишь на случай нашествія на Константинополь возставшихъ силъ, идущихъ изъ Египта и Сиріи; баронъ исправилъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что нападеніе предполагалось отъ Мегемета-Али.

По новой редакціи, въ исправленіи барона Бруннова, ст. 2 была изложена въ слѣдующемъ видѣ. «Такъ какъ султанъ въ настоящее время лишенъ возможности пользоваться услугами своего флота, то ихъ величества королева Великобританіи, императоры Австріи и Россіи обязываются въ томъ, что ихъ эскадры, стоящія однѣ въ Средиземномъ, а другія въ Черномъ морѣ, примутъ въ настоящее время на себя защиту столицы и владѣній султана и соотвѣтственно сему, если Мегеметъ-Али напалъ бы на Константинополь съ суши или моря, высокія договаривающіяся стороны, по особой просьбѣ султана, обращенной къ ихъ представителямъ въ Константинополѣ, соглашаются въ этомъ случаѣ склониться на такое приглашеніе этого государя и принять на себя совмѣстную защиту его престола на основаніи общаго состоявшагося между ними соглашенія, съ цѣлью предотвращенія обоихъ проливовъ, Дарданеллъ и Константинополя, а равнымъ образомъ столицы оттоманской имперіи, отъ всякаго нападенія. Какъ это далѣе также установлено и разумѣется, всякія силы, которыя были бы, въ виду такого соглашенія, призваны съ вышеозначенною цѣлью, остаются настолько, насколько ихъ присутствіе требуется султаномъ; когда же оно ему болѣе не понадобится, то онѣ всѣ

---

[1]) 1840. Londres. Réc. Brunnow, dép. 5/17 juillet № 187.

удалятся одновременно, однѣ въ Средиземное, другія въ Черное море».

Статья 3-я изложена въ слѣдующемъ видѣ: «какъ это установлено между обѣими договаривающимися сторонами и разумѣется ими, мѣры содѣйствія, упомянутыя въ предъидущей статьѣ и предназначенныя для обезпеченія временной безопасности Дарданеллъ, Босфора и турецкой столицы, должны разсматриваться, какъ исключительныя мѣры, принимаемыя, по особой просьбѣ султана, съ единственною цѣлью его защиты въ вышеуказанномъ случаѣ; такія мѣры не назначаются и не устанавливаются съ цѣлью отмѣнять въ какомъ-либо отношеніи право, которымъ, по признанному международному закону, обладаетъ султанъ, какъ владѣлецъ обоихъ береговъ узкихъ проливовъ Босфора и Дарданеллъ, запрещать входъ въ эти проливы военнымъ судамъ всѣхъ иностранныхъ державъ, и султанъ, съ своей стороны, тѣмъ самымъ объявляетъ, что, за исключеніемъ вышеупомянутаго случая, онъ имѣетъ твердую рѣшимость сохранять на будущее время это начало, неотмѣнно установленное, какъ древнее правило его имперіи, и, пока Порта находится въ мирѣ, не допускать никакого военнаго иностраннаго судна въ проливы Дарданеллъ и Босфора; съ другой стороны, ихъ величества императоры всероссійскій и австрійскій, короли Великобританіи, Пруссіи и Франціи обязуются уважать это рѣшеніе султана и дѣйствовать согласно съ вышеозначеннымъ началомъ.

Баронъ Брунновъ взялся передѣлать проектъ конвенціи сообразно поправкамъ, изложивъ его по-французски, и на слѣдующій день, 11-го іюля, передалъ свою работу лорду Пальмерстону, который перевелъ проектъ на англійскій языкъ, сдѣлавъ предварительно исправленія своею рукою.

По означенному проекту 3-я статья соотвѣтствуетъ 2-ой статьѣ предъидущаго и начиналась словами: «Если Мегеметъ-Али, отказавшись подчиниться условіямъ вышеупомянутаго соглашенія, направитъ свои сухопутныя или морскія силы на Константинополь, высокія договаривающіяся стороны» и т. д.

Статья 3-я новаго проекта, соотвѣтствующая 4-ой статьѣ предъидущаго, изложена въ такомъ видѣ: «При этомъ, одна-

ко, разумѣется, что упомянутыя въ предъидущей статьѣ совмѣстныя дѣйствія, предпринимаемыя съ цѣлью поставить временно Дарданельскій и Босфорскій проливы и столицу оттоманскую подъ защиту высокихъ договаривающихся сторонъ противъ всякаго нападенія Мегемета-Али, будутъ считаться мѣрою исключительною, принятою, по особой просьбѣ султана и только для его защиты, въ единственномъ, выше сего означенномъ, случаѣ, посему постановляется, что эта мѣра не будетъ ни въ какомъ отношеніи отмѣнять стараго порядка оттоманской имперіи, въ силу котораго военнымъ судамъ иностранныхъ державъ, во всѣ времена, запрещалось входить въ Дарданельскій и Босфорскій проливы. Вслѣдствіе сего, съ одной стороны, султанъ объявляетъ настоящимъ актомъ, что, за исключеніемъ вышеупомянутаго случая, онъ имѣетъ твердую рѣшимость» и т. д.

Главное измѣненіе въ этой послѣдней редакціи коснулось начала, на которомъ основано право султана на закрытіе проливовъ. По мнѣнію лорда Пальмерстона, закрытіе проливовъ слѣдовало основать на томъ правилѣ, признанномъ англійскими законами, по которому султанъ, какъ владѣлецъ обоихъ береговъ Константинопольскаго канала, воленъ закрыть входъ въ него иностраннымъ военнымъ судамъ. Англійскій кабинетъ полагалъ, что, въ оправданіе этого условія конвенціи передъ парламентомъ и англійскою публикою, лучше было его обосновать на древнемъ правилѣ, съ давнихъ поръ уже установленномъ въ оттоманской имперіи, которое Англія сама признала въ своемъ договорѣ 1809 г. Основываясь на этомъ правилѣ, совѣтъ министровъ надѣялся избавиться отъ нареканій, которыя могла бы ему сдѣлать оппозиція, въ допущеніи новаго начала въ угоду интересовъ Россіи Если бы министерству былъ сдѣланъ такой упрекъ, то оно бы отвѣтило, что, признавъ формально правило, установленное съ давнихъ поръ, оно подчинилось условію, обязательному для Англіи, въ силу ея прежнихъ договоровъ съ Портою. Лордъ Пальмерстонъ настаивалъ на этомъ объясненіи, такъ какъ онъ предвидѣлъ, что будутъ обвинять министерство въ томъ, что оно допустило закрытіе проливовъ навсегда, тогда какъ, по Ункіаръ-Искелесскому договору, проливы были закрыты лишь на восемь лѣтъ, при чемъ срокъ договора истекалъ черезъ два года. Такимъ образомъ, лордъ Пальмерстонъ

признавался, что Ункіаръ-Искелесскій договоръ въ этой своей части возобновлялся конвенціею и пріобрѣталъ новую жизнь [1].

3/15-го іюля 1840 г. были подписаны въ Лондонѣ представителями Россіи, Австріи, Великобританіи и Пруссіи и турецкимъ уполномоченнымъ Хекибомъ актъ о соглашеніи между султаномъ и египетскимъ пашой и особый протоколъ о принудительныхъ мѣрахъ противъ Мегемета-Али.

Первый актъ начинался предисловіемъ, въ которомъ признано необходимымъ объяснить вмѣшательство четырехъ державъ во внутреннюю распрю между султаномъ и его вассаломъ, при чемъ, съ цѣлью пощадить верховныя права султана, ему приписано обращеніе къ четыремъ державамъ за помощью въ его войнѣ съ Мегеметомъ-Али. Но не только это обращеніе побудило державы оказать просимое содѣйствіе султану; онѣ были движимы желаніемъ блюсти за сохраненіемъ цѣлости и независимости оттоманской имперіи въ интересахъ укрѣпленія европейскаго мира и считали себя связанными коллективно нотою, переданной ихъ представителями Портѣ 27-го іюля 1839 г., по которой онѣ приняли на себя посредничество между султаномъ и пашой для заключенія мира. Это предисловіе указываетъ на то, что уже было выше сказано: актомъ 1840 г. начало сохраненія оттоманской имперіи, которое Россія признавала за благо соблюдать, считая выгоднѣе имѣть слабаго сосѣда на своихъ границахъ, и къ которому она пріобщила Австрію, какъ союзницу по Мюнхенгрецскому соглашенію, положено въ основаніе политики на востокѣ великихъ державъ, за исключеніемъ Франціи, которая тѣмъ же актомъ признана нарушившей данное ею, совмѣстно съ другими державами, обязательство о посредничествѣ. Разсматривая затѣмъ тѣ условія, которыя императорское правительство первоначально выработало въ своихъ докладахъ и внесло въ инструкціи, данныя барону Бруннову, но которыми послѣдній, во время хода переговоровъ, вынужденъ былъ поступиться, мы находимъ что, на основаніи 3 ст. конвенціи, защита престола султана, производимая всѣми державами сообща, съ цѣлью огражденія обоихъ проливовъ, прекращается, по волѣ султана, одновременно всѣми дер-

---

[1]) 1840. Londres. Réc., dép. 5/17 juillet № 187; $\frac{30 \text{ juillet}}{11 \text{ aout}}$ № 207.

жавами. Такимъ образомъ, Россія согласилась на введеніе въ Мраморное море и въ проливы англійскаго флота одновременно съ своимъ, чему она первоначально противилась всѣми силами и на выходъ изъ проливовъ своего флота одновременно съ англійскимъ. Это условіе разрушало всѣ преимущества Ункіаръ-Искелесскаго договора, и хотя Россія и отказалась отъ него, но въ продолженіе переговоровъ съ Пальмерстономъ ея представитель отстаивалъ присутствіе однихъ русскихъ судовъ въ проливахъ, предоставляя англійской и французской эскадрамъ дѣйствовать въ защиту султана въ водахъ Средиземнаго моря. Другое предложеніе барона Бруннова о закрытіи проливовъ военнымъ судамъ, не только въ мирное, но и во время войны, равнымъ образомъ не вошло въ актъ, подписанный въ Лондонѣ, по IV ст. котораго Порта не допускаетъ въ проливы военныхъ судовъ, только пока она находится въ мирѣ.

III.

Вторая Лондонская конвенція 1/13-го іюля 1841 г.

Когда въ февралѣ 1841 г. Мегеметъ-Али окончательно покорился власти султана, получивъ Египетъ въ потомственное управленіе, цѣль конвенціи 3/15-го іюля 1840 г., заключенной главнымъ образомъ для содѣйствія султану въ его борьбѣ съ возставшимъ вассаломъ, оказалась достигнутой; ея постановленіями необходимо было воспользоваться для облеченія соглашенія о проливахъ въ форму отдѣльнаго акта, къ которому привлечь французское правительство. «Считалось, пишетъ баронъ Брунновъ [1]), въ высшей степени важнымъ побудить Францію къ прямому признанію ненарушимости начала закрытія проливовъ, съ тою цѣлью, чтобы она не могла когда нибудь увѣрять, что она находится въ совершенно исключительномъ положеніи, не будучи связанной передъ Портою формальнымъ обязательствомъ, подобнымъ тому, которое содержится въ IV ст. конвенціи, подписанной остальными четырьмя державами 3/15-го іюля 1840 г.».

Проекты новой конвенціи были составлены лордомъ

[1]) 1841. Londres. I. Réc, dép. $\frac{17 \text{ février}}{1 \text{ mars}}$ № 31.

Пальмерстономъ и барономъ Брунновымъ, который внесъ новую статью о томъ, что султанъ предоставляетъ себѣ довести конвенцію до свѣдѣнія всѣхъ державъ, съ коими Порта находится въ дружественныхъ сношеніяхъ, и предложитъ имъ приступить къ оной. Это прибавленіе было признано необходимымъ, такъ какъ начало закрытія проливовъ касается не только пяти великихъ державъ, но оно обязательно для всѣхъ государствъ, поддерживающихъ сношенія съ Турціею.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію самой конвенціи, подписанной представителями пяти великихъ державъ и уполномоченнымъ Порты Хекибъ-ефенди 1/13-го іюля 1841 г., мы остановимся на предисловіи къ конвенціи, въ которомъ содержится указаніе на то, что означенный актъ имѣетъ цѣлью предоставить султану явное доказательство уваженія, питаемаго правителями пяти державъ къ неприкосновенности его владѣтельскихъ правъ, а равно и ихъ искренняго желанія укрѣпить покой его имперіи. Эта фраза есть отголосокъ того обязательства, котораго требовали и Австрія, и Франція въ отношеніи обезпеченія неприкосновенности владѣній султана, вопреки мнѣнію барона Бруннова, къ которому присоединился лордъ Пальмерстонъ. Обязательство это превратилось въ торжественныя увѣренія, получившія мѣсто въ предисловіи къ конвенціи. Первая статья конвенціи изложена слѣдующимъ образомъ. «Его величество султанъ, съ одной стороны, объявляетъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе на будущее время соблюдать начало, непреложно установленное, какъ древнее правило его имперіи, и въ силу коего всегда было воспрещено военнымъ судамъ иностранныхъ державъ входить въ проливы Дарданеллъ и Босфора, и пока Порта находится въ мирѣ, его султанское величество не допуститъ ни одного военнаго иностраннаго судна въ сказанные проливы, и ихъ величества... съ другой стороны, обязываются уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ вышеизложеннымъ началомъ».

Въ этой конвенціи всѣ великія державы признали сообща необходимость этой политической единицы въ лицѣ оттоманской имперіи, слишкомъ слабой, чтобы самой защищаться и влачить свое существованіе собственными средствами. Русскіе государственные люди начала прошлаго

столѣтія признавали существованіе такого слабаго государства на границѣ Россіи выгоднымъ для нея; тѣмъ же взглядомъ руководствовалась русская политика царствованія Николая I, поддерживая распадающуюся власть султана русскими войсками. Но такая поддержка оказалась не по силамъ одной Россіи, которая, увлеченная неблагодарною задачей, возложенной на нее превратными умозаключеніями, на свою погибель привлекла къ себѣ на помощь для защиты разслабленнаго сосѣда всѣ великія державы Европы. Такое соопекунство государствъ, преслѣдующихъ каждое свои цѣли, породило тайную борьбу между ними изъ-за наблюденія надъ опекаемою Турціею, борьбу, направленную преимущественно противъ Россіи, какъ болѣе могущественнаго сосѣда, пользующагося особымъ обаяніемъ среди соплеменныхъ православныхъ народовъ, подчиненныхъ власти султана. Тайная борьба привела къ явной войнѣ, кончившейся севастопольскимъ погромомъ.

Если затѣмъ перейти къ разбору первой статьи конвенціи и вчитаться въ нее, то обнаружится несомнѣнное противорѣчіе между предисловіемъ и первой статьею конвенціи: тогда какъ въ предисловіи державы преклоняются передъ независимостью султана, въ 1-й статьѣ они попираютъ его верховныя права, обязавъ его держать проливы закрытыми.

Первая статья состоитъ изъ двухъ частей, изложеніе которыхъ совершенно различно. Первая часть заключаетъ въ себѣ заявленіе Порты о томъ, что она имѣетъ твердое намѣреніе на будущее время соблюдать древнее правило имперіи о воспрещеніи иностраннымъ военнымъ судамъ входа въ проливы. Вторая же часть содержитъ обязательство державъ уважать это древнее правило, а равнымъ образомъ и твердое намѣреніе султана о соблюденіи этого правила. Но собственно говоря, это—только витіеватое изложеніе, имѣющее цѣлью оказать лишь наружное почтеніе верховенству султану; въ сущности же подъ видомъ обязательства державъ скрывается формальное обязательство его не поступаться этимъ правиломъ въ угоду одной изъ державъ, какой бы то ни было. Допуская такое изложеніе, представители державъ полагали избѣгнуть поразительной противоположности понятій, заключавшихся въ

предисловіи, гдѣ торжественно преклонялись они передъ неприкосновенностью верховныхъ правъ султана, и въ постановленіяхъ первой статьи, которыя удивительнымъ образомъ нарушали эти права. Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ и томъ же международномъ актѣ представители пяти державъ сперва признаютъ независимость султана, чтобы потомъ, нѣсколькими строками ниже, воспрещать ему пропускъ иностранныхъ военныхъ судовъ въ проливы по его усмотрѣнію, такъ какъ это пресловутое древнее правило Оттоманской имперіи—есть нечто иное, какъ простое распоряженіе Порты, отмѣна котораго, казалось бы, исключительно зависѣла отъ воли султана, и, совершая такую отмѣну, онъ бы не превысилъ своихъ верховныхъ правъ, уважать которыя заявили желаніе всѣ державы. Во избѣжаніе такого разительнаго противорѣчія придумана была редакція первой статьи въ томъ видѣ, какъ будто султанъ, пользуясь своими верховными правами, объявлялъ о своемъ намѣреніи соблюдать на будущее время сказанное древнее правило, тогда какъ державы обязывались преклоняться передъ рѣшеніями, принятыми верховнымъ правителемъ оттоманской имперіи. Форма почтенія была соблюдена, чтобы не оскорблять чувства собственнаго достоинства султана, но въ сущности вопросъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ, который былъ угоденъ державамъ. Это заключеніе подтверждается текстомъ 2-й статьи конвенціи, которая гласитъ: «Постановлено, что, подтверждая неприкосновенность древняго правила оттоманской имперіи, изложеннаго въ предъидущей статьѣ, султанъ предоставлялъ себѣ, по прежнему, выдавать фирманы на проходъ мелкихъ судовъ подъ военнымъ флагомъ, состоящихъ, по обычаю, въ распоряженіи посольствъ дружественныхъ державъ».

Упоминая о правѣ, которымъ султанъ предоставлялъ себѣ пользоваться, какъ это дѣлалось прежде, конвенція имѣла въ виду, что цѣль первой статьи заключалась именно въ лишеніи его права, которымъ онъ несомнѣнно обладалъ, на пропускъ, по своему усмотрѣнію, иностранныхъ военныхъ судовъ въ проливы. Первая статья лишала его этого права, нарушая тѣмъ самымъ его верховенство; напротивъ, вторая статья имѣла цѣлью указать на то, что ему оставлено пользованіе этимъ верховнымъ правомъ въ самой ограниченной долѣ, которая состоитъ въ томъ, что

онъ имѣетъ возможность выдавать фирманы на проходъ мелкихъ военныхъ судовъ, принадлежащихъ посольствамъ, и только ихъ однихъ.

Такимъ образомъ, конвенція 1841 г. содержитъ договорное обязательство, связывающее обѣ стороны; оно—не простое обязательство Порты передъ каждой изъ пяти державъ, ни обязательство каждой изъ нихъ, отдѣльно взятой, передъ Портой. Оно—совокупное, нераздѣльное. Такое его свойство очевидно изъ предисловія къ конвенціи, въ которомъ говорится, что ихъ величества положили согласиться на приглашеніе султана для подтвержденія сообща формальнымъ актомъ своего единодушнаго рѣшенія сообразоваться съ древнимъ правиломъ оттоманской имперіи. Такого понятія о солидарности не встрѣчается въ актѣ, заключенномъ 3/11-го іюля 1840 г. Но конвенція 1/13-го іюля 1841 г. содержитъ не пять отдѣльныхъ обязательствъ, принятыхъ пятью великими державами по отношенію къ Портѣ, но одно недѣлимое, которое эти державы заключили съ Портою и которое онѣ поручились соблюдать по отношенію не только къ султану, но и другъ къ другу, такъ что каждая изъ нихъ отвѣчаетъ передъ другой за нарушеніе обязательства, принятаго ими на себя совокупно и нераздѣльно. Если бы державы, представители которыхъ подписали конвенцію, обязались передъ Портою каждая за себя, то, уговорившись съ нею, каждая могла отказаться отъ заключенной конвенціи; но не таковы буквальный смыслъ этого акта и намѣреніе сторонъ, его подписавшихъ. Послѣднія имѣли въ виду связать себя круговою порукою, такъ что договоръ не могъ бы быть отмѣненъ иначе, какъ по общему состоявшемуся между ними соглашенію объ отмѣнѣ или измѣненіи обязательства принятаго на себя нераздѣльно [1]). Такое ограниченіе верховныхъ правъ султана на проливы, предусмотрѣнное конвенціею 1/13-го іюля 1841 г., встрѣчается, хотя и не въ столь значительной степени, въ VII ст. Константинопольскаго договора 11/23-го сентября 1805 г., по которой Россія и Турція признали Черное море закрытымъ для военныхъ судовъ, кромѣ русскихъ и оттоманскихъ, и обя-

---

[1]) Heinrich Geffcken. Revue de droit international, XVII, 1885 № 1. Incidents de droit international dans le différend anglo—russe.

зались охранять его отъ вторженія непріятельскаго флота соединенными своими силами, при чемъ русскимъ военнымъ судамъ было предоставлено право свободнаго прохода черезъ Константинопольскій проливъ въ Средиземное море и обратно, и Порта обязалась во всѣхъ случаяхъ содѣйствовать союзнымъ судамъ. Такимъ образомъ по договору 1805 г., Порта обязалась держать проливы закрытыми всѣмъ иностраннымъ судамъ кромѣ русскихъ; ограниченіе ея верховныхъ правъ было сдѣлано въ пользу Россіи, военнымъ судамъ одной Россіи проливы были открыты.

Хотя Порта и была ограничена по договору 1805 г. въ свободномъ распоряженіи входомъ въ проливы, но это ограниченіе не простиралось на неприкосновенность верховныхъ правъ султана, оно не было постоянное, такъ какъ договоръ былъ заключенъ на восемь лѣтъ; затѣмъ отъ воли султана зависѣло нарушить принятое имъ на себя обязательство не пропускать иностранныхъ военныхъ судовъ въ Черное море; безъ сомнѣнія въ этомъ случаѣ онъ подвергался опасности войны съ Россіей, но, какъ показало будущее, опасность такой войны не удержала Порты отъ постояннаго нарушенія договора, дѣйствіе котораго вслѣдствіе возгорѣвшихъ военныхъ дѣйствій, въ скоромъ времени прекратилось. Заключеніе этого договора съ Россіею не помѣшало Портѣ въ 1809 г. вступить съ Англіей въ обязательственныя отношенія, въ силу которыхъ послѣдняя обѣщала подчиниться древнему правилу, запрещающему иностраннымъ военнымъ судамъ въ мирное время входъ въ Дарданеллы и Босфоръ. Обязательство Англіи продолжилось бы, пока Порта сама бы не рѣшилась открыть проливы другой державѣ; въ этомъ случаѣ Англія была бы свободна нарушить его и войти въ проливы.

По Ункіаръ-Искелесскому договору закрытіе Дарданеллъ обусловлено войною Россіи съ другою державою; тогда султанъ закрывалъ проливъ и въ этомъ заключалась его помощь, обѣщанная Россіи. При всѣхъ другихъ случаяхъ султанъ могъ свободно примѣнять древнее правило своей имперіи по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, одна конвенція 1841 г. ограничивала въ полномъ объемѣ верховныя права султана, такъ какъ обязательство, приня-

тое имъ, распространялось на всѣ державы безъ опредѣленія какого-либо срока. Нарушеніе его въ пользу одной изъ державъ влекло за собою отвѣтственность султана передъ всѣми остальными. Какъ въ актѣ, подписанномъ въ 1840 г., такъ и въ конвенціи 1841 г. закрытіе проливовъ имѣетъ мѣсто только во время мира, пока Порта находится въ мирѣ. Мы уже говорили, что предложеніе барона Бруннова о закрытіи ихъ и въ мирное и военное время, даже съ оговоркою, пока Порта будетъ находиться въ мирѣ съ ними, т.-е. съ державами, не была принята въ виду неопредѣленности этой оговорки, какъ выразился лордъ Пальмерстонъ. По буквальному ея смыслу, при нахожденіи Порты въ мирѣ со всѣми державами, подписавшими актъ, проливы остаются закрытыми и въ томъ случаѣ, если бы она состояла въ войнѣ съ какою-либо иною державою, напримѣръ, съ Сѣверо-Американскою республикою. Изъ чего слѣдуетъ, какъ уже сказано выше, что при войнѣ султана съ одной или двумя изъ державъ, подписавшихъ актъ, а не со всѣми этими державами, такъ какъ въ этой оговоркѣ закрытіе или открытіе ихъ поставлено въ зависимость отъ состоянія Порты въ мирѣ или въ войнѣ не съ одной, а со всѣми державами, проливы должны были быть закрыты. Если не держаться такого буквальнаго толкованія и предположить, что означенною оговоркою баронъ Брунновъ подразумѣвалъ состояніе Турціи въ мирѣ вообще, при каковомъ только состояніи проливы были закрыты, то можно заключить, что при нахожденіи Порты въ войнѣ, хотя бы съ одной изъ державъ, закрытіе проливовъ отмѣнялось и ей предоставлялась полная свобода дѣйствій, т.-е. она могла обратиться къ русскому флоту Чернаго моря и пропустить его въ Средиземное для военныхъ дѣйствій противъ непріятеля или ввести союзника въ Черное море изъ Средиземнаго. Конвенція о проливахъ, въ принятой всѣми державами редакціи, могла оказать услугу Россіи, въ случаѣ ея войны съ одной изъ морскихъ державъ, при сохраненіи Турціею полнаго нейтралитета, такъ какъ въ этомъ случаѣ Порта, находясь сама въ мирѣ съ обѣими воюющими государствами, обязана была держать проливы закрытыми. Закрытіе Дарданеллъ и Босфора препятствовало проходу непріятельскаго флота изъ Средиземнаго моря въ Черное, чѣмъ обезпечивалась безопасность

русскихъ владѣній и черноморской нашей эскадры. Но опытъ показалъ, что Россіи нельзя разсчитывать на такую безопасность въ виду того, что обезпеченіе ея лежитъ не въ силѣ одного договора, а въ дѣйствительномъ желаніи Порты его соблюсти, въ достаточной ея рѣшимости отразить всякую попытку нарушенія договора и защитить входъ въ проливы силою оружія.

Въ конвенціи говорится о проходѣ черезъ проливы военныхъ судовъ, о запрещеніи имъ входить въ нихъ, но точно не упоминается, относится ли закрытіе проливовъ къ обоимъ направленіямъ. На основаніи Ункіаръ-Искелесскаго договора Порта закрывала, въ случаѣ требованія, Россіи одинъ Дарданельскій проливъ, тѣмъ препятствуя появленію въ Мраморное море непріятельской эскадры, идущей изъ Средиземнаго моря; въ этомъ случаѣ для русской эскадры Босфоръ оставался свободнымъ. Предложивъ державамъ отказаться отъ возобновленія Ункіаръ-Искелесскаго договора и закрыть не только Дарданеллы, но и Босфоръ, Россія отказывалась, очевидно, отъ свободнаго прохода черезъ послѣдній проливъ, почему, въ виду состоявшагося соглашенія о закрытіи обоихъ проливовъ, слѣдуетъ признать, что это закрытіе должно быть понимаемо въ оба направленія, т.-е. относится къ судамъ, идущимъ изъ Средиземнаго и изъ Чернаго морей. Это заключеніе подтверждается еще статьей 2-ой конвенціи, которой, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, султану предоставлено выдавать фирманы на проходъ черезъ проливы мелкихъ военныхъ судовъ, состоящихъ въ распоряженіи посольствъ дружественныхъ державъ, такъ какъ мелкія суда, командируемыя въ распоряженіе нашего посольства, могли слѣдовать изъ Чернаго моря, то имъ предстояло пройти черезъ Босфоръ, суда же западно-европейскихъ державъ той же категоріи направлялись въ Константинополь черезъ Дарданеллы, изъ чего нельзя не выводить, что какъ и исключительное правило, такъ и общее относилось къ судамъ, идущимъ въ томъ и другомъ направленіи. По поводу означенной 2-ой статьи конвенціи остается замѣтить, что баронъ Брунновъ до подписанія ея озаботился оградить для Россіи право прохода черезъ проливы мелкихъ военныхъ судовъ, посылаемыхъ изъ Чернаго моря въ распоряженіе нашей миссіи въ Аѳинахъ и возвращающихся тѣмъ же

путемъ въ Россію[1]). Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній въ будущемъ, баронъ Брунновъ прочелъ всѣмъ уполномоченнымъ, передъ подписаніемъ конвенціи заявленіе по сему предмету на имя турецкаго посла Хекибъ-ефенди. Всѣ присутствовавшіе представители приняли это заявленіе къ свѣдѣнію. Лордъ Пальмерстонъ вполнѣ одобрилъ предусмотрительность барона Бруннова, который оставилъ копію съ означеннаго заявленія въ архивѣ британскаго министерства. Предосторожность эта,—писалъ онъ[2]),—тѣмъ болѣе необходима въ виду возможнаго паденія министерства. Заявленіе это было изложено барономъ Брунновымъ слѣдующимъ образомъ.

«Г. посолъ, подписывая конвенцію сего числа относительно сохраненія древняго правила оттоманской имперіи, по которому всегда запрещался военнымъ судамъ проходъ въ проливы Босфора и Дарданеллъ, я считаю своимъ долгомъ письменно заявить о томъ, что, вслѣдствіе дружескихъ отношеній, признано, что ст. 2 конвенціи, говорящая о выдачѣ, какъ въ прошломъ, фирмановъ на проходъ судовъ, примѣняется равнымъ образомъ къ легкимъ судамъ, обслуживающимъ русскую императорскую миссію въ Греціи. Такъ какъ эти суда, входящія въ составъ императорскаго черноморскаго флота, смѣняются черезъ извѣстный промежутокъ времени, то, по обычаю, эти суда снабжаются фирманами каждый разъ, когда они проходятъ черезъ проливъ. Это распоряженіе установлено обычаемъ; почему я считаю правильнымъ о немъ упомянуть, съ цѣлью признанія, что ст. 2 настоящей конвенціи служитъ для утвержденія этого обычая»

---

[1]) 1841. Londres. II. Réc., dép. 4/16 mars 1841 № 49.
[2]) 1841. Londres. II. Réc., dép. 1/13 juillet № 141.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Россія, призвавъ западныя державы къ совмѣстному съ нею охраненію оттоманской имперіи, вызвала ихъ коалицію противъ себя, завершившуюся Севастопольской войною. Вѣнская конференція 1854 и 1855 гг. Парижскій договоръ 1856 г.

Въ конвенціи 1/13-го іюля 1841 г. охраненіе неприкосновенности и покоя оттоманской имперіи совмѣстно приняли на себя великія державы, въ томъ числѣ и Россія, которая отказалась отъ принадлежавшаго ей по Ункіаръ-Искелесскому договору права защиты береговъ Босфора. Уничтоживъ силою заключенной конвенціи существовавшее до нея въ этомъ отношеніи первенствующее вліяніе Россіи, Англія, Франція и Австрія продолжали съ чувствомъ зависти и подозрѣнія относиться къ Россіи, въ виду того, что ея покровительствомъ пользовались въ Турціи православные подданные Порты, взиравшіе на Россію, какъ на свою заступницу и защитницу. Въ этомъ ея громадномъ преобладаніи надъ ними западныя державы усматривали опасность за существованіе Турціи. Подъ это исключительное положеніе, занятое Россіею на почвѣ религіозной, подкапывались правительства западныхъ державъ. Выжидались только предлогъ и благопріятное стеченіе обстоятельствъ, чтобы вызвать между Россіей и Турціей столкновеніе, вмѣшавшись въ которое, западныя державы уничтожили бы и это преимущественное положеніе Россіи подъ видомъ защиты самостоятельности и верховныхъ правъ турецкаго султана. Предлогомъ послужилъ возникшій въ 1853 г. споръ между православными и католиками, споръ изъ-за святыхъ мѣстъ, которымъ воспользовался императоръ французовъ Наполеонъ III, избранникъ всеобщаго народнаго голосованія, для подавленія съ помощью европейской коалиціи, представителя самодержавія, императора Николая I. Вслѣдствіе неисполненія Портою требованій, предъявленныхъ къ ней, наши войска, въ видѣ понудительной мѣры до объявленія войны, заняли 22-го іюня 1853 г. дунайскія княжества, вслѣдъ затѣмъ англійская и французская эскадры вошли въ Мраморное море, чѣмъ на-

рушили, первыя, конвенцію 1841 г. Лондонскіе и парижскіе министры оправдывали свои дѣйствія тѣмъ, что на нихъ обязанности лежало, въ силу той же конвенціи, защищать неприкосновенность турецкихъ владѣній, занятыхъ русскими войсками. Баронъ Брунновъ, къ которому первый министръ Англіи лордъ Абердинъ обратился за его мнѣніемъ по возбужденному вопросу, въ своей депешѣ отъ 3/15-го іюня 1853 г.[1]) пишетъ: «Во время заключенія конвенціи 1841 г. дѣйствительно думали включить въ нее особенную статью о гарантіи. Но я воспротивился тому: подобное внушеніе исходило не отъ Англіи, но отъ уполномоченнаго Австріи. Лордъ Пальмерстонъ помогъ мнѣ устранить это предложеніе. Стало быть, съ согласія и при помощи великобританскаго правительства, мысль о включеніи въ трактатъ статьи объ особенной гарантіи была отвергнута и въ концѣ концовъ устранена. Въ предисловіи къ трактату выражалось желаніе сохранить неприкосновенность Турціи, но вовсе не устанавливается обязательство. Это соображеніе, по строгому началу права, не есть обязательство; оно предшествуетъ договорному условію, исключительно относящемуся къ закрытію проливовъ въ мирное время».

Если припомнить ходъ переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію актовъ 1840 и 1841 годовъ, то нельзя не согласиться съ заключеніемъ барона Бруннова. Русское правительство на отрѣзъ отказывалось отъ включенія въ договоръ совмѣстнаго съ другими державами обязательства ручаться за неприкосновенность владѣнія султана, обязательства, направленнаго противъ Россіи, на которомъ въ особенности настаивалъ князь Меттернихъ. Для согласованія означеннаго требованія Австріи, къ которой затѣмъ примкнула Франція, съ противоположнымъ мнѣніемъ Россіи придумано было, включенное въ предисловіе къ конвенціи, торжественное объявленіе державъ, что онѣ, въ засвидѣтельствованіе своего общаго согласія и въ уваженіе неприкосновенности верховныхъ правъ султана, сговорились вступить въ соглашеніе о закрытіи проливовъ. Такимъ образомъ. въ этомъ торжественномъ объявленіи не встрѣчается признаковъ формальнаго обязательства, это—мотивировка,

[1]) 1853. Londres. Réc. № 1130, dép. 3/15 juin 1854 № 140.

одинъ сводъ разсужденій, приведшихъ къ заключенію самаго акта. Въ виду сего Россія, занявъ дунайскія княжества, не нарушала никакого формальнаго обязательства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она тѣмъ самымъ заявляла, что она вышла изъ круга державъ, согласившихся уважать неприкосновенность верховныхъ правъ султана, если только это занятіе княжествъ могло угрожать существованію оттоманской имперіи, охраненіе которой было признано необходимымъ для обезпеченія всеобщаго мира. Съ цѣлью поддержать этотъ миръ, поколебленный, какъ то признали лондонскій и парижскій кабинеты, вступленіемъ русскихъ войскъ въ дунайскія княжества, Англія и Франція послали свои эскадры въ Мраморное море въ нарушеніе уже формальнаго обязательэтва, принятаго имъ на себя по конвенціи 1841 года, соблюдать древнее правило оттоманской имперіи о закрытіи проливовъ, пока Порта находилась въ мирѣ. Въ моментъ прохода англійскихъ и французскихъ судовъ черезъ Дарданельскій проливъ (въ іюнѣ 1853 г.), миръ еще существовалъ, такъ какъ война между Россіей и Турціей была объявлена лишь 4-го октября 1853 г. Такимъ образомъ, конвенція 1841 г Россіи никакой пользы не принесла, хотя баронъ Брунновъ доказывалъ противное въ своемъ письмѣ отъ $\frac{\text{30-го августа}}{\text{11-го сентября}}$ 1854 г., но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ соглашался, что этотъ договоръ раздѣлялъ судьбу всѣхъ дипломатическихъ соглашеній. «Онъ оказался намъ безполезнымъ именно тогда, когда мы въ особенности въ немъ нуждались. Онъ примѣнимъ только во время мира; при возникновеніи усложненія онъ никуда не годится». Примѣненіе началъ международнаго права, а также исполненіе международныхъ договоровъ находятся въ зависимости отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ и политическихъ соображеній.

Вспомнимъ, какъ самъ лордъ Пальмерстонъ, послѣ первыхъ объясненій съ барономъ Брунновымъ въ 1839 г. о закрытіи обоихъ проливовъ, обратился за совѣтомъ къ англійскимъ юристамъ, которые дали свое заключеніе, основанное на правилахъ международнаго права, въ томъ смыслѣ, что Черное море должно быть признано закрытымъ. Между тѣмъ тотъ же англійскій кабинетъ, совмѣстно съ французскимъ, доказывалъ противное, когда, послѣ Синопскаго сраженія (ноябрь 1853 г.), военныя эскадры мор-

скихъ державъ прошли изъ Мраморнаго моря въ Босфоръ, который въ виду нахожденія Порты въ войнѣ съ Россіей считался, въ силу конвенціи, открытымъ, и проникли въ Черное море. Россія заявила протестъ противъ присутствія военнаго флота Англіи и Франціи, еще не объявившихъ ей войну, въ водахъ Чернаго моря, берега котораго находились въ исключительномъ владѣніи одной Россіи и Турціи, т.-е. моря закрытаго. Морскимъ державамъ не было разсчета соблюдать теоретическія умозаключенія; политика ихъ была направлена противъ Россіи; оставаясь пока нейтральными, онѣ помогали Турціи въ перевозкѣ войскъ и амуниціи на нейтральныхъ судахъ. Въ отвѣтъ на протестъ Россіи состоялся союзъ Англіи и Франціи (20-го января 1854 г.), а 12-го марта 1854 г. заключенъ союзный договоръ между ними и Турціей противъ Россіи; къ морскимъ державамъ, 2-го декабря 1854 г., примкнула и Австрія.

Еще въ теченіе 1853 г. въ Вѣнѣ велись между представителями державъ переговоры сперва о предотвращеніи общей войны, а затѣмъ, когда она открылась, то, по иниціативѣ вѣнскаго кабинета, была созвана конференція, въ которой Пруссія не участвовала, объ основаніяхъ мира. Императоръ Николай изъявилъ согласіе на участіе русскаго уполномоченнаго въ конференціи, принявъ исходною точкою переговоровъ четыре положенія, предъявленныя западными державами: 1) совмѣстное обезпеченіе пятью державами религіозныхъ и гражданскихъ правъ за христіанскимъ населеніемъ Турціи, безъ различія вѣроисповѣданій; 2) совмѣстное покровительство, оказываемое пятью державами дунайскимъ княжествамъ; 3) пересмотръ конвенціи 1841 г., при чемъ Россія не будетъ противиться ея отмѣнѣ, если султанъ, какъ сторона наиболѣе заинтересованная, согласился бы на эту мѣру; 4) свобода плаванія по Дунаю[1]). Телеграммой 13-го ноября 1854 г. нашъ посланникъ въ Вѣнѣ князь Горчаковъ получилъ разрѣшеніе объявить, что с.-петербургскій кабинетъ принялъ эти четыре положенія основаніемъ переговоровъ, за изъятіемъ всякихъ комментаріи, и что ему должно быть пре-

---

[1]) 1854. Berlin. Exp., депеша барону Будбергу 25-го октября 1854 г. № 532.

доставлено право толкованія этихъ положеній, такъ какъ государь рѣшился, въ случаѣ открытія переговоровъ, придерживаться редакціи положеній намъ доставленныхъ. Главный споръ возникалъ изъ толкованія третьяго положенія или пункта, такъ какъ англійскій и французскій посланники при вѣнскомъ дворѣ лордъ Вестморландъ и баронъ Буркне передали австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ графу Буолю новую редакцію этого пункта въ томъ, что пересмотръ конвенціи 1841 г. долженъ былъ быть произведенъ совмѣстно сторонами, участвовавшими въ ея заключеніи, съ цѣлью соблюденія европейскаго равновѣсія [1]). Эти послѣднія слова возбуждали недоумѣніе графа Нессельроде. Какое отношеніе,—писалъ онъ,—имѣетъ этотъ пунктъ къ европейскому равновѣсію? Весь вопросъ сводился къ тому, должно ли закрытіе проливовъ быть сохранено или отмѣнено. Пересмотръ, который желали бы произвести западныя державы, клонился бы только къ введенію въ новый договоръ постановленій, которыхъ Россія не могла бы принять [2]). Князь Горчаковъ пояснилъ [3]), къ чему клонился этотъ пересмотръ, а именно къ уничтоженію всѣхъ нашихъ прежнихъ договоровъ съ Портою, къ разрушенію всѣхъ нашихъ морскихъ сооруженій, которыя, за отсутствіемъ всякаго противовѣса съ турецкой стороны, представляли, будто бы, собою постоянную угрозу оттоманской имперіи и къ ограниченію русскаго могущества въ Черномъ морѣ. Телеграммой $\frac{\text{24-го ноября}}{\text{6-го декабря}}$ князь Горчаковъ получилъ увѣдомленіе о назначеніи его уполномоченнымъ въ конференціи для обсужденія четырехъ пунктовъ въ предѣлахъ, указанныхъ въ депешѣ барону Будбергу отъ 25-го октября. «Мы,—говорилось въ телеграммѣ,—не желаемъ гарантіи оттоманской имперіи со стороны Россіи и не соглашаемся на безразсудныя и оскорбительныя условія, предложенныя западными державами въ отношеніи пересмотра трактата 1841 г.» Въ депешѣ отъ $\frac{\text{28-го ноября}}{\text{10-го декабря}}$ 1854 г. изложена инструкція, данная князю Горчакову и подтверждавшая то, что было сказано ему въ предъидущей телеграммѣ. Инструкція заключалась словами: «Императорскій кабинетъ не счи-

[1]) 1854. Vienne. III. Réc., dép. 2/14 août 1854 № 71.
[2]) 1854. Vienne. Exp., dép. 14/26 août 1854 № 429.
[3]) 1854 Vienne. III. Réc., dép. 2/14 août 1854 № 71.

таетъ себя призваннымъ къ начертанію уполномоченному Россіи инструкціи относительно отвѣта на предложенія, которыя не согласовались бы съ внутреннимъ чувствомъ достоинства и чести страны. Такія предложенія не были сдѣланы. Императорскій кабинетъ ихъ не ожидаетъ. Вѣрность и усердіе министра Россіи служатъ залогомъ того, что онъ никогда не рѣшится внять слову, которое было бы недостойно быть переданнымъ государю».

На собраніи, бывшемъ 16/28-го ноября[1]), баронъ Буркнэ прочелъ памятную записку, составленную имъ совмѣстно съ лордомъ Вестморландомъ и графомъ Буолемъ. Въ ней были изложены ихъ мысли о способѣ опредѣленія четырехъ пунктовъ. Въ этой запискѣ говорилось слѣдующее о третьемъ пунктѣ: «Пересмотръ договора 13-го іюля 1841 г. долженъ имѣть своимъ предметомъ установить болѣе тѣсную связь между существованіемъ оттоманской имперіи и европейскимъ равновѣсіемъ (de rattacher plus complétement l'existence de l'empire ottoman à l'equilibre européen) и положить конецъ преобладанію Россіи въ Черномъ морѣ. Что же касается мѣръ, которыя могли бы быть приняты по этому поводу, то онѣ, находясь въ слишкомъ большой зависимости отъ военныхъ событій, не поддаются болѣе точному опредѣленію въ настоящее время. Достаточно будетъ указать на ихъ сущность». На такое предложеніе князь Горчаковъ замѣтилъ, что онъ согласился бы на фразу: «установить болѣе тѣсную связь между существованіемъ оттоманской имперіи и европейскимъ равновѣсіемъ», но совершенно отказывается лично за себя входить въ обязательства съ цѣлью положить конецъ преобладанію Россіи въ Черномъ морѣ. Баронъ Буркнэ на это возразилъ, что ни одинъ изъ трехъ дворовъ не имѣлъ намѣренія предлагать такія мѣры, которыя могли бы оскорбить честь и достоинство императора Николая, но что ему предписано настоятельно требовать предварительнаго согласія князя Горчакова на сказанныя предначертанія въ томъ смыслѣ, въ какомъ они изложены. Вслѣдствіе замѣчаній императора Франца-Іосифа князь Горчаковъ согласился на изложеніе третьяго пункта въ томъ видѣ, что пересмотръ договора 1841 г. назначался съ тою цѣлью, чтобы установить бо-

[1]) 1854. Vienne. Rêc., dép. 17/29 décembre 1854 № 262.

лѣе тѣсную связь между существованіемъ оттоманской имперіи и европейскимъ равновѣсіемъ, при чемъ князь Горчаковъ добавилъ, что онъ не прочь обсудить на формальной конференціи тѣ мѣры, которыя бы предложили три державы съ цѣлью положить конецъ, такъ называемому ими, преобладанію Россіи на Черномъ морѣ, но подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы ни одна изъ означенныхъ мѣръ не клонилась къ умаленію верховныхъ правъ государя [1]). На аудіенціи, на которой князь Горчаковъ былъ принятъ австрійскимъ императоромъ 2-го января 1855 г., Францъ-Іосифъ заявилъ, что никогда онъ не дастъ своего согласія на такую комбинацію, которая была бы противна достоинству императора Николая I. Въ заключеніе онъ сказалъ князю Горчакову: «Avant toute chose, je vous prie d'être persuadé que jamais mon nom ne se trouvera attaché à une condition qui blesserait son honneur ou sa dignité (de l'empereur Nicolas) [2]). Довѣряя слову императора Франца-Іосифа, князь Горчаковъ высказался за обсужденіе задачи объ уменьшеніи нашего преобладанія въ Черномъ морѣ по слѣдующимъ причинамъ. «Существуетъ,—пишетъ онъ [3]),—два способа уменьшенія преобладанія какого-либо государства: ослабить его или укрѣпить ту державу, которой оно угрожаетъ, или увеличивая средства послѣдней, или съ ея согласія предоставляя ей противовѣсы. Не можетъ быть и рѣчи объ уменьшеніи преобладанія Россіи посредствомъ прямого ослабленія ея или умаленія ея верховенства въ виду безусловной рѣшимости императора Николая Павловича и положительнаго заявленія императора Франца-Іосифа. Остается второй способъ; по всему вѣроятію, обѣ западныя державы будутъ домогаться отвода земли на турецкой территоріи съ цѣлью устроить морскія станціи для ихъ военныхъ судовъ. Мы не могли бы этому противиться, но слѣдовало бы исключить Батумъ по причинамъ безопасности, столь явнымъ, что сама Австрія, какъ надо надѣяться, будетъ на нашей сторонѣ. Эти англо-французскія станціи на Черномъ морѣ были бы устроены на время, пока Тур-

---

[1]) 1854. Vienne. Réc., dép. 18/30 décembre № 266.

[2]) 1854. Vienne. Réc., dép. $\frac{\text{21 décembre}}{\text{2 janvier}}$ № 276.

[3]) 1854. Vienne. Réc., dép. $\frac{\text{22 decembré}}{\text{3 janvier}}$ № 278.

ція сама не заявитъ, что она въ нихъ болѣе не нуждается для обезпеченія своего существованія. Эта послѣдняя оговорка соотвѣтствовала бы видамъ вѣнскаго кабинета, такъ какъ ему вовсе невыгодно присутствіе англо-французскихъ судовъ въ Черномъ морѣ. Въ отвѣтъ на его депеши было сообщено князю Горчакову по телеграфу, что государь одобрилъ редакцію четырехъ пунктовъ, въ томъ числѣ и третьяго, исправленную императоромъ Францемъ-Іосифомъ, что въ рѣшительныхъ случаяхъ ему предлагается обращаться непосредственно къ австрійскому императору и что онъ уполномоченъ согласиться на устройство англо-французскихъ станцій на Черномъ морѣ въ любомъ пунктѣ, за исключеніемъ Батума [1]).

На собраніи уполномоченныхъ, бывшемъ $\frac{\text{26-го декабря}}{\text{7-го января}}$, признано, что, въ виду достиженія достаточнаго согласія въ мнѣніяхъ всѣхъ присутствовавшихъ, не существовало дальнѣйшихъ препятствій къ открытію формальной конференціи о мирѣ [2]). Одобряя дѣйствія князя Горчакова, графъ Нессельроде писалъ ему [3]) по предмету пересмотра конвенціи 1841 года: «Государь обсуждалъ этотъ вопросъ совершенно безпристрастно, выходя изъ того начала, что ни въ одномъ изъ договоровъ, заключенныхъ нами непосредственно съ Портою, не упоминается о Черномъ морѣ, какъ о морѣ закрытомъ. Закрытіе проливовъ военнымъ судамъ не произошло вслѣдствіе нашихъ соглашеній съ Портой, но исключительно въ виду существовавшаго издревле правила оттоманской имперіи. Трактатъ 1841 г. только призналъ и подтвердилъ это правило, установленное султанами, какъ владѣльцами береговъ, прилегающихъ къ проливамъ. Отъ султановъ зависѣло открыть проходъ, точно такъ же, какъ они могли его закрыть. Пока проливы оставались закрытыми, плаваніе по Черному морю было свободно исключительно для военныхъ судовъ обѣихъ береговыхъ державъ Россіи и Турціи. Слабость послѣдней вовсе не новость. Мы ея не оспариваемъ, еще болѣе, самъ государь не противится тому, чтобы султанъ, если онъ признаетъ это нужнымъ, вышелъ изъ этой принужденной

---

[1]) 1854. Vienne. Exp., tél. 27 et 28 décembre 1854.

[2]) 1855. Vienne. I. Réc., dép. $\frac{\text{27 décembre}}{\text{8 janvier}}$ 1854 № 289.

[3]) 1855. Vienne. VII. Exp., dép. 6 janvier 1855 № 9.

Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде.

замкнутости, въ которой его держитъ Черное море, будучи закрытымъ. Государь, такимъ образомъ, первый готовъ признать за султаномъ безспорное право открыть проливы военнымъ судамъ тѣхъ державъ, съ которыми Порта находится въ мирѣ, но по началу взаимности открывая, на томъ же основаніи, проливы съ разрѣшеніемъ прохода изъ одного моря въ другое судамъ всѣхъ націй. Если это распоряженіе, принятое по взаимному согласію въ пользу общаго равновѣсія, могло бы послужить къ прекращенію относительной слабости, въ которой находится Порта вслѣдствіе своей замкнутости, государь, по своему побужденію, готовъ предоставить европейскому миру этотъ новый залогъ безопасности». Князю Горчакову было предложено сдѣлать въ этомъ смыслѣ заявленіе при обсужденіи на конференціи вопроса о пересмотрѣ конвенціи 1841 года.

Графъ Нессельроде, приводя въ этой депешѣ разсужденіе императора Николая о томъ, что ни въ одномъ изъ договоровъ, заключенныхъ нами непосредственно съ Портой, не упоминалось о Черномъ морѣ, какъ о морѣ закрытомъ, упустилъ изъ виду, что этотъ выводъ не вполнѣ согласовался съ дѣйствительностью. По седьмой статьѣ договора, заключеннаго между Россіей и Портой 11/23-го сентября 1805 г., обѣ стороны согласились признать Черное море закрытымъ и не допускать появленія какого-либо военнаго судна. Въ этомъ договорѣ не встрѣчается никакихъ указаній на правило, издревле существовавшее въ оттоманской имперіи; первое упоминаніе о немъ имѣется лишь въ договорѣ, заключенномъ 5-го января 1809 г. между Англіею и Турціею; съ того времени оно вошло во всѣ послѣдовавшія соглашенія съ Турціею, въ которыхъ участвовали западныя державы. Въ 1805 г. мы признавали для себя выгоднымъ считать Черное море закрытымъ; при обсужденіи вопроса о проливахъ въ 1839 г. англійскіе юристы пришли къ заключенію о томъ, что это море, по началамъ международнаго права, имѣетъ всѣ свойства закрытаго моря; баронъ Брунновъ въ 1840 г. готовъ былъ назвать его таковымъ въ своемъ проектѣ договора, но уступилъ доводамъ князя Меттерниха и лорда Пальмерстона, полагавшихъ, что такое именованіе не согласовалось бы съ постановленіями Адріанопольскаго договора, объявившими Черное море открытымъ для торговли всѣхъ государствъ.

Такимъ образомъ, въ то время, когда власть Россіи надъ восточнымъ побережьемъ Чернаго моря не вполнѣ окрѣпла, въ нашихъ выгодахъ было считать это море закрытымъ и не допускать плаванія по немъ иностранныхъ военныхъ судовъ, о чемъ имѣется прямое указаніе въ договорѣ 1805 года, заключеннымъ съ Портою.

Императоръ Францъ-Іосифъ далъ слово князю Горчакову, что онъ никогда не допуститъ сдѣлки, противной достоинству государя Николая Павловича. Желая соблюсти это условіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ понудить русскаго представителя къ уступкамъ, графъ Буоль, въ бесѣдѣ съ княземъ Горчаковымъ, намекнулъ на то, что императоръ Николай долженъ былъ, въ интересахъ мира, самъ добровольно поступиться своими верховными правами въ Черномъ морѣ и ограничить число своихъ военныхъ судовъ: «Я не понимаю,—говорилъ графъ Буоль [1]),—цѣли и задачи вашего столь внушительнаго флота въ Черномъ морѣ; согласно договорамъ, оно—закрытое озеро, это—тюрьма для вашихъ судовъ, между тѣмъ вашъ флотъ является постоянной угрозой Турціи и предметомъ вѣчнаго подозрѣнія со стороны Европы. Если вы ничего не замышляете противъ существованія Турціи, то къ чему вамъ содержать такія громадныя силы безъ всякой пользы? Безъ сомнѣнія, русскій императоръ воленъ располагать какимъ ему угодно числомъ судовъ въ той или другой изъ своихъ гаваней, но не нашелъ бы онъ болѣе полезнымъ обезпечить своимъ военнымъ судамъ, въ извѣстномъ размѣрѣ, свободный доступъ черезъ Дарданеллы въ Средиземное море и переходъ ихъ, если бы потребовалось, изъ Севастополя въ Кронштадтъ и обратно? Въ обмѣнъ на такое преимущество не согласился бы императоръ успокоить опасенія Европы, возбужденныя чрезвычайными силами, собранными въ Севастополѣ?» Князь Горчаковъ замѣтилъ Буолю, что одинъ государь могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ, и объяснилъ австрійскому министру, что, въ виду всеобщаго упадка Турціи, всѣ усилія державъ продлить надолго ея существованіе совершенно тщетны и что посему въ критическій моментъ мы, не располагая сухопутными войсками, должны быть готовы отразить, посредствомъ своего флота,

[1]) 1855. Vienne. I. Réc. dép. 9/21 janvier № 14.

всякое покушеніе посторонней державы на Константинополь, ключи къ которому мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ довѣрить ни одной изъ великихъ державъ. Графъ Буоль продолжалъ настаивать на томъ, что государь, добровольно ограничивъ свои силы въ Черномъ морѣ или договорившись непосредственно съ Портою по сему предмету, сохранилъ бы свое достоинство и успокоилъ бы справедливыя опасенія Европы [1]). Князь Горчаковъ отклонилъ отъ себя сужденіе по сему предмету, зависѣвшее всецѣло отъ воли государя, но высказалъ свое мнѣніе относительно того, что существовали другія средства для установленія равновѣсія между силами обѣихъ державъ въ Черномъ морѣ, и привелъ въ числѣ этихъ мѣръ свободный пропускъ черезъ проливы военныхъ судовъ другихъ державъ. На означенное предложеніе графъ Буоль возразилъ: «Знаете ли вы, что на такую мѣру мы никогда не согласимся, что она нанесетъ послѣдній ударъ существованію оттоманской имперіи?»

Поддерживая свои доводы въ этомъ направленіи и послѣ смерти императора Николая I, графъ Буоль сослался на инструкціи, полученныя англійскимъ и французскимъ уполномоченнымъ [2]), въ которыхъ имъ было предписано, не нарушая верховныхъ правъ императора Россіи, найти средства предохраненія Порты и Европы отъ воинственныхъ замысловъ русскаго флота въ Черномъ морѣ. Буоль полагалъ, что если бы императоръ, принявъ на себя добровольно починъ, успокоилъ Порту и морскія державы, то не было бы необходимости въ пересмотрѣ конвенціи 1841 г. въ ея существенныхъ частяхъ, проливы бы остались закрытыми, Россія продолжала бы въ дѣйствительности господствовать въ Черномъ морѣ. Такое положеніе,— увѣрялъ графъ Буоль,— было бы несравненно выгоднѣе для Россіи и для Австріи въ настоящее время и въ будущемъ, чѣмъ допущеніе сильныхъ англо-французскихъ морскихъ станцій на Черномъ морѣ или занятіе англичанами и французами нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ и т. п. Князь Горчаковъ на это возразилъ графу Буолю, что малѣйшій намекъ, выраженный однимъ изъ членовъ конференціи, на

---

1) 1855. Vienne. Réc., dép. $\frac{\text{21 janvier}}{\text{2 fevrier}}$ № 31.

2) 1855. Vienne. II. Réc., dép. 12/24 mars № 120.

ограниченіе свободы дѣйствій нашихъ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ повлечетъ за собою безусловный отказъ съ нашей стороны въ обсужденіи такого предложенія, но если уполномоченные положатся на чувство справедливости императора и довѣрятъ ему, не входя въ какія-либо соображенія, пріисканіе средствъ къ успокоенію Европы въ отношеніи русскаго флота, то онъ готовъ представить высказанное ими желаніе на усмотрѣніе государя (ad referendum). Поясняя свою мысль еще опредѣленнѣе, князь Горчаковъ писалъ [1]), что въ случаѣ, если уполномоченные не согласятся положиться на добровольный починъ государя, онъ передастъ конференціи письменное предложеніе объ открытіи проливовъ. Онъ полагалъ, что западныя державы не отнесутся сочувственно къ такому предложенію, для Австріи въ особенности оно покажется противнымъ ея интересамъ, и для насъ открытіе проливовъ породитъ большія неудобства; но мы вынуждены прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, такъ какъ она освободитъ насъ отъ отвѣтственности, поставитъ вопросъ внѣ предѣловъ, соприкасавшихся съ верховными правами и съ національною честью. Однако, еще до обсужденія этого вопроса на конференціи, князь Горчаковъ [2]) узналъ отъ англійскаго уполномоченнаго лорда Джона Росселя, что ему предписано требовать ограниченія нашего флота въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ турецкому, и обязательства съ нашей стороны не увеличивать числа нашихъ судовъ. Кромѣ того, лордъ Джонъ Россель получилъ въ самое послѣднее время приказаніе поддерживать французскій проектъ о признаніи Чернаго моря нейтральнымъ для пользованія однихъ торговыхъ судовъ, измышленіе безтолковое даже въ глазахъ Австріи, по выраженію князя Горчакова.

14/26-го марта состоялось засѣданіе конференціи, на которомъ было приступлено къ разсмотрѣнію 3-го положенія или пункта о пересмотрѣ конвенціи 1/13-го іюля 1841 г. [3]). Графъ Буоль указалъ на то, что это положеніе преслѣдовало двѣ цѣли: тѣснѣе связать существованіе оттоманской имперіи съ европейскимъ равновѣсіемъ по-

---

[1]) 1855. Vienne. II. Réc., dép. 14/26 mars № 122.

[2]) 1855. Vienne, II. Réc., dép. 15/27 mars № 124.

[3]) 1855. Vienne. II. Réc., dép. 16/28 mars.

средствомъ измѣненія конвенціи 1/13-го іюля 1841 г. и согласиться насчетъ точнаго уравновѣшиванія морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Австрійскій министръ полагалъ цѣлесообразнѣе начать обсужденіе со второго начала, такъ какъ соглашеніе по сему предмету облегчило бы задачу конференціи по разрѣшенію перваго вопроса. Въ случаѣ одобренія собраніемъ этого порядка, графъ Буоль находилъ, что уполномоченнымъ Россіи и Турціи должно быть предоставлено предложить собранію ихъ соображенія о способахъ болѣе правильнаго уравновѣшиванія ихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Распространившись далѣе насчетъ того, что преобладаніе флота одной державы въ Черномъ морѣ внушало опасенія всей Европѣ, что чрезмѣрное развитіе военныхъ морскихъ силъ въ закрытомъ морѣ, входъ въ которое не доступенъ судамъ другихъ державъ, не соотвѣтствовало кругу дѣйствій флота обоихъ прибрежныхъ государствъ, графъ Буоль выразилъ надежду, что Россія и Турція войдутъ, совмѣстно съ другими державами, въ разсмотрѣніе тѣхъ мѣръ, которыя могли бы обезпечить безопасность Европы. Баронъ Буркнэ, согласившись на порядокъ обсужденія, предложенный графомъ Буолемъ, высказалъ, что вся задача конференціи сводилась къ нахожденію такой комбинаціи, которая бы замѣнила строемъ мира военный строй (substituer l'appareil de la paix à l'appareil de la guerre) во внутреннихъ водахъ, которыя болѣе пригодны для развитія мирной дѣятельности и торговыхъ сдѣлокъ, но которыя, къ несчастью, стали удѣломъ военныхъ дѣйствій. Лордъ Джонъ Россель указалъ какъ на лучшія условія мира и единственно допустимыя тѣ, которыя, нисколько не нарушая чести Россіи, обезпечили бы и безопасность Европы и исключили бы всякую возможность повторенія усложненій, подобныхъ существовавшимъ. Князь Горчаковъ заявилъ, что онъ готовъ обсуждать тѣ мѣры, которыя бы предложили ему уполномоченные, но что онъ отказывался принять на себя починъ въ указаніи этихъ мѣръ, какъ это бы желалъ графъ Буоль. Почему онъ согласился передать эти предложенія на зависящее распоряженіе своего правительства и по полученіи отвѣта доложить о томъ собранію. Выслушавъ объясненія князя Горчакова, уполномоченные Англіи и Франціи отложили представленіе дальнѣйшихъ соображеній своихъ

правительствъ впредь до полученія собраніемъ дополнительныхъ свѣдѣній отъ русскаго уполномоченнаго. Давая отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ засѣданіи 14/26-го марта, князь Горчаковъ [1]) пояснилъ, что для разрѣшенія 3-го пункта имѣются двѣ системы: одна—закрытаго моря, другая—моря открытаго. При первой—иностраннымъ судамъ возбраненъ входъ въ Черное море, но зато для успокоенія западныхъ державъ мы должны сдѣлать нѣкоторыя уступки въ числѣ нашихъ судовъ. При другой системѣ англо-французскія войска будутъ имѣть входъ въ Черное море и право на занятіе укрѣпленныхъ позицій на его берегу, но за то нашъ флотъ не будетъ ничѣмъ ограниченъ. Австрія держалась первой системы, Англія нашла бы вторую для себя не вполнѣ удобною. Представляя обѣ системы на усмотрѣніе министерства, князь Горчаковъ добавилъ, что уполномоченные державъ желали бы, чтобы Россія первая высказалась относительно способа разрѣшенія 3-го пункта. Для Австріи очень важно не допускать англо-французскихъ судовъ въ Черное море, въ случаѣ же нашего отказа отъ почина въ разрѣшеніи 3-го пункта, она вынуждена будетъ согласиться на входъ англо-французской эскадры въ Черное море и на занятіе войсками Англіи и Франціи укрѣпленныхъ позицій на его берегу.

Въ отвѣтъ на депеши князя Горчакова министерство ему указало [2]) на то, что закрытіе Чернаго моря военнымъ судамъ, признанное договоромъ 1/13-го іюля 1841 г., служило для Австріи и для Россіи залогомъ безопасности, который желательно было бы сохранить и на будущее время. Посему, въ интересахъ обоихъ этихъ государствъ, договоръ 1841 г. подлежалъ бы не измѣненію, а простому возобновленію. Но его постановленіямъ уже противорѣчитъ проектъ допущенія мелкихъ военныхъ судовъ къ устьямъ Дуная. Будетъ ли Порта въ состояніи воспротивиться стоянкѣ болѣе значительныхъ судовъ, если бы западныя державы рѣшились усилить свои эскадры таковыми? Прошедшимъ опытомъ дознано, что закрытіе Чернаго моря зависитъ отъ произвола Порты Для Россіи защита ея интересовъ въ Черномъ морѣ настолько существенна, что она

---

[1]) 1855. Vienne, II. Réc., dép. 16/28 mars № 125.

[2]) 1855. Vienne. Exp., dép. $\frac{29 \text{ mars}}{10 \text{ avril}}$.

не можетъ оставаться обезоруженной въ немъ, тогда какъ морскія державы вооружены въ Средиземномъ и султанъ воленъ во всякое время пропустить ихъ суда въ проливы.

Въ инструкціи, данной въ то же время князю Горчакову[1]), сказано, что предложеніе о пересмотрѣ договора 1/13-го іюля 1841 г. исходило отъ лондонскаго и парижскаго кабинета, а не отъ императорскаго, почему не ему первому должно быть предоставлено слово по этому вопросу. Покойный государь уполномочилъ князя Горчакова участвовать въ предварительныхъ совѣщаніяхъ представителей державъ по пересмотру договора 1841 г. съ цѣлью, строго опредѣленною, предоставить европейскому равновѣсію въ обезпеченіе общей безопасности залогъ, совмѣстимый съ честью и достоинствомъ Россіи. Въ этихъ предѣлахъ конференція открыла свои дѣйствія по означенному вопросу, на каковой предметъ русскіе уполномоченные получили точныя инструкціи. Въ нихъ указывалось то начало, по которому султанъ, какъ владѣлецъ территоріи, прилегающей къ обоимъ проливамъ, воленъ ихъ закрывать или открывать. Инструкціи эти, не противясь открытію Чернаго моря иностраннымъ военнымъ судамъ въ мирное время, если бы Порта изъявила бы свое согласіе на введеніе этого начала, вмѣстѣ съ тѣмъ требовали взаимности для русскихъ военныхъ судовъ при проходѣ ихъ черезъ проливы въ Архипелагъ и Средиземное море. Кромѣ того, эти инструкціи признавали за султаномъ право отвода иностраннымъ судамъ турецкихъ портовъ на Черномъ морѣ для стоянки, исключивъ изъ числа этихъ портовъ одинъ городъ Батумъ. Подъ этими условіями императоръ Николай уполномочилъ своихъ представителей на конференціи подать голосъ за отмѣну закрытія проливовъ. Императоръ Александръ II подтверждаетъ эти инструкціи въ полномъ ихъ объемѣ. Въ виду сего русскимъ уполномоченнымъ точно опредѣленъ путь, которымъ они должны слѣдовать, тогда какъ наши противники выступили съ запутанными понятіями и туманными выраженіями. Одинъ только лордъ Россель установилъ, что для достиженія мира требуются условія, обезпечивающія безопасность Европы и совмѣстимыя съ достоинствомъ Россіи. Условія, предлагаемыя нами.

---

[1]) 1855. Vienne. Exp., instruction 29 mars.

отвѣчають вполнѣ этой цѣли, такъ какъ, соглашаясь на свободный пропускъ черезъ проливы иностранныхъ военныхъ судовъ въ Черное море и требуя взаимности для нашихъ при проходѣ ихъ черезъ проливы въ Средиземное море мы устанавливаемъ начало, совмѣстимое съ достоинствомъ Россіи и всѣхъ державъ, обезпечивающее безопасность Европы и ограждающее ее отъ возобновленія осложненій на будущія времена. Вотъ тѣ условія, поддерживать которыя предлагалось нашимъ уполномоченнымъ; имъ достаточно извѣстно, что конференція не достигнетъ своей цѣли, если будетъ искать способовъ, клонящихся къ ослабленію и ограниченію нашихъ морскихъ силъ или къ временной пріостановкѣ ихъ развитія.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, князь Горчаковъ. въ засѣданіи конференціи 5/17-го апрѣля (протоколъ № 10), заявилъ, что его правительство отказывается[1]) принять на себя починъ въ предложеніяхъ, имѣющихъ цѣлью развитіе началъ, заключавшихся въ 3-мъ пунктѣ. Когда же уполномоченный Франціи Друэнъ де-Люисъ задалъ ему вопросъ, сочтетъ ли Россія нарушеніемъ своихъ верховныхъ правъ запрещеніе ей свободной постройки въ Черномъ морѣ военныхъ судовъ въ неограниченномъ размѣрѣ, князь Горчаковъ отвѣтилъ, что Россія никогда не дозволитъ, чтобы ей навязали, по договору или инымъ способомъ, опредѣленное число судовъ въ ея морскихъ штатахъ. Послѣ этого засѣданія князь Горчаковъ, помня слова, высказанныя ему Францемъ-Іосифомъ, въ томъ смыслѣ, что онъ никогда не допуститъ умаленія верховныхъ правъ русскаго императора и его предложеніе всегда обращаться къ нему въ случаѣ недоразумѣній, просилъ аудіенціи у австрійскаго императора[2]).

Въ засѣданіи 7/19-го апрѣля (протоколъ 11)[3]) Друэнъ де-Люисъ установилъ, что такъ какъ Черное море находилось тогда въ обладаніи Англіи, Франціи и Турціи и, что русскій флотъ уже болѣе не существовалъ въ этомъ морѣ, то не этимъ тремъ державамъ предстояло дѣлать уступки Россіи, а ей приходилось спрашивать у нихъ, на какихъ

---

[1]) 1855. Vienne. Réc., dép. 8/20 avril № 163.
[2]) 1855. Vienne. Réc., dép. 8/20 avril № 162.
[3]) 1855. Vienne. Réc., dép. 11/23 avril № 174.

условіяхъ онѣ бы согласились ее допустить вновь въ Черное море. При такой постановкѣ вопроса, принятіе на себя опредѣленнаго ограниченія для того, чтобы войти въ обладаніе части ея верховныхъ, уже ею утраченныхъ, представлялось бы для Россіи жертвою, совершенно разумною и соотвѣтствовавшей обстоятельствамъ.

Лордъ Джонъ Россель, съ своей стороны, пояснилъ, что при обыкновенныхъ условіяхъ держава, опасающаяся усиленія сопредѣльнаго государства за свой счетъ, обращается къ своимъ собственнымъ средствамъ для достиженія равновѣсія, но положеніе—Турціи было совершенно инымъ. Изъ двухъ державъ, исключительно господствовавшихъ надъ берегами Чернаго моря, одна Россія обладала сильнымъ флотомъ, другая Турція, ослабѣвшая подъ ударами первой, постоянно подвергалась возможности нападенія съ ея стороны. Въ виду того, что Турція составляла необходимый элементъ европейскаго равновѣсія, что дальнѣйшее существованіе ея подъ угрозою быть окончательно подавленною Россіею, не могло быть допущено Англіей, лордъ Россель полагалъ совершенно справедливымъ требованіе, предъявленное къ Россіи объ ограниченіи ея морскихъ силъ въ Черномъ морѣ для сохраненія общаго мира, и не находилъ, чтобы такая жертва, совершенная Россіей для общаго блага, нарушала ея достоинство. Для того, чтобы облегчить опредѣленіе числа судовъ, которыя бы Россія имѣла право содержать въ Черномъ морѣ, Друэнъ де-Люисъ предложилъ уполномоченнымъ Россіи и Турціи придти на этотъ счетъ къ соглашенію въ средѣ самой конференціи. На это замѣтилъ русскій уполномоченный Титовъ, что самымъ лучшимъ способомъ было бы непосредственное соглащеніе Россіи и Турціи между собою безъ посредства постороннихъ державъ. Но Титову возразили, что Порта, связанная съ западными державами договоромъ, не въ правѣ входить въ отдѣльныя соглашенія отъ себя съ Россіею. Въ этомъ засѣданіи Друэнъ де-Люисъ представилъ свой проектъ предложеній въ слѣдующей редакціи.

Ст. 1) Высокія договаривающіяся стороны, желая, чтобы высокая Порта участвовала въ выгодахъ общенія, установленнаго международнымъ правомъ между различными государствами Европы, обязуются, каждая за себя, уважать не-

зависимость и неприкосновенность владѣній оттоманской имперіи, совмѣстно отвѣчаютъ за точное исполненіе сего обязательства, посему готовы, буде совершится какое-либо дѣйствіе или случится какое-либо событіе, которое могло бы имѣть цѣлью посягательство на него, разсматривать это дѣйствіе или событіе затрогивающимъ европейскіе интересы.

Ст. 2) Если бы случилось столкновеніе между Портою и одною изъ договаривающихся державъ, то оба государства, не прибѣгая къ военнымъ дѣйствіямъ, обязуются дать возможность остальнымъ державамъ предупредить крайнія мѣры мирными средствами.

Ст. 3) Императоръ Россіи и султанъ, желая засвидѣтельствовать другъ другу свое довѣріе и предупредить тѣ тревоги, которыя могли бы возникнуть отъ чрезмѣрнаго развитія ихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, обязуются содержать въ немъ, съ каждой стороны, не болѣе четырехъ судовъ, въ видѣ четырехъ фрегатовъ, и соразмѣрное число легкихъ невооруженныхъ судовъ, исключительно пригодныхъ для перевозки войскъ.

Ст. 4) Правило закрытія обоихъ проливовъ, освященное договоромъ 1841 г., остается въ силѣ кромѣ исключеній приведенныхъ ниже.

Ст. 5) Каждой изъ договаривающихся сторонъ, не имѣющихъ заведеній въ Черномъ морѣ, разрѣшается фирманомъ, предъявленнымъ за пять дней до того, ввести въ это море число судовъ, равное половинѣ морскихъ силъ которыми, на основаніи 3-ей ст., располагаетъ каждая изъ прибрежныхъ державъ.

Ст. 6) Иностраннымъ военнымъ судамъ, за исключеніемъ легкихъ судовъ, принадлежащихъ посольствамъ, навсегда запрещена стоянка на якорѣ въ Золотомъ Рогѣ и въ мирное время число легкихъ судовъ, принадлежащихъ договаривающимся сторонамъ, не имѣющимъ заведеній на Черномъ морѣ, не должно превышать четырехъ, вмѣстѣ взятыхъ, во время ихъ перехода изъ Дарданеллъ въ Черное море и изъ Чернаго въ Дарданеллы.

Ст. 7) Въ случаѣ, если бы султану угрожало нападеніе, онъ предоставляетъ себѣ право открыть проливы всѣмъ морскимъ силамъ своихъ союзниковъ.

Разсматривая проектъ Друэнъ де-Люиса, Титовъ сдѣ-

лалъ слѣдующія замѣчанія [1]) относительно первой и второй статьи проекта: онѣ устанавливали постоянное вмѣшательство въ дѣла Порты, не указывая, какими дѣйствительными средствами могло бы быть предотвращено примѣненіе силы въ столкновеніяхъ на границахъ, разбросанныхъ въ трехъ частяхъ свѣта.

Относительно третьей статьи. Кромѣ Чернаго моря, Турція прилегаетъ къ берегамъ Средиземнаго. Если она признавалась неотъемлемою частью европейскаго равновѣсія, то слѣдовало бы равнымъ образомъ ограничить примѣненіе морскихъ силъ, которыя, со стороны Средиземнаго моря, могли бы нарушить права Порты или совершить надъ нею насиліе. Допущеніе возможности такихъ дѣйствій значитъ скрывать подъ личиною заботы о неприкосновенности Турціи и о равновѣсіи заднія мысли, совершенно противорѣчащія тому или другому понятію.

Относительно четвертой статьи. Закрытіе проливовъ отмѣнялось исключеніями, которыя, собственно говоря, устанавливали начало открытія, но только въ пользу нѣкоторыхъ державъ, такъ какъ допущеніе судовъ, о которомъ говоритъ ст. 5, не зависѣло отъ доброй воли турецкаго правительства. Требуемый на этотъ предметъ фирманъ представлялся одною пустою формальностью, въ виду того, что Порта обязана была бы его выдать черезъ пять дней по полученіи ею о томъ заявленія. Кромѣ сего, слѣдуетъ замѣтить, что вышеприведенное условіе имѣло въ виду однѣ договаривающіяся державы, не имѣвшія заведеній на Черномъ морѣ. Это указывало на возможное учрежденіе такихъ заведеній и на дарованіе ихъ судамъ различныхъ дополнительныхъ льготъ. При сопоставленіи этихъ морскихъ силъ, которымъ служили бы поддержкою эскадры Средиземнаго моря съ четырьмя судами, которыя имѣло бы право содержать каждое изъ двухъ прибрежныхъ государствъ, оказалось бы, что такія мѣры привели бы не къ нейтрализаціи Чернаго моря, а къ полному его обезоруженію въ пользу морскихъ силъ западныхъ государствъ. Относительно шестой статьи. Она запрещала болѣе четыремъ судамъ одной и той же державы одновременно приставать къ Константинополю и у Золотого Рога. Но Бос-

---

[1]) 1855. Vrenne. Réc., dép. 8/20 avril № 13.

форъ достаточно обширенъ и нѣтъ никакой надобности приставать къ вышеуказаннымъ пунктамъ.

Относительно седьмой статьи. По ея смыслу, султану, въ случаѣ угрожающей ему опасности, принадлежало право открывать проливы морскимъ силамъ его союзниковъ. Здѣсь, очевидно, имѣлась въ виду угроза и опасность отъ нападенія только въ мирное время, такъ какъ о противномъ ничего не говорится. Нѣтъ никакихъ указаній на то, какого рода должно быть нападеніе, такъ что угроза и опасность могли относиться ко всякимъ случайностямъ на морѣ и на сушѣ, вызваннымъ внутренними или внѣшними причинами. Все это послужило бы поводомъ къ злоупотребленіямъ въ пользу устрашенія и иностраннаго вмѣшательства.

Въ засѣданіи 21/9-го апрѣля (№ 12)[1] князь Горчаковъ заявилъ, что Россія не приметъ обязательства отвѣчать за неприкосновенность оттоманской имперіи и защищать ее войсками. Оба русскихъ уполномоченныхъ отвергли предложенія Друэнъ де-Люиса, какъ нарушавшія верховныя права государя, противныя европейскому равновѣсію и опасныя независимости Турціи. Князь Горчаковъ затѣмъ прочелъ записку[2], въ которой изложилъ, что преобладаніе Россіи въ Черномъ морѣ происходило не отъ ея морского могущества, а отъ преимущества, присвоеннаго ей частными договорами, заключенными ею съ Турціею. Оно имѣло мѣсто скорѣе отъ одиночества Порты, нежели отъ ея слабости на морѣ, которая не была причинена Россіей, а произошла отъ стеченія различныхъ обстоятельствъ, отъ нея независѣвшихъ, какъ-то: возмущеніе Греціи, Наваринское сраженіе, отпаденіе Египта. По своему географическому положенію Порта могла бы возстановить свое равенство въ морскихъ силахъ. Если она этого не сдѣлала, несмотря на недовѣріе, которое старались возбудить въ ней противъ Россіи, то не внушали ли скорѣе ей развивавшіяся морскія силы Россіи надежду на защиту ея противъ непріятеля, который бы угрожалъ ей съ другой стороны? Англійская и французская эскадры представляли для Турціи опасность болѣе грозную. Посему уменьшеніе русскаго флота или нейтрализація Черного моря послу-

---

[1]) 1855. Vienne. III. Réc., dép. de Titof 10/22 avril № 14.

[2]) 1855. Vienne. III. Réc., dép. $\frac{30}{11}$ — $\frac{\text{mars}}{\text{avril}}$ № 146.

жили бы къ разрушенію существовавшаго равновѣсія въ пользу морскихъ державъ, а не Турціи, положеніе которой сдѣлалось бы еще плачевнѣе. Единственное спасеніе для Турціи заключалось бы въ наиболѣе тѣсномъ пріобщеніи ея къ европейской системѣ; въ такомъ единеніи, а не въ иныхъ комбинаціяхъ должно искать средства къ упроченію ея будущности.

Въ заключеніе князь Горчаковъ замѣтилъ, что закрытіе проливовъ военнымъ судамъ не было послѣдствіемъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ Турціею. Его происхожденіе слѣдуетъ искать въ древнемъ законодательствѣ оттоманской имперіи. Договоръ 1841 г. послужилъ только къ признанію и къ утвержденію этого начала, установленнаго султанами, въ качествѣ властителей, надъ территоріей, прилегающей къ обоимъ проливамъ. Султаны вольны открыть проходъ въ такой же мѣрѣ, въ какой въ ихъ власти было держать его замкнутымъ. Пока проливы были закрыты, плаваніе по Черному морю, понятно, оставалось свободнымъ исключительно для военныхъ судовъ прибрежныхъ державъ Россіи и Турціи. Русскіе уполномоченные готовы первые признать за султаномъ власть, по праву и въ дѣйствительности, на открытіе проливовъ военнымъ судамъ тѣхъ державъ, съ которыми Порта находится въ мирѣ, пропуская по началамъ взаимности на томъ же основаніи, черезъ проливы суда всѣхъ націй для ихъ перехода изъ одного моря въ другое. Такое распоряженіе, примѣненное съ обоюднаго согласія для пользы общаго равновѣсія, послужило бы къ прекращенію относительной слабости, въ которой Порта находилась въ Черномъ морѣ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, князь Горчаковъ представилъ проектъ соглашенія слѣдующаго содержанія. «Въ виду того, что прекращеніе тревожнаго состоянія, вызваннаго неравенствомъ морскихъ силъ обѣихъ прибрежныхъ державъ Чернаго моря, составляетъ предметъ особой заботы высокихъ договаривающихся сторонъ, его величество султанъ, единственно побуждаемый своею волею, соглашается измѣнить правило о закрытіи Дарданеллъ и Босфора, освященное договоромъ 1/13-го іюля 1841 г., и даровать на будущее время право свободнаго прохода чрезъ эти проливы военнымъ судамъ всѣхъ безразлично націй, идущимъ изъ Архипелага въ Черное море и обратно».

Ст. 1. Распоряженія, опредѣляющія проходъ военныхъ судовъ черезъ проливы, мѣсто и срокъ ихъ стоянки, составятъ предметъ особыхъ правилъ, которыя высокая Порта издастъ, соображаясь съ потребованіями безопасности.

Ст. 2. Его величество султанъ предоставляетъ себѣ, однако, въ виду особыхъ обстоятельствъ, допускать, въ пользу какихъ ему будетъ угодно судовъ, особыя временныя изъятія изъ общихъ правилъ, клонящіяся къ расширенію ихъ предѣловъ на извѣстный срокъ.

Ст. 3. Въ случаѣ же, если бы высокая Порта состояла сама въ войнѣ или если бы ея безопасность была нарушена враждебными дѣйствіями, которыя бы возникли между другими державами, его величество султанъ предоставляетъ себѣ право, всецѣло или отчасти, прекратить свободный проходъ черезъ проливы впредь до измѣненія обстоятельствъ, вызвавшихъ означенную мѣру.

Какъ пишетъ Титовъ [1]), по прочтеніи проекта князя Горчакова, послѣдовало общее молчаніе, которое прервалъ лордъ Джонъ Россель заявленіемъ, что онъ не уполномоченъ своими инструкціями обсуждать проектъ, основанный на началѣ открытія проливовъ; то же самое подтвердили Друэнъ де-Люисъ и австрійцы. Аали-паша объявилъ, что Порта желала бы держаться древняго правила оттоманской имперіи. Русскіе уполномоченные замѣтили, что нашъ проектъ былъ основанъ на открытіи проливовъ со всѣми существенными выгодами закрытія, тогда какъ союзники подъ видомъ закрытія предложили открытіе, сопряженное съ условіями, попиравшими власть султана, такъ какъ они были произвольны и клонились исключительно въ выгоду нѣсколькихъ державъ. Друэнъ де-Люисъ вновь заговорилъ о безсмысленной нейтрализаціи Чернаго моря, а затѣмъ вмѣстѣ съ Росселемъ объявилъ, что они уѣзжаютъ, такъ какъ ихъ задача окончена.

Пятнадцать лѣтъ спустя, а именно въ 1870 г., князь Горчаковъ писалъ [2]) относительно сдѣланнаго имъ конференціи предложенія объ открытіи проливовъ, что Англія и Франція его не приняли, желая унизить Россію огра-

---

[1]) 1855. Vienne. Réc., dép. 10/22 avril № 14.

[2]) 1870. Londres. Exp. № 248; dép. au baron Brunnow 22 novembre.

ниченіемъ верховныхъ правъ государя, а турецкій уполномоченный отозвался неимѣніемъ наставленія по сему предмету отъ своего правительства. «Послѣ засѣданія,—продолжаетъ князь Горчаковъ,—я выразилъ Аали-пашѣ свое удивленіе въ томъ, что онъ не поддержалъ моей мысли, которая, если бы осуществилась, предоставила бы султану такую громадную власть, онъ мнѣ отвѣтилъ, пожимая плечами: «Чего вы хотите? У насъ столько друзей».

Въ отвѣтъ на свое донесеніе князь Горчаковъ получилъ телеграмму [1]), сообщавшую, что предложенія Друэнъ де-Люиса не приняты русскимъ правительствомъ, такъ какъ, согласно ихъ смыслу, Черное море было бы ни закрыто, ни открыто, и что графъ Нессельроде вполнѣ одобрилъ предложеніе князя Горчакова объ открытіи проливовъ. Такимъ образомъ, переговоры были бы прерваны вслѣдствіе непринятія союзниками русскаго проекта; князь Горчаковъ, избѣгая разрыва и опасаясь, чтобы графъ Буоль окончательно не перешелъ на сторону Англіи и Франціи, запросилъ по телеграфу, не можетъ ли онъ сдѣлать слѣдующее предложеніе: «Проливы останутся закрытыми. Портѣ предоставляется ихъ открывать судамъ Россіи или другихъ державъ, если ея спокойствію грозитъ опасность» [2]). На эту телеграмму онъ получилъ отвѣтъ, что государь, хотя бы предпочелъ открытіе Чернаго моря, соглашался въ принципѣ на закрытіе проливовъ и на предоставленіе султану возможности ихъ открывать, въ случаѣ опасности, судамъ или Россіи, или другихъ державъ. Изъ этого слѣдовало недопущеніе постоянной стоянки эскадры западныхъ державъ въ Черномъ морѣ. Князю Горчакову предписывалось настаивать на этомъ и не допускать ограниченія морскихъ силъ Россіи [3]).

Еще 11/23-го апрѣля князь Горчаковъ писалъ [4]), что онъ не могъ добиться аудіенціи у императора Франца-Іосифа и заключилъ депешу словами: «Buol agit en fourbe. Notre histoire parle trop haut; sur plus d'une de ses pages se trouve la preuve que l'Autriche nous a toujours trahis,

---

[1]) 1855. Vienne. Exp., dép. tél. 8/20 avril et 10/22 avril.
[2]) 1855. Vienne. Réc. № 177, dép. tél. 12/24 avril № 768.
[3]) 1855. Vienne. Exp., tél. 12 avril № 216.
[4]) 1855. Vienne. Réc., dép. 11/23 avril № 173.

quand cela lui convenait». (Буоль дѣйствуетъ, какъ плутъ. Наша исторія говоритъ слишкомъ громко; не одна ея страница служитъ доказательствомъ того, что Австрія насъ всегда предавала, когда ей было это выгодно). Телеграммой отъ слѣдующаго 12-го апрѣля [1]) князь Горчаковъ доносилъ: «L'empereur pas signe de vie. Il faut un parti décisif». По мнѣнію князя нельзя допускать ограниченія морскихъ силъ по договору; но можетъ быть заявленіе отъ государя о томъ, что онъ обязуется ихъ не увеличивать противъ числа судовъ, бывшаго до войны. Въ отвѣтъ на эту телеграмму князь Горчаковъ получилъ [2]), что государь смотрѣлъ на всякое заявленіе съ своей стороны объ ограниченіи морскихъ силъ Россіи въ Черномъ морѣ, какъ на добровольное уменьшеніе верховныхъ своихъ правъ на принадлежавшую ему территорію (comme un sacrifice gratuit de ses droits de souveraineté sur son propre territoire).

Въ развитіе телеграфныхъ сообщеній князя Горчакова, второй русскій уполномоченный Титовъ писалъ [3]), что намъ было опасно отказываться безусловно отъ ограниченія нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, нашъ отказъ могъ бы повлечь окончательный разрывъ. Основаніемъ нашего отказа легко опровергать тѣмъ, что всякое международное соглашеніе построено на взаимныхъ уступкахъ сторонъ, а слѣдовательно, на ограниченіи верховныхъ правъ каждой стороны. Поддерживать безусловно начало верховенства Россіи означало бы, что мы надѣялись на перевѣсъ нашего оружія и на продолженіе войны. Хотя всѣ были убѣждены въ неисчерпаемости нашихъ силъ, но не слѣдовало намъ возстановлять всѣ государства противъ себя и дать возможность разыграться интригамъ Франціи. Отстаивая это начало, мы жертвовали бы своими выгодами. Если предположить, что намъ предоставлялось или сохраненіе нашего флота въ составѣ, бывшемъ до войны, безъ права на усиленіе его, или же исключеніе русскаго флота изъ проливовъ и Архипелага при одновременномъ допущеніи судовъ другихъ державъ къ плаванію въ проливахъ и въ Черномъ морѣ, безъ сомнѣнія, намъ было бы выгоднѣе согла-

---

[1]) 1855. Vienne. III. Réc., tél. 12/24 avril № 808.
[2]) 1885. Vienne. Exp., tél. 15/27 avril № 228.
[3]) 1855. Vienne. Réc., dép. 12/24 avril № 16.

ситься на первое условіе. Не надо притомъ забывать, что флотъ имѣлъ для насъ значеніе лишь вспомогательное; мы не были морскою державою первой степени, наше политическое могущество зиждилось на другихъ основаніяхъ. Въ виду этихъ соображеній Россія, по мнѣнію Титова, могла бы объявить, что она, не имѣя желанія усиливать свой флотъ въ Черномъ морѣ сверхъ его комплекта до войны, требовала отъ западныхъ державъ ручательства въ томъ, что онѣ не злоупотребятъ ея положеніемъ. Съ этою цѣлью обѣ стороны могли бы заключить соглашеніе въ измѣненіе договора 1841 г., основанное на началѣ признанія за султаномъ права пользованія свободою и самостоятельностью въ проливахъ.

Между тѣмъ, князь Горчаковъ, въ виду непринятія конференціею составленнаго ими проекта правилъ объ открытіи проливовъ и въ виду разрѣшенія, даннаго ему государемъ, предложить конференціи закрытіе проливовъ, составилъ новый проектъ правилъ, предъявленный имъ въ засѣданіи 14/26-го апрѣля слѣдующаго содержанія. Ст. 1. Начало закрытія проливовъ въ мирное время, освященное древнимъ законодательствомъ Порты и договоромъ 1/13-го іюля 1841 г., остается въ полной силѣ.

Ст. 2. Его величество султанъ оставляетъ за собою право открывать въ видѣ исключительной и временной мѣры, проливы судамъ тѣхъ иностранныхъ державъ, которыя Порта считала бы нужнымъ призвать, если бы ея спокойствію угрожала какая-либо опасность.

Представивъ этотъ проектъ, князь Горчаковъ заявилъ въ засѣданіи [1]), что Россія, обязавшись уважать независимость и неприкосновенность оттоманской имперіи, не ручалась за цѣлость ея владѣній въ виду затруднительности съ точностью опредѣлить границы Турціи. Онъ отказался защищать ее, если на нее было бы совершено нападеніе въ мѣстностяхъ столь отдаленныхъ, какъ Тунисъ и Аденъ. Для разрѣшенія же предстоявшихъ усложненій и предоставленія Портѣ ручательствъ ея независимости на будущее время взамѣнъ открытія проливовъ, какъ начала, признаннаго противорѣчащимъ правилу, установленному сул-

---

[1]) 1855. Vienne. Réc. № 907, dép. 17/29 avril № 157; Réc. № 957, dép. $\frac{25 \text{ avril}}{6 \text{ mai}}$ № 199.

таномъ, князь Горчаковъ предложилъ ихъ закрытіе на основаніяхъ, изложенныхъ въ вышеприведенномъ проектѣ. Уполномоченные Англіи и Франціи остались при своихъ требованіяхъ объ ограниченіи морскихъ силъ Россіи въ Черномъ морѣ. Австрійскіе уполномоченные нашли, что проектъ князя Горчакова —только набросокъ и протестовали противъ ст. 2-ой проекта, которая, по ихъ мнѣнію, вовсе не обезпечивала державъ противъ русской политики. Князь Горчаковъ замѣтилъ, что означенная статья не требовала вовсе взаимности. Она предоставляла Турціи полную свободу; отъ Турціи одной зависѣло призвать на помощь, въ случаѣ опасности, тѣ державы, которыя бы она сама избрала. Возможность, предоставленная султану обратиться, по его усмотрѣнію, за помощью и къ Россіи не предполагала необходимости для нея содержать въ Черномъ морѣ преобладающую морскую силу. Къ тому же Россія, предложивъ сперва признаніе моря открытымъ, затѣмъ, согласившись на его закрытіе, безусловно доказала свое искреннее желаніе сговориться. Друэнъ де-Люисъ заявилъ, что, согласно новому русскому проекту, не прекратится неравенство морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Онъ опредѣлялъ только, какимъ способомъ могли бы разрѣшиться столкновенія въ будущемъ, но Европа должна быть увѣрена въ невозможности возникновенія будущихъ столкновеній; съ этою цѣлью Франція предложила обязательство не нарушать неприкосновенность Турціи. Такое обязательство, которое Россія отказывалась принять на себя, предоставляло для Турціи гораздо болѣе ручательства, нежели та помощь, которая ей предлагается въ будущемъ, такъ какъ если русскій флотъ силенъ, то противъ него будутъ выставлены силы еще болѣе могущественныя, а если онъ слабъ, то его помощь не будетъ дѣйствительною. Противъ этихъ замѣчаній Друэнъ де-Люиса князь Горчаковъ возразилъ, что противовѣсомъ русскаго преобладанія служила бы возможность для султана обращаться за помощью къ иностраннымъ эскадрамъ, что самое вѣрное ручательство за независимость Порты заключалось въ вступленіи ея въ европейское общеніе и что, съ другой стороны, существованіе въ Черномъ морѣ значительнаго русскаго флота представлялось, по его мнѣнію, существеннымъ условіемъ какъ европейскаго равновѣсія, такъ и независимости Порты.

Въ виду настоятельнаго требованія уполномоченныхъ Англіи и Франціи объ ограниченіи нашихъ морскихъ силъ, князь Горчаковъ получилъ телеграфное сообщеніе[1]), что не входило въ виды государя увеличивать число его судовъ въ Черномъ морѣ. Князю Горчакову предписывалось сообщить о такомъ намѣреніи государя Францу-Іосифу, но не обязываться въ этомъ смыслѣ въ отдѣльномъ актѣ.

Между тѣмъ русскіе уполномоченные получили извѣстіе[2]), что ихъ объясненія одобрены государемъ, и наставленіе, въ которомъ указывалось на то, что государь считалъ переговоры отложенными, но не прерванными, такъ какъ уполномоченные Англіи и Франціи ограничились заявленіемъ о томъ, что ихъ инструкціи исчерпаны. Отъ нихъ будетъ зависѣть возобновленіе переговоровъ; государь самъ не желалъ принимать на себя почипъ въ ихъ прекращеніи. При ихъ возобновленіи императорскій кабинетъ ни въ чемъ не поступится, уполномоченные отнюдь не должны соглашаться на ограниченіе нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Государь вполнѣ одобрилъ заявленіе князя Горчакова объ исключеніи съ нашей стороны всякаго дѣйствительнаго ручательства во избѣжаніе тягостныхъ обязательствъ, связанныхъ съ нимъ. Но мы должны ожидать, что Австрія предложитъ новыя комбинаціи взамѣнъ матеріальнаго ручательства. Рѣчь идетъ объ оборонительномъ союзѣ, заключенномъ между Австріей, Франціей, Англіей и Турціей. Если при подобной комбинаціи отъ насъ болѣе не требовалось бы обязательное ограниченіе нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, государь не считалъ бы ее противорѣчащей своимъ взглядамъ, такъ какъ она вовсе не оскорбляла бы достоинства Россіи.

Дѣйствительно, Австрія, настаивая на обязательномъ и матеріальномъ ручательствѣ всѣхъ державъ за неприкосновенность владѣній султана и на исключеніи Россіи изъ числа государствъ, къ которымъ могла бы прибѣгнуть Порта за помощью, придумала новую комбинацію, которая выразилась въ предложеніяхъ, посланныхъ на обсужденіе

---

[1]) 1855. Vienne. Exp., tél. $\frac{20 \text{ avril}}{2 \text{ mai}}$ № 234.

[2]) 1855. Vienne. Exp., dép. 1/13 mai № 255.

лондонскаго и парижскаго кабинетовъ, которыя поддерживалъ Друэнъ де-Люисъ [1]).

Они заключались въ слѣдующемъ: 1) Европейское ручательство за неприкосновенность оттоманской имперіи. 2) Закрытіе проливовъ съ нѣкоторыми изъятіями въ пользу союзниковъ. 3) Они бы имѣли право содержать каждый по два фрегата въ Черномъ морѣ. 4) Если Россія увеличитъ число своихъ судовъ сверхъ комплекта, уже существующаго, союзники имѣютъ право содержать въ Черномъ морѣ число судовъ, равное половинѣ числа русскихъ. 5) Въ случаѣ дѣйствительной опасности, угрожающей султану, союзникамъ предоставляется ввести въ Черное море свои эскадры въ полномъ составѣ. 6) Заключеніе между Россіей и Австріей особаго договора, которому первая бы обязалась не увеличивать состава своего флота въ Черномъ морѣ свыше числа судовъ, бывшаго до войны. На этой депешѣ государь сдѣлалъ слѣдующую помѣту: «Si telles sont véritablement les propositions qu'on veut nous faire, je vous déclare d'avance que je n'y consentirai jamais» [2]).

Эти предложенія не имѣли ничего общаго съ нейтрализаціей, ни съ ограниченіемъ морскихъ силъ, какъ это понималъ парижскій кабинетъ, но Друэнъ де-Люисъ рѣшился ихъ поддерживать, уступая графу Буолю. Однако Наполеонъ и лордъ Пальмерстонъ ихъ отвергли. Въ Вѣнѣ,— какъ писалъ князь Горчаковъ [3]),—находили въ этомъ отказѣ способъ возвратить себѣ свободу дѣйствій; разрывая съ западомъ, Австрія освобождалась, если бы Россія не приняла этихъ условій, отъ немедленнаго участія въ борьбѣ съ нею, чего въ Вѣнѣ особенно боялись, не имѣя смѣлости отказаться отъ такого вмѣшательства. Между тѣмъ князь Горчаковъ получилъ отъ герцога Морни запросъ по телеграфу, согласились ли бы мы разрѣшить третій пунктъ въ томъ смыслѣ, что проливы будутъ закрыты и что союзникамъ предоставлялось бы войти въ Черное море при увеличеніи Россіею ея флота сверхъ

---

[1]) 1855. Vienne. Réc. № 198, dép. $\frac{\text{24 avril}}{\text{6 mai}}$ № 956.

[2]) Если въ дѣйствительности таковы предложенія, которыя хотятъ намъ сдѣлать, я впередъ заявляю вамъ, что никогда не соглашусь на нихъ.

[3]) 1855. Vienne. Réc. № 962, dép. $\frac{\text{27 avril}}{\text{9 mai}}$ № 203.

числа плавающихъ судовъ (bâtiments flottants). Князь Горчаковъ отвѣтилъ по телеграфу, что въ его второмъ пунктѣ предвидѣлась эта возможность, но что онъ требовалъ взаимности для нашего флота. На это онъ получилъ извѣщеніе [1]), что взаимность для насъ не оспаривалась. Сообщая о семъ, князь Горчаковъ добавилъ, что, усмотрѣвъ въ текстѣ телеграммы намѣреніе ограничить нашъ флотъ числомъ однихъ плавающихъ судовъ, онъ рѣшительно отвергъ всякое ограниченіе какого бы то ни было вида и въ какомъ бы то ни было соотношеніи.

Князю Горчакову не былъ еще предъявленъ подлинный текстъ австрійскихъ предложеній, отосланный въ Парижъ; въ его распоряженіи лишь были только варіанты. «Если послѣдніе не расходятся съ подлинникомъ,—писалъ князь Горчаковъ [2]),—то можно будетъ еще уговориться, такъ какъ въ этихъ предложеніяхъ начало верховенства прямо не затронуто, а съ точки зрѣнія государя, состояніе флота въ томъ составѣ, въ которомъ онъ существовалъ до войны, есть его нормальное состояніе въ Черномъ морѣ. Пришлось бы только установить добровольное намѣреніе государя не переступать этого предѣльнаго числа и имѣть въ виду, что въ увеличеніи этого числа западныя державы усмотрятъ поводъ къ войнѣ. Такое обязательство онѣ, вѣроятно, облекутъ въ письменную форму, предоставивъ себѣ право, смотря по обстоятельствамъ, или отказаться отъ него, или имъ воспользоваться». Относительно австрійскихъ предложеній князь Горчаковъ получилъ по телеграфу извѣщеніе отъ канцлера [3]) въ томъ смыслѣ, что первое условіе могло быть принято въ смыслѣ ручательства въ общихъ чертахъ, но не какъ ручательство спеціальное и активное за владѣнія султана. Третье условіе о правѣ Англіи, Австріи и Франціи на содержаніе по два фрегата въ Черномъ морѣ вовсе не пріемлемо, такъ какъ иностранныя военныя суда не могутъ находиться въ немъ въ мирное время. По шестому условію объ ограниченіи числа русскихъ судовъ составомъ русскаго флота до войны князю Горчакову предоставлено передать вѣнскому

---

[1]) 1855. Vienne. Réc., dép. $\frac{28 \text{ avril}}{10 \text{ mai}}$ № 204.

[2]) 1855. Vienne. Réc., dép. 3/15 mai № 215.

[3]) 1855. Vienne. Exp. № 259, tél. 2 mai 1855.

кабинету секретную ноту, заключающую увѣреніе со стороны государя объ отсутствіи съ его стороны намѣренія увеличивать черноморскій флотъ противъ числа судовъ, бывшаго до войны. Государь не желаетъ подчиниться какому-либо ограниченію по договору, ни связывать себѣ руки навсегда.

Пока въ Вѣнѣ ожидали отвѣта изъ Парижа, откуда приходили противорѣчивыя вѣсти о судьбѣ австрійскихъ предложеній, князь Горчаковъ сообщилъ [1]), что императоръ Францъ-Іосифъ требовалъ, чтобы мы приняли ихъ безъ оговорокъ; въ Вѣнѣ обѣщали, что, въ этомъ случаѣ, Австрія останется нейтральною. «Вопросъ о поручительствѣ будетъ камнемъ преткновенія,—писалъ князь Горчаковъ;—австрійцы выключаютъ изъ случаевъ поручительства внутренніе бунты и безпорядки, но распространяютъ дѣйствія активной гарантіи на европейскія владѣнія султана, если они подвергнутся опасности со стороны одной изъ договаривающихся державъ. Нельзя безусловно отвергать предложенія, принимать ихъ къ свѣдѣнію въ ожиданіи отвѣта отъ императорскаго правительства также неудобно, императоръ Францъ-Іосифъ настаиваетъ на активной гарантіи и усмотрѣлъ бы въ нашемъ отказѣ заднюю мысль». «Я предлагаю,—сообщалъ князь Горчаковъ,—связать территоріальную гарантію съ вопросомъ о признаніи правъ за христіанами, о чемъ говоритъ четвертая статья условій, принятыхъ въ основаніе вѣнской конференціей». По вопросу о гарантіи князь Горчаковъ получилъ телеграфное сообщеніе [2]) въ томъ смыслѣ, что если этотъ вопросъ можетъ быть причиной разрыва съ Австріей, то государь разрѣшалъ князю Горчакову принять гарантію въ нравственномъ смыслѣ, но не въ матеріальномъ и то въ отношеніи европейской Турціи, за исключеніемъ внутренней сумятицы (les cas de déchirements intérieurs exceptés).

Какъ было сказано уже выше, князь Горчаковъ рѣшился обсуждать австрійскія предложенія въ засѣданіи конференціи. «Я буду,—сообщаетъ онъ [3]),—обсуждать ихъ добросовѣстно, открыто и благосклонно, мое мнѣніе не

---

[1]) 1855. Vienne. IV. Réc., tél. 6/18 mai № 219, 9/21 mai.

[2]) 1855. Vienne. Exp. № 268; tél. 11 mai.

[3]) 1855. Vienne. Réc. tél. 10/22 mai № 222.

обяжетъ императорскаго правительства, заключеніе котораго будетъ оговорено. Не могу ли связать территоріальную гарантію Турціи, за исключеніемъ случаевъ возстаній христіанскаго населенія, съ обезпеченіемъ правъ христіанъ, котораго союзныя державы еще имъ не предоставили. При допущеніи этой связи послѣднее обезпеченіе обезвредило бы самимъ собою первую гарантію». На это сообщеніе князь Горчаковъ получилъ по телеграфу увѣдомленіе [1]), что государь полагался на его проницательность для обсужденія австрійскаго проекта и что онъ одобрилъ его мысль связать обѣ гарантіи, одну—политическую, предусмотрѣнную 3-мъ пунктомъ, другую—религіозную и гражданскую, заключавшуюся въ 4-мъ пунктѣ. Въ дополненіе къ этой телеграммѣ князь Горчаковъ получилъ проектъ редакціи означенныхъ двухъ пунктовъ въ слѣдующемъ видѣ [2]). «Австрійскій, французскій, великобританскій и русскій дворы, желая утвердить начало общаго равновѣсія, которое послужило основаніемъ договора 1841 г., рѣшили вновь заявить о своемъ единодушномъ намѣреніи уважать независимость и неприкосновенность оттоманской имперіи. Съ этою цѣлью высокія договаривающіяся стороны, желая привлечь высокую Порту къ участію въ выгодахъ общенія, установленнаго публичнымъ правомъ между различными государствами Европы, объявляютъ, что они съ этого времени ее считаютъ составною частью этого общенія. Посему, въ случаѣ возникновенія, къ несчастью, столкновенія между Портой и одной изъ договаривающихся сторонъ, оба эти государства, не приступая къ примѣненію силы оружія, предоставляютъ остальнымъ державамъ прибѣгнуть къ мирнымъ средствамъ предупрежденія этой крайности, какъ обстоятельства, затрогивающаго европейскіе интересы. Высокія договаривающіяся стороны совокупно ручаются за строгое исполненіе этого обязательства. Взамѣнъ пріобрѣтаемаго оттоманскою имперіею, въ силу сего обязательства, залога безопасности, его величество султанъ, желая вступить въ общеніе державъ Европы, признаетъ, что онъ честью обязанъ имъ добровольно предоставить формальное увѣреніе въ своей постоянной забот-

---

[1]) 1855. Vienne. Exp., tél. 14/26 mai.

[2]) 1855. Vienne. dép. 15/27 mai.

ливости, съ какою онъ готовъ даровать полную свободу вѣроисповѣданія, безъ различія обрядовъ, и постепенное улучшеніе ихъ быта христіанскимъ народностямъ, ему подчиненнымъ. Равнымъ образомъ общее ручательство всѣхъ договаривающихся сторонъ распространяется, по просьбѣ и желанію султана, и на изданные по верховной его волѣ акты, подтверждающіе эти преимущества, какъ вошедшія въ составъ европейскаго публичнаго права».

Передъ послѣднимъ засѣданіемъ конференціи князь Горчаковъ сообщилъ[1]) измѣненныя австрійскія предложенія, которыя заключались въ слѣдующемъ.

1) Ручательство за независимость и неприкосновенность оттоманской имперіи (согласно ст. 1 и 2 проекта, предложеннаго Друэнъ де-Люисомъ въ засѣданіи 7/19-го апрѣля, прот. № 11).

2) Непосредственное между Россіей и Портой соглашеніе о числѣ военныхъ судовъ, которыя оба государства признаютъ необходимымъ содержать въ Черномъ морѣ.

3) Правило о закрытіи проливовъ, освященное договоромъ 13-го іюля 1841 г., остается въ силѣ, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

4) Право каждой изъ договаривающихся державъ, не имѣющей заведеній въ Черномъ морѣ, на содержаніе по два фрегата.

5) Право Порты на открытіе проливовъ союзникамъ въ случаѣ опасности, ей угрожающей.

Графъ Буоль умолялъ князя Горчакова не допускать до разрыва, который, по словамъ русскаго посланника, былъ неминуемъ, такъ какъ Англія и Франція не принимали австрійскаго проекта. 4-го іюня (23-го мая) состоялось послѣднее (14-е) засѣданіе конференціи[2]), на которомъ были прочитаны австрійскія предложенія. Къ удивленію князя Горчакова, вторая статья была дополнена оговоркой, въ силу которой число русскихъ судовъ не должно было превышать состава русскихъ судовъ, «плавающихъ въ настоящее время въ Черномъ морѣ» (bâti-

---

[1]) 1855. Vienne. IV. Réc., dép. $\frac{22\ \text{mai}}{3\ \text{juin}}$ № 242.

[1]) 1855. Vienne. IV. Réc. № 1175, dép. $\frac{24\ \text{mai}}{5\ \text{juin}}$ № 245.

ments à flot). Князь Горчаковъ заявилъ, что предложенія будутъ имъ переданы его правительству, но что, во всякомъ случаѣ, оговорка къ ст. 2-ой имъ не принимается, такъ какъ ограничиваетъ верховныя права государя. Баронъ Буркнэ и лордъ Вестморландъ признали переговоры прерванными и графъ Буоль объявилъ конференцію закрытою. Оговорка, прибавленная графомъ Буолемъ въ его проектѣ, имѣла цѣлью запутать переговоры, такъ какъ выраженіе «плавающія суда» (bâtiments actuellement à flot dans l'Euxin) имѣло не вполнѣ понятное значеніе, такъ какъ весь русскій флотъ въ Черномъ морѣ погибъ или былъ потопленъ. Это была послѣдняя и коварная увертка австрійскаго министра. Онъ, какъ будто, преклонялся предъ верховными правами русскаго императора, признавъ справедливымъ Россіи и Турціи самимъ предоставить опредѣленіе числа судовъ, которыми онѣ располагали бы въ Черномъ морѣ, но вмѣстѣ съ нимъ своею оговоркой онъ доводилъ число русскихъ судовъ до нуля. При такомъ двуличномъ способѣ веденія переговоровъ конференція распалась, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Переговоры возобновились только послѣ паденія Севастополя (12-го сентября 1855 г.). Императоръ Наполеонъ III, войска котораго рѣшили судьбу кампаніи, протянулъ руку примиренія, и черезъ его посредство вновь стали обсуждаться условія для прекращенія военныхъ дѣйствій. Депешею отъ 5/17-го ноября 1855 г. за № 413 [1]) князь Горчаковъ сообщилъ, что баронъ Буркнэ привезъ изъ Парижа четыре пункта, положенные въ основаніе вѣнской конференціи и исправленные согласно послѣднимъ австрійскимъ предложеніямъ. Совмѣстно съ графомъ Буолемъ баронъ Буркнэ изложилъ ихъ въ меморандумѣ, получившемъ одобреніе императора Франца-Іосифа. 2/14-го ноября этотъ меморандумъ былъ подписанъ представителями Австріи, Франціи и Великобританіи съ цѣлью опредѣлить ихъ дѣйствія, на счетъ которыхъ состоялось между этими державами соглашеніе по восточному вопросу [2]). Въ первой статьѣ этого акта заключались предварительныя условія, которыя вѣнскій дворъ обязывался предложить

---

[1]) 1885. Vienne. VI. Réc. № 2061.

[2]) 1856. Paris. II. Réc. № 718; dép. du Comte Orlof $\frac{19\ \text{avril}}{1\ \text{mai}}$ № 91.

русскому правительству къ принятію, какъ основанія будущихъ переговоровъ о мирѣ. Эти условія были пріобщены къ меморандуму въ видѣ приложенія. Въ случаѣ, если бы они были отвергнуты въ С.-Петербургѣ, Австрія обѣщала прервать дипломатическія сношенія съ Россіею. Вслѣдствіе такого разрыва Австрія обязывалась согласиться съ лондонскимъ и парижскимъ кабинетомъ о своемъ активномъ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Берлинскій дворъ былъ бы приглашенъ присоединиться къ образуемой коалиціи, отозвавъ своего министра въ С.-Петербургѣ, а затѣмъ уговорившись съ союзниками о мѣрахъ, которыя надлежало бы принять противъ Россіи. чтобы склонить ее къ заключенію мира.

Вѣрныхъ свѣдѣній объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ французскимъ кабинетомъ въ австрійскихъ условіяхъ, князь Горчаковъ еще не имѣлъ. Онъ писалъ [1]): «Наполеонъ полагаетъ разрѣшить вопросъ объявленіемъ Чернаго моря нейтральнымъ. Эта мысль, когда она была впервые выражена на конференціи, показалась дѣтскою утопіею даже австрійскимъ уполномоченнымъ; я отвѣтилъ на нее насмѣшкою, замѣтивъ Друэнъ де-Люису, что я удивляюсь, какъ это онъ въ своихъ заботахъ о человѣчествѣ не подумалъ распространить благодѣяніе этой политической идилліи на Средиземное море, которое обладаетъ всѣми свойствами закрытаго моря. Теперь воспроизводится та же самая идея, но съ дополненіемъ. Наполеонъ не допускаетъ въ Черномъ морѣ никакихъ военныхъ судовъ, за исключеніемъ тѣхъ морскихъ силъ, которыя Россія и Турція признали бы необходимыми для безопасности своихъ береговъ [2]) Если бы размѣръ этихъ силъ былъ опредѣленъ прямымъ соглашеніемъ между прибрежными государствами безъ всякаго участія остальныхъ союзныхъ державъ, то никакія верховныя права не были бы нарушены [3]). Нашъ

---

[1]) 1855. Vienne. VI. Réc.; dép. 12/24 novembre № 421.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ депеши имѣется замѣтка государя на ея поляхъ: „Cette clause change tout-à-fait la question telle qu'elle nous était connue jusqu'à présent; je n'y verrai pas d'obstacle de mon côté". (Это условіе совершенно измѣняетъ вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представлялся намъ до сего времени; съ своей стороны я не встрѣчу препятствій).

[3]) C'est là aussi mon avis. (Таково же и мое мнѣніе). (Помѣта государя).

черноморскій флотъ болѣе не существуетъ. Новая его постройка для будущаго. Отъ воли Его Величества зависитъ разрѣшеніе вопроса, требуется ли для выгоды Россіи, чтобы будущій флотъ вновь достигъ того состава, который Европа считала угрозой, и не имѣются ли другія болѣе дѣйствительныя средства для развитія Россіи. Если виды Наполеона, въ силу другихъ существенныхъ обстоятельствъ, не препятствуютъ возобновленію переговоровъ, то можетъ ли служить причиною ихъ безусловнаго отклоненія, вышеуказанная точка зрѣнія Наполеона на означенный вопросъ?» Государь помѣтилъ на поляхъ депеши «нѣтъ». Въ отвѣтъ на эту депешу князь Горчаковъ получилъ сообщеніе по телеграфу [1]), что государь готовъ согласиться на слѣдующую комбинацію: 1) закрытіе проливовъ; 2) недопущеніе въ Черномъ морѣ какихъ либо военныхъ судовъ за исключеніемъ морскихъ силъ, которыя Россія и Турція, по общему между собою соглашенію признали бы необходимымъ содержать; 3) опредѣленіе размѣра этихъ силъ прямымъ соглашеніемъ между обоими прибрежными государствами безъ видимаго участія остальныхъ державъ. Но такого прямого соглашенія между Россіей и Турціей союзники послѣдней не допускали помимо ихъ самихъ. Князь Горчаковъ сообщилъ по телеграфу [2]), что опредѣленіе морскихъ силъ, которыя могли бы содержать въ Черномъ морѣ Россія и Турція, должно быть опредѣлено соглашеніемъ между прибрежными государствами въ томъ числѣ и Австріею въ виду Дуная, и что актъ объ этомъ соглашеніи будетъ приложенъ къ главному договору съ оговоркой, что это соглашеніе не можетъ быть измѣнено безъ участія западныхъ державъ. На этой депешѣ государь помѣтилъ: «tout cela ne fait prévoir rien de bon» [3]). Выработанныя австрійскимъ министромъ предложенія, измѣненныя лондонскимъ и парижскимъ кабинетомъ, были доставлены нашему правительству черезъ австрійскаго посланника въ С.-Петербургѣ графа Эстергази [4]) съ увѣдомленіемъ, что, въ случаѣ ихъ принятія обѣими воюю-

---

[1]) 1855. Vienne. Exp. 424; tél. 23 novembre.

[2]) 1855. Vienne. VI. Réc., tél $\frac{\text{25 novembre}}{\text{4 decembre}}$ № 434.

[3]) „Все это не предсказываетъ ничего хорошаго“.

[4]) 1855. Autriche. Réc. Esterhazy; dép. de Buol 16 décembre.

щими сторонами, они будутъ имѣть значеніе предварительныхъ условій мира. Эти условія, касавшіяся третьяго пункта, заключались въ слѣдующемъ: Черное море объявляется нейтральнымъ; открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ порты и воды онаго безусловно и навсегда воспрещается военнымъ судамъ. Вслѣдствіе сего на берегахъ онаго не будутъ содержаться, ни учреждаться военно-морскіе арсеналы. Защита интересовъ торговли и мореплаванія всѣхъ народовъ будетъ обезпечена, въ портахъ обоихъ прибрежныхъ государствъ, учрежденіемъ консуловъ согласно правиламъ международнаго права. Оба прибрежныхъ государства взаимно обязуются содержать въ Черномъ морѣ только то число мелкихъ судовъ опредѣленной силы, которое необходимо для ихъ береговой службы. Заключенная по сему предмету конвенція, по одобреніи ея державами, подписавшими главный договоръ, будетъ приложена къ сему послѣднему и будетъ имѣть такую же силу и дѣйствіе, какъ если бы она составляла неотдѣльную его часть. Она не можетъ быть уничтожена, ни измѣнена безъ согласія державъ, заключавшихъ главный договоръ. Закрытіе проливовъ допускаетъ изъятіе въ отношеніи къ легкимъ подъ военнымъ флагомъ судамъ, которыя каждая изъ договаривающихся державъ будетъ имѣть право содержать въ количествѣ одного или двухъ при устьяхъ Дуная для обезпеченія исполненія постановленій о свободѣ судоходства по сей рѣкѣ.

Предложенія австрійскаго правительства по третьему пункту были приняты Россіею, о чемъ князь Горчаковъ получилъ телеграфное сообщеніе [1]). Государь не соглашался на уступку Бессарабіи [2]), но нашимъ уполномоченнымъ предписывалось избѣгать разрыва, и они получили увѣдомленіе о томъ, что Тюльерійскому двору предлагалось открыть переговоры [3]). Затѣмъ князю Горчакову было сообщено, что государь принялъ австрійскія предложенія въ полномъ составѣ и что окончательные переговоры о мирѣ перенесены въ Парижъ [4]), гдѣ откроется конгрессъ 21-го февраля 1856 г.

---

[1]) 1855. Vienne. Exp., tél. 24 décembre № 470.
[2]) 1855. Vienne. Exp., tél. 24 décembre № 472.
[3]) 1855. Vienne. Exp., tél. 31 décembre № 487.
[4]) 1856. Vienne. Exp., tél. 4 janvier № 3, 21 janvier.

1-го февраля 1856 г. въ Вѣнѣ подписаны уполномоченными державъ предварительныя условія съ оговоркою, что дальнѣйшіе переговоры будутъ ведены въ Парижѣ. Предварительныя условія заключались въ пяти пунктахъ или раздѣлахъ, озаглавленныхъ: I) О Дунайскихъ княжествахъ; II) о Дунаѣ; III) о Черномъ морѣ; IV) о христіанскихъ народахъ, подвластныхъ Портѣ, и V) объ особыхъ условіяхъ.

Представителями Россіи на Парижскомъ конгрессѣ были назначены генералъ-адъютантъ генералъ-отъ-кавалеріи графъ Алексѣй Орловъ и полномочный министръ при германскомъ союзѣ и великомъ герцогѣ Гессенскомъ тайный совѣтникъ баронъ Филиппъ Брунновъ.

Въ инструкціи, данной графу Орлову [1]), опредѣлены въ предисловіи причины пережитаго кризиса, заключавшіяся въ антагонизмѣ Великой Британіи, въ личныхъ страстяхъ Наполеона и въ безпомощномъ эгоизмѣ (impuissance égoiste) Австріи. Вслѣдствіе этихъ трехъ причинъ вѣнскія конференціи потерпѣли неудачу. Въ инструкціи затѣмъ разбираются всѣ пять пунктовъ или раздѣловъ предварительныхъ условій. Относительно третьяго пункта о Черномъ морѣ говорится, что начало нейтрализаціи этого моря было затронуто только вскользь вѣнскими конференціями. Первые два параграфа этого пункта:

§ 1. Черное море объявляется нейтральнымъ;

§ 2. открытый для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ входъ въ воды онаго воспрещается военнымъ судамъ—заключаютъ два начала. Первое начало состоитъ въ закрытіи проливовъ, это есть непреложное условіе нейтрализаціи. Она была бы пустымъ звукомъ, если бы Порта не обязывалась соблюдать это начало, отнюдь не дѣлая исключеній ни въ пользу себя самой, ни въ пользу другихъ державъ. Посему необходимо, чтобы начало закрытія было поставлено подъ коллективную гарантію европейскихъ державъ, какъ это совершено конвенціею 1841 г. и какъ это нами было предложено на вѣнскихъ конференціяхъ. При такой гарантіи, въ случаѣ нарушенія Портою принятыхъ ею обязательствъ, мы освободились бы сами отъ сво-

---

[1]) 1856. Paris. Exp. № 37; c-te Orlow; 30 janvier; instructions sur les cinq points.

ихъ или получили бы тогда право требовать отъ Порты матеріальнаго ручательства, которое она бы не предоставила теперь.

Второе начало имѣетъ своимъ предметомъ открытіе Чернаго моря торговому мореплаванію. § 3. «Вслѣдствіе сего не будетъ учреждено, ни сохранено военно-морскихъ арсеналовъ». Русское правительство желало бы, чтобы въ редакціи этого параграфа были прибавлены слова: «на берегахъ Чернаго моря», съ цѣлью не распространять этого запрещенія на нашъ арсеналъ въ Николаевѣ, находящійся на лиманѣ рѣки Буга, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега моря.

§ 4. «Оба прибрежныхъ государства взаимно обязуются содержать въ Черномъ морѣ только число легкихъ военныхъ судовъ опредѣленной силы, необходимое для береговой службы. Конвенція, заключенная между ними по сему предмету, будетъ, по предварительномъ одобреніи ея державами, подписавшими главный договоръ, приложена къ нему и получитъ такую же силу и дѣйствіе, какъ если бы она составляла неотдѣльную его часть. Она не можетъ быть ни уничтожена, ни измѣнена безъ согласія державъ, подписавшихъ главный договоръ.

Выраженія, допущенныя въ изложеніи этого параграфа, и недоброжелательство морскихъ державъ, а также самой Турціи, не позволяютъ надѣяться на измѣненіе его содержанія въ томъ смыслѣ, чтобы дать намъ возможность возстановить наши морскія силы въ Черномъ морѣ до размѣра, даже приближающагося къ тому, котораго онѣ достигали передъ войною. Въ виду того, что нашъ флотъ не можетъ имѣть то значеніе, которое онъ имѣлъ до войны, какъ одинъ изъ элементовъ политическаго равновѣсія на востокѣ, то для насъ нѣтъ никакой выгоды производить большіе расходы на увеличеніе числа нашихъ судовъ. Чрезвычайно важно однако, чтобы, въ случаѣ внезапнаго нападенія со стороны Порты, мы были въ силахъ защитить наши порты и воспрепятствовать ихъ обложенію не столько въ отношеніи внѣшней торговли, которая всегда будетъ зависѣть отъ произвола Порты, какъ владѣющей проливами, сколько въ отношеніи каботажнаго плаванія между нашими собственными портами. Во всякомъ случаѣ, наши уполномоченные постараются придать постановленіямъ кон-

венціи, подлежащей заключенію съ Портой, временный характеръ, включивъ въ нее условіе, которое дало бы возможность ея пересмотра, съ согласія остальныхъ договаривающихся державъ, въ опредѣленный срокъ, въ случаѣ, если бы одна изъ прибрежныхъ державъ или обѣ вмѣстѣ имѣли указать на какія-либо неудобства.

Въ другой инструкціи, специально касавшейся морского дѣла [1]), разсматривался вопросъ о легкихъ судахъ, которыя Россіи и Турціи предоставляло содержать въ Черномъ морѣ. Подъ этимъ названіемъ французское правительство подразумѣвало не только корветы, но и фрегаты. По обычаю, корветы у насъ употреблялись на мѣстныя нужды; ихъ было по два на каждый портъ и правительство опредѣляетъ ихъ силу среднимъ числомъ въ 20 пушекъ. Число же фрегатъ назначено въ 6. Затѣмъ въ инструкціи упоминалось о судахъ, посылаемыхъ для службы при нашей миссіи въ Аѳинахъ и для исполненія порученій. Объ этихъ судахъ могли быть сдѣланы указанія въ договорѣ.

Баронъ Бруниовъ, первый изъ нашихъ уполномоченныхъ, имѣлъ свиданіе съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Валевскимъ [2]), который заявилъ о желаніи мира и обѣщалъ свое содѣйствіе для устраненія всякихъ затрудненій. 9/21-го февраля графъ Орловъ прибылъ въ Парижъ, на слѣдующій день онъ видѣлся съ Валевскимъ, съ которымъ онъ имѣлъ самый дружескій разговоръ [3]). 12/24-го февраля графъ Орловъ былъ принятъ Наполеономъ на аудіенціи [4]). Въ разговорѣ наединѣ графъ Орловъ откровенно изложилъ Наполеону цѣль своей миссіи. Императоръ французовъ выразилъ ему свое удовольствіе въ виду его открытаго образа дѣйствій и пустился въ разсужденія объ общей политикѣ, давая понять въ особенности о своей надеждѣ достигнуть пересмотра актовъ вѣнскаго конгресса 1815 года.

Въ первомъ засѣданіи конгресса, бывшемъ 13/25-го

---

[1]) Paris. VI. Exp. № 39, dép. 30 janvier. Instructions spéciales sur la marine militaire dans la Mer Noire.

[2]) 1856. Paris. I. Réc., tél. 2/14 février.

[3]) 1856. Paris. I. Réc., tél. 10/22 février № 10.

[4]) 1856. Paris. I. Réc. Orloff; tél. 12/24 février № 11. Réc. № 270; dép. $\frac{\text{19 février}}{\text{2 mars}}$ № 18.

февраля 1856 г., рѣшено принять протоколъ, подписанный уполномоченными державъ въ Вѣнѣ 1-го февраля, за предварительныя условія мира [1]).

Въ засѣданіи 4-го марта [2]) конгрессъ согласился съ редакціей § 3-го пункта 3-го предварительныхъ условій въ томъ смыслѣ, что воспрещеніе содержанія и учрежденія военно-морскихъ арсеналовъ распространялось лишь на берега Чернаго моря, почему заведенія для постройки судовъ, существовавшія въ Николаевѣ, не подходили подъ это ограниченіе, при чемъ русскіе уполномоченные заявили, что въ Николаевѣ будутъ строиться только тѣ легкія суда, которыя Россіи предоставлено содержать для береговой службы. Не входя въ изложеніе протоколовъ засѣданій конгресса, мы приведемъ существенныя части Парижскаго договора, подписаннаго 18/30-го марта 1856 г.

Въ предисловіи къ нему изложено, что императоръ всероссійскій, императоръ французовъ, королева Великобританіи и Ирландіи, король сардинскій и императоръ оттоманской имперіи вошли въ соглашеніе съ императоромъ австрійскимъ для возстановленія и утвержденія мира съ обезпеченіемъ цѣлости и независимости имперіи оттоманской взаимнымъ дѣйствительнымъ ручательствомъ. Они же пригласили къ участію въ постановленіяхъ сего договора короля прусскаго, подписавшаго конвенцію 13-го іюля 1841 г.

Седьмою статьею договора объявляется, что Порта признается участвующею въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ. Каждый изъ вышеуказанныхъ государей обязуется съ своей стороны уважать независимость и цѣлость имперіи оттоманской, они обезпечиваютъ совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное исполненіе сего обязательства и вслѣдствіе того будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ, касающимся общихъ правъ и пользы (1-ая статья проекта Друэнъ де-Люиса, представленнаго въ засѣданіи вѣнской конференціи 7/19-го апрѣля 1855 г.).

Статья 8-ая предвидитъ случай разногласія между

---

[1]) 1856. Paris. Réc. № 371. Orloff; dép. $\frac{19\ \text{février}}{2\ \text{mars}}$ № 18.

[2]) 1856. Paris. Réc. № 418. Orloff; dép. $\frac{28\ \text{février}}{11\ \text{mars}}$ № 31.

портою и одной изъ договаривающихся державъ, которое разрѣшается посредствомъ другихъ державъ (2-ая ст. проекта Друэнъ де-Люиса).

Статьею 9-ою султанъ сообщаетъ договаривающимся державамъ изданный имъ по собственному его побужденію, фирманъ, улучшающій участь его подданныхъ, безъ различія вѣроисповѣданій и племени.

По статьѣ 10-ой, конвенція 13-го іюля 1841 г., подвергнутая новому разсмотрѣнію, приложена къ главному договору.

Статьи 11 по 13—о признаніи Чернаго моря нейтральнымъ, объ открытіи его для торговли и о запрещеніи содержанія или учрежденія военно-морскихъ на берегахъ онаго арсеналовъ—уже изложены были выше.

По 14-ой статьѣ, конвенція, заключенная между Россіей и Турціей и опредѣляющая число и силу легкихъ судовъ, которыя имъ предоставлено содержать въ Черномъ морѣ, приложена къ главному договору. Конвенція сія не можетъ быть уничтожена или измѣнена безъ согласія остальныхъ державъ. Въ статьяхъ, касающихся княжествъ Валахскаго и Молдавскаго, предусмотрѣно, что ни одной изъ державъ не предоставлено исключительное надъ оными покровительство. Имъ и Сербіи сохраняются права и преимущества, коимъ онѣ пользовались, при общемъ совокупномъ ручательствѣ всѣхъ державъ.

Въ конвенціи касательно проливовъ Дарданеллъ и Босфора, приложенной къ главному договору, подтверждается рѣшимость державъ сообразоваться съ древнимъ правиломъ оттоманской имперіи, по коему проливы Дарданеллы и Босфоръ закрыты для иностранныхъ судовъ, доколѣ Порта находится въ мирѣ, и возобновляется конвенція, заключенная 13-го іюля 1841 г., съ добавленіемъ 3-го пункта, по которому изъятіе изъ общаго правила допускается въ отношеніи къ легкимъ подъ военнымъ флагомъ судамъ, которыя каждая изъ договаривающихся державъ имѣетъ право содержать при устьяхъ Дуная для обезпеченія исполненія постановленій о свободѣ судоходства по сей рѣкѣ и коихъ число не должно превышать двухъ для каждой державы. Такимъ образомъ, все то, что было сказано о конвенціи 1841 г., относится къ той, которая возобновляла ее въ 1856 г.

Въ конвенціи о русскихъ и турецкихъ военныхъ судахъ въ Черномъ морѣ, опредѣлено, что Россія и Турція предоставляютъ себѣ, каждая, содержать въ немъ по шести паровыхъ судовъ въ 50 метр. длины по ватерлиніи, вмѣстимостью не свыше 800 тоннъ и по четыре легкихъ паровыхъ или парусныхъ судна, коихъ вмѣстимость не должна превышать 200 тоннъ въ каждомъ.

Обратимся теперь назадъ и посмотримъ, какимъ образомъ третье положеніе изъ числа четырехъ, принятыхъ въ октябрѣ 1854 г. русскимъ правительствомъ въ основаніе переговоровъ о мирѣ на конференціи, открывшейся въ Вѣнѣ, видоизмѣнилось въ теченіе этихъ переговоровъ и превратилось въ постановленія парижскаго договора и приложенныхъ къ нему конвенцій.

Означенное третье положеніе заключалось въ пересмотрѣ конвенціи 1841 г. или ея отмѣнѣ въ случаѣ согласія на то султана. Уполномоченные Австріи, Англіи и Франціи опредѣлили предметомъ этого пересмотра установленіе болѣе тѣсной связи между существованіемъ оттоманской имперіи и европейскимъ равновѣсіемъ и прекращеніе преобладанія Россіи въ Черномъ морѣ. Вслѣдствіе слова даннаго императоромъ Францемъ Іосифомъ, что онъ не допуститъ умаленія верховныхъ правъ императора Николая, князь Горчаковъ согласился на обсужденіе вопроса о пересмотрѣ конвенціи 1841 г. въ предѣлахъ, указанныхъ представителями западныхъ державъ. Обсужденіе третьяго пункта началось въ конференціи съ того, что, по мнѣнію австрійскаго уполномоченнаго, должно быть предоставлено уполномоченнымъ Россіи и Турціи изложить ихъ соображенія о способахъ болѣе правильнаго уравновѣшенія ихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Русскіе уполномоченные, находя, что пересмотръ конвенціи 1841 г. былъ предложенъ Англіей и Франціей, полагали, что не Россія должна была принять на себя починъ въ указаніи способовъ разрѣшенія 3-го пункта. Принужденные высказать свои соображенія по этому вопросу представители западныхъ державъ, подъ видомъ защиты оттоманской имперіи и уравновѣшенія морскихъ силъ Россіи и Турціи въ Черномъ морѣ, предложили на обсужденіе проектъ Друэнъ де-Люиса о привлеченіи Порты къ европейскому общенію, о совокупномъ ручательствѣ за независимость и

цѣлость владѣній султана и объ ограниченіи числа судовъ Россіи и Турціи въ Черномъ морѣ при закрытіи проливовъ. Князь Горчаковъ, соглашаясь на привлеченіе Турціи къ европейскому общенію, отвергъ для Россіи обязательства отвѣчать за неприкосновенность оттоманской имперіи и уменьшить число русскихъ судовъ въ Черномъ морѣ и, съ своей стороны, предложилъ признать за султаномъ власть открыть проливы военнымъ судамъ тѣхъ державъ, съ которыми Порта находится въ мирѣ, но, по началамъ взаимства, пропуская суда всѣхъ націй черезъ проливы при ихъ переходѣ изъ одного моря въ другое.

На такое предложеніе представители западныхъ державъ и Турціи отвѣтили неимѣніемъ наставленія отъ своихъ правительствъ для его принятія. Тогда князь Горчаковъ представилъ новый проектъ, въ силу коего начало закрытія проливовъ оставлено въ силѣ, но за султаномъ признается право открывать ихъ иностраннымъ судамъ въ случаѣ угрожающей опасности. Но и такое предложеніе русскаго уполномоченнаго было отвергнуто на томъ основаніи, что этотъ проектъ предоставлялъ Россіи возможность быть призванной султаномъ на его помощь; этотъ доводъ высказалъ открыто австрійскій уполномоченный въ засѣданіи конференціи. Представители западныхъ державъ продолжали настаивать на ручательствѣ Россіи въ неприкосновенности и цѣлости оттоманской имперіи и въ ограниченіи русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Не добившись отъ Россіи этихъ условій, уполномоченные Англіи и Франціи уѣхали изъ Вѣны, вслѣдствіе чего засѣданія конференціи были прерваны. Между тѣмъ графъ Буоль выработалъ новый проектъ, сущность котораго заключалась въ совокупномъ ручательствѣ всѣхъ державъ за независимость и цѣлость владѣній султана, въ закрытіи проливовъ, за исключеніемъ опасности, угрожавшей султану, который для своей защиты имѣлъ право призвать на помощь эскадры своихъ союзниковъ, въ предоставленіи Австріи, Англіи и Франціи права содержать въ Черномъ морѣ по два фрегата, и въ соглашеніи между Россіею и Турціею о числѣ военныхъ судовъ, которыя оба государства признали бы необходимымъ содержать въ Черномъ морѣ, при чемъ составъ и число русскихъ су-

довъ не должны были превышать числа судовъ, плававшихъ въ то время въ Черномъ морѣ.

Настойчивость, съ которою Австрія въ особенности требовала ручательства Россіи за неприкосновенность оттоманской имперіи объясняется тѣмъ, что, какъ это выше было разъяснено, это условіе хотя и вошло въ вступительную часть договора 1/13-го іюля 1841 г., но Россія оспаривала его обязательность и, занявъ въ 1853 г. дунайскія княжества, не признавала себя нарушившей постановленія сего договора. Для предотвращенія въ будущемъ возможности занятія Россіею какой-либо части турецкой территоріи, Австрія требовала, чтобы, Россія совокупно съ западными державами, гарантировала султану его владѣнія, причемъ австрійскій кабинетъ соглашался подъ конецъ, чтобы эта гарантія распространялась лишь на европейскія владѣнія султана.

Австрійскій проектъ подвергся измѣненію со стороны лондонскаго и парижскаго кабинета. За исключеніемъ статьи о ручательствѣ за независимость и цѣлость владѣній султана, признанной петербургскимъ кабинетомъ, въ связи съ тѣми льготами и преимуществами, которыя султанъ обязался предоставить христіанскимъ народностямъ, ему подчиненнымъ, третій пунктъ о проливахъ въ измѣненной редакціи заключалъ: 1) условіе о нейтрализаціи Чернаго моря, идеи Наполеона, осмѣянной княземъ Горчаковымъ, но получившей осуществленіе; 2) условіе, запрещавшее Россіи содержаніе и учрежденіе арсеналовъ на берегу Чернаго моря; 3) условіе, ограничившее число ея судовъ и 4) условіе о закрытіи проливовъ иностраннымъ военнымъ судамъ за исключеніемъ тѣхъ, которыя предназначены для наблюденія за судоходствомъ на Дунаѣ. Всѣ эти условія вошли въ Парижскій договоръ 1856 г. Такимъ образомъ пересмотръ Лондонской конвенціи о проливахъ 1/13 іюля 1841 г., который составлялъ предметъ третьяго пункта основаній, принятыхъ нами при открытіи въ 1855 г. вѣнскихъ конференцій, выразился въ возобновленіи постановленій конвенціи съ дополненіемъ къ нимъ цѣлаго ряда статей, клонившихся къ униженію достоинства Россіи. Умаленіе верховныхъ правъ русскаго государя были достигнуты Англіей и Франціей, только благодаря коварному образу дѣйствій австрійскаго импера-

тора, который, несмотря на данное слово не допускать сдѣлки, противной достоинству государя Николая Павловича, черезъ своего министра постоянно настаивалъ на ограниченіи русскихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ и произвелъ на русское правительство окончательное давленіе для принятія предварительныхъ условій мира, выработанныхъ Австріею совмѣстно съ побѣдителями.

Двуличная политика Австріи обнаружилась еще яснѣе послѣ заключенія Парижскаго трактата, когда она совмѣстно съ Англіею потребовала отъ Наполеона исполненія обязательства, которое вытекало изъ акта, подписаннаго въ Вѣнѣ 14-го нояяря 1855 г. представителями Австріи, Англіи и Франціи и въ силу котораго, по заключеніи мира съ Россіею, правительства этихъ государствъ должны были поручиться между собою особою конвенціею за независимость и цѣлость оттоманской имперіи.

Эта конвенція, заключенная въ Парижѣ 3/15-го апрѣля 1856 г. гласитъ:

Ст. 1. Высокія договаривающіяся стороны ручаются совокупно и отдѣльно за независимость и цѣлость оттоманской имперіи, установленныя Парижскимъ договоромъ 30-го марта 1856 г.

Ст. 2. Всякое нарушеніе сказаннаго договора будетъ считаться державами, подписавшими настоящую конвенцію за поводъ къ войнѣ; онѣ согласятся съ высокой Портой насчетъ мѣръ, которыя будутъ признаны необходимыми, и безъ всякаго промедленія распорядятся между собою своими военными и морскими силами.

Только 15 дней спустя послѣ подписанія сей конвенціи, графъ Валевскій счелъ умѣстнымъ сообщить о ней графу Орлову [1]), который замѣтилъ въ своей депешѣ, что парижскому кабинету приличнѣе было бы сдѣлать это сообщеніе двумя недѣлями ранѣе, но, съ другой стороны, графъ Орловъ не допускалъ задней мысли со стороны французскаго правительства, такъ какъ оно могло и не предупреждать насъ о состоявшейся сдѣлкѣ. «Если я не ошибаюсь,—продолжалъ графъ Орловъ,—Австрія и Англія нарочито воспользовались этой комбинаціею, съ цѣлью очернить Францію въ нашемъ мнѣніи и тѣмъ повредить

---

[1]) 1856. Paris. II. Comte Orloff. Réc. № 658, tél. 18/30 avril № 86.

нашимъ сношеніямъ, кажущаяся откровенность которыхъ начинала уже сильно безпокоить вѣнскій и лондонскій дворы».

На этой депешѣ государь сдѣлалъ слѣдующую помѣту: «Cette conduite de la France envers nous n'est pas loyale et doit nous servir de norme du degré de confiance que Napoléon paraît nous inspirer». (Это поведеніе Франціи въ отношеніи къ намъ не искреннее и должно служить мѣриломъ довѣрія, которое Наполеонъ внушаетъ намъ).

Сообщая текстъ самой конвенціи при слѣдующей депешѣ [1]), графъ Орловъ пояснилъ, что французское правительство изложило конвенцію въ общихъ выраженіяхъ, не упоминая въ ней о Россіи во избѣжаніе неудовольствія съ ея стороны, но оно само поняло, что существованіе такого акта, коль скоро оно стало бы извѣстнымъ русскому правительству, должно было породить въ немъ обвиненіе Франціи въ коварствѣ, почему парижскій кабинетъ, въ предотвращеніе такого упрека, счелъ необходимымъ раскрыть русскому правительству всѣ обстоятельства, вынудившія Францію исполнить обязательство, принятое ею на себя передъ Австріею и Англіею актомъ, подписаннымъ въ Вѣнѣ 14-го ноября 1855 г. Графъ Орловъ выразилъ [2]) Валевскому свое удивленіе по поводу того, что онъ такъ поздно повѣдалъ ему о существованіи подписанной конвенціи, упрекнувъ его въ недостаткѣ прямоты, что не согласовалось съ отношеніями, существовавшими между нами, и замѣтивъ, что заключеніе особой конвенціи оскорбляло насъ недовѣріемъ къ обязательствамъ, принятымъ нами на себя по только что подписанному договору. Наполеонъ счелъ своимъ долгомъ оправдать свои дѣйствія настояніями графа Буоля и лорда Кларендона [3]), а императрица Евгенія [4]) высказала графу Орлову на прощальной аудіенціи опасенія, какъ бы мы не считали Наполеона обманщикомъ за подписаніе имъ конвенціи 15-го апрѣля, «но я знаю отъ Валевскаго,—сказала она,—что англичане и австрійцы

---

[1]) 1856. Paris. Réc. № 718, dép. $\frac{19 \text{ avril}}{12 \text{ mai}}$ № 91.

[2]) 1856. Paris. II. C-te Orloff. Réc. № 668, tél. $\frac{21 \text{ avril}}{3 \text{ mai}}$ № 93.

[3]) 1856. Paris. II, baron Brunnow. Réc. № 901, dép. 11/23 mai № 115.

[4]) 1856. Paris. II. C-te Orloff. Réc. № 679, dép. $\frac{27 \text{ avril}}{4 \text{ mai}}$ № 95.

непремѣнно настаивали на подробномъ опредѣленіи поводовъ къ войнѣ; Наполеонъ безусловно отвергъ ихъ предложенія, объявивъ: «Я подпишу только одну общую формулу, такъ какъ я исключительно самому себѣ предоставляю рѣшить, въ чемъ заключается поводъ къ войнѣ».

Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію правового характера Парижскаго договора и особой приложенной къ нему конвенціи о проливахъ, мы находимъ, что они, какъ и конвенція 1841 года должны быть причислены къ договорамъ коллективнымъ. Въ нихъ не заключаются пять отдѣльныхъ обязательствъ пяти великихъ державъ въ отношеніи къ оттоманской имперіи, но одно обязательство, принятое ими на себя совокупно и нераздѣльно, какъ одна сторона по отношенію къ султану, какъ къ другой сторонѣ, обязательство, которое онѣ положили соблюдать не только передъ нимъ, но ручаясь другъ за друга между собою, такъ что каждая держава отвѣчала передъ остальными за нарушеніе постановленій договора. Если бы каждая держава отдѣльно обязывалась передъ Портою, то каждая изъ нихъ, согласившись съ послѣдней, могла бы отмѣнить заключенный съ нею договоръ, но въ виду совокупнаго и нераздѣльнаго обязательства, положеннаго въ основаніе Парижскаго трактата, каждая держава связана общимъ поручительствомъ и отмѣна безраздѣльнаго обязательства могла бы послѣдовать только съ согласія совокупности всѣхъ пяти державъ съ одной стороны и оттоманской имперіи съ другой. Но не довольствуясь этимъ, три державы Австрія, Англія и Франція, конвенціею 15-го августа 1856 г., поручились между собою за независимость и цѣлость владѣній султана, обязавшись считать всякое нарушеніе Парижскаго договора за поводъ къ войнѣ. Хотя Наполеонъ поставлялъ себѣ въ заслугу, что въ конвенціи не упоминалось о Россіи, но очевидно, что этотъ актъ былъ направленъ только противъ нея. Австрія опасалась возможности занятія нами дунайскихъ княжествъ, Англія чудился набѣгъ русскихъ на Царь-градъ или на азіатскія владѣнія Турціи.

Принявъ противъ ослабленной Россіи всякія мѣры предосторожности, прибѣгнувъ даже къ средствамъ, унизившимъ ея честь и достоинство, западныя державы почувствовали свою силу и показали, что для нихъ никакія

поручительства необязательны и что соблюденіе международнаго договора государствами, сознающими свою силу, находится въ непосредственной зависимости отъ прямой ихъ выгоды, а нарушеніе его—отъ благопріятныхъ обстоятельствъ. По примѣру того, какъ Англія и Франція, вопреки постановленіямъ конвенціи 1841 г., послали свои эскадры въ 1853 г. въ Черное море для военныхъ дѣйствій противъ русскаго флота до объявленія войны Россіи, тѣ же государства, совмѣстно съ Австріею, несмотря на данныя имъ поручительства въ строгомъ соблюденіи всѣхъ постановленій Парижскаго договора, сочли въ 1866 г. для себя выгоднымъ нарушить ихъ въ отношеніи дунайскихъ княжествъ и, невзирая на протесты Россіи, выдѣлили ихъ изъ владѣній султана подъ управленіе иноземнаго князя.

Въ заключеніе нельзя не указать на допущенную несообразность между постановленіями главнаго Парижскаго договора и приложенной къ нему конвенціи о проливахъ. По 11-ой ст. главнаго договора входъ въ Черное море безусловно былъ воспрещенъ военнымъ судамъ какихъ бы то ни было державъ, тогда какъ по ст. 1-ой конвенціи военныя суда не допускались въ проливы только, доколѣ Порта находилась въ мирѣ, изъ чего слѣдовало, что въ военное время проливы могли быть открыты военнымъ судамъ для ихъ прохода въ Черное море. Это условіе, явно противорѣчившее основному положенію, было очень невыгодно для Россіи, такъ какъ въ случаѣ ея войны съ западными державами, въ которой бы участвовала Турція, черезъ открытые проливы безпрепятственно бы прошли непріятельскія эскадры въ Черное море и совершили бы нападеніе на все русское побережье, не защищенное никакимъ флотомъ.

Такое порабощеніе Россіи, очевидно, входило въ разсчетъ западныхъ державъ.

Подводя итогъ всему сказанному, мы видимъ, что Россія, призвавъ западныя державы къ совмѣстному охраненію турецкой имперіи, вызвала противъ себя коалицію, завершившуюся Севастопольскимъ погромомъ, вслѣдствіе котораго она потеряла не только всѣ исключительныя преимущества, пріобрѣтенныя ею договорами съ Портою и покровительство надъ единовѣрцами, подданными султана, но сама лишилась части своихъ владѣній въ Бессарабіи и должна была подчиниться условіямъ, унизившимъ ея до-

стоинство, какъ государства и препятствовавшимъ ея самостоятельному развитію. Вся внѣшняя политика начала царствованія императора Александра въ теченіе 15 лѣтъ была устремлена къ выходу изъ этого порабощенія.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Оскорбленная въ своемъ достоинствѣ Россія ищетъ освободиться отъ постановленій Парижскаго договора, нарушившихъ ея честь и ограничившихъ ея верховныя права въ Черномъ морѣ. Попытка Австріи сблизиться съ Россіей на почвѣ отмѣны этихъ постановленій. Россія сама освобождается отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя препятствовали развитію ея морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Лондонская конференція 1870 г. и договоръ 1871 года.

I.

Препятствія, которыя встрѣтила Россія въ своихъ попыткахъ достигнуть отмѣны нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора путемъ соглашенія съ державами, принимавшими участіе въ немъ.

Какъ отдѣльной личности труднѣе выйти изъ бѣдственнаго положенія, нежели въ него впасть, такъ точно и для государства, увлеченнаго въ бѣду честолюбіемъ или неблагоразуміемъ правителей, легче очутиться въ ней, нежели изъ нея выпутаться.

Россія, разбитая союзными войсками на Крымскомъ полуостровѣ, потерявшая часть Бессарабіи, лишившаяся своего флота и приниженная въ своихъ верховныхъ правахъ на Черномъ морѣ, тщетно пыталась въ теченіе 15 лѣтъ сбросить съ себя путы, стѣснявшія ея развитіе и оскорблявшія ея достоинство, какъ государства. Стремленіе ея освободиться отъ нихъ очень ясно понималось западною Европою; имъ пользовалась то та, то другая держава, чтобы заманить Россію въ свой лагерь. Отмѣна ограничительныхъ постановленій Парижскаго договора служила приманкой для Наполеона, чтобы привлечь Россію на свою сторону

въ 1858 г. передъ войною съ Австріею, для Австріи—въ 1859 г. послѣ этой войны и въ 1867 г. послѣ пораженія, нанесеннаго ей Пруссіей. Но каждый разъ Россіи предстояло или втянуться въ обще-европейскую войну, которую замышлялъ Наполеонъ III для осуществленія своей завѣтной мысли объ отмѣнѣ постановленій Вѣнскаго конгресса 1815 г. относительно границъ Франціи, или же передать вопросъ, затрогивавшій честь русскаго государства, на разрѣшеніе конгресса державъ. Благоразуміе требовало избѣгать обще-европейской войны, а отъ созыва конгресса уклонялась то Австрія, то Англія, которая не скрывала своего нерасположенія къ пересмотру постановленій Парижскаго договора, нарушавшихъ верховныя права Россіи. Возбужденные два раза, по иниціативѣ австрійскихъ министровъ графа Рехберга въ 1859 г. и барона Бейста въ 1867 г., переговоры объ отмѣнѣ этихъ постановленій не привели къ благопріятному результату, такъ какъ они были начаты вѣнскимъ кабинетомъ съ явно корыстными замыслами. Какъ это усматривается изъ депеши императорскаго посла въ Лондонѣ, барона Бруннова, который затронулъ этотъ вопросъ въ бесѣдѣ съ англійскимъ министромъ лордомъ Джономъ Росселемъ, Англія не возражала бы противъ пріобрѣтенія Россіей части Бессарабіи, уступленной ею по Парижскому договору, но она никогда бы не согласилась на отмѣну ограниченій, которымъ подвергся нашъ флотъ. «Никакой кабинетъ,—писалъ Брунновъ [1]), не рѣшился бы сдѣлать такое предложеніе, развѣ онъ бы могъ оправдать такое дѣйствіе какою либо выгодною сдѣлкою, вполнѣ соотвѣтствующею уступкѣ».

Вспоминая объ обстоятельствахъ заключенія Парижскаго договора, баронъ Брунновъ излагаетъ далѣе въ своемъ письмѣ [2]), что въ то время закрытіе проливовъ было для насъ необходимо въ виду неоконченнаго еще тогда усмиренія Кавказскаго побережья. Въ 1866 г. закрытіе проливовъ потеряло для насъ свое значеніе. «Я скажу болѣе, говоритъ Брунновъ, со времени договора 1856 г. Черное море осталось ни открытымъ, ни закрытымъ, въ виду того,

---

[1]) 1866. Londres. II. Réc. № 806, dép. $\frac{30\ \text{avril}}{12\ \text{mai}}$ № 91.

[2]) 1866. Londres. II. Réc., lettre $\frac{30\ \text{avril}}{12\ \text{mai.}}$

что каждая держава пріобрѣла право содержать по два военныхъ судна у устья Дуная. Это приводитъ меня къ заключенію, что Россія ничего бы не потеряла отмѣною начала закрытія проливовъ въ мирное время; очевидно, что это начало въ военное время не имѣло для насъ никакого значенія, такъ какъ Порта вольна была всегда отворять проливы для пропуска эскадръ западныхъ державъ, если она признавала ихъ присутствіе необходимымъ для своей защиты. Наконецъ наши моряки всегда считали закрытіе проливовъ большимъ неудобствомъ для насъ, такъ какъ оно препятствовало пропуску нашихъ судовъ въ Средиземное море». Это письмо баронъ Брунновъ заключаетъ словами: «Toutes ces considérations ont besoin d'être mûrement examinées avant d'arriver à une conclusion pratique sur les propositions à émettre, lorsqu'on en viendrait à la révision du traité de Paris» [1]).

При такомъ явномъ нерасположеніи англичанъ къ отмѣнѣ постановленій Парижскаго договора, ограничившихъ наши права на Черномъ морѣ, попытки австрійскихъ министровъ графа Рехберга въ 1859 г. и барона Бейста въ 1867 г. возбудить вопросъ объ ихъ отмѣнѣ, предпринятыя къ тому же ими съ корыстною цѣлью, не могли увѣнчаться успѣхомъ. Между тѣмъ отмѣна ихъ была завѣтною мыслью императора Александра II и это было извѣстно его дядѣ королю Вильгельму прусскому, который, извѣщая въ 1866 г. своего племянника о побѣдахъ Пруссіи собственноручнымъ письмомъ [2]), поручилъ своему генералъ-адъютанту Мантейфелю передать государю Александру Николаевичу свои сокровенные взгляды на совершившіяся событія. «Онъ, писалъ король, въ состояніи вамъ нарисовать все положеніе. Онъ съ благодарностью выслушаетъ всѣ замѣчанія, которыя вы пожелаете ему сдѣлать. Вы ему сообщите откровенно, не существуютъ ли какіе либо русскіе интересы, удовлетвореніе коихъ могло бы еще тѣснѣе стянуть узы, связывающія насъ цѣлое столѣтіе, въ теченіе котораго выгоды Россіи никогда не противорѣчили

---

[1]) Всѣ эти соображенія нуждаются въ зрѣломъ обсужденіи прежде чѣмъ придти къ практическому заключенію по вопросу о предложеніяхъ, подлежавшихъ представленію, когда будетъ приступлено къ пересмотру Парижскаго договора.

[2]) 1866. Prusse (roi). Réc., lettre 8 août.

выгодамъ моей страны». Въ отвѣтъ на это письмо государь писалъ [1]): «Графъ Мантейфель привезъ вашу сокровенную мысль. Онъ вамъ сообщитъ, какія думы она мнѣ внушила. Я всею душою васъ благодарю за это новое свидѣтельство вашего довѣрія. Я ему отозвался съ полною искренностью. Въ нашихъ частыхъ бесѣдахъ Мантейфель узналъ мою сокровенную мысль. Онъ вамъ ее передастъ съ точностью».

Мысль, о которой упоминалось въ этихъ письмахъ, заключалась въ непреклонномъ намѣреніи императора освободиться отъ постановленій Парижскаго договора несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ и безопасностью Россіи. Правильность этого вывода подтверждается тѣмъ, что, когда въ 1870 году государь обратился къ королю Вильгельму съ просьбой содѣйствовать ему въ исполненіи своихъ предначертаній въ этомъ направленіи, онъ сослался на свою бесѣду съ генераломъ Мантейфелемъ.

II.

Подготовленіе къ самостоятельной отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограничительныхъ постановленій Парижскаго договора путемъ односторонняго заявленія Россіи другимъ державамъ.

Въ отпускѣ одного письма на имя графа Бруннова [2]) старшій совѣтникъ министерства баронъ Жомини, передавая ему ту скорбь и тѣ угрызенія, которыя продолжалъ чувствовать и выражать императоръ Александръ II за то, что онъ согласился подписать Парижскій договоръ 1856 г., приводитъ разсказъ, слышанный имъ отъ князя А. М. Горчакова присутствовавшаго на одномъ засѣданіи Высочайшаго совѣта, бывшемъ въ 1863 г. въ самомъ разгарѣ польскаго возстанія. Государь открылъ засѣданіе слѣдующими словами, сказанными по всему вѣроятію по русски, но переданными барономъ Жомини на французскомъ

---

[1]) 1866. Prusse (roi). Exp. №№ 329 (b), 336 (b); lettres autographes $\frac{\text{31 juillet}}{\text{12 août}}$, 12/24 août.

[2]) 1871. Londres. IV. Exp. copie d'une lettre du baron Jomini au comte Brunnow 10/22 mai 1871.

языкѣ: «Il y a sept ans à cette table, j'ai fait un acte que je puis qualifier, puisque c'ést moi qui l'ai accompli,— j'ai signé le traité de Paris et c'était une lâcheté». (Семь лѣтъ тому назадъ, за этимъ столомъ я совершилъ одинъ поступокъ который могу опредѣлить, такъ какъ я его совершилъ: я подписалъ Парижскій договоръ и это было трусостью). «Такъ какъ всѣ присутствовавшіе воскликнули отъ изумленія, то государь сильно ударилъ по столу и сказалъ: «C'était une lâcheté et certes je ne la ferai plus». Удивительно ли,—продолжалъ баронъ Жомини въ томъ же письмѣ,—что князь Горчаковъ, проникшійся такимъ воспоминаніемъ, поддержанный единствомъ чувствъ, связывавшимъ его съ государемъ, захваченный важностью своей отвѣтственности и своего почина, убѣжденный въ томъ, что онъ могъ проиграть лично, но выиграть въ славѣ и расположеніи страны, если бы палъ жертвою своей любви къ родинѣ, рѣшился подъ этими впечатлѣніями, идти впередъ, не озираясь вспять, къ цѣли, намѣченной его министерскимъ поприщемъ».

Этою цѣлью была отмѣна ограниченій, поставленныхъ Россіи на Черномъ морѣ Парижскимъ договоромъ, глубоко оскорбившихъ ея честь и народное самолюбіе. Канцлеромъ было вмѣнено въ обязанность нашимъ дипломатическимъ представителямъ способствовать всѣми силами достиженію этой цѣли путемъ наблюденія надъ настроеніемъ страны, въ которой они пребывали, и путемъ осторожныхъ сношеній по этому вопросу съ государственными дѣятелями [1]).

Отмѣна означенныхъ ограниченій, какъ уже сказано было выше, намъ выставлялась Австріей въ видѣ приманки, чтобы заручиться нашимъ расположеніемъ. Каждый разъ, когда при бывшихъ въ теченіе 15 лѣтъ европейскихъ усложненіяхъ возникалъ вопросъ о созывѣ державъ въ конференцію или конгрессъ, пересмотръ Парижскаго договора отмѣчался въ видѣ одного изъ предметовъ, обсужденіе которыхъ собраніемъ представителей считалось возможнымъ. Ревниво оберегая постановленія Парижскаго договора, всѣ англійскіе министры, чередовавшіеся въ теченіе того же промежутка времени въ управленіи страною,

[1]) 1866. Londres. II. Réception, lettre $\frac{30\ \text{avril}}{12\ \text{mai}}$.

коль скоро возбуждалось предложеніе о созывѣ кабинетовъ въ совѣщаніе по вопросамъ, имѣвшимъ общеевропейскій интересъ, высказывали опасенія, чтобы не обсуждались дѣла, касавшіяся востока. Такого рода опасенія баронъ Брунновъ предвидѣлъ въ 1870 г., когда послѣ Седанскаго погрома казалось, что миръ между воевавшими сторонами могъ быть заключенъ не иначе какъ при посредничествѣ всей Европы на созванномъ съ этою цѣлью конгрессѣ [1]). Баронъ Брунновъ писалъ [2]), что первому министру Гладстону и главному секретарю по иностраннымъ дѣламъ лорду Гранвилю очень хорошо извѣстны затрудненія, связанныя съ положеніемъ дѣлъ на востокѣ, что они вовсе не намѣрены способствовать возбужденію вопроса, послѣдствія котораго нельзя было предвидѣть Предварительно всякихъ объясненій изъявили бы они желаніе удостовѣриться, въ чемъ заключался нашъ взглядъ на предѣлы вѣдѣнія предполагавшагося конгресса. «Благоразуміе—заключалъ баронъ Брунновъ свою депешу,—требуетъ, чтобы я опрометчиво не вступилъ на путь, который могъ бы не согласоваться съ видами императорскаго кабинета». Опасенія англійскихъ министровъ были вызваны, между прочимъ, извѣстіями вѣнскихъ и пештскихъ газетъ о переговорахъ, имѣвшихъ мѣсто, будто бы по порученію русскаго правительства, между императорскимъ посломъ въ Константинополѣ генераломъ Игнатьевымъ и великимъ визиромъ Аали-пашой относительно отмѣны ограничительныхъ постановленій Парижскаго договора. Изъ сообщенія генерала Игнатьева [3]) видно, что между нимъ и Аали-пашей произошелъ только частный и вполнѣ академическій обмѣнъ мыслей по сему предмету. «Убѣжденный тѣмъ, писалъ генералъ Игнатьевъ, что переживаемое въ настоящее время Европой потрясеніе можетъ предоставить намъ выгодное положеніе на востокѣ, я счелъ необходимымъ подготовить турецкихъ министровъ къ этимъ случайностямъ. Мнѣ казалось, что пересмотръ Парижскаго договора имѣлъ

---

[1]) 1870. Londres. V. Exp., lettre 12 août. II. Réception № 1602, dép. $\frac{20 \text{ aout}}{1 \text{ sept.}}$ № 78.

[2]) 1870. Londres. II. Réception № 1605, dép. $\frac{21 \text{ aout}}{2 \text{ sept.}}$ № 79.

[3]) 1870. Constantinople. IV. Réc. № 1502, dépêche 4/16 aout № 199.

бы нѣкоторое вѣроятіе къ осуществленію и что, содѣйствуя ему на мѣстной почвѣ, я повиновался постоянной мысли государя и стремленіямъ всей Россіи. Какъ меня научилъ опытъ, на турокъ можно вліять только двумя способами: или грубою и устрашающею силою или внушеніемъ медленнымъ, но постояннымъ. Первый способъ былъ бы въ настоящее время не пригоденъ въ виду опасности всеобщаго воспламененія; остается примѣненіе второго способа, если бы мы желали привить туркамъ мысль объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ постановленій 1856 года. Въ этомъ убѣжденіи я старался при каждомъ удобномъ случаѣ дать понять Портѣ, что выгоды ея вполнѣ согласовались бы съ такою отмѣною. Я воспользовался современными важными событіями, чтобы развить эту мысль въ частной бесѣдѣ съ великимъ визиромъ, которой я придалъ характеръ вполнѣ академическій и неофиціальный». Генералъ Игнатьевъ увѣрилъ Аали-пашу въ миролюбіи Россіи, такъ какъ она не думала воспользоваться тогдашними замѣшательствами для осуществленія честолюбивыхъ замысловъ, приписанныхъ ей въ отношеніи къ Турціи. Въ виду перечисленія Аали-пашой всѣхъ выгодъ, предоставленныхъ оттоманской имперіи Парижскимъ договоромъ, нашъ посолъ ему замѣтилъ, что буквальный смыслъ договоровъ въ настоящее время какъ будто утрачивалъ свою силу, и что Парижскій договоръ заключалъ такія условія, наличность которыхъ имѣла бы своимъ послѣдствіемъ признаніе, со временемъ, существованія его невозможнымъ, такъ какъ они оскорбляли народное самолюбіе Россіи, и это чувство сильнѣе всякихъ письменныхъ договорныхъ соглашеній, почему отъ его вспышки могло бы произойти полнѣйшее уничтоженіе акта, обезпечивавшаго современное положеніе Турціи. Для нея было бы поэтому несравненно выгоднѣе, чтобы означенныя условія исчезли безъ всякихъ потрясеній и усложненій, тѣмъ болѣе, что они не приносили ей никакой существенной пользы и Россія вовсе не стремилась къ ослабленію ни коллективной гарантіи предоставленной Турціи, ни начала ея неприкосновенности. Относительно возстановленія нашей прежней границы Аали-паша не представилъ послу никакихъ возраженій, лишь бы устья Дуная оставались подъ международнымъ наблюденіемъ, а острова при впаденіи Дуная въ море не отошли отъ Турціи. Что

*

же касалось отмѣны ограниченій для нашихъ военныхъ судовъ на Черномъ морѣ, то Аали-паша оказался не такъ сговорчивымъ. По его мнѣнію, русскій флотъ на Черномъ морѣ не могъ преслѣдовать иной цѣли кромѣ дѣйствія и угрозъ противъ Турціи. На это генералъ Игнатьевъ напомнилъ великому визиру событія 1833 г. и противопоставилъ сильный турецкій броненосный флотъ, существовавшій на Босфорѣ, маломѣрнымъ судамъ, плававшимъ подъ русскимъ флагомъ въ Черномъ морѣ. Подъ конецъ бесѣды Аали-паша не отрицалъ возможности достигнуть соглашенія, по которому Россіи предоставлялись бы усиленіе ея оборонительнаго положенія на Черномъ морѣ и постройка броненосныхъ батарей для защиты береговъ. Но съ другой стороны, Аали-паша рѣшительно высказался противъ открытія проливовъ, такъ какъ оно повергло бы Турцію, даже въ мирное время, произволу всѣхъ державъ. Въ заключеніе своей депеши генералъ Игнатьевъ выразилъ мнѣніе, что переговоры о пересмотрѣ Парижскаго договора, веденные съ Портою осторожно и безъ всякой огласки, могли бы имѣть вѣроятіе успѣха. Аали-паша, лишившійся сильной поддержки Франціи, которая по его взгляду, скоро непоправится, послѣ понесеннаго ею пораженія, искалъ сближенія съ нами и поручилъ генералу Игнатьеву спросить у канцлера, какимъ путемъ онъ бы могъ снискать расположеніе государя. Съ этою цѣлью князь Горчаковъ передалъ [1]) генералу Игнатьеву, для свѣдѣнія Аали-паши два средства: 1) болѣе справедливое и благосклонное отношеніе Порты къ православнымъ подданнымъ султана, 2) прекращеніе чувства недовѣрія, съ которымъ Порта относилась къ каждому шагу императорскаго правительства. Что же касалось отмѣны нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора, то, по замѣчанію князя Горчакова, онъ уже давно потерялъ въ нашихъ глазахъ значеніе законнаго акта послѣ многочисленныхъ нарушеній, допущенныхъ въ немъ по почину и при содѣйствіи державъ, его подписавшихъ. Но канцлеръ сомнѣвался, чтобы отмѣна означенныхъ постановленій могла быть произведена на константинопольской почвѣ. Это сомнѣніе, однако, не мѣшало тому, чтобы пріучать турецкихъ министровъ смотрѣть

---

[1]) 1870. Constantinople. VII. Exp., lettre 16 aout.

на Парижскій договоръ, какъ на актъ, утратившій свою жизнеспособность. Безъ сомнѣнія, было бы очень полезно, чтобы при наступленіи благопріятнаго момента, по избранію государя, для его рѣшительнаго слова, всѣ шероховатости на турецкой почвѣ были предварительно, какъ можно болѣе, сглажены.

Излагая далѣе въ своемъ письмѣ, что онъ предвидѣлъ сопротивленіе преимущественно въ Англіи не столько изъ боязни послѣдствій отмѣны нѣкоторыхъ постановленій договора, сколько вслѣдствіе робости ея министровъ передъ общественнымъ мнѣніемъ и палатами, канцлеръ распространился на счетъ того, что хотя министры, составлявшіе тогда управленіе Англіи, были лучше расположены къ Россіи, чѣмъ лордъ Пальмерстонъ съ его кабинетомъ, но онъ предпочиталъ бы имѣть дѣло съ недоброжелательнымъ противникомъ, одареннымъ силою нрава и ума. Человѣкъ съ такими качествами способенъ преодолѣть предубѣжденія и распознать, въ совокупности общей политики, необходимость отрѣшиться, несмотря на общественное мнѣніе, отъ фиктивныхъ выгодъ для достиженія болѣе положительныхъ, извлеченіе которыхъ коренилось въ нарушеніяхъ европейскаго равновѣсія, причиненныхъ послѣдними событіями. Князь Горчаковъ полагалъ, что тогдашніе совѣтники королевы не обладали такою силою духа и такою прозорливостью и что въ предстоявшемъ случаѣ намъ нельзя было разсчитывать на Англію, а пришлось бы, помимо ея, обратиться за содѣйствіемъ въ достиженіи нашей цѣли къ другимъ державамъ, подписавшимъ Парижскій договоръ, когда исходъ борьбы, тогда еще продолжавшейся, укажетъ на относительныя ихъ положенія. Затѣмъ, въ виду разоблаченія газетами частной бесѣды, имѣвшей мѣсто между генераломъ Игнатьевымъ и Аали-пашой, и превратнаго толкованія ея значенія, князь Горчаковъ писалъ послу, что, одобряя въ принципѣ высказанное имъ Аали-пашѣ, онъ находилъ неудачнымъ выборъ собесѣдника, такъ какъ нельзя было предположить, чтобы Аали скрылъ содержаніе бесѣды отъ кабинетовъ, на поддержку которыхъ разсчитывалъ или въ которыхъ онъ надѣялся вселить недовѣріе. Первое мѣсто занимала Англія и, судя по депе-

шамъ барона Бруннова, лордъ Гранвиль, по случаю предполагавшагося конгресса, ему намекнулъ на то, что желательно было бы быть обезпеченнымъ въ томъ, что на конгрессѣ не будетъ затронутъ восточный вопросъ. «Это, однако, не помѣшало бы намъ, писалъ князь Горчаковъ, въ случаѣ европейскаго совѣщанія, исполнить нашъ долгъ и приложить всѣ наши старанія, чтобы стереть эту скорбную страницу русской исторіи». Письмо заключалось [1]) сожалѣніемъ, что Игнатьевъ поднялъ вопросъ этотъ на мѣстѣ въ Константинополѣ, такъ какъ его разрѣшеніе можетъ послѣдовать безъ участія Турціи. Въ другомъ письмѣ генералу Игнатьеву [2]) князь Горчаковъ повторилъ, что его бесѣда съ Аали-пашой надѣлала въ Европѣ болѣе шума, чѣмъ мы желали и чѣмъ слѣдовало для нашей пользы.

Борьба между Германіей и Франціей продолжалась, шла осада Метца, за его взятіемъ послѣдовало движеніе германскихъ войскъ къ Парижу и его обложеніе. Наступалъ благопріятный часъ, который долженъ былъ избрать государь для своего рѣшительнаго слова. Обстоятельства дѣйствительно складывались самымъ счастливымъ образомъ для такого рѣшенія, имѣвшаго своимъ предметомъ порваніе международнаго договора. Франція,—павшій повелитель которой создалъ идею нейтрализаціи Чернаго моря, изнывала въ борьбѣ со внѣшнимъ врагомъ, не допускавшимъ никакого посредничества или заступничества. Ея бывшая союзница въ крымскую войну и поручительница, совмѣстно съ нею и Австріею по договору 15-го апрѣля 1856 г., за независимость и неприкосновенность оттоманской имперіи, стояла одиноко; ея государственные люди, управлявшіе страною, не обнаруживали такой ненависти къ Россіи, какъ лордъ Пальмерстонъ, изъ нихъ первый министръ Гладстонъ даже высказывался въ 1866 г. за отмѣну ограниченій, поставленныхъ русскому флоту на Черномъ морѣ. Другая поручительница, по тому же договору 15-го апрѣля 1856 года, была поглощена созерцаніемъ борьбы между Франціею и Германіею и не смѣла двинуться на помощь первой, боясь нашего вмѣшатель-

---

[1]) 1870. Constantinople. VII. Exp., lettre 3 septembre.
[2]) 1870. Constantinople. VII. Exp., lettre 3 septembre.

ства, къ тому же тогдашній канцлеръ австро-венгерской имперіи графъ Бейстъ самъ, въ 1867 г., ратовалъ за отмѣну ограничительныхъ постановленій 1856 г., находя ихъ унизительными для Россіи и несправедливыми. Турція не рѣшилась бы въ одиночествѣ спорить противъ отмѣны этихъ статей договора, не приносящихъ ей никакой пользы. Положеніе, принятое Россіей во время волненій, вызванныхъ франко-прусской войной среди христіанскаго населенія востока въ Сербіи, въ Черногоріи, Болгаріи, Греціи и также на Критѣ, и клонившееся къ тому, чтобы успокоить умы возбужденнаго населенія, способствовало къ его умиротворенію. Такія миролюбивыя дѣйствія Россіи дали возможность Портѣ отмѣнить первоначально принятыя ею мѣры къ вооруженію, что имѣло благотворное вліяніе на ея финансы. Такое положеніе занятое Россіею въ отношеніи къ Турціи въ связи съ тѣмъ, что Россія никакихъ не дѣлала вооруженій, должно было убѣдить Порту въ томъ, что съ нашей стороны не замышлялись никакія козни. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что тогдашній великій визиръ Аали-паша былъ человѣкъ осторожный и разумный; о немъ князь Горчаковъ сохранилъ добрую память со времени вѣнской конференціи, на которой они засѣдали вмѣстѣ.

Италія, только что поправшая международный актъ и занявшая самовольно Римъ, не могла считаться опаснымъ противникомъ. Наконецъ Пруссія, король которой былъ связанъ узами родства и дружбы съ государемъ, а канцлеръ графъ Бисмаркъ нуждался въ насъ для окончанія борьбы съ Франціею, стояла на нашей сторонѣ. Доказательствомъ этого расположенія служитъ телеграфическая депеша графа Бисмарка прусскому посланнику въ С.-Петербургѣ князю Рейсу, отправленная изъ Ферьера 21/9-го сентября 1870 г. [1]), которую князь Рейсъ передалъ императору Александру Николаевичу. Въ ней графъ Бисмаркъ проситъ посланника доложить государю, что король находитъ справедливымъ желаніе Россіи измѣнить постановленія 1856 г. Договоръ, который исключаетъ суда такой державы, какъ Россія, изъ моря, прилегающаго къ ней, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и не имѣетъ жизненной

[1]) 1870. Prusse. Légation. Réc, tél. 22/10 septembre.

силы. Если Россія въ виду допущенныхъ въ немъ нарушеній не считаетъ себя болѣе связанной означеннымъ договоромъ, она можетъ разсчитывать на Пруссію, которая приложитъ все стараніе къ тому, чтобы не только Франція, но и другія державы признали его дѣйствіе прекратившимся. Если бы желаніе Россіи находилось въ предѣлахъ его дѣйствительной исполнимости безъ созыва конгресса, то задача была бы въ значительной степени облегчена. Независимо отъ сего графъ Бисмаркъ, съ цѣлью подготовить въ Константинополѣ почву нашимъ домогательствамъ, предписалъ [1]) прусскому посланнику въ столицѣ Турціи графу Кайзерлингу внушать Портѣ и дипломатическимъ представителямъ въ Константинополѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, что между Пруссіею и Россіею существовало тѣсное и неразрывное соглашеніе, которое не измѣнится никакими превратностями. Такимъ образомъ, обстоятельства благопріятствовали желанію Россіи освободиться отъ постановленій Парижскаго договора, стѣснявшихъ ея свободу. Положеніе державъ, ополчившихся противъ нея въ 1854 г., было таково въ 1870 г., что ни одна изъ нихъ не рѣшилась бы поднять противъ насъ оружіе; всѣ ихъ усилія были направлены къ ограниченію борьбы между Пруссіею и Франціей, и нельзя было допустить, чтобы онѣ распространили бы ее на востокѣ Европы, въ особенности, если имѣть въ виду, что Россія не предпринимала никакого нападенія, не угрожала никому, но стремилась исключительно къ возстановленію своего достоинства и безопасности. Оставалось избрать благопріятный моментъ и способъ для достиженія этой цѣли. Мы могли отложить разсмотрѣніе вопроса до окончанія войны и заявить о своемъ желаніи конгрессу, предполагавшемуся къ созыву, но было вѣрнѣе воспользоваться продолженіемъ войны: пока длилась она, скорѣе можно было разсчитывать на доброжелательство Пруссіи и на сдержанность другихъ державъ. Когда же, по заключеніи мира, всѣ государства освободились бы отъ тревогъ, вызванныхъ войною, то нельзя было бы предвидѣть, какъ бы они отнеслись къ нашимъ притязаніямъ. Не даромъ графъ Бисмаркъ не разъ дѣлалъ на-

---

[1]) 1870. Berlin. Exp., lettre 9 octobre. 1870 Constantinople. VII. Exp., lettre 11 octobre.

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

меки на то, чтобы не возбуждали вопроса, пока война не кончилась. Что же касается способа, коимъ мы могли бы отрѣшиться отъ стѣснявшихъ насъ ограниченій, то обращеніе русскаго правительства ко всѣмъ державамъ съ просьбой о пересмотрѣ договора 1856 г. соотвѣтствовало бы правильному осуществленію нашего домогательства. Но уже сдѣланныя въ прежніе годы попытки въ этомъ направленіи остались безъ успѣха. Мы могли натолкнуться на единичныя обѣщанія, которыя затерялись бы въ недоброжелательствѣ всей совокупности державъ. Въ этомъ случаѣ не только наше достоинство было бы оскорблено, но наше положеніе было бы поколеблено отказомъ, который повлекъ бы за собою подтвержденіе всего договора 1856 г. и признаніе невозможнымъ достичь его пересмотра мирнымъ путемъ. Въ виду этихъ соображеній [1]) Россія рѣшилась дѣйствовать самостоятельно.

III.

Циркулярная депеша князя Горчакова отъ 19/31-го октября 1870 г. о томъ, что государь не считалъ себя болѣе связаннымъ обязательствами Парижскаго договора, ограничивавшими его верховныя права на Черномъ морѣ. Сообщеніе этой депеши державамъ подписавшимъ Парижскій договоръ. Отвѣтные ихъ отзывы на депешу.

Наступилъ тотъ давно ожидаемый часъ для произнесенія Европѣ рѣшительнаго слова государя. Канцлеръ князь Горчаковъ сознавалъ всю трудность задачи, всю важность предпринимаемаго имъ шага, рѣшившись на который нельзя было отступать. Дѣло шло объ уничтоженіи односороннимъ заявленіемъ Россіи постановленій международнаго договора, въ подписаніи котораго она участвовала совмѣстно съ шестью державами. Баронъ Жомини въ письмѣ графу Бруннову, приведенномъ выше [2]), даетъ понятіе о настроеніи князя Горчакова въ эти часы и о со-

---

[1]) 1871 г. Всеподданнѣйшій отчетъ за 1870 годъ.

[2]) 1871. Londres. IV, Expédition, copie d'une lettre du baron Jomini au c-te Brunnow 10/12 mai 1871.

мнѣніяхъ высказанныхъ имъ барону Жомини въ своихъ прогулкахъ вмѣстѣ съ нимъ вокругъ царскосельскаго озера. Князь Горчаковъ готовъ былъ пожертвовать собою если бы государь нашелъ для блага государства полезнымъ отказаться отъ шага предпринятаго канцлеромъ «Je sacrifie volontiers ma personne; ma chute ne sera pas le démenti de ma carrière, car on ne pourra m'accuser que d'avoir placé au—dessus de tout l'honneur de ma patrie! C'est un sentiment qui a de l'écho en Russie». Заявленіе Россіи о томъ, что она находила невозможнымъ для себя дальнѣйшее исполненіе навязанныхъ ей ограниченій и поэтому требовала отмѣны постановленій Парижскаго договора относительно нейтрализаціи Чернаго моря, послѣдовало въ циркулярной депешѣ князя Горчакова отъ 19/31-го октября 1870 г. на имя кабинетовъ державъ. подписавшихъ Парижскій договоръ. Въ депешѣ этой говорилось, что неоднократныя нарушенія, которымъ въ послѣдніе годы подвергались договоры, почитавшіеся основаніемъ европейскаго равновѣсія, поставили императорскій кабинетъ въ необходимость вникнуть въ ихъ значеніе по отношенію къ политическому положенію Россіи. Въ числѣ этихъ договоровъ къ Россіи наиболѣе непосредственно относится Парижскій отъ 18/30-го марта 1856 г., ограничивающій ея морскія силы и устанавливающій нейтрализацію Чернаго моря. Державы, подписавшія договоръ, полагали, что это начало должно было устранить всякую возможность столкновеній какъ между прибрежными государствами, такъ равно между послѣдними и морскими державами. Оно должно было умножить число странъ пользовавшихся, по единогласному соглашенію Европы, благодѣяніями нейтрализаціи и такимъ образомъ ограждать самое Россію отъ всякой опасности нападеній. Пятнадцатилѣтній опытъ доказалъ, что это начало, отъ котораго зависѣла безопасность границы Россійской имперіи въ этомъ направленіи, на всемъ ея протяженіи, основано лишь на соображеніяхъ теоріи. Въ дѣйствительности же, въ то время какъ Россія разоружалась въ Черномъ морѣ и даже посредствомъ деклараціи, включенной въ протоколы конференціи, прямодушно воспрещала самой себѣ принятіе

---

[1]) 1870. Circulaires. № 204 (b) 19/31 octobre.

дѣйствительныхъ мѣръ морской обороны въ прилегающихъ моряхъ и портахъ, Турція сохраняла право содержать въ Архипелагѣ и въ проливахъ морскія силы въ неограниченномъ размѣрѣ; Англія и Франція могли по прежнему сосредоточивать свои эскадры въ Средиземномъ морѣ. Кромѣ того въ силу договора, входъ въ Черное море формально и на всегда воспрещенъ военнымъ судамъ какъ прибрежныхъ, такъ и прочихъ государствъ, но благодаря такъ называемой конвенціи о проливахъ проходъ черезъ нихъ закрытъ военнымъ судамъ только въ мирное время. Изъ этого противорѣчія выходитъ, что берега россійской имперіи открыты для всякаго нападенія, даже со стороны державъ менѣе могущественныхъ, если онѣ только располагаютъ морскими силами, противъ которыхъ Россія могла бы выставить лишь нѣсколько судовъ небольшихъ размѣровъ. Самъ Парижскій договоръ 18/30-го марта 1856 г. не избѣгнулъ нарушеній; имъ подверглась большая часть европейскихъ соглашеній и при наличности ихъ трудно было утверждать, что опирающееся на уваженіи къ договорамъ, этимъ основамъ международнаго права и отношеній между государствами, писанное право сохранило туже нравственную силу, которою оно пользовалось въ прежнее время. На нашихъ глазахъ произошелъ въ дунайскихъ княжествахъ, которыхъ положеніе было опредѣлено мирнымъ договоромъ и послѣдовавшими протоколами при поручительствѣ великихъ державъ, цѣлый рядъ переворотовъ противныхъ духу и буквальному смыслу этихъ соглашеній, которыя ихъ привели сперва къ соединенному управленію, а затѣмъ къ призыву иноземнаго князя. Эти нарушенія были допущены съ согласія Порты и съ одобренія великихъ державъ, или по крайней мѣрѣ онѣ не сочли нужнымъ требовать уваженія своихъ прежнихъ постановленій Представитель Россіи одинъ возвысилъ голосъ, указавъ кабинетамъ на то, что они подобнымъ попустительствомъ противорѣчили прямымъ опредѣленіямъ договора. Императорскій кабинетъ безъ сомнѣнія, не имѣлъ бы никакихъ возраженій, если эти преимущества, дарованныя одной изъ христіанскихъ народностей востока, были бы предоставлены, по общему соглашенію между кабинетами и Портой, въ силу начала примѣняемаго къ совокупности всего христіанскаго населенія Турціи. Но эти льготы оказались исклю-

чительными. Императорскій кабинетъ не могъ не быть пораженъ тѣмъ, что, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ заключенія договора 18/30-го марта 1856 года, онъ былъ безнаказанно нарушенъ въ одной изъ своихъ существенныхъ частей передъ всѣми великими державами, собранными на конференцію въ Парижѣ и представлявшими въ своей совокупности высшую коллективную власть, въ рукахъ которой находился миръ на востокѣ. Это нарушеніе не было единичнымъ; неоднократно и подъ разными предлогами открывался входъ въ проливы иностраннымъ военнымъ судамъ, а въ Черное море цѣлымъ эскадрамъ, присутствіе которыхъ въ этихъ водахъ составляло явное нарушеніе безусловнаго нейтралитета, имъ присвоеннаго. По мѣрѣ того, какъ ослаблялось поручительство, присущее договору, а именно гарантія дѣйствительной нейтрализаціи Чернаго моря, введеніе броненосныхъ судовъ неизвѣстныхъ и непредвидѣнныхъ договоромъ 1856 года усугубляло для Россіи опасность въ случаѣ войны, увеличивъ въ значительной степени уже явное неравенство морскихъ силъ той и другой стороны. Въ такомъ положеніи дѣлъ государь императоръ долженъ былъ поставить себѣ вопросъ: какія права и обязанности проистекаютъ для Россіи изъ этихъ перемѣнъ и изъ этихъ отступленій отъ обязательствъ которыя Россія не переставала строго соблюдать, хотя они и проникнуты духомъ недовѣрія къ ней? По зрѣломъ разсмотрѣніи этого вопроса государь пришелъ къ тому заключенію, что онъ не можетъ допустить съ юридической стороны, чтобы договоры, многія существенныя постановленія которыхъ были нарушены, оставались обязательными лишь въ тѣхъ пунктахъ, которые касались прямыхъ выгодъ его имперіи. Государь лично также не можетъ допустить съ фактической стороны, чтобы безопасность Россіи была поставлена въ зависимость отъ теоріи, неустоявшей передъ опытомъ времени, и чтобы эта безопасность могла подвергнуться нарушенію вслѣдствіе уваженія къ обязательствамъ, которыя не были соблюдены въ своей цѣлости. На основаніи этихъ соображеній государь, довѣряясь чувствамъ справедливости державъ, подписавшихъ договоръ 1856 г. и присущему имъ сознанію ихъ собственнаго достоинства, объявляетъ имъ: 1) что онъ не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами сего договора, насколько они

ограничиваютъ его верховныя права на Черномъ морѣ; 2) что онъ считаетъ своимъ правомъ и своею обязанностью заявить султану о прекращеніи силы отдѣльной и дополнительной къ сему договору конвенціи, опредѣляющей число и вмѣстимость военныхъ судовъ, которыя обѣ прибрежныя державы предоставили себѣ содержать въ Черномъ морѣ; 3) что онъ прямодушно увѣдомляетъ о томъ державы, подписавшія и обезпечившія общій договоръ, существенную часть котораго составляетъ эта конвенція и 4) возвращаетъ въ этомъ отношеніи султану права во всей полнотѣ точно такъ же, какъ возстановляетъ свои собственныя. Нашимъ дипломатическимъ представителямъ вмѣнено было въ обязанность увѣрить правительства державъ, при которыхъ они были аккредитованы, что государь, имѣя въ виду только безопасность и достоинство своей имперіи, вовсе не намѣренъ возбуждать восточнаго вопроса. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ только желаетъ сохраненія и упроченія мира. Онъ не перестаетъ, по прежнему, вполнѣ признавать главныя начала договора 1856 г., опредѣлившія положеніе Турціи въ ряду государствъ Европы. Онъ готовъ вступить въ соглашеніе съ державами, подписавшими договоръ, или для подтвержденія его общихъ постановленій или для ихъ возобновленія, или же для замѣны ихъ какимъ либо другимъ справедливымъ уговоромъ, который былъ бы признанъ способнымъ обезпечить спокойствіе востока и европейское равновѣсіе. Его Императорское Величество убѣждено въ томъ, что это спокойствіе и это равновѣсіе пріобрѣтутъ еще новое ручательство, когда будутъ опираться на основаніяхъ болѣе справедливыхъ и прочныхъ, чѣмъ настоящее положеніе, котораго ни одна великая держава не могла бы признать за естественное условіе своего существованія. Это циркулярное сообщеніе было разослано нашимъ представителямъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Лондонѣ Парижѣ и Флоренціи; имъ вмѣнено было въ обязанность его прочесть и оставить съ него копію министру иностранныхъ дѣлъ.

Сообщеніе князя Горчакова произвело громадный переполохъ въ Европѣ, которая, хотя и ожидала, что вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго договора будетъ возбужденъ Россіею, но она была ошеломлена способомъ, который

русскій канцлеръ примѣнилъ для его разрѣшенія. Россія разрубила сама путы, ее связывавшія.

Дѣйствительно, шагъ, предпринятый княземъ Горчаковымъ, не согласовался съ прежними его воззрѣніями. Не далѣе, какъ въ 1866 г., послѣ побѣды Пруссіи надъ Австріей, когда, по предварительнымъ условіямъ мира, были уничтожены германскій союзъ и нѣсколько независимыхъ государствъ средней Европы, существовавшихъ на основаніи договоровъ, въ которыхъ участвовали между прочими державами Англія и Россія, императорскому послу въ Лондонѣ барону Бруннову было предложено княземъ Горчаковымъ объявить тогдашнему первому секретарю по иностраннымъ дѣламъ лорду Станлею, что по общимъ началамъ права, которыми руководствуется русское правительство, никакое измѣненіе въ международномъ договорѣ не можетъ быть допущено иначе, какъ съ согласія всѣхъ участвовавшихъ въ его составленіи сторонъ. Почему барону Бруннову было поручено увѣдомить с.-петербургскій кабинетъ о томъ, какого взгляда держится великобританское правительство по сему предмету. По свиданіи съ лордомъ Станлеемъ, баронъ Брунновъ сообщилъ, что Англія преклонялась передъ порядкомъ вещей, фактически установившимся въ Германіи послѣ прусскихъ побѣдъ, не утверждая его никакимъ признаніемъ [1]). Юридическое положеніе, провозглашенное княземъ Горчаковымъ о неприкосновенности договоровъ, которые измѣняются или отмѣняются только съ согласія сторонъ, участвовавшихъ въ ихъ составленіи, основано на общепризнанныхъ началахъ права, дѣйствующихъ какъ въ гражданскомъ быту, такъ и въ сферѣ международныхъ отношеній. Почему указанныя въ циркулярѣ 19-го октября нарушенія договора 1856 года, по строгому юридическому понятію, создавали для Россіи право требовать пересмотра этого договора всѣми державами, его подписавшими, но отнюдь не дѣлать односторонняго заявленія о необязательности для нея несогласныхъ съ ея видами постановленій договора и отвѣчать на нарушенія, допущенныя другими государствами, таковымъ же нарушеніемъ, состоящимъ въ отмѣнѣ самаго обязательства. Въ этомъ заявленіи заключалась слабость

---

[1]) 1866. Londres. III. Réc. № 1658, dép. $\frac{\text{30 juillet}}{\text{12 aout}}$ № 187.

всего циркулярнаго сообщенія. Но если оно было построено на зыбкой правовой аргументаціи, то въ сферѣ международныхъ отношеній строгое начало права должно иногда считаться съ другими двигателями. Князь Горчаковъ сознавалъ свою силу въ народномъ чувствѣ, въ непоколебимой рѣшимости государя и въ благопріятно сложившихся для Россіи обстоятельствахъ, изъ коихъ поддержка короля Вильгельма и его канцлера графа Бисмарка представлялась очень существенной. Какъ пишетъ баронъ Жомини въ вышеприведенномъ письмѣ графу Бруннову [1]), «канцлеръ изучилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился приступить къ нему; рѣшеніе долго обдумывалось, но исполнялось съ энергіею и безповоротно. Князь Горчаковъ, впрочемъ, принялъ всѣ свои мѣры предосторожности. Смѣлый его шагъ прикрывался ловко придуманною предусмотрительностью. Такъ какъ мы не требовали возвращенія уступленной части Бессарабіи, то не было состава преступленія. Не воюютъ же изъ-за одной деклараціи, развѣ въ ней видѣть поводъ къ войнѣ, заранѣе обдуманный и подготовленный. Почему наша декларація не могла служить причиной къ объявленію военныхъ дѣйствій со стороны Англіи, ни Австріи, ни Турціи. На дурной конецъ можно было ожидать отказа въ пріемѣ нашего заявленія и представленія возраженій въ смыслѣ обязательности Парижскаго договора. Но тогда мы бы отвѣтили такъ же гордо, какъ отвѣчали послѣ Адріанопольскаго мира. Безъ сомнѣнія положеніе было бы прискорбнымъ и опаснымъ, но до неминуемой войны было еще далеко. Мы бы выгодно воспользовались временемъ, которое сглаживаетъ первыя впечатлѣнія и открываетъ доступъ къ переговорамъ и объясненіямъ. Но вообще, съ самаго возникновенія всего дѣла, князь Горчаковъ предвидѣлъ возможность только войны на бумагѣ, газетной перебранки и преній въ парламентахъ».

Здѣсь къ слову будетъ сказать, что императорскій посолъ въ Константинополѣ генералъ Игнатьевъ, который, какъ мы видѣли выше, еще въ августѣ 1870 г., сообщалъ, что по его мнѣнію наступилъ благопріятный моментъ для отмѣны нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора,

---

[1]) 1871. Londres. IV. Exp., lettre 10/22 mai.

не одобрялъ формы, избранной княземъ Горчаковымъ для осуществленія мысли государя [1]). Генералъ Игнатьевъ полагалъ, что она могла быть приведена въ исполненіе путемъ прямого соглашенія съ султаномъ [2]).

Независимо отъ циркулярнаго сообщенія, переданнаго правительствамъ державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ, нашими представителями, каждый изъ нихъ получилъ депешу, содержавшую разъясненія по адресу правительства каждой отдѣльной державы. Король Вильгельмъ и графъ Бисмаркъ получили: первый собственноручное письмо государя, второй—письмо отъ канцлера, которыя были доставлены вмѣстѣ съ циркулярнымъ сообщеніемъ отъ 19 октября въ прусскую главную квартиру во Франціи свиты Е. И. В. генералъ-маіоромъ Анненковымъ, при чемъ императорскому посланнику въ Берлинѣ Убри было наказано [3]) оставить копію сообщенія прусскому статсъ-секретарю Тиле и распорядиться, чтобы о важномъ рѣшеніи, предпринятомъ императоромъ, первымъ изъ государей былъ извѣщенъ король Вильгельмъ депешею, чтобы онъ могъ обдумать на досугѣ и дѣйствовать согласно влеченію своего сердца и своимъ увѣреніямъ, даннымъ намъ неоднократно и въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ.

Въ собственноручномъ письмѣ на имя короля Вильгельма [4]) государь, извѣщая своего дядю о своемъ рѣшеніи освободиться отъ обязательствъ договора 1856 г., напоминаетъ ему, что еще въ 1866 г. генералъ-лейтенантъ Мантейфель былъ имъ посланъ въ С.-Петербургъ съ порученіемъ передать ему увѣренія его, Вильгельма, въ сознаніи имъ невозможности для Россіи, какъ великой державы, безконечно пребывать подъ давленіемъ постановленій договора, оскорбляющихъ ея достоинство и нарушающихъ ея безопасность. Основываясь на этихъ увѣреніяхъ, государь выражаетъ надежду, что нынѣ король не только подастъ голосъ за него, но употребитъ свое вліяніе на остальныя правительства, чтобы убѣдить ихъ въ его миролюбивыхъ намѣреніяхъ и склонить ихъ на его сторону.

---

[1]) 1871. Constantinople. I. Réc., lettre $\frac{30 \text{ mars}}{11 \text{ avril}}$.

[2]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2141, dép. 11/23 novembre № 286.

[3]) 1870. Berlin. V. Exp., lettre 20 octobre.

[4]) 1870. Prusse (roi). Exp. № 204 (c), lettre autographe 19/31 octobre.

Письмо канцлера графу Бисмарку [1]) начинается словами: [2]) «Permettez-moi de n'avoir pas l'ombre d'un doute sur le succès de la démarche de l'empereur auprès du roi et sur le concours énergique et loyal que vous nous prêterez». Упоминая далѣе о письмѣ государя и о циркулярномъ сообщеніи, князь Горчаковъ кончаетъ: «Vous vous persuaderez une fois de plus que nous ne voulons pas vous accorder une demi-confiance. Cela dit, je m'en remets à vos inspirations, et je vous offre d'avance un serrement cordial de main que vous interprêterez comme moi, dans le sens de la conviction dass wir einander treu geblieben sind». (Вы убѣдитесь еще разъ, что мы нехотимъ вамъ оказать неполное довѣріе. Сказавъ это, я предоставляю себя вашимъ внушеніямъ и впередъ передаю вамъ сердечное рукопожатіе, которое вы истолкуете въ томъ же смыслѣ какъ я, въ смыслѣ убѣжденія, что мы остались вѣрны другъ къ другу) [3]).

Передавая лорду Гранвилю правительственное сообщеніе, баронъ Брунновъ долженъ былъ указать ему на тѣ нарушенія существенныхъ постановленій Парижскаго договора, уничтожившія политическое равновѣсіе на востокѣ въ ущербъ Россіи, и разъяснить, что рѣшеніе государя имѣло исключительно цѣлью его возстановленіе. Депеша заключалась надеждой, что лордъ Гранвиль окажетъ хорошій пріемъ сообщенію, такъ какъ между обоими правительствами неоднократно устанавливалось единомысліе по восточному вопросу, по которому они связаны однородными выгодами. Въ письмѣ Бруннову [4]) князь Горчаковъ, развивая тѣ же мысли, доказывалъ, что рѣшеніе государя послѣдовало исключительно для возстановленія неотъемлемыхъ верховныхъ правъ Россіи, ограниченіе которыхъ несовмѣстимо съ нормальнымъ существованіемъ великой державы. Оно было вызвано необходимостью самозащиты, такъ какъ нельзя было оставлять всего протяженія нашего южнаго побережья на произволъ судьбы. Тоже самое бы сдѣлали англичане, если были бы они въ нашемъ положеніи.

[1]) 1870. Prusse (C—te Bismarck). Exp., lettre 20 octobre.

[2]) Позвольте мнѣ не имѣть тѣни сомнѣнія на счетъ успѣха шага, предпринятаго государемъ передъ королемъ, и вашего искренняго и энергичнаго содѣйствія, которое вы намъ окажете.

[3]) 1870. Londres. IV. Exp. № 205, dép. 20 octobre.

[4]) 1870. Londres. V. Exp., lettre 20 octobre.

«Всему міру извѣстно,—продолжалъ князь Горчаковъ, что, только, благодаря постоянной заботѣ Россіи, за послѣднее время сохранилось спокойствіе на востокѣ, не смотря на событія, происшедшія въ западной Европѣ. «Письмо свое канцлеръ заканчивалъ тѣмъ соображеніемъ, что лордъ Пальмерстонъ, ярый противникъ Россіи во все время своего политическаго поприща, нѣсколько дней спустя послѣ подписанія Парижскаго договора, опредѣлилъ ему срокъ существованія не болѣе, какъ на 10 лѣтъ, почему лордъ Гранвиль, которому нельзя было приписывать такія же чувства ненависти къ Россіи, врядъ ли убѣжденъ въ возможности продлить существованіе постановленій, которыя касались не мира на востокѣ, но исключительно достоинства и безопасности Россіи. Кромѣ сего, въ секретной депешѣ на имя барона Бруннова [1]) князь Горчаковъ припомнилъ ему бесѣду, которую онъ имѣлъ въ 1866 г. съ лордомъ Росселемъ о пересмотрѣ Парижскаго договора, послѣ которой баронъ Брунновъ пришелъ къ убѣжденію, что пересмотръ былъ бы допущенъ Англіею не иначе, какъ за опредѣленную уступку или компенсацію, каковую императорскій посолъ усматривалъ въ замѣнѣ закрытія Чернаго моря признаніемъ его открытымъ. Объясняя далѣе, что о названной замѣнѣ ничего не говорилось въ сообщеніи отъ 19 октября, для того, чтобы имѣть лишній козырь въ рукахъ при переговорахъ съ Англіею, князь Горчаковъ уполномачивалъ барона Бруннова предложить эту комбинацію англійскимъ министрамъ, если онъ признаетъ это необходимымъ и когда ему заблагоразсудится.

Повѣренный въ дѣлахъ при правительствѣ національной обороны во Франціи Окуневъ получилъ отдѣльную депешу [2]), въ которой ему предписывалось передать сообщеніе канцлера отъ 19 октября делегаціи въ Турѣ. Въ этой депешѣ указывалось, что хотя правительство, учредившееся тогда во Франціи, имѣло исключительною цѣлью оборону страны, но въ виду значенія Франціи, какъ европейской державы, императорскій кабинетъ не счелъ возможнымъ допустить дальнѣйшее промедленіе въ извѣщеніи делегаціи въ Турѣ о рѣшеніи государя освободиться отъ

---

[1]) 1870. Londres. IV. Exp. № 205 (f), dép. secrète 20 octobre.

[2]) 1870. Paris. IV. Exp. № 205 (c), dép. 20 octobre.

нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора, въ подписаніи котораго участвовала Франція. Отмѣчая далѣе, что политическіе перевороты, происшедшіе въ Европѣ и приведшіе къ гибельнымъ послѣдствіямъ, были вызваны впервые войною 1854 г. и Парижскимъ договоромъ 1856 г., канцлеръ выражалъ мнѣніе, что задача всякаго правительства, которое учредится во Франціи, будетъ заключаться въ исправленіи зла, нанесеннаго политическою системою, имѣвшею цѣлью столь пагубныя послѣдствія. Сообщеніе канцлера, отправленное флорентинскому кабинету, сопровождалось особымъ письмомъ князя Горчакова императорскому посланнику барону Икскулю [1]), въ которомъ ему поручалось передать министру иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста, что канцлеръ не сомнѣвался въ пріемѣ, который итальянское правительство окажетъ нашему предложенію. Висконти, говорилось далѣе въ письмѣ, слишкомъ ясно сознаетъ свое собственное достоинство, чтобы не понять обязанности, которыя наша совѣсть налагаетъ на насъ.

Въ депешѣ императорскому посланнику въ Вѣнѣ Новикову [2]) князь Горчаковъ писалъ: «Я считаю излишнимъ останавливаться на ближайшихъ причинахъ, побудившихъ государя освободиться отъ постановленій договора 1856 г., несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ и безопасностью Россіи. Эти причины очевидны. Когда я имѣлъ честь быть уполномоченнымъ при вѣнскомъ дворѣ, я не скрывалъ моего убѣжденія въ томъ, что политика, которая, не расшатывая могущества Россіи, постоянно развивала въ чувствахъ великаго народа зачатки неудовольствія и раздраженія, не соотвѣтствовала выгодамъ Европы, ни въ частности Австріи. «Затѣмъ, напомнивъ въ своей депешѣ предложеніе барона Бейста передать на размотрѣніе конгресса вопросъ о пересмотрѣ Парижскаго договора, князь Горчаковъ высказывалъ увѣренность въ томъ, что австро-венгерскій канцлеръ графъ Бейстъ окажетъ дружескій пріемъ сообщенію русскаго правительства, и заключалъ словами: «Графъ Бейстъ долженъ понять, насколько возбужденный вопросъ важенъ для Россіи, такъ какъ положеніе, которое державы займутъ

---

[1]) 1870. Florence. Exp., lettre 20 octobre.

[2]) 1870. Vienne. IV. Exp. № 205, (d) dépêche 20 octobre.

*

по отношенію къ ней при разрѣшеніи этого вопроса, сочтется ею пробнымъ камнемъ для оцѣнки ихъ расположенія къ ней и для опредѣленія того, какъ она должна относиться къ нимъ по взаимности».

Въ депешѣ на имя повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ Стааля и въ особомъ письмѣ [1]) ему предписывалось, при передачѣ сообщенія великому визиру Аали-пашѣ объяснить ему, что въ рѣшеніи государя нѣтъ ничего враждебнаго или непріятнаго въ отношеніи къ Портѣ. Оттоманскому правительству доказывалось, что натянутость отношеній между Россіей и Турціей, представляясь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ договора 1856 г., служила также постояннымъ предлогомъ къ возбужденію взаимнаго другъ къ другу раздраженія всѣмъ тѣмъ, которые изъ личныхъ разсчетовъ и побужденій жаждали разрыва между обѣими державами. Такое положеніе и вредъ, отъ него проистекавшій, показывали невозможность для великой державы допускать его продолженія на неопредѣленное время. Многими признанная неизбѣжность борьбы тяготѣла надъ всѣми, одни призывали ее и готовились къ ней, другіе не щадили усилій ускорить и возбудить ее. Очевидно, что въ этомъ и заключалась безпрерывность смутъ на востокѣ, разбивавшихъ всѣ усилія, употребленныя съ 1856 г. императорскимъ правительствомъ для его умиротворенія.

Изложивъ сущность сообщеній, которыя нашимъ дипломатическимъ представителямъ было поручено передать правительствамъ великихъ державъ, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, при которыхъ это порученіе было исполнено каждымъ изъ нихъ.

$\frac{\text{26 октября}}{\text{7 ноября}}$ императорскій посланникъ въ Берлинѣ Убри передалъ статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ Тиле сообщеніе 19 октября съ просьбой держать его въ тайнѣ до срока по усмотрѣнію, зависѣвшему отъ князя Горчакова [2]). «Тиле, писалъ Убри, очень восхищался слогомъ циркулярнаго сообщенія и выразилъ свое сочувствіе его содержанію. Онъ призналъ нашу умѣренность и одобрилъ то, что мы не требовали возвращенія части Бессарабіи.

---

[1]) 1870. Constantinople. VII. Exp. № 205 (g), dép. 20 octobre, lettre 20 octobre.

[2]) 1870. Berlin. IV. Réc, lettre $\frac{\text{26 ctobre}}{\text{7 novembre}}$, dép. $\frac{\text{28 octobre}}{\text{9 novembre}}$.

По его мнѣнію, Австрія пожелала бы что-либо предпринять, но едва ли она будетъ въ состояніи на серьезный шагъ. Вашъ заклятый врагъ—графъ Андраши, сказалъ онъ; можетъ быть, онъ придумаетъ какія-нибудь затрудненія. Въ распоряженіи Англіи—ея флотъ, но время года неблагопріятно для морской кампаніи». Почему Тиле предполагалъ, что все обойдется благополучно, такъ какъ былъ улученъ самый удачный моментъ для нашего заявленія. Между тѣмъ 29 октября/10 ноября прусскій посланникъ въ С.-Петербургѣ князь Рейсъ сообщилъ канцлеру [1]) сожалѣніе графа Бисмарка о томъ, что, въ виду уже сдѣланнаго нами заявленія, нельзя было отложить все дѣло до болѣе удобнаго времени. Графъ Бисмаркъ, однако, обѣщалъ содѣйствовать видамъ государя. Только 1/13 ноября князь Горчаковъ разрѣшилъ Убри [2]) передать статсъ-секретарю Тиле, что онъ могъ дать ходъ полученному имъ сообщенію отъ 19 октября.

28 октября/9 ноября императорскій посолъ въ Лондонѣ баронъ Брунновъ получилъ съ особымъ курьеромъ означенное сообщеніе для передачи великобританскому правительству. Но еще наканунѣ, 27 октября, посолъ, уже извѣщенный по телеграфу о существѣ порученія, возлагаемаго на него, телеграфировалъ, что [3]), какъ ему казалось, Гранвиль былъ уже предупрежденъ о нашемъ заявленіи какими-то невѣдомыми путями. На этомъ мѣстѣ депеши имѣется помѣта канцлера: «cela me parait impossible puisque même ici personne n'en sait rien encore». (Это мнѣ кажется невозможнымъ, такъ какъ даже здѣсь никто еще ничего не знаетъ). Баронъ Брунновъ заключилъ телеграмму словами: «Attendrai courrier, remplirai ordres; soyez certain de leur exécution fidèle, mettez en doute succès». (Буду ждать курьера, сдѣлаю, что приказано; будьте увѣрены въ точномъ исполненіи приказаній; сомнѣвайтесь въ успѣхѣ).

Между тѣмъ того же 28 октября великобританскій посолъ въ С.-Петербургѣ сэръ Андрю Бухананъ писалъ князю Горчакову: «Третьяго дня мнѣ передали слухъ о

---

[1]) 1870. Prusse. Légation. Réc., lettre 29 octobre/10 novembre.

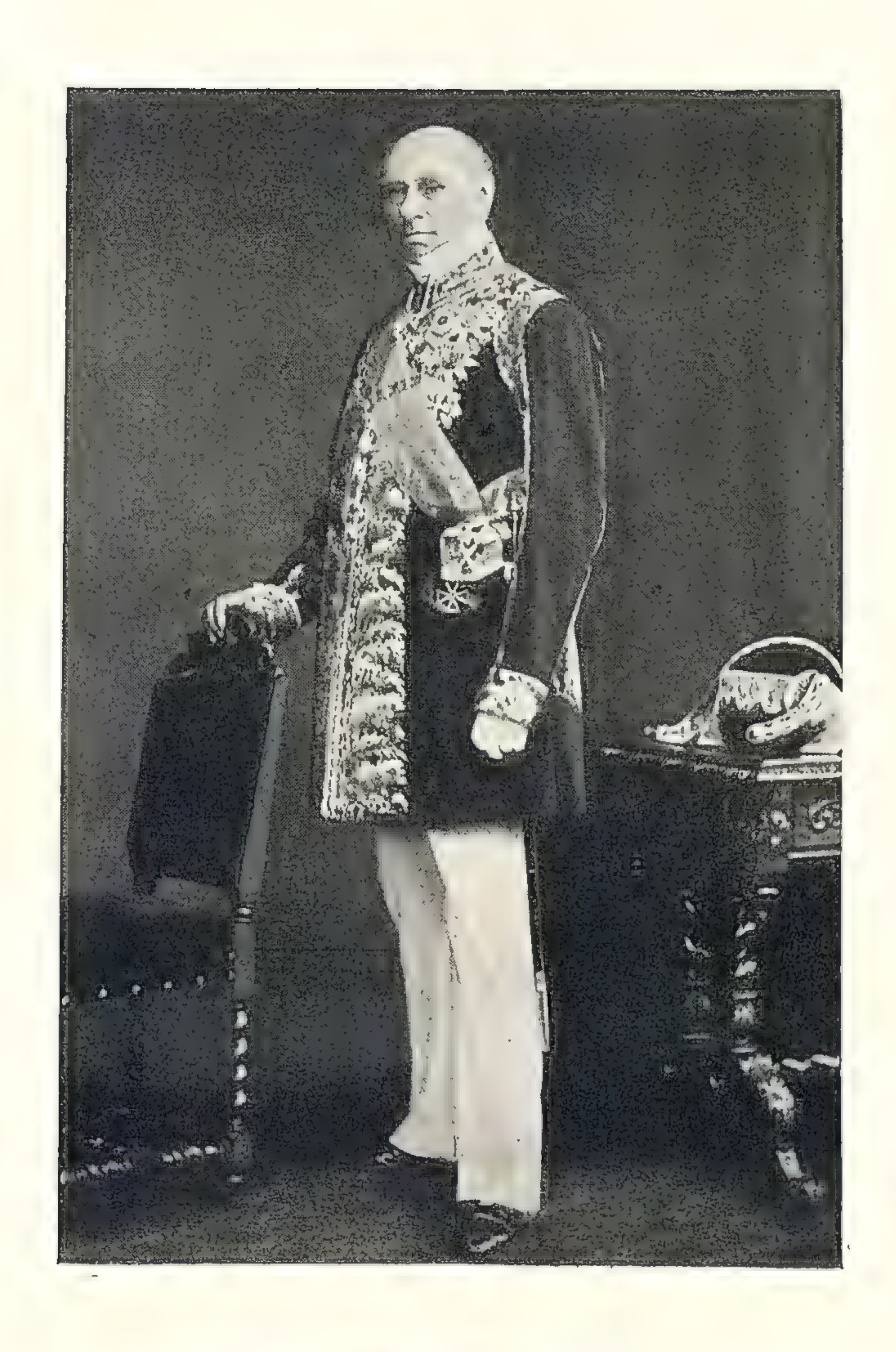
[2]) 1870. Berlin. V. Exp. № 218, dép. 1 novembre. IV. Réc. № 2044, dép. 3/15 novembre № 323.

[3]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 27 octobre/8 novembre.

томъ, что императорское правительство собирается освободиться отъ обязательствъ по договору 1856 г. такимъ способомъ, который мнѣ показался на столько оскорбительнымъ для королевы и для достоинства Великобританіи, что я этому слуху не повѣрилъ, прибавивъ однако, что въ случаѣ еслибы онъ оправдался, я долженъ буду ожидать приказанія потребовать паспорта и выѣхать изъ Петербурга. Къ сожалѣнію я сегодня узналъ, что этотъ слухъ подтверждается, чему я считаю своимъ долгомъ высказать вамъ мое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что если означенному дѣлу былъ дѣйствительно данъ ходъ въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ это передали, я питаю самыя сильныя опасенія относительно той точки зрѣнія, съ которой взглянетъ на этотъ вопросъ правительство королевы».

Вотъ какъ описываетъ баронъ Брунновъ свое свиданіе съ главнымъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ лордомъ Гранвилемъ, которому онъ вручилъ сообщеніе русскаго правительства. Брунновъ получилъ сообщеніе утромъ $\frac{\text{28 октября}}{\text{9 ноября}}$. По прочтеніи его, онъ въ 11 часовъ написалъ Гранвилю, прося его назначить ему часъ свиданія, которое состоялось въ три и продолжалось два часа [1]). Баронъ Брунновъ сказалъ лорду Гранвилю, что онъ явился къ нему во исполненіе повелѣнія его величества съ двумя порученіями. Первое заключалось въ засвидѣтельствованіи ему лично чувства довѣрія и уваженія. «Я ему сказалъ, — пишетъ баронъ Брунновъ, — что подобно тому, какъ нѣсколько дней тому назадъ онъ прямодушно мнѣ выразилъ, насколько онъ разсчитывалъ на опору государя въ пользу представленій, сдѣланныхъ въ Версалѣ и въ Турѣ для достиженія прекращенія военныхъ дѣйствій и мира, точно также я явился сегодня съ цѣлью, въ лицѣ его, удостовѣриться въ чувствѣ довѣрія, которое государь желалъ бы найти въ дружескихъ намѣреніяхъ Англіи». Второе порученіе заключалось въ передачѣ сообщенія, предназначеннаго для всѣхъ державъ, подписавшихъ договоръ 1856 г. Лордъ Гранвиль сперва познакомился съ содержаніемъ депеши, которая имѣла значеніе своего рода заявленія, обращеннаго довѣрительно къ нему. «По мѣрѣ того, какъ глав-

[1]) 1870. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{38 octobre}}{\text{9 novembre}}$; lettre $\frac{\text{28 octobre}}{\text{9 novembre}}$. Réc. № 2063, dép. 2/14 novembre № 95.

Баронъ (графъ съ 1871 г.)
Филиппъ Ивановичъ Брунновъ.

ный секретарь вчитывался въ нее, пишетъ баронъ Брунновъ, я убѣждался въ томъ, насколько вѣрно я предчувствовалъ то впечатлѣніе, которое должна была произвести на него эта бумага по своему безподобному изложенію». Гранвиль не счелъ возможнымъ дать какой либо отвѣтъ въ виду важности нашихъ заявленій, такъ какъ онъ не былъ въ состояніи предвидѣть намѣренія королевы и мнѣнія ея правительства, тѣмъ болѣе, что наше сообщеніе всѣхъ поразило своею внезапностью. Въ заключеніе депеши баронъ Брунновъ указалъ, что въ теченіе будущихъ переговоровъ необходимо было соображаться съ правиломъ, котораго всегда придерживался англійскій кабинетъ и по которому никакое измѣненіе не могло быть допущено въ договорѣ безъ участія сторонъ, его заключившихъ. Этому правилу были сдѣланы Англіею послабленія въ двухъ случаяхъ. Во время переговоровъ въ Лондонѣ въ 1864 г. по датскимъ дѣламъ, когда уполномоченные Австріи и Пруссіи заявили о намѣреніи своихъ правительствъ освободиться отъ обязательствъ, связанныхъ съ Лондонскимъ договоромъ. Лорды Россель и Кларендонъ, воспротивившись первоначально заявленіямъ Австріи и Пруссіи, принуждены были подчиниться, когда уполномоченные этихъ державъ не обратили никакого вниманія на возраженіе Англіи. Второй случай произошелъ въ 1866 г., когда Пруссія, уничтоживъ германскій союзъ и нѣсколько государствъ средней Европы, нарушила тѣмъ договоры 1815 г., въ заключеніи которыхъ участвовала Англія. Лордъ Станлей преклонился передъ этими нарушеніями. Приводя эти примѣры подчиненія великобританскаго правительства совершившимся фактамъ, баронъ Брунновъ показалъ, что лондонскій кабинетъ не согласится безъ возраженій на отмѣну нѣкоторыхъ постановленій 1856 г. Что же касается этихъ постановленій, на отмѣнѣ которыхъ мы настаивали, то баронъ Брунновъ замѣтилъ, что начало нейтрализаціи Чернаго моря создано не Англіею, а Франціею или скорѣе Наполеономъ III, съ паденіемъ котораго погибла и его идея. Почему намъ слѣдовало попытаться придти къ соглашенію съ Англіею относительно замѣны новыми залогами безопасности тѣ, которые безвозвратно погибли. На этой основѣ мы должны построить дѣйствительное международное начало, на мѣсто ложнаго измышленія теоріи,

потерявшаго на всегда всякое практическое значеніе. (Sur cette base nous devons consacrer un vrai principe international pour remplacer une fausse théorie désormais sans valeur pratique).

Какъ мы видѣли выше, баронъ Брунновъ передалъ сообщеніе канцлера лорду Гранвилю въ среду $\frac{\text{28-го октября}}{\text{9-го ноября}}$; онъ постарался совершить эту передачу въ дружеской формѣ, и Гранвиль принялъ наше заявленіе лучше, чѣмъ самъ баронъ Брунновъ предполагалъ [1]). Въ четвергъ и пятницу министры засѣдали и обсуждали отвѣтъ, который они рѣшили отправить императорскому кабинету чрезъ англійскаго посла сэра Андрю Буханана. Въ субботу $\frac{\text{31-го октября}}{\text{12-го ноября}}$ баронъ Брунновъ имѣлъ второе свиданіе съ лордомъ Гранвилемъ, который не скрылъ отъ него, съ какимъ ужасомъ его товарищи ознакомились съ нашимъ сообщеніемъ. Пренія между ними достигли, противъ ожиданія Гранвиля, крайнихъ предѣловъ. Англійскій кабинетъ выразился за начало неприкосновенности международныхъ договоровъ. Хотя баронъ Брунновъ напомнилъ Гранвилю случаи нарушенія Вѣнскаго трактата 1815 года и Лондонскаго 1852 года, допущенные въ 1864 и 1866 г., но главный секретарь продолжалъ отстаивать свое мнѣніе, а такъ какъ Россія держалась тогда, въ указанныхъ случаяхъ, того же взгляда на ненарушимость международныхъ договоровъ, то баронъ Брунновъ ограничился замѣчаніемъ о невозможности придать жизнь обязательствамъ, которыя безповоротно потеряли свою силу отъ дѣйствія времени. Баронъ Брунновъ имѣлъ въ виду начало нейтрализаціи Чернаго моря, отжившее свой вѣкъ съ паденіемъ Наполеона III. Это замѣчаніе очень поразило Гранвиля. На этомъ свиданіи, бывшемъ $\frac{\text{31-го октября}}{\text{12-го ноября}}$, главный секретарь словесно изложилъ ему содержаніе отвѣта англійскаго кабинета [2]). Изъ этого доклада баронъ Брунновъ замѣтилъ, что въ немъ избѣгалось офиціальное выраженіе протеста и указывалось на то, что англійскій кабинетъ былъ бы

---

[1]) 1870. Londres. III. Réc., lettre $\frac{\text{28 octobre}}{\text{9 novembrn}}$. Réc. № 2065, dép. 2/14 novembre №№ 96 et 97.

[1]) 1870. III. Réc, tél. $\frac{\text{29 octobre}}{\text{10 novembre}}$, $\frac{\text{31 octobce}}{\text{12 novembre}}$. Réc. № 2065, 2/14 novembre № 97.

готовъ способствовать соглашенію, если бы неожиданный и внезапный способъ нашего сообщенія не лишилъ англійскихъ министровъ возможности заранѣе посовѣтоваться съ правительствами державъ, подписавшихъ договоръ. Это была та дверь, открытая для переговоровъ, на которую указалъ Гранвиль Бруннову на второмъ свиданіи $\frac{\text{31-го октября}}{\text{12-го ноября}}$. Въ этотъ день императорскій посолъ нашелъ главнаго секретаря совершенно перемѣнившимся. Онъ былъ придирчивъ, напыщенъ, торжественenъ. «Я понялъ, пишетъ Брунновъ, въ чемъ дѣло; отношенія нашихъ кабинетовъ подверглись пораженію отъ перваго удара. Однако подъ конецъ свиданія Гранвиль обратился ко мнѣ въ прежнемъ задушевномъ тонѣ, сказавъ «il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée, tâchons tous deux de la laisser ouverte». Въ этомъ заключается сущность его мысли, но я не знаю насколько его желаніе совпадаетъ со взглядомъ Гладстона, какъ главы правительства. Министерство Гладстона значительно упало въ общественномъ мнѣніи; въ управленіи внутренними дѣлами его считаютъ слишкомъ радикальнымъ; внѣшнюю его политику находятъ трусливою. Министрамъ недостаетъ, по общему сужденію, нахальства (pluck). Для англичанина такое сужденіе очень обидно. Гладстонъ это знаетъ; Гранвиль это еще лучше понимаетъ, такъ какъ онъ не только государственный, но придворный и свѣтскій человѣкъ. Оба они чувствуютъ, что они совершенно ошельмятся въ общественномъ мнѣніи, если они при первомъ удобномъ случаѣ не успѣютъ опровергнуть приписываемое имъ въ народѣ свойство трусости. Этимъ объясняется ужасъ министровъ при полученіи сообщенія. Они были оскорблены формою и внезапностью нашихъ заявленій, которыя къ нимъ дошли въ тотъ моментъ, когда они думали, что достигли съ нами соглашенія о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ цѣлью прекращенія борьбы между Пруссіею и Франціею. По выраженію лорда Гранвиля: это была бомба, которая разорвалась среди нихъ противъ всякаго ожиданія Гладстона и его товарищей. Если бы Пальмерстонъ былъ у дѣлъ, то мы были бы наканунѣ разрыва, но Гранвиль расположенъ къ сохраненію мира съ нами. Однако его первая мысль—не погубить своей партіи. А виги могутъ упасть завтра, если они безъ боя уступятъ преимущества, добытыя крымской войною». Въ заключеніе баронъ Брунновъ говоритъ,

что рѣшеніе, указанное въ сообщеніи, держаться основаній Парижскаго договора есть якорь спасенія, на которомъ зиждется споръ Европы. Развивая эти соображенія въ довѣрительномъ письмѣ на имя канцлера [1]), баронъ Брунновъ указалъ на то, что, по общему мнѣнію въ Англіи, между нами и Пруссіею существовало предварительное соглашеніе. Гранвиль неоднократно старался выпытать у Бруннова признаніе въ этомъ смыслѣ. «Мнѣ было легко, пишетъ Брунновъ, хранить эту тайну, которая мнѣ самому не была извѣстна». Гранвиль скрылъ отъ русскаго посла, что въ прусскую главную квартиру въ Версаль отправился второй секретарь по иностраннымъ дѣламъ Одо Россель для развѣдокъ и ознакомленія съ намѣреніями графа Бисмарка. Въ концѣ письма баронъ Брунновъ высказалъ заключеніе, что англійскій кабинетъ предпочтетъ вести переговоры, нежели воевать, если только онъ не будетъ принужденъ къ тому общественнымъ мнѣніемъ.

Отвѣтъ англійскаго кабинета, изложенный въ депешѣ на имя посла сэра Буханана [2]), былъ переданъ канцлеру 4/16-го ноября. Лордъ Гранвиль въ ней возражалъ исключительно противъ формы, отстаивая ненарушимость международныхъ договоровъ и не допуская возможности измѣненія ихъ одною изъ договаривающихся сторонъ безъ участія другихъ. Весь вопросъ сводился къ тому, говорилось въ депешѣ, въ чьихъ рукахъ признавалось право освобожденія одной или нѣсколькихъ сторонъ отъ принятыхъ ими на себя по договору обязательствъ. Всегда предполагалось, что это право принадлежало исключительно правительствамъ, которыя являлись сторонами при заключеніи сдѣлки. Князь Горчаковъ въ своихъ депешахъ, какъ будто полагалъ, что каждая держава, подписавшая актъ могла заявить о существованіи такихъ обстоятельствъ, которыя, по ея мнѣнію, не согласны съ постановленіями договора и хотя бы эта точка зрѣнія не раздѣлялась и не признавалась остальными договаривающимися, эта держава въ правѣ была основать на своемъ возраженіи не ходатайство, обращенное къ державамъ, подписавшимъ съ нею актъ, объ изслѣдо-

---

[1]) 1870. Londres. III. Réc., lettre 2/14 novembre.

[2]) 1870. Grande Bretagne. Réc. № 2043, communication anglaise, dép. de lord Granville $\frac{10\ \text{novembre}}{29}$.

ванiи указаннаго ею обстоятельства, но заявленiе, коимъ она освобождалась сама отъ того или другого постановленiя, ею не одобреннаго. Очевидно, что такое ученiе или дѣйствiе, основанное на немъ, повергло бы силу и исполненiе договоровъ произвольному контролю каждой изъ державъ ихъ подписавшихъ. Ближайшимъ послѣдствiемъ такого толкованiя было бы уничтоженiе договоровъ въ ихъ существѣ, какъ это видно изъ слѣдующаго: такъ какъ единственная цѣль договоровъ заключалась въ установленiи между державами, ихъ подписавшими, отношенiй обязательственнаго характера, а для достиженiя этой цѣли каждая сторона отказывалась отъ части присущей ей свободной воли, то по вышеприведенному условiю, вышло бы, что одна изъ сторонъ, дѣйствовавшая отдѣльно и самостоятельно, возвратила бы себѣ подъ собственный контроль всю совокупность предмета и осталась бы связанной только передъ самой собой. Объясняя далѣе, что великобританское правительство приняло русское сообщенiе съ сожалѣнiемъ, такъ какъ изъ него могъ возникнуть споръ, лордъ Гранвиль заключилъ депешу заявленiемъ, что если бы Россiя обратилась къ Англiи и другимъ державамъ съ просьбой подвергнуть совмѣстному пересмотру Парижскiй договоръ, то правительство королевы не отказалось бы разсмотрѣть вмѣстѣ съ остальными державами вопросъ возбужденный Россiею. По ознакомленiи съ депешей Гранвиля, переданной ему сэромъ Бухананомъ, князь Горчаковъ высказалъ барону Бруннову [1]), что она скорѣе диссертацiя по международному праву. Канцлеръ передалъ великобританскому послу, что не было препятствiй для Англiи и теперь обсудить наше заявленiе съ правительствами остальныхъ державъ, подписавшими Парижскiй договоръ. Согласно нашему сообщенiю, мы не отвергали всѣхъ другихъ условiй Парижскаго трактата и готовы примкнуть къ этимъ переговорамъ для подтвержденiя общихъ постановленiй или замѣны ихъ новымъ однороднымъ соглашенiемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ князь Горчаковъ увѣрилъ посла въ томъ, что принятое государемъ рѣшенiе, относившееся къ ограничительнымъ постановленiямъ договора, оставалось непреложнымъ.

---

[1]) Londres. Exp. № 214, dép. 5/17 novembre

Между тѣмъ въ Лондонѣ 5/17-го ноября появились въ газетахъ русское сообщеніе и отвѣтъ на него великобританскаго правительства. Общественное мнѣніе одобряло содержаніе депеши Гранвиля и требовало, чтобы министерство строже отнеслось къ русскимъ заявленіямъ. Существовало безпокойство по поводу пріема, который оказалъ графъ Бисмаркъ порученію Одо Росселя [1]). Баронъ Брунновъ узналъ объ отъѣздѣ послѣдняго въ Версаль отъ прусскаго посланника въ Лондонѣ графа Бернсторфа [2]), которому Гранвиль сообщилъ, что Россель повезъ письмо отъ него къ Бисмарку по вопросу, возбужденному Россіею. Англійскій кабинетъ продолжалъ бодриться; чтобы держаться у кормила; ему нужно было казаться храбрымъ, такъ какъ Гладстонъ боялся, чтобы его не упрекнули въ желаніи сохранить миръ во что бы то ни стало. На материкѣ его называли лавочникомъ (shop-keeper); какъ говорили, это прозвище было ему дано Бисмаркомъ. Гладстонъ очень обижался этой кличкой, а Гранвиль считалъ ее унизительной. Чтобы смыть съ себя репутацію трусости, они дѣлали видъ, что не отступятъ передъ войной, если ихъ припрутъ къ стѣнѣ [3]). По мнѣнію графа Бернсторфа, высказанному имъ Бруннову, Гладстонъ былъ склоненъ искать миролюбиваго исхода, но Гранвиль, желая остаться у дѣлъ, будетъ слѣпо слѣдовать за общественнымъ мнѣніемъ. Баронъ Брунновъ первоначально считалъ положеніе серьезнымъ, но не трагическимъ [4]); ему показалось оно опаснымъ, когда появились въ газетахъ сообщеніе князя Горчакова и отвѣтъ лорда Гранвиля [5]). Онъ замѣтилъ даже, что отношенія Гранвиля лично къ нему измѣнились [6]). Опасенія его настолько увеличились, что онъ предложилъ принять мѣры къ обезпеченію русскихъ казенныхъ суммъ, хранившихся въ Лондонѣ за счетъ министерства финансовъ [7]). 7/19-го ноября появилась въ печати депеша князя

---

[1]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 6/18 novembre.

[2]) 1870. Londres. Réc. № 2107, dép. 7/19 novembre № 98.

[3]) 1870. Londres. II. Réc. № 2108, dép. 7/19 novembre № 99.

[4]) 1870. Londres. III. Réc., lettre 2/14 novembre.

[5]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 6/18 novembre, 7/19 novembre.

[6]) 1870. Londres. II. Réc. № 2109, dép. 7/19 novembre № 100.

[7]) 1870. Londres. II. Réc. № 2110, dép. 7/19 novembre № 101.

Горчакова [1]), вмѣстѣ съ которой было препровождено Гранвилю русское сообщеніе. Того же числа графъ Бернсторфъ передалъ Бруннову, что онъ получилъ отъ графа Бисмарка инструкцію успокоить общественное мнѣніе въ Лондонѣ [2]). На слѣдующій день Брунновъ пишетъ [3]), что, по мнѣнію его и Бернсторфа, тревога немного улеглась. Онъ приписываетъ успокоеніе появленію въ газетахъ депеши отъ 20-го октября. Англичане убѣдились, что Россія вовсе не намѣрена была отказаться отъ постановленій договора 1856 г. въ цѣлости. Раздраженіе, возбужденное циркулярнымъ сообщеніемъ, уменьшилось; стали осуждать отвѣтъ лорда Гранвиля и утверждать, что глава радикаловъ не одобрялъ разрыва, почему Брунновъ полагалъ [4]) дать возможность министрамъ спокойно обсудить положеніе и принять въ соображеніе совѣты Пруссіи, клонившіеся къ разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ ограничительныхъ постановленій мирнымъ путемъ.

Въ это время въ С.-Петербургѣ готовился отвѣтъ на депешу лорда Гранвиля сэру Бухanану, переданную канцлеру 4/16-го ноября. Князь Горчаковъ увѣдомилъ барона Бруннова телеграммой [5]), что отвѣтная депеша будетъ спокойной, вѣжливой, примирительной, но не отступитъ однако отъ рѣшенія освободиться отъ ограничительныхъ постановленій Парижскаго договора. Той же телеграммой сообщалось, что Бисмаркъ намъ только что сообщилъ вновь о своемъ полномъ содѣйствіи. Въ тотъ же день, 7/19-го ноября [6]), баронъ Брунновъ телеграфировалъ въ С.-Петербургъ, прося не посылать отвѣта впредь до полученія его донесеній того же числа. Но если отвѣтъ уже посланъ, то, повинуясь обстоятельствамъ, баронъ Брунновъ былъ готовъ передать его немедленно. На этой телеграммѣ имѣется помѣта канцлера: «Il me semble que nous ne devons plus attendre, d'ailleurs notre réponse est des plus conciliantes» (мнѣ кажется, что намъ нечего ждать, нашъ отвѣтъ, впрочемъ, самый прими-

---

[1]) 1870. Londres. III. Réc. tél. 7/19 novembre.
[2]) 1870. Londres. II. Réc. № 2107, dép. 7/19 novembre № 98.
[3]) 1870. Londres. III. Réc., lettre 8/20 novembre.
[4]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 8/20 novembre.
[5]) 1870. Londres. IV. Exp. № 217, tél. 7/19 novembre.
[6]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 7/19 novembre.

рительный); за этими словами слѣдуетъ резолюція государя: «non certes; faites la partir» (безъ сомнѣнія, велите отправить). Но баронъ Брунновъ настаивалъ на замедленіи отвѣта [1]), объясняя, что каждое слово можетъ повліять на вопросъ о мирѣ или войнѣ и что свиданіе Бисмарка съ Росселемъ наклонитъ вѣсы на ту или другую сторону. Англія не посмѣетъ предпринять войны противъ совокупныхъ силъ Россіи и Пруссіи; если же потребуетъ общественное мнѣніе, она вступитъ въ борьбу съ одною Россіею. Но отвѣтъ канцлера былъ уже отправленъ съ курьеромъ Граббе. Бруннову сообщалось [2]), что онъ вполнѣ дружескій и что до прибытія курьера онъ получитъ телеграмму съ извѣщеніемъ о впечатлѣніи, которое произведутъ на государя его донесенія отъ 7-го ноября; по полученіи же телеграммы Бруннова отъ 19/21-го ноября ему предписывалось не передавать отвѣта лорду Гранвилю безъ особаго разрѣшенія [3]).

Замедленіе въ передачѣ отвѣтной депеши, на которомъ настаивалъ баронъ Брунновъ, объяснялось тѣмъ, что онъ опасался созыва чрезвычайной сессіи парламента для объявленія войны, а съ этимъ рѣшеніемъ могли быть приняты англійскимъ правительствомъ мѣры объ арестѣ суммъ, принадлежавшихъ русской казнѣ и хранившихся въ англійскихъ банкахъ и о секвестрѣ русскихъ судовъ, плывшихъ въ англійскихъ водахъ, о чемъ баронъ Брунновъ предупреждалъ министерство въ своихъ депешахъ отъ 7-го ноября, еще не полученныхъ въ С.-Петербургѣ [4]). Но получивъ увѣреніе въ томъ, что нашъ отвѣтъ вполнѣ дружескій, баронъ Брунновъ телеграфировалъ [5]), что такой отвѣтъ можетъ обезоружить Гладстона и лишить его повода къ созыву палатъ, безъ которыхъ кабинетъ бы не рѣшился на разрывъ съ Россіею; общественное мнѣніе склоняется уже къ мирному обсужденію вопроса. «Если вашъ отвѣтъ, продолжалъ баронъ Брунновъ, разсчитанъ на этотъ успѣхъ, то предосторожности, о которыхъ я писалъ въ своихъ до-

---

[1]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 9/21 novembre.
[2]) 1870. Londres. IV. Exp. № 221, tél. 9/21 novembre.
[3]) 1870. Londres. IV. Exp., tél. 10/22 novembre.
[4]) 1870. Londres. V. Exp., lettre 13/25 novembre
[5]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 10/22 novembre.

несеніяхъ, являются излишними; министерство финансовъ обязано было бы ихъ принять только въ случаѣ созыва чрезвычайной сессіи парламента». Необходимо было дать англичанамъ одуматься, чтобы избѣжать войны. «Замедлите ходъ, писалъ баронъ Брунновъ [1]), уже общественное мнѣніе идетъ на соглашеніе. Возможность конгресса производитъ успокоительное дѣйствіе. Но долженъ быть созванъ конгрессъ въ родѣ Веронскаго, на которомъ бы главы кабинетовъ поработали сами надъ укрѣпленіемъ мира». Въ виду хода событій, князь Горчаковъ телеграфировалъ барону Бруннову передать лорду Гранвилю отвѣтную депешу, если, по ея прочтеніи, онъ найдетъ передачу удобною [2]), а по прибытіи въ С.-Петербургъ депешъ изъ Лондона отъ 7-го ноября посолъ получилъ предписаніе совершить передачу, такъ какъ государь находилъ, что нашъ отвѣтъ долженъ былъ произвести благопріятное впечатлѣніе [3]). 12/24-го ноября прибылъ въ Лондонъ курьеръ Граббе съ отвѣтною депешей нашего правительства, которая была передана посломъ лорду Гранвилю на слѣдующій день [4]).

Въ этой депешѣ [5]) князь Горчаковъ, не останавливаясь на вопросѣ о правѣ, возбужденномъ лордомъ Гранвилемъ, отмѣчалъ готовность англійскаго кабинета подвергнуть обсужденію обстоятельства, которыя измѣнили дѣйствія договора 1856 г. Затѣмъ указывалось на то, что форма, избранная русскимъ правительствомъ для сообщенія, не зависѣла отъ него, такъ какъ лорду Гранвилю извѣстна тщетность всѣхъ попытокъ, предпринятыхъ въ разное время для созыва державъ на предметъ устраненія причинъ возникновенія усложненій, нарушавшихъ общій миръ. Между тѣмъ положеніе, созданное Россіи Парижскимъ договоромъ, было невыносимо и продолжаться болѣе не могло. Нельзя признавать,—говорилось въ депешѣ, чтобы отмѣна начала, построеннаго на теоретическихъ измышленіяхъ, могла считаться угрозою для мира или чтобы отмѣна одного постановленія договора влекла за собою разрушеніе

---

[1]) 1870. Londres. III. Réc., lettre 11/23 novembre.

[2]) 1870. Londres. IV. Exp. № 228, tel. 11 novembre.

[3]) 1870. Londres. IV. Exp. № 230, tél. 13 novembre.

[4]) 1870. Londres. II. Réc. № 2174, dép. 16/28 novembre № 104. III. Réc., tél. 13/25 novembre.

[5]) 1870. Londres. IV. Exp., dép. 8/20 novembre.

всего акта. Такова не была мысль императорскаго кабинета. Повторяя то, что было сказано въ циркулярномъ сообщеніи насчетъ готовности Россіи уговориться съ державами о подтвержденіи силы договора 1856 года или о заключеніи другого, равнозначащаго, князь Горчаковъ находилъ, что Англія не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій къ тому, чтобы вступить, если она этого желаетъ въ объясненія съ державами, подписавшими договоръ 1856 г. «Съ нашей стороны, писалъ русскій канцлеръ, мы готовы принять участіе во всякомъ совѣщаніи, на которомъ бы обсуждались мѣры для обезпеченія мира на востокѣ». Вмѣстѣ съ этой депешей баронъ Брунновъ получилъ отъ канцлера письмо [1]), въ которомъ высказывалось, что для соглашенія мы открывали Англіи дверь настежь: «nous ouvrons la porte à une entente, nous l'ouvrons même à deux battants. Seulement nous ne pouvons y passer qu'à la condition de ne point courber la tête». (Мы открываемъ дверь для соглашенія, мы даже ее открываемъ настежь; мы не можемъ пройти этой дверью только при условіи не сгибать головы). Устройство самаго соглашенія, его форму и всѣ подробности канцлеръ предоставлялъ Англіи.

Циркулярное сообщеніе князя Горчакова отъ 19-го октября было получено въ Турѣ русскимъ повѣреннымъ при делегаціяхъ Окуневымъ 5/17 ноября [2]). Управлявшій иностранными дѣлами делегаціи графъ Шодорди возразилъ противъ сообщенія тѣмъ, что Россія одностороннимъ заявленіемъ отмѣнила постановленія международнаго договора. Окуневъ, замѣтивъ, что договоръ уже нѣсколько разъ нарушался, выразилъ надежду, что французское правительство воздержится отъ всякихъ дипломатическихъ демонстрацій. Шодорди отвѣтилъ, что Франція, поглощенная своими дѣлами, предоставитъ весь починъ въ этомъ вопросѣ Англіи и обсудитъ впослѣдствіи, какое рѣшеніе ей предпринять. Мысль о созывѣ конгресса встрѣчена была сочувственно во Франціи [3]). Какъ видно изъ послѣдовавшихъ донесеній Окунева [4]), делегаціи въ Турѣ, не принявъ

---

[1]) 1870. Londres. V. Exp., lettre 8 novembre.

[2]) 1870. Paris. III. Réc., tél. 5/17 novembre.

[3]) 1870. Paris. III. Réc., tél. 7/19 novembre.

[4]) 1870. Paris. III. Réc., tél. 8/20 novembre 1870. Paris. IV. Réc. № 2127, dép. 8/20 novembre № 209.

на себя обязанностей отвѣчать на русское сообщеніе, рѣшили снестись съ центральнымъ правительствомъ въ Парижѣ черезъ особаго уполномоченнаго, на пропускъ котораго онѣ надѣялись получить разрѣшеніе отъ прусской главной квартиры черезъ наше посредничество. Затѣмъ, предвидя возможность новыхъ европейскихъ усложненій, изъ которыхъ делегаціи полагали извлечь выгоды для Франціи, онѣ усмотрѣли необходимость въ учрежденіи постояннаго правительства и въ созывѣ на этотъ предметъ народнаго собранія, для чего делегаціи желали, черезъ наше содѣйствіе добиться отъ Пруссіи перемирія на 15 дней. Временное правительство, отвлеченное войною отъ дѣлъ на востокѣ, не спѣшило отвѣчать на русское сообщеніе и выжидало, пока обстоятельства выяснятся. Тьеръ съ трудомъ убѣдилъ людей, находившихся у кормила правленія, въ безполезности всякой дипломатической демонстраціи противъ Россіи, доказавъ имъ, что такими дѣйствіями они бы только отчудили отъ Франціи императора Александра II, расположеніе котораго было въ то время необходимо странѣ. Получивъ эти свѣдѣнія, канцлеръ далъ знать Окуневу [1]), чтобы онъ не слишкомъ настаивалъ передъ графомъ Шодорди по предмету нашего сообщенія, которое было сдѣлано временному французскому правительству изъ одной вѣжливости, а не изъ политической необходимости.

$\frac{\text{31-го октября}}{\text{12-го ноября}}$ императорскій посланникъ во Флоренціи баронъ Икскуль передалъ итальянскому министру Висконти-Веноста сообщеніе канцлера князя Горчакова [2]). Предварительно передачи посланникъ счелъ своимъ долгомъ дать нѣкоторыя разъясненія министру относительно допущенныхъ нарушеній договора 1856 г. и подтвердить ему, что государь ищетъ только безопасности своей имперіи и не намѣренъ ни въ чемъ измѣнять своей политики. Висконти не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній по предмету этихъ разъясненій, ограничившись вопросами о числѣ нашихъ судовъ въ Черномъ морѣ, о переговорахъ возбужденныхъ барономъ Бейстомъ въ 1867 г. относительно пересмотра Парижскаго договора, и о частной бесѣдѣ, которую имѣлъ генералъ

[1]) 1870. Paris. IV. Expédition № 234, tél. 14 novembre.

[2]) 1870. Florence. Réc., tél. $\frac{\text{31 octobre}}{\text{12 novembre}}$.

Игнатьевъ съ великимъ визиромъ Аали-пашой по тому же предмету въ августѣ мѣсяцѣ 1870 г. По прочтеніи сообщенія, Висконти сказалъ, что отлично понялъ мысль государя, но что онъ долженъ воздержаться отъ всякихъ объясненій впредь до обсужденія столь важной бумаги королемъ и министрами и впредь до полученія мнѣній кабинетовъ другихъ державъ. На слѣдующій день баронъ Икскуль нашелъ Висконти очень озабоченнымъ; всѣ правительства были поражены не столько содержаніемъ нашего сообщенія, сколько ея формою. Итальянскій министръ замѣтилъ, что хотя ожидали возбужденія вопроса о пересмотрѣ Парижскаго договора, но никто не могъ представить себѣ, чтобы мы прибѣгли къ такому категорическому способу отмѣны. Въ заключеніе онъ сказалъ, что итальянское правительство готово содѣйствовать къ улаженію могущихъ возникнуть затрудненій и что если другія державы согласились бы на пересмотръ Парижскаго договора, то Италія этому не воспротивится, лишь бы остались неприкосновенными общія начала, обезпечивавшія положеніе оттоманской имперіи. Изъ разговоровъ съ Висконти баронъ Икскуль вынесъ то впечатлѣніе, что итальянскій кабинетъ готовъ на всякое соглашеніе, но слишкомъ труслив, чтобы слѣдовать по независимому пути [1]). Депеши барона Икскуля дали поводъ князю Горчакову пуститься въ разсужденія относительно формы его сообщенія, противъ которой всѣ возстали [2]). «Она была намъ навязана,—пишетъ онъ, неудачами, которыя насъ постигли одна за другой въ нашихъ намекахъ насчетъ созыва конференціи для обсужденія общаго положенія Европы. «On nous avait enfermé ainsi dans une impasse où la dignité de l'empereur et la sécurité de l'empire ne nous permettent plus de rester. Maintenant que la glace est rompue il faudra bien qu'on se résigne à causer et nous ne nous y refuserons pas. Jomini qui me prête amicalement la plume pour ma dictée me fait une observation dont je ne veux pas vous priver. Il m'a dit que tout se réduit à un malentendu grammatical; nous avons voulu rompre la glace, ils se sont imaginé que nous voulions casser les vitres».

---

[1]) 1870. Florence. Réc., tél. 2/14 novembre.

[2]) 1870. Florence. Exp., lettre 12/24 novembre.

На сообщеніе князя Горчакова итальянское правительство рѣшилось возражать, о чемъ Висконти сказалъ барону Икскулю, объяснивъ ему, что отвѣтъ будетъ переданъ канцлеру итальянскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ маркизомъ Белла-Карачіоло [1]). Висконти мотивировалъ рѣшеніе итальянскаго кабинета тѣмъ, что Италія не можетъ допустить, чтобы Россія одностороннимъ заявленіемъ освободилась отъ обязательствъ по договору, принятыхъ ею по отношенію къ другимъ державамъ. Баронъ Икскуль на это возразилъ, 1) что Италія не находилась въ положеніи державъ, подписавшихъ договоръ 15-го апрѣля 1856 г.; 2) что Италія имѣла въ Черномъ морѣ лишь торговые интересы; 3) что правительство, которое во время мира только что захватило владѣнія своего сосѣда, не имѣло права ссылаться на неприкосновенность обязательствъ и упрекать другую державу въ томъ, что она освободилась отъ нѣкоторыхъ постановленій договора; 4) что общественное мнѣніе въ Италіи заявило желаніе воздержаться отъ всякаго сужденія. Но Висконти уклонился отвѣтить на эти замѣчанія, добавивъ, что Италія приложитъ свои усилія къ справедливому разрѣшенію вопроса. Отвѣтъ итальянскаго кабинета былъ посланъ 13/25 го ноября [2]). Въ депешѣ отъ 24/12 ноября на имя итальянскаго посланника Белла-Карачіоло высказывалось сожалѣніе, что королевскій кабинетъ не могъ признать право Россіи освободиться одностороннимъ заявленіемъ отъ принятыхъ ею по договору обязательствъ и что этотъ вопросъ подлежитъ разрѣшенію всѣхъ великихъ державъ. Итальянское правительство, обѣщаясь прибѣгнуть ко всѣмъ возможнымъ мѣрамъ для достиженія мирнаго исхода, не имѣло достаточно мужества, чтобы отдѣлиться отъ Австріи и Англіи [3]).

Депеша министра Висконти-Веносты была передана императорскому кабинету итальянскимъ посланникомъ 22-го ноября [4]). Выразившись о депешѣ флорентінскаго кабинета,

---

[1]) 1870. Florence. Réc., tél. 6/18 novembre. Réc. № 2154, dép. 10/22 novembre № 82.

[2]) 1870. Florence. Réc., dép. 15/27 novembre.

[3]) 1870. Florence. Réc., dépêche 15/27 novembre № 87. Réc. № 2217, dép. $\frac{\text{25 novembre}}{\text{7 décembre}}$ № 88.

[4]) 1870. Italie. Réc. № 2184, dépêche 12/24 novembre.

что она слаба и безцвѣтна, князь Горчаковъ не остановился на ней, лишь бы итальянскому посланнику въ Лондонѣ кавалеру Кадорнѣ были преподаны инструкціи, соотвѣтствовавшія видамъ государя [1])

Циркулярное сообщеніе отъ 19-го октября вмѣстѣ съ депешей было передано императорскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Новиковымъ австровенгерскому канцлеру графу Бейсту $\frac{\text{29-го октября}}{\text{10-го ноября}}$ [2]). Послѣдній выразилъ Новикову свое крайнее удивленіе нашему внезапному и неожиданному заявленію, которое мы скрыли отъ австровенгерскаго посланника въ С.-Петербургѣ графа Хотека.

Сожалѣя о такомъ пріемѣ съ нашей стороны, графъ Бейстъ объявилъ посланнику, что онъ будетъ протестовать. Помощникъ статсъ-секретаря баронъ Орчи высказалъ Новикову опасеніе, чтобы наше сообщеніе [3]) не произвело сильную тревогу въ обществѣ и въ парламентѣ, а также неудовольствіе противъ графа Бейста и не возбудило къ возстанію христіанъ на востокѣ. Императорскій посланникъ выразилъ, что внезапное наше заявленіе должно было оказать услугу Австріи тѣмъ, что она избавлялась отъ почина въ предложеніяхъ въ пользу Россіи, которыя подвергли бы австрійскій кабинетъ враждебнымъ чувствамъ со стороны Лондона, Парижа и Константинополя; по мнѣнію Новикова сообщеніе Россіи представляло для Австріи то преимущество, что оно, вмѣсто сложнаго пересмотра всего договора 1856 г., требовало отмѣны нѣкоторыхъ его постановленій. Наконецъ оно служило не къ порицанію политики графа Бейста, но къ ея торжеству, такъ какъ оно доказывало проницательность австровенгерскаго канцлера, признававшаго еще въ 1867 г. несправедливость постановленій Парижскаго договора въ отношеніи Россіи. Что же касается опасеній за спокойствіе христіанъ на востокѣ, то Новиковъ находилъ ихъ неосновательными, такъ какъ при удовлетвореніи требованій Россіи всякія возстанія напротивъ прекратятся.

Опровергнувъ далѣе ссылку барона Орчи на договоръ

---

[1]) 1870. Florence. Exp. № 251, dép. $\frac{\text{27 novembre}}{\text{7 décembre}}$

[2]) 1870. Vienne. II. Réc. № 2024, dép. $\frac{\text{29 octobre}}{\text{20 novembre}}$ № 62.

[3]) 1870. Vienne II. Réc. № 2042, dép. 31 octobre № 63.

15-го апрѣля 1856 г., коимъ признавалось поводомъ къ войнѣ всякое нарушеніе главнаго Парижскаго договора тѣмъ, что сообщеніе не затрогивало ни независимости, ни неприкосновенности Турціи, Новиковъ сообщалъ въ своей депешѣ, что императоръ Францъ-Іосифъ отнесся сочувственно къ заявленію русскаго правительства. На эти депеши посланника князь Горчаковъ отвѣтилъ письмомъ [1]), въ которомъ выразилъ, что изъ державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ, Австрія больше всѣхъ опозорилась своими предыдущими декларацiями, а въ настоящее время она самая жалкая въ своихъ поступкахъ и поведеніи. По мнѣнію князя Горчакова въ Вѣнѣ вовсе не интересовались Чернымъ моремъ, дѣло шло только о борьбѣ между графами Бейстомъ и Андраши. Затѣмъ въ томъ же письмѣ онъ оплакивалъ второстепенную роль императора и безусловную потерю всякаго нравственнаго его обаянія. Безпокойство въ Вѣнѣ утихало, когда прибылъ изъ Пешта предсѣдатель венгерскаго совѣта графъ Андраши, который объявилъ, что наше сообщеніе нарушало интересы Австро-Венгріи и возбуждало къ возстанію славянъ монархіи. Боясь потерять свой портфель, графъ Бейстъ сталъ несговорчивѣе; онъ главнымъ образомъ возмущался формою сообщенія. На перемѣну, происшедшую въ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ имѣли также вліяніе отвѣтъ великобританскаго министерства на русское заявленіе и положеніе принятое Пруссіей. По свѣдѣніямъ королевскаго посланника въ Вѣнѣ Швейница графъ Бисмаркъ недоумѣвалъ относительно шага предпринятаго нами. По мнѣнію Новикова слѣдовало опасаться воздѣйствія Англіи на Пруссію для отвлеченія ея отъ насъ подъ угрозою составленія коалиціи изъ другихъ державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ графъ Бейстъ отрекался отъ своихъ предложеній, сдѣланныхъ въ 1867 г., объявивъ, что они вовсе его не связывали, такъ какъ они устарѣли и не были тогда нами приняты [2]). Тревога однако долго не продолжалась; страсти понемногу улеглись, такъ какъ нѣмцы и славяне не присоединились

[1]) 1870. Vienne. II. Exp., lettre 6/18 novembre.

[2]) 1870. Vienne, III. Réc., tél. 3/15 novembre. Réc. № 2059, dép. 3/15 novembre № 64; № 2093, dép. 8/20 novembre. № 65.

къ венгерцамъ; графъ Бейстъ вмѣсто протеста ограничился предъявленіемъ спора въ депешѣ на имя графа Хотека[1]), которая была вручена императорскому министерству 8/20-го ноября. Указавъ въ ней на то, что, по 14 ст. Парижскаго договора, конвенція, заключенная между Россіей и Турціей могла быть отмѣнена или измѣнена только съ согласія всѣхъ державъ, графъ Бейстъ находилъ, что способъ освобожденія отъ обязательствъ, примѣненный русскимъ канцлеромъ, лишалъ международные договоры ихъ силы и значенія. Графъ Бейстъ счелъ своимъ долгомъ отвѣтить и на депешу, адресованную на имя посланника Новикова и сопровождавшую сообщеніе. Въ этомъ отвѣтѣ, переданномъ графомъ Хотекомъ того же 8/20-го ноября[2]), графъ Бейстъ, говоря о предложеніи, сдѣланномъ имъ въ 1867 г. на счетъ отмѣны нѣкоторыхъ постановленій 1856 г., высказалъ сожалѣніе объ этомъ шагѣ, предпринятомъ имъ въ 1867 г., съ цѣлью установленія добрыхъ отношеній между обѣими имперіями, такъ какъ его предложеніе было очень холодно принято тогда русскимъ правительствомъ и, теперь подтверждая свое мнѣніе о несправедливости ограниченій, поставленныхъ договоромъ 1856 г., верховнымъ правамъ Россіи на Черномъ морѣ, онъ высказывалъ лишь свое удивленіе тому, что русское правительство прибѣгло къ такому необычному способу для осуществленія своей цѣли.

На обѣ эти австрійскія депеши князь Горчаковъ отвѣтилъ[3]), доказывая, что начало нейтрализаціи Чернаго моря отжило свой вѣкъ, что договоры вообще, а въ частности Парижскій, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ нарушались государствами, ихъ заключившими, и что въ виду измѣнившихся обстоятельствъ Россія считаетъ себя свободною отъ обязательствъ не совмѣстимыхъ съ ея достоинствомъ.

Императорскій посолъ въ Константинополѣ генералъ Игнатьевъ былъ въ отпуску, когда получилось Портою сообщеніе русскаго правительства. Посольствомъ управлялъ совѣтникъ Стааль, котораго канцлеръ предупредилъ теле-

---

[1]) 1870. Vienne. III. Réception № 2095, dép. 8/20 novembre № 67.
[2]) 1870. Autriche-Hongrie, communication autrichienne. Réc. № 2069.
[3]) 1870. Vienne. IV. Exp. № 223, dépêche 10 novembre.

граммой [1]) о предстоявшемъ полученіи имъ важныхъ бумагъ, прося его увѣрить великаго визира Аали-пашу въ самомъ благопріятномъ расположеніи Россіи къ Турціи, убѣдить его въ томъ, чтобы онъ не придавалъ вѣры слухамъ о содержаніи сообщенія впредь до полученія его и передать ему, на сколько сохранились въ памяти канцлера чувства уваженія и довѣрія къ великому визиру, съ которымъ онъ встрѣтился въ Вѣнѣ во время конференціи, Еще за три дня до прибытія ожидавшихся депешъ, въ Константинополѣ дошелъ слухъ о рѣшеніи государя [2]), которое произвело огромное впечатлѣніе: торговый міръ взволновался, на биржѣ произошла паника, турецкіе фонды упали на 6 піастровъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. На пріемѣ у великаго визира англійскій посолъ сэръ Генри Элліотъ объявилъ, что его правительство не признаетъ отмѣны коллективнаго договора по волѣ одного изъ участвовавшихъ.

3/15 ноября Стааль передалъ сообщеніе Аали-пашѣ [3]), который принялъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ со словами: «Vous nous apportez donc la guerre». Стааль ему отвѣтилъ, что онъ, напротивъ, предлагаетъ Турціи средство для обезпеченія прочнаго и продолжительнаго мира. По выслушаніи сообщенія и депеши, Аали-паша сказалъ, что онъ не можетъ дать немедленный отвѣтъ въ виду того, что вопросъ затрогиваетъ интересы и другихъ державъ, но замѣтилъ, что всѣ ожидали не односторонняго заявленія Россіи, а предложенія съ ея стороны о пересмотрѣ договора 1856 г., на что Стааль ему замѣтилъ, что путь къ совмѣстнымъ переговорамъ вовсе не былъ закрытъ. Изъ этого свиданія русскій повѣренный въ дѣлахъ вывелъ то заключеніе, что Аали-паша, который, вслѣдствіе превратныхъ толкованій нашего сообщенія, ожидалъ встрѣтить въ немъ угрозы съ нашей стороны, по ознакомленіи съ депешами, измѣнилъ сужденіе о нашихъ намѣреніяхъ. Онъ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что императорскій кабинетъ не требовалъ отмѣны начала закрытія

---

[1]) 1870. Constantinople. VII. Exp. № 211; tél. 1/13 nov.; № 212, tél. 1 novembre.

[2]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2083, dép. 2/14 novembre № 278.

[3]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2084, dép. 3/15 novembre № 279.

проливовъ, на удержаніи котораго Порта безусловно настаивала. Великій визирь не опредѣлилъ еще своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, такъ какъ онъ желалъ сообразоваться съ видами правительствъ другихъ державъ, подписавшихъ договоръ. Мнѣніе Пруссіи, по словамъ Стааля, будетъ имѣть громадное вліяніе на положеніе, которое займетъ Турція [1]).

На первыя депеши Стааля князь Горчаковъ отвѣтилъ [2]), что точка зрѣнія, которой будетъ держаться Порта, послужитъ руководствомъ для большинства державъ, за исключеніемъ Пруссіи, которая безусловно на нашей сторонѣ. Король телеграфировалъ государю о своемъ полномъ согласіи на наше сообщеніе; прусскіе посланники Кайзерлингъ, Бернсторфъ и Швейницъ получили наставленія отъ графа Бисмарка дѣйствовать совмѣстно съ нами. Аали-паша можетъ теперь показать себя дѣйствительно государственнымъ человѣкомъ, понимающимъ, какое громадное вліяніе окажетъ на настоящее и на будущее Турціи то положеніе, которое онъ займетъ въ предстоящемъ случаѣ. Наше сообщеніе не наноситъ никакого вреда интересамъ Турціи, оно преслѣдуетъ лишь защиту нашего южнаго побережья, имѣетъ одну оборонительную цѣль, чему служитъ доказательствомъ, что мы не усилили нашихъ войскъ на югѣ. Что же касается нашего флота, то много лѣтъ пройдетъ до полнаго его развитія. Независимо отъ того, что Аали-паша долженъ помнить ту миролюбивую политику, которую государь велъ въ отношеніи Турціи въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, ему слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Христіанское населеніе востока недовольно. Оно зорко слѣдитъ за малѣйшимъ недоразумѣніемъ, которое могло бы произойти между нами и Турціею, чтобы достигнуть своего освобожденія. Такой случай можетъ представиться безъ всякаго нашего вмѣшательства, если бы Порта отнеслась къ нашему заявленію съ недовѣріемъ или же съ недостаточнымъ уваженіемъ; напротивъ, послѣдуетъ неминуемое умиротвореніе, если Порта съ полною готовностью удовлетворитъ наше требованіе.

---

[1]) 1870. Constantinople. VII. Réc., lettre 3/15 novembre.
[2]) 1870. Constantinople. VI. Exp., lettre 2 novembre.

Князь Горчаковъ очень разсчитывалъ на прозорливость и практическій умъ Аали-паши, почему онъ писалъ генералу Игнатьеву [1]), что лучшимъ способомъ для разрѣшенія возбужденнаго нами вопроса было бы достиженіе прямого соглашенія съ Портой, которое бы разрушило всѣ интриги западныхъ державъ; пусть Аали-паша пойметъ, что мы не имѣемъ никакихъ вожделѣній, ни заднихъ мыслей, не ищемъ преимущественнаго вліянія и тогда вступленіемъ съ нами въ соглашеніе онъ предоставитъ Турціи такое положеніе, котораго она давно не имѣла и, оказавъ огромную услугу своей странѣ, онъ обогатитъ скрижали ея лѣтописи страницей, которой врядъ ли въ нихъ найти.

Возвращеніе генерала Игнатьева изъ отпуска послужило къ успокоенію турецкихъ министровъ и населенія [2]). Когда узнали въ Константинополѣ по телеграфу о рѣшеніи государя, всѣ ожидали чего-то угрожающаго и страшнаго, говорили о заявленной нами отмѣнѣ всего договора 1856 г. въ полномъ его объемѣ. Полученіе послами Англіи и Австріи текста сообщенія ранѣе нашего посольства дало имъ возможность сговориться съ Портою, такъ что оттоманское правительство уже было настроено нашими соперниками противъ Россіи, когда прибылъ Игнатьевъ, а Аали-паша чувствовалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что сообщеніе было вручено оттоманскому правительству послѣ того, какъ другіе кабинеты уже давно его получили. Эти обстоятельства очень затрудняли переговоры. Генералъ Игнатьевъ писалъ, что онъ очень хорошо понимаетъ значеніе прямого соглашенія съ Турціей, которое могло бы быть достигнуто до нашего послѣдняго шага, но теперь это несравненно труднѣе.

На первомъ свиданіи съ Аали-пашой [3]) Игнатьевъ сказалъ, что Портѣ предстояло избрать одинъ изъ двухъ путей: или продолжать охраненіе ненормальнаго положенія, созданнаго договоромъ 1856 г., или начать новую жизнь,

---

[1]) 1870. Constantinople. VII. Exp. № 218, tél. 7 novembre, lettre 9 novembre, tél. 12 novembre.

[2]) 1870. Constantinople. VI. Réc., lettre 11/23 novembre. V. Réc. № 2197, dép. 17/29 novembre № 286 et 291.

[3]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2141, dép. 11/23 novembre № 286.

основанную на довѣріи къ Россіи, отказавшись отъ условій того же договора, которыя безполезны для существованія Турціи и только вредили нашимъ отношеніямъ. На это Аали замѣтилъ, что предложеніе посла заключалось, собственно говоря, въ нарушеніи международнаго договора. «Что бы вы сказали, если бы султанъ освободился тѣмъ же порядкомъ отъ международныхъ обязательствъ, которыми связали себя его предшественники, отъ капитуляцій, которыя несомнѣнно умаляли его верховныя права?» «Я бы сказалъ, отвѣтилъ Игнатьевъ, что не отъ насъ бы произошли затрудненія въ ихъ измѣненіи и что мы бы очень скоро уговорились». Этотъ отвѣтъ очень поразилъ великаго визира; онъ спросилъ посла, почему мы не избрали болѣе правильнаго пути для достиженія своей цѣли. Генералъ Игнатьевъ ему объяснилъ, что Россія не желала поручать себя милосердію державъ, что не было бы вовсе въ выгодахъ самой Турціи, чтобы возникшій вопросъ былъ переданъ на обсужденіе конгресса, на которомъ бы подверглись разсмотрѣнію и другіе вопросы, связанные съ востокомъ и что гораздо разумнѣе для Турціи придти къ непосредственному соглашенію съ нами для отмѣны извѣстныхъ постановленій договора 1856 года.

Изъ разговора съ Аали - пашой генералъ Игнатьевъ вывелъ, что Порта болѣе встревожена способомъ нами избраннымъ; она признавала наши требованія очень умѣренными, но боялась выразиться опредѣленнѣе подъ вліяніемъ Австріи и Англіи, которыя ее запугивали, представляя всю опасность для нея отъ развитія нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ. Аали паша боялся, что эти державы откажутся придти на помощь Турціи въ случаѣ нападенія извнѣ, если Порта согласится на наше требованіе [1]).

Изъ объясненій съ великобританскимъ посломъ сэромъ Генри Эллiотомъ выяснилось [2]), что онъ главнымъ образомъ возставалъ противъ произвольной отмѣны обязательствъ договора. Уваженіе международныхъ трактатовъ обезпечиваетъ политическій строй Европы и для защиты

---

[1]) 1870. Constantinople. VI. Réc., lettres 11/23 et 17/29 novembre.

[2]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2139, dép. 10/22 novembre № 284. Réc. № 2193, dép. 17/29 novembre № 287.

этого начала Англія, по словамъ Элліота, готова взяться за оружіе. На замѣчаніе Стааля, что договоры о мирѣ, которые считаются заключенными на вѣчныя времена, обыкновенно расторгаются силою оружія и что въ данномъ случаѣ Парижскій договоръ отмѣняется мирнымъ путемъ, каковое обстоятельство несомнѣнно разумнѣе, Элліотъ сказалъ, что есть еще третій способъ прекращенія дѣйствія трактатовъ посредствомъ переговоровъ. «Но этотъ исходъ не закрытъ, сказалъ Стааль, такъ какъ Россія всегда готова вступить въ соглашеніе съ великими державами». «Правда, отвѣтилъ Элліотъ, но въ этомъ заключается противорѣчіе, разрывать одною рукою договоръ, а другою предлагать новое соглашеніе, которое не будетъ значить болѣе предшествовавшаго. Въ силу вашего заявленія объ отмѣнѣ, Европа не можетъ вести болѣе переговоровъ». Съ своей стороны генералъ Игнатьевъ доказывалъ сэру Элліоту, что Англія первая нарушила Парижскій договоръ введеніемъ военнаго судна «Gannet» въ Черное море, что вообще Европа нанесла болѣе вреда Турціи, чѣмъ Россія, считавшаяся ея естественнымъ врагомъ, такъ какъ постоянное вмѣшательство западныхъ державъ завлекло Порту въ расходы, разорявшіе страну, и что въ этомъ отношеніи Англія первая несетъ отвѣтственность за Севастопольскую войну, такъ какъ, не будь лорда Редклифа, ея бы не было и Турція ничего бы не потеряла.

Въ объясненіяхъ съ австрійскимъ посломъ барономъ Прокешомъ-Остеномъ [1]) Игнатьевъ заставилъ его замолчать указаніемъ ему на переговоры о пересмотрѣ Парижскаго трактата, возбужденные графомъ Рехбергомъ и барономъ Бейстомъ, которые были неизвѣстны послу.

На аудіенціи, данной султаномъ Игнатьеву [2]), Абдулъ-Азисъ сказалъ, что онъ не придаетъ никакого значенія отмѣнѣ ограниченія нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, что онъ довѣряетъ Россіи, но что такъ какъ это условіе считалось обезпеченіемъ безопасности Турціи, то онъ готовъ отъ него отказаться, лишь ему было бы предо-

---

[1]) 1870. Constantinople. VI. Réc.; lettre 11/23 novembre. V. Réc. 2194, dép. 17/29 novembre № 288.

[2]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2196, dép. 17/29 novembre № 290. 1870 Londres. IV. Exp. № 235, tél. 14 novembre.

ставлено равномѣрное возмѣщеніе на случай внутреннихъ смутъ. «Ни за что на свѣтѣ я не согласился бы, продолжалъ султанъ, на то, чтобы возникшій вопросъ сталъ предметомъ усложненій между нами, я воодушевленъ самыми мирными побужденіями и искреннимъ желаніемъ сближенія съ моимъ могущественнымъ сосѣдомъ. Я вамъ объявляю и прошу васъ донести о томъ его величеству, что если бы я имѣлъ въ своемъ распоряженіи три милліона солдатъ, то и тогда бы я не рѣшился предпринять войну, развѣ бы Россія напала на меня».

Генералъ Игнатьевъ, донося объ означенной аудіенціи, прибавляетъ, что Аали ему ничего не говорилъ объ эквивалентѣ, но очевидно эта мысль внушена имъ. «Можетъ быть, пишетъ онъ, желали бы получить отъ насъ обязательство, что мы не вступимся за христіанъ въ случаѣ ихъ возстанія, въ родѣ того, которое вспыхнуло на Критѣ. Такое требованіе поставило бы насъ въ очень затруднительное положеніе». Аали-паша продолжалъ отмалчиваться относительно того, что разумѣлъ султанъ подъ эквивалентомъ, но сообщилъ Игнатьеву, что державы соберутся на конференцію [1]) для обсужденія нашего заявленія. Великій визиръ не былъ въ восхищеніи отъ этого извѣстія, опасаясь, что на конференціи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію вопросы, возбужденіе которыхъ вовсе не желательно Портѣ. Сэръ Элліотъ притихъ и обдумывалъ вопросъ объ эквивалентѣ. Итальянскій посланникъ графъ Барболани предложилъ ему признать таковымъ открытіе проливовъ, но Элліотъ отвергъ эту мысль, найдя ее не согласной съ интересомъ Порты.

Донося въ своихъ депешахъ [2]) объ общемъ настроеніи въ Константинополѣ, которое видимо успокоилось, генералъ Игнатьевъ указалъ на то, что, по внушеніямъ Англіи, желали бы затянуть дѣло до окончанія войны между Пруссіею и Франціею, составить коалицію противъ Россіи, принудить насъ на созываемой конференціи, отречься отъ нашего заявленія и отъ всякаго заступничества за христіанъ въ ихъ періодическихъ возмущеніяхъ. Игнатьевъ

[1]) Constantinople. V. Réc. № 2197, dép. 17/29 novembre № 291.

[2]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2141, dép. 11/23 novembre № 286. VI. Réc., lettre 17/29 novembre.

нашелъ въ прусскомъ посланникѣ графѣ Кайзерлингѣ полезнаго пособника, хотя по его свѣдѣніямъ графъ Бисмаркъ не одобрялъ ни способа нашего заявленія, ни избраннаго нами момента; это не помѣшало графу Кайзерлингу, по порученію графа Бисмарка [1]), посовѣтовать Аали-пашѣ не довѣряться англичанамъ и идти на соглашеніе съ нами. Пріемъ оказанный султаномъ графу Игнатьеву и увѣренія его о дружбѣ вполнѣ удовлетворили государя; сообщая о семъ, князь Горчаковъ увѣдомилъ [2]) посла, что графъ Бисмаркъ предложилъ созвать конференцію въ С.-Петербургѣ, но вслѣдствіе встрѣтившихся затрудненій она перенесена въ Лондонъ.

Въ то время, непосредственно послѣ полученія русскаго сообщенія, Лондонскій кабинетъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, былъ воинственно настроенъ противъ Россіи, изъ за Атлантическаго океана вызвался неожиданно союзникъ, предложившій намъ свою помощь на случай войны съ Англіей. Правительство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки сочло цѣлесообразнымъ воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы покончить свои разсчеты съ Англіею по дѣлу крейсера «Алабамы». Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ американской республики Гамильтонъ Фишъ, узнавъ изъ вѣнской телеграммы о нашемъ сообщеніи, заявилъ императорскому посланнику въ Вашингтонѣ Катакази [3]), что федеральное правительство никогда не признавало Парижскаго договора 1856 г. и всѣхъ его постановленій. Фишъ далъ понять Катакази о возможности заключенія между Америкой и Россіей союза наступательнаго и оборонительнаго и посылки американской эскадры въ Черное море [4]). Фишъ спросилъ [5]) Катакази: поддержитъ ли Россія требованіе Америки по дѣлу Алабамы и какой пріемъ окажетъ она американской эскадрѣ въ случаѣ ея появленія въ Черномъ морѣ. Катакази ему отвѣтилъ, что американскія суда будутъ приняты русскими также радушно, какъ эскадра Лесовскаго была принята амери-

---

[1]) 1870. Prusse (légation). Lettre du prince Reuss 8/20 novembre.
[2]) 1870. Constantinople. VII. Exp. № 237, tél. 15 novembre.
[3]) 1870. Washington. Réc. № 2170, dép. 3/15 novembre № 81.
[4]) 1870. Washington. Réception, télégramme 5/17 novembre.
[5]) 1870. Washington. Réception № 2187, dépêche 6/18 novembre № 86.

канцами, что самъ онъ, Катакази, не имѣлъ никакихъ инструкцій по сему предмету отъ своего правительства, но что, по его личному мнѣнію, совмѣстное дѣйствіе обѣихъ державъ было бы возможнымъ и полезнымъ обѣимъ сторонамъ. Фишъ добавилъ, что совѣтъ еще обсудитъ положеніе и тѣмъ представится случай доказать Россіи благодарность Америки не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Депешу свою Катакази заключилъ тѣмъ замѣчаніемъ, что еще неизвѣстно, какъ посмотритъ президентъ Грантъ на это дѣло и что въ случаѣ удовлетворенія Англіею требованія Америки по дѣлу Алабамы американцы способны насъ обойти по достиженіи своей цѣли. Въ тоже время американская пресса въ высшей степени сочувственно относилась къ нашимъ домогательствамъ и доказывала, что пришелъ моментъ для Америки отплатить ея долгъ благодарности Россіи [1]). На эти донесенія Катакази получилъ изъ С.-Петербурга увѣдомленіе, что Россія надѣялась на мирное разрѣшеніе возбужденныхъ ею домогательствъ. Оцѣнивая по достоинству сочувственное отношеніе американской прессы къ намъ и предложенія статсъ-секретаря Фиша, канцлеръ совѣтовалъ Катакази быть осторожнымъ и не предрѣшалъ сужденіе императорскаго правительства [2]).

7/20-го ноября отъ имени англійскаго кабинета явился въ Версаль, къ графу Бисмарку, Одо Россель для переговоровъ по предмету русскаго сообщенія. Отъ того, какъ взглянетъ на домогательство Россіи и что скажетъ канцлеръ Сѣверо-германскаго союза, зависѣло рѣшеніе всѣхъ остальныхъ кабинетовъ. Понятно, что и Англія, и Австрія не упустили случая постараться отвлечь прусскаго короля отъ занятаго имъ положенія въ отношеніи императора Александра. Съ этою цѣлью англійскіе и австрійскіе министры думали воспользоваться переговорами, которые Россія вела съ нейтральными государствами по поводу заключенія перемирія между воюющими сторонами и условій мира. Предвидя намѣренія вѣнскаго и лондонскаго кабинетовъ, которые могли набросить тѣнь на эти переговоры и придать имъ совершенно иную окраску, князь Горчаковъ

---

[1]) 1870. Washington. Réc. № 2188, dépèche 6/18 novembre.

[2]) 1870. Berlin. V. Exp., tél. 7 novembre. 1870. Washington. Exp. lettres 26 novembre et 4 décembre.

счелъ необходимымъ написать довѣрительное письмо [1]) посланнику Убри, съ тѣмъ, чтобы оно было сообщено графу Бисмарку. Въ этомъ письмѣ канцлеръ изложилъ, что когда возможность появленія голода среди парижскаго населенія оказалась вѣроятною, лордъ Гранвиль предложилъ черезъ сэра Бухапана, чтобы нейтральныя государства выработали между собою условія мира, которыя могли бы быть приняты обѣими сторонами. Русское правительство на это согласилось, но подало мысль, чтобы французскія центральныя власти просили Пруссію о заключеніи перемирія для выбора учредительнаго собранія. Эта мысль была одобрена Гранвилемъ и мы настояли на томъ, чтобы означенный шагъ былъ сдѣланъ, но сами воздержались отъ какого либо дипломатическаго обращенія по сему предмету въ Берлинѣ, такъ какъ государь рѣшилъ самъ о томъ написать королю Вильгельму. Позднѣе, вслѣдствіе намека Гранвиля на то, что мы не открыли ему всего, и нашего запроса, на что именно онъ намекалъ, сэръ Бухананъ получилъ телеграмму, въ которой сообщалось желаніе Гранвиля узнать, не выразился ли государь въ своемъ письмѣ къ королю Вильгельму противъ уступки Эльзаса и Лотарингіи. Князь Горчаковъ отвѣтилъ, что въ письмѣ не было никакого упоминанія объ этомъ предметѣ. Таковы были сношенія съ Англіею по означенному вопросу. Что же касается Австріи, то Бейстъ неоднократно настаивалъ на томъ, чтобы мы сдѣлали рѣшительный почипъ для заключенія мира, но мы отвергли эти предложенія, не желая оказывать никакого давленія на Пруссію. Это письмо было переслано въ копіи графу Бисмарку статсъ-секретаремъ Тиле, который при томъ объяснилъ Убри [2]), что предвидѣнныя княземъ Горчаковымъ инсинуаціи уже были сдѣланы графомъ Бейстомъ. Въ Вѣнѣ толковали всякое слово, сказанное Бисмаркомъ, и придавали ему то значеніе, которое желательно было австрійцамъ. Такъ, полученіе прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Швейницомъ извѣстія о томъ, что графъ Бисмаркъ былъ неожиданно пораженъ нашимъ сообщеніемъ, породило разные толки и побуждало

---

[1]) Гос. Арх. Письма князя Горчакова, т. 46, 3 ноября.

[2]) 1870. Berlin. V. Réc., tél. 6/18 novembre. 1870. Berlin. IV. Réc. № 2112, dép. 7/19 novembre № 327.

австрійцевъ къ сопротивленію нашимъ домогательствамъ [1]). Въ Берлинѣ и Лондонѣ высказывали мнѣніе, что предпринятый нами шагъ усилитъ надежды французовъ на заступничество Англіи, Австріи и Италіи, если Пруссія не присоединится къ державамъ, подписавшимъ договоръ 1856 г. [2]).

Между тѣмъ, на свиданіи Одо Росселя съ графомъ Бисмаркомъ въ Версалѣ канцлеръ объяснилъ англійскому уполномоченному, что Пруссія, не участвовавшая въ договорѣ 15 апрѣля 1856 г., не считаетъ себя обязанной выражать своего мнѣнія относительно домогательствъ Россіи. Прусскій король, прежде чѣмъ высказываться офиціально, желалъ бы узнать точку зрѣнія остальныхъ державъ и общественное мнѣніе Германіи черезъ посредство Рейхстага. Что же касается его личнаго взгляда, то Бисмаркъ сказалъ Росселю, что онъ считалъ постановленія 1856 г., ограничившія верховныя права Россіи, неестественными (unnatürlich). Такъ какъ Пруссія всегда была расположена содѣйствовать Россіи въ отмѣнѣ этихъ ограниченій, она бы это сдѣлала послѣ войны. Шагъ предпринятый Россіею въ настоящее время, не состоялся по уговору, съ Пруссіею, а это служило доказательствомъ того, что избранный ею моментъ не былъ удобенъ для Пруссіи. Бисмаркъ не считалъ себя въ правѣ подвергать критикѣ дѣйствія дружественной державы и порицать форму, которую она избрала для достиженія своей цѣли. Онъ совѣтовалъ Росселю не обострять положенія обмѣномъ нотъ и полемикой, но способствовать переговорамъ на конференціи, которая бы имѣла своимъ предметомъ не разборъ уже совершившихся фактовъ, но утвержденіе мира на Востокѣ. Въ заключеніе графъ Бисмаркъ сказалъ Росселю, что онъ готовъ предложить созывъ уполномоченныхъ державъ для переговоровъ въ С.-Петербургѣ, если Англія къ этому расположена. Россель по видимому удовлетворился этимъ предложеніемъ и потребовалъ инструкціи изъ Лондона [3]). Мы, съ своей стороны, сообщили графу Бисмарку

---

[1]) Гос. Арх. Собраніе писемъ князя Горчакова, т. 46, стр. 175, письмо князю Рейсу 4 ноября 1870 г.

[2]) 1870. Berlin. IV. Réc. № 2112, dép. 7/19 novembre № 3272, dép. 11/23 novembre, lettre 11/23 nov. Réc., tél. 6/18 nov.

[3]) 1870. Prusse (légation). Lettres de Reuss 10/22 et 12/24 novembre. 1870. Berlin. V. Réc., tél. 7/19 novembre. IV. Réc. № 2113, dép. 9/21 novembre № 328.

черезъ князя Рейса, что не встрѣчали препятствій къ совмѣстному обсужденію и считали для себя болѣе удобнымъ, чтобы центромъ соглашенія былъ избранъ С.-Петербургъ [1]).

На вопросъ посланника Убри, почему графъ Бисмаркъ находилъ моментъ, избранный нами для сообщенія неудобнымъ Пруссіи, Тиле отвѣтилъ [2]), что во всякое другое время Пруссія располагала бы двумя третями своихъ войскъ для того, чтобы оказать давленіе съ другой стороны въ пользу Россіи. «Очевидно, замѣчаетъ Убри въ своемъ письмѣ канцлеру, Тиле имѣлъ въ виду Австрію. Я поблагодарилъ Тиле за подобное толкованіе, но не знаю, такова ли была мысль Бисмарка». По всему вѣроятію германскій канцлеръ считалъ наше заявленіе несвоевременнымъ до окончанія войны, опасаясь возбужденія, на предстоявшемъ собраніи представителей державъ, вопроса о вмѣшательствѣ въ франко-прусскую распрю или о заступничествѣ за Францію.

Мы уже видѣли выше, что первоначально графъ Бисмаркъ предложилъ созвать конференцію въ С.-Петербургѣ и государь на это согласился. Вслѣдствіе сообщенныхъ германскимъ канцлеромъ возраженій лорда Гранвиля противъ С.-Петербурга, мы, желая угодить самолюбію англичанъ, изъявили согласіе, на созывъ конференціи въ Лондонѣ. Кромѣ сего на другое возраженіе англійскаго министра въ томъ смыслѣ, что нельзя было созывать собраніе для одного засвидѣтельствованія нашего сообщенія, князь Горчаковъ указалъ барону Бруннову [3]), что въ самомъ сообщеніи намѣчена ближайшая цѣль совѣщанія, а именно утвержденіе спокойствія на востокѣ и независимости Порты на основаніяхъ болѣе прочныхъ, чѣмъ тѣ, которыя существовали до той поры. Когда получилось отъ графа Бисмарка извѣщеніе [4]), что Гранвиль согласился на созывъ конференціи въ Лондонѣ съ одобренія государя, было установлено, что приглашенія на конференцію бу-

---

[1]) 1870. Доклады, 9 ноября.

[2]) 1870. Berlin. IV. Réc., let. 11/23 novembre. 1870. Londres IV. Exp. № 228, télegr. 11 novembre. 1870. Constantinople. VII. Exp., lettre 15 novembre.

[3]) 1870. Londres. IV. Exp. № 232, tél. 13/25 novembre. V. Expédition, lettre 13 novembre. II. Réc. № 2176, dépèche 16/28 novembre № 106.

[4]) 1870. Londres. IV. Exp. № 239, tél. 15/27 novembre. 1870. Prusse (légation). Réc., lettre de Reuss 14/26 novembre. 1870. Berlin. V. Réc., tél. 17/29 novembre.

дутъ адресованы германскимъ канцлеромъ въ С.-Петербургъ и Флоренцію, англійскимъ министромъ въ Туръ, Вѣну и Константинополь.

IV.

Передача вопроса возбужденнаго Россіею на разрѣшеніе конференціи изъ представителей великихъ державъ, созванной въ Лондонѣ. Принятіе ими приглашенія на это собраніе. Подготовительныя работы и переписка.

Какъ уже было сказано выше, 13/25-го ноября баронъ Брунновъ передалъ лорду Гранвилю депешу канцлера отъ 8-го ноября, заключавшую его возраженіе на отвѣтъ англійскаго министра, полученный княземъ Горчаковымъ отъ сэра Буханана. Лордъ Гранвиль, по прочтеніи возраженія русскаго правительства, замѣтилъ, что между обоими кабинетами никогда не было переговоровъ о пересмотрѣ трактата 1856 г., на что имѣлся намекъ въ русской депешѣ отъ 8-го ноября. По заключенію барона Бруннова это замѣчаніе была одна только придирка со стороны главнаго секретаря, который продолжалъ быть холоднымъ и офиціальнымъ [1]). Разсмотрѣніе русской депеши въ совѣтѣ министровъ было отложено до засѣданія 15/27-го ноября, а на 16/28-е было созвано совѣщаніе въ Виндзорѣ подъ предсѣдательствомъ королевы [2]). Палаты не будутъ созваны; хотя общественное мнѣніе успокоилось, но полемика въ газетахъ продолжалась и баронъ Брунновъ ожидалъ опроверженія англійскихъ министровъ на наше возраженіе, заключавшееся въ депешѣ 8-го ноября [3]).

Съ того времени, какъ князь Горчаковъ своимъ сообщеніемъ столь смѣло выступилъ передъ Европой въ защиту правъ своего государя, баронъ Брунновъ продолжалъ относиться съ большимъ недовѣріемъ къ успѣху нашихъ домогательствъ. Это сомнѣніе проглядывало во всѣхъ его депешахъ. Оно выразилось еще сильнѣе, когда состоялось рѣшеніе о передачѣ возбужденнаго нами во-

---

[1]) 1870. Londres. II. Réc. № 2174, dép. 16/28 novembre № 104.

[2]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 14/26 novembre.

[3]) 1870. Londres. II. Réc. № 2175, dép. 16/28 novembre № 105. III. Réc., tél. 14/26 novembre.

проса на разсмотрѣніе конференціи. Баронъ противился созыву конференціи вообще, а въ особенности въ Лондонѣ, въ виду недоброжелательства англичанъ, которые готовы были торговаться изъ за каждаго судна [1]). Онъ опасался, что на этихъ совѣщаніяхъ ему бы не пришлось, какъ русскому представителю, отказаться, подъ напоромъ всякаго рода возраженій, отъ заявленныхъ нами требованій. Заканчивать свое пятидесятидвухъ лѣтнее дипломатическое поприще такимъ отступленіемъ онъ вовсе не желалъ [2]); почему онъ сталъ доказывать, что пересмотръ такого важнаго международнаго акта, какъ Парижскаго договора, не можетъ быть порученъ простой конференціи, но конгрессу составленному изъ министровъ, находящихся во главѣ кабинетовъ при непремѣнномъ участіи графа Бисмарка и представителя французскаго правительства. Такъ какъ въ то время, до окончанія франко-прусской войны, немыслимо было созваніе конгресса, то баронъ Брунновъ полагалъ необходимымъ оставить все дѣло въ томъ положеніи, въ которомъ оно находилось, прервать безполезныя пренія и выждать удобнаго момента для созыва конгресса. Не довѣряя своимъ силамъ, баронъ Брунновъ высказывалъ, что предстоявшая конференція въ Лондонѣ не достигнетъ цѣли сообразной съ народнымъ чувствомъ въ Россіи и просилъ доложить о семъ государю [3]). На эти замѣчанія и отговорки Бруннова канцлеръ отвѣтилъ, что немыслимо ждать созыва конгресса, который неизвѣстно когда бы могъ собраться и при не столь благопріятныхъ условіяхъ, что государь избралъ Лондонъ центромъ конференціи, разсчитывая именно на блестящія качества Бруннова, котораго онъ назначилъ своимъ уполномоченнымъ, довѣряясь его знанію, опыту и преданности [4]); при томъ ему сообщалось, что государь желалъ, чтобы конференція открыла свои

---

[1]) 1870 Londres. II. Réc., lettre 16/28 novembre.

[2]) Баронъ Брунновъ поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ 21 года отъ роду 30-го октября 1818 г.

[3]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 14/26 novembre, lettre 16/28 novembre, tél. 16/28 novembre. II. Réc. № 2175, dép. 16/28 novembre № 105.

[4]) 1870. Londres. IV. Exp. № 239, tél. 15/27 novembre; № 241, tél; 17/29 novembre; № 243, tél. $\frac{\text{20 novembre}}{\text{2 decembre}}$; № 246, tél. $\frac{\text{21 novembre}}{\text{3 decembre}}$; № 247, tél. $\frac{\text{22 novembre}}{\text{4 decembre}}$.

занятія какъ можно скорѣе и что Порта приняла приглашеніе на конференцію, отказавшись, въ знакъ миролюбиваго своего расположенія, отъ всякаго отвѣта на наше сообщеніе [1]).

Между тѣмъ, какъ этого ожидалъ баронъ Брунновъ, англійскій кабинетъ послалъ опроверженіе на депешу князя Горчакова отъ 8/20-го ноября, изложенное въ депешѣ на имя сэра Буханапа отъ 16/28-го ноября [2]). Въ ней лордъ Гранвиль, отрицая то, чтобы Россія когда либо предлагала Англіи принять въ соображеніе послабленіе договора 1856 г., указывалъ на то, что способъ дѣйствій, употребленный Россіею, не оправдывался неуспѣшностью попытокъ, ею никогда не совершенныхъ. Но въ виду обоюднаго желанія обоихъ правительствъ утвердить добрыя отношенія между ними Гранвиль изъявилъ готовность устранить всякія препятствія къ соглашенію. Если разумѣть русское сообщеніе въ смыслѣ заявленія, въ которомъ изложенъ личный взглядъ Россіи на ея права и если она не намѣрена ихъ осуществлять безъ соглашенія съ другими державами, то споръ, возбужденный между обѣими сторонами, уже являлся разрѣшеннымъ. Въ этихъ видахъ великобританское правительство не отказалось принять приглашеніе Пруссіи участвовать въ конференціи, лишь бы таковая была созвана безъ всякаго предвзятаго заключенія относительно ея послѣдствій. Въ этомъ случаѣ англійскій кабинетъ готовъ разсмотрѣть всѣ предложенія Россіи прямодушно и съ тѣмъ уваженіемъ къ ней, которое подобаетъ великой державѣ.

Эту депешу лордъ Гранвиль прочелъ самъ барону Бруннову и сказалъ ему: «вы видите, какой мы сдѣлали громадный шагъ, чтобы вступить на путь мирнаго разрѣшенія». Сообщая, что съ того времени возобновились между нимъ и Гранвилемъ прежнія сердечныя отношенія, баронъ Брунновъ писалъ [3]), что, насколько онъ понималъ, не пред-

---

[1]) 1870. Londres. IV. Exp. № 243, tél. $\frac{20 \text{ novembre}}{2 \text{ decembre}}$

[2]) 1870. Grande-Brétagne. Réc. № 2182; communication anglaise, dépêche 16/28 novembre.

[3]) 1870. Londres. III. Réc., tél. $\frac{19 \text{ novembre}}{1 \text{ décembre}}$, $\frac{21 \text{ novembre}}{3 \text{ décembre}}$. II. Réc. № 2209, dép. $\frac{21 \text{ novembre}}{3 \text{ décembre}}$ № 108.

полагалось обязываться признаніемъ правильности тѣхъ измѣненій, которыя желалъ сдѣлать с.-петербургскій кабинетъ въ договорѣ 1856 г.

Англійскій посланникъ въ Берлинѣ лордъ Лофтусъ подтвердилъ статсъ-секретарю Тиле, что его правительство согласилось на открытіе конференціи въ Лондонѣ для пересмотра договора 1856 г. въ духѣ справедливости, но безъ предварительнаго уговора [1]). Такимъ образомъ вопросъ разрѣшился мирнымъ путемъ въ совѣтѣ англійскихъ министровъ, которые сочли излишнимъ созывать парламентъ ранѣе обычнаго срока, въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца [2]). Депеша лорда Гранвиля отъ 16/28-го ноября была передана сэромъ Бухананомъ князю Горчакову $\frac{\text{21-го ноября}}{\text{3-го декабря}}$ [3]). При ея чтеніи канцлеръ выставилъ послу ту настойчивость съ которой, при каждомъ предполагаемомъ созваніи конференціи, англійскіе министры требовали, чтобы восточный вопросъ отнюдь не подвергался обсужденію. Почему Россіи оставалось прибѣгнуть для разрѣшенія вопроса, затрагивавшаго ея честь и достоинство, только къ тому способу, который ею примѣненъ. Затѣмъ князь Горчаковъ объяснилъ послу, что онъ, допуская свободное изложеніе на предстоявшей конференціи представителями державъ ихъ мнѣній и мыслей, настаивалъ на безусловной необходимости, чтобы никто не позволилъ себѣ требовать отъ насъ отреченія отъ нашего заявленія. Бухананъ увѣрилъ канцлера, что такое требованіе никѣмъ не возбуждалось. Въ заключеніе князь Горчаковъ сказалъ послу, что конференція могла быть ведена двоякимъ образомъ: или представители державъ подъ предсѣдательствомъ лорда Гранвиля начнутъ съ того, что провозгласятъ начало, касавшееся формы, возобновятъ то порицаніе, которое они намъ уже сдѣлали, и даже, можетъ быть, обсудятъ между собою взаимное обязательство воздерживаться впредь отъ всякаго нарушенія правила, запрещающаго одностороннюю отмѣну коллективнаго договора, и только установивъ начало, что ими называется вопросомъ чести, они перейдутъ къ раз-

[1]) 1870. Berlin. V. Réc., tél. 17/29 novembre.

[2]) 1870. Londres. II. Réc. № 2200, dép. $\frac{\text{21 novembre}}{\text{3 décembre}}$ № 109.

[3]) 1870. Londres. V. Exp., lettre $\frac{\text{22 novembre}}{\text{4 décembre}}$.

смотрѣнію существа вопроса, по которому нельзя ожидать разногласія между взглядами большинства державъ и тѣми, отъ которыхъ мы не могли бы отказаться. Второй же способъ заключался бы въ томъ, что представители державъ, отстранивъ отъ себя всякія теоретическія сужденія, приступили бы тотчасъ къ разсмотрѣнію нашихъ требованій. Сэръ Бухананъ далъ предпочтеніе второму способу веденія конференціи, въ чемъ согласился съ нимъ и князь Горчаковъ, который ни въ разговорѣ съ посломъ, ни въ его сообщеніяхъ не замѣтилъ намека на желаніе Англіи торговаться съ нами о числѣ судовъ или возбуждать какія либо затрудненія относительно Севастополя. Почему канцлеръ не усматривалъ въ дѣйствіяхъ англичанъ того недоброжелательства, о которомъ писалъ баронъ Брунновъ [1]).

Готовясь съ своей стороны къ конференціи, императорскій посолъ въ Лондонѣ писалъ [2]): «теперь споръ нашъ съ Англіей о прошедшемъ прекратился, пренія открываются о дружескомъ соглашеніи насчетъ грядущаго. Намъ нужно изслѣдовать путь, составить себѣ планъ будущихъ совѣщаній». По мнѣнію Бруннова намъ предстояло три пути: 1) Ожиданіе удобнаго момента для созыва конгресса, на которомъ бы засѣдали министры, находящіеся во главѣ кабинетовъ. 2) Созывъ конференціи въ Лондонѣ, которая никогда бы не могла достигнуть ожидавшагося государемъ результата, «такъ какъ кто бы изъ русскихъ представителей, спрашиваетъ баронъ Брунновъ,—согласился донести о предложеніи, клонившемся къ оставленію въ силѣ одного изъ ограничительныхъ постановленій Парижскаго договора». Какъ запретить Австріи или Англіи занесеніе въ протоколъ предложенія, которое считалось бы въ Россіи оскорблявшимъ народное чувство? Остается избрать третій путь, заключающійся въ предварительномъ совѣщаніи о пересмотрѣ договора. «Начали бы, продолжалъ баронъ Брунновъ, съ того, что согласились бы на счетъ возобновленія постановленій 1856 г. объ основныхъ началахъ, затѣмъ бы вступили въ довѣрительныя объясненія объ особыхъ ограни-

---

[1]) 1870. Londres. V. Exp., lettre $\frac{24\ novembre}{6\ décembre}$.

[2]) 1870. Londres. II. Réc. № 2209, dép. $\frac{21\ novembre}{3\ décembre}$ № 1082. III. Réc., tél. $\frac{19\ novembre}{1\ décembre}$, tél. $\frac{21\ novembre}{3\ décembre}$.

чительныхъ постановленіяхъ. Если бы достигли разрѣшенія этихъ вопросовъ по обоюдному согласію, то проектъ новаго договора былъ бы подвергнутъ предварительному одобренію договаривающихся сторонъ». Только при этихъ условіяхъ, по мнѣнію Бруннова, могло бы имѣть мѣсто въ Лондонѣ предварительное совѣщаніе негласное и изъятое отъ всякихъ формальностей.

Составленный имъ планъ совѣщаній баронъ Брунновъ сообщилъ прусскому посланнику графу Бернсторфу, который кромѣ того, что былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, но получилъ отъ графа Бисмарка строгія инструкціи во всемъ содѣйствовать русскому послу [1]). Бернсторфъ одобрилъ третій путь, намѣченный Брунновымъ, такъ какъ онъ вполнѣ былъ согласенъ съ видами графа Бисмарка, который желалъ, чтобы совѣщаніе въ Лондонѣ было непродолжительнымъ, простымъ и безъ протоколовъ, чтобы изъ него были исключены всякія нареканія на прошлое и чтобы оно было направлено прямо къ практическому результату, т. е. къ отмѣнѣ ограничительныхъ постановленій [2]). Этотъ планъ былъ сообщенъ Брунновымъ Гранвилю [3]), а именно, чтобы совѣщаться внѣ конференціи, безъ протоколовъ, о текстѣ акта, подлежавшаго заключенію. Гранвиль вполнѣ согласился съ мыслью русскаго посла. Баронъ Брунновъ любилъ излагать на письмѣ свои доводы и соображенія, почему онъ написалъ впередъ то, что онъ думалъ сказать собравшимся уполномоченнымъ на предварительномъ ихъ совѣщаніи. Этотъ exposé verbal онъ послалъ на одобреніе князя Горчакова при депешѣ отъ 22-го ноября за № 111.

Между тѣмъ всѣ державы, подписавшія Парижскій договоръ, получили приглашеніе уполномочить своихъ представителей въ Лондонѣ на участіе въ конференціи, созываемой въ этомъ городѣ, предѣлы которой были строго ограничены постановленіями Парижскаго договора, отмѣны которыхъ требовала Россія, при чемъ формула для созыва

---

[1]) 1870. Londres. III. Réc., lettre $\frac{\text{22 novembre}}{\text{4 décembre}}$. 1870. Londres. Exp., lettre $\frac{\text{23 novembre}}{\text{5 décembre}}$.

[2]) 1870. Londres. II. Réc. № 2217, dép. $\frac{\text{23 novembre}}{\text{4 décembre}}$ № 111.

[3]) 1870. Londres. II. Réc. № 2237, dép. $\frac{\text{25 novembre}}{\text{7 décembre}}$ № 112.

на конференцію заключалась въ томъ, что она собиралась безъ заранѣе предвзятаго заключенія (without assumption of any foregone conclusion). Графъ Бисмаркъ выговорилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на конференціи отнюдь не обсуждался вопросъ о франко-прусской войнѣ, иначе представитель Пруссіи графъ Бернсторфъ получилъ приказаніе оставить засѣданіе. Съ своей стороны Турція согласилась на участіе въ конференціи при условіи, чтобы пересмотръ Парижскаго договора коснулся исключительно его статей, ограничивавшихъ свободу дѣйствій Россіи въ Черномъ морѣ. Съ нашей стороны было заявлено, что мы не допускали мысли о возможности заставить насъ отступиться отъ заявленныхъ нами домогательствъ [1]). Самъ Гранвиль сказалъ Бруннову, что великая держава никогда не отрекается отъ своего слова (une grande puissance ne retire jamais ses paroles) [2]).

Относительно плана совѣщаній, сообщеннаго барономъ Брунновымъ, князь Горчаковъ высказался въ своемъ докладѣ [3]), что Брунновъ немного запутался (a un peu cherché midi à quatorze heures) и что онъ расширилъ программу конференціи внѣ предѣловъ, указанныхъ въ самой формулѣ ея созыва, такъ какъ вовсе не шла рѣчь о пересмотрѣ всего договора 1856 г., но единственно нѣкоторыхъ его ограничительныхъ постановленій. Князь Горчаковъ присоединился къ мнѣнію Бруннова [4]) о томъ, что совѣщаніе должно быть непродолжительнымъ, простымъ, безъ протоколовъ, должно преслѣдовать практическій результатъ, т.-е. отмѣну ограничительныхъ постановленій, прямо связанныхъ съ восточнымъ вопросомъ. Князь Горчаковъ предпочиталъ избѣгать письменнаго изложенія и ограничиться устными

---

[1]) 1870. Londres. III. Exp., lettre $\frac{23 \text{ novembre}}{5 \text{ décembre}}$. IV. Exp. № 249., tél. $\frac{25 \text{ novembre}}{9 \text{ décembre}}$. Exp. № 250, tél. $\frac{27 \text{ novembre}}{9 \text{ décembre}}$, lettre $\frac{27 \text{ novembre}}{9 \text{ décembre}}$. III. Réc., tél. $\frac{28 \text{ novembre}}{10 \text{ décembre}}$. 1870. Constantinople. V. Réc. № 2252, dép. $\frac{24 \text{ novembre}}{3 \text{ décembre}}$ № 295. 1870. Constantinople. VII. Exp. № 244, tél. $\frac{20 \text{ novembre}}{2 \text{ décembre}}$. 1870. Constantinople. VI. Réc., tél. 18/30 novembre. 1870. Berlin. V. Exp., tél. $\frac{21 \text{ novembre}}{3 \text{ décembre}}$.

[2]) 1870. Londres. V. Exp., lettre $\frac{27 \text{ novembre}}{9 \text{ décembre}}$.

[3]) 1870. Доклады, 26-го ноября.

[4]) 1870. Londres. V. Exp., lettre $\frac{27 \text{ novembre}}{9 \text{ décembre}}$.

преніями впредь до достиженія окончательнаго соглашенія, которое затѣмъ облечь въ письменную форму. Канцлеръ не понималъ значенія проекта барона Бруннова, который послѣдній называлъ словеснымъ изложеніемъ (exposé verbal). Была ли это памятная записка, составленная барономъ Брунновымъ для себя, или декларація? Въ первомъ случаѣ эта записка послужила бы для устныхъ преній. Канцлеръ возражалъ противъ деклараціи и находилъ неудобнымъ допускать письменное состязаніе на совѣщаніи, такъ какъ при сопоставленіи мнѣній, изложенныхъ на письмѣ, всегда происходитъ столкновеніе изъ за самолюбія ихъ авторовъ. Если сообщенный Брунновымъ проектъ имѣлъ значеніе памятной записки, составленной имъ съ цѣлью изложенія хода его мыслей, то въ ней князь Горчаковъ дѣлалъ поправку, по его мнѣнію очень существенную, одобренную государемъ [1]).

Въ этой запискѣ баронъ Брунновъ изложилъ, что русскій уполномоченный по указаніи обстоятельствъ, побудившихъ державы согласиться на допущеніе измѣненій въ Парижскомъ договорѣ, нарушившихъ отчасти буквальный смыслъ первоначальныхъ постановленій, установилъ, что эти отклоненія однако не оказали никакого вліянія на намѣреніе императора строго соблюдать общія начала сего договора, обезпечившія за Турціей ея положеніе среди европейскихъ державъ. «Государь,—продолжалъ баронъ Брунновъ,—выразилъ непремѣнное свое намѣреніе уговориться съ державами для подтвержденія этихъ общихъ началъ или же для ихъ замѣны другимъ какимъ либо справедливымъ соглашеніемъ, которое бы обезпечило спокойствіе на востокѣ и европейское равновѣсіе. Изложивъ взглядъ его величества на этотъ предметъ, русскій уполномоченный призналъ, что въ виду добрыхъ отношеній, существовавшихъ между Россіей и Турціей, какъ сопредѣльными государствами, наступило время для пересмотра постановленій договора 1856 г., касавшихся мореплаванія по Черному морю, такого пересмотра, который согласовался бы съ мирнымъ состояніемъ, благополучно установившимся между обоими государствами. Русскій уполномоченный за-

---

[1]) 1870. Доклады, 27-го ноября. 1870. Londres. III. Réc., tél. $\frac{27\ novembre}{9\ décembre}$.

явилъ, что государь придавалъ особую важность этому пересмотру для достиженія двоякой цѣли, а именно безопасности своей имперіи и охраненія ея достоинства».

Князь Горчаковъ находилъ, что баронъ Брунновъ невѣрно ставилъ рѣшеніе, принятое государемъ, въ зависимость отъ добрыхъ отношеній, существовавшихъ между Россіей и Турціей. Государь рѣшился на предпринятый имъ шагъ, руководствуясь исключительно чувствомъ своего достоинства и необходимостью не оставлять южныхъ окраинъ имперіи на произволъ случайностей. Въ виду этихъ соображеній князь Горчаковъ измѣнилъ проектъ барона Бруннова слѣдующимъ образомъ, оставивъ его начало и заключеніе: «русскій уполномоченный установилъ, что отклоненія отъ первоначальнаго смысла Парижскаго договора не оказали никакого вліянія на намѣреніе императора строго соблюдать общія начала сего договора, обезпечившія за Турціей ея положеніе среди европейскихъ державъ. за исключеніемъ тѣхъ, на которыя императорскій кабинетъ указалъ, какъ на несогласныя съ достоинствомъ и безопасностью Россіи и не способствовавшія, въ дѣйствительности, спокойствію на востокѣ, ни всеобщему умиротворенію. Изложивъ взглядъ его величества на этотъ предметъ, русскій уполномоченный призналъ, что начало, ограничивавшее права верховнаго вождя великой имперіи на его собственную территорію, не могло оставаться составною частью договора, въ основаніе котораго прежде всего должны быть положены чувства справедливости великихъ державъ, его подписавшихъ, и уваженіе, которое онѣ обязаны питать своему взаимному достоинству».

Записка оканчивалась словами: «русскій уполномоченный, получивъ повелѣніе выразить желаніе, чтобы подлежавшія заключенію, вслѣдствіе означеннаго пересмотра, новыя соглашенія были освящены общимъ договоромъ съ цѣлью укрѣпленія, подъ новымъ ручательствомъ, мира, составлявшаго предметъ общей заботы всѣхъ великихъ державъ, представители которыхъ собрались въ засѣданіе конференціи въ Лондонѣ». «Такимъ образомъ,—писалъ князь Горчаковъ [1]), нѣтъ рѣчи о предварительныхъ совѣщаніяхъ, ни о полномъ пересмотрѣ договора 1856 г., ни о заклю-

[1]) 1870. Londres. IV. Exp., lettre $\frac{\text{27 novembre}}{\text{9 décembre}}$, tél. $\frac{\text{27 novembre}}{\text{9 décembre}}$.

ченіи какого либо новаго договора, но дѣло идетъ исключительно объ изслѣдованіи обидъ, нанесенныхъ Россіи и затрогивавшихъ ея безопасность, ея достоинство и, смѣю сказать, ея честь. Конференція должна собраться какъ можно скорѣе, продолжаться какъ можно менѣе времени и заключиться или конвенціею, или скорѣе протоколомъ, установляющимъ изслѣдованіе нашихъ домогательствъ и рѣшеніе Европою русскаго вопроса, каковое рѣшеніе согласно имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ не можетъ не быть благопріятнымъ для насъ. Такимъ образомъ то, что было одностороннимъ станетъ международнымъ».

Оставимъ на время вопросъ о порядкѣ веденія переговоровъ на предстоявшей конференціи и обратимся къ тому, какъ приняли правительства державъ приглашеніе на это собраніе, созванное по мысли графа Бисмарка.

Делегаціи французскаго правительства въ Турѣ сохраняли выжидательное положеніе относительно отвѣта на наше сообщеніе [1]). Получивъ [2]) черезъ англійскаго посла лорда Лайонса приглашеніе Франціи участвовать въ созываемой конференціи, делегаціи, полагая, что оно исходитъ отъ Англіи, приняло его съ сочувствіемъ, но когда онѣ узнали, что конференція созывается по иниціативѣ Пруссіи, то не рѣшились дать какой-либо отвѣтъ, не посовѣтовавшись съ Парижемъ. Вслѣдствіе настойчиваго требованія лорда Лайонса [3]), делегаціи представили центральному правительству необходимость отозваться на приглашеніе, назначивъ уполномоченнаго въ Лондонѣ, при чемъ англійскій посолъ доказывалъ делегату, завѣдывавшему иностранными дѣлами, графу Шодорди всю выгоду для Франціи, если она будетъ участвовать въ европейской конференціи, созванной для пересмотра Парижскаго договора, подписаннаго представителями французскаго правительства. Шодорди продолжалъ стѣсняться тѣмъ, что предложеніе конференціи исходило отъ Пруссіи, съ которой Франція была въ войнѣ; центральное же правительство было со-

---

[1]) 1870. Paris. III. Réc., tél. 16-28 novembre.

[2]) 1870. Paris. III. Réc., tél. $\frac{\text{19 novembre}}{\text{1 décembre}}$, dép. $\frac{\text{19 novembre}}{\text{1 décembre}}$ № 216.

[3]) 1870. Paris. III. Réc., tél. $\frac{\text{20 novembre}}{\text{2 décembre}}$.

вершенно равнодушно къ предмету собранія, хотя высказывало свое расположеніе къ нашимъ домогательствамъ [1]). Убѣжденный доводами лорда Лайонса, доказавшаго графу Шодорди, что если идея конференціи принадлежала Пруссіи, то приглашеніе сдѣлано лордомъ Гранвилемъ, делегатъ французскаго правительства по иностраннымъ дѣламъ принялъ отъ своего имени англійское предложеніе [2]). Канцлеръ однако счелъ нужнымъ предупредить нашего повѣреннаго въ дѣлахъ Окунева, что если делегаціи предполагали возбуждать другіе вопросы чуждые предмета конференціи, созванной исключительно для пересмотра Парижскаго договора, то онѣ помѣшаютъ ходу собранія вопреки акту вѣжливости, оказанному Франціи [3]). При чемъ князь Горчаковъ припомнилъ, что онъ самъ засѣдалъ на конференціи въ Вѣнѣ съ представителями трехъ державъ, бывшихъ въ войнѣ съ Россіею [4]). На это графъ Шодорди возразилъ, что вѣнская конференція была созвана исключительно для разсмотрѣнія нашего спора съ западными державами и Турціей и что если бы на Лондонской конференціи могъ быть подвергнутъ обсужденію вопросъ войны между Пруссіей и Франціею, то послѣдняя съ готовностью приняла участіе въ собраніи. Но при исключеніи этого вопроса изъ предметовъ конференціи Жюль Фавръ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ центральномъ правительствѣ, находилъ, что было бы противнымъ общественному мнѣнію, чтобы уполномоченный Франціи, во время ея борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, засѣдалъ на конференціи, созванной по предмету ей почти чуждому, тогда какъ ея кровные интересы были исключены изъ обсужденія собранія. Хотя это заключеніе Фавра было передано Окуневу графомъ Шодорди, какъ за личное мнѣніе члена центральнаго правительства, которое само еще не пришло къ окончатель-

---

[1]) 1870. Paris. III. Réc., tél. $\frac{\text{20 novembre}}{\text{2 décembre}}$. Paris. IV. Exp. № 256, tél. $\frac{\text{30 novembre}}{\text{12 décembre}}$.

[2]) 1870. Londres. III. Réc. № 2330, dép. $\frac{\text{29 novembre}}{\text{11 décembre}}$. VI. Exp., lettre $\frac{\text{27 novembre}}{\text{19 décembre}}$.

[3]) 1870. Paris. IV. Exp. № 245, tél. $\frac{\text{21 novembre}}{\text{3 décembre}}$.

[4]) 1870. Paris. IV. Exp. № 256, tél. $\frac{\text{30 novembre}}{\text{12 décembre}}$.

ному рѣшенію, Окуневъ старался доказать графу Шодорди. что парижскія власти дѣйствовали безъ соблюденія прямыхъ выгодъ Франціи, не соглашаясь на посылку уполномоченнаго въ Лондонъ, такъ какъ конференція будетъ вынуждена приступить къ своимъ занятіямъ безъ участія представителя Франціи [1]). Наконецъ. центральное правительство въ Парижѣ, согласившись съ доводами с.-петербургскаго кабинета, постановило послать уполномоченнаго въ Лондонъ, и Жюль Фавръ принялъ на себя это порученіе по разрѣшеніи ему прусской главною квартирою пропуска для выѣзда изъ Парижа [2]). Посылая Фавра, французское правительство питало всетаки надежду на то, что въ конференціи возникнетъ вопросъ объ условіяхъ мира, подлежавшаго заключенію между Франціей и Пруссіею; въ этомъ случаѣ присутствіе Фавра, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, могло бы быть полезнымъ для Франціи [3]).

Флорентинскій кабинетъ получилъ приглашеніе на конференцію въ Лондонѣ отъ Англіи и Пруссіи [4]). Висконти увѣрилъ барона Икскуля, что итальянскій уполномоченный приложитъ все свое стараніе, чтобы согласовать домогательства Россіи съ общими началами договора 1856 г. [5]). Въ инструкціи, данной итальянскому посланнику въ Лондонѣ кавалеру Кадорнѣ, назначенному уполномоченнымъ на конференціи, было предписано ему держаться примирительнаго образа дѣйствій, воздерживаться отъ всякаго почина, избѣгать раздражающихъ преній и доносить о всякихъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ конференціи [6]).

Австро-венгерскій канцлеръ графъ Бейстъ не оставилъ безъ опроверженія возраженій князя Горчакова па его отвѣтныя депеши о русскомъ сообщеніи отъ 19-го октября. Возраженіе русскаго канцлера было передано австрійскому $\frac{\text{25-го ноября}}{\text{7-го декабря}}$ [7]). Того же числа графъ Бейстъ отправилъ графу

---

[1]) 1870. Paris. III. Réc., tél. 1/13 déc. Réc. № 2412, dép. 2/14 déc. № 226.

[2]) 1870. Paris. III. Réc., tél. 6/18, 9/21, 10/22, 14/26 et 17/29 décembre.

[3]) 1870. Paris. III. Réc. № 2380, dép. 10/22 décembre № 230.

[4]) 1870. Florence. Réc. 16/28 novembre.

[5]) 1870. Florence. Réc. № 2302, dép. 5/17 décemre № 95.

[6]) 1870. Florence. Réc., tél. $\frac{\text{20 décembre}}{\text{1 janvier}}$. 1871. Rome. Réc., lettre 3/15 janvier.

[7]) 1870. Vienne. Réc. № 2229, dép. $\frac{\text{25 novembre}}{\text{7 décembre}}$ № 77.

Хотеку свое опроверженіе [1]), въ которомъ онъ пояснялъ, что, отвѣчая на русское сообщеніе отъ 19-го октября, имъ вовсе не руководили враждебныя чувства противъ Россіи, но исключительно заботы о соблюденіи началъ международнаго права, а также объ охраненіи интересовъ Европы и австро-венгерской монархіи въ особенности, каковая цѣль будетъ преслѣдоваться имъ на предстоявшей конференціи, открывшейся въ Лондонѣ. На запросъ графа Бисмарка, сдѣланный графу Бейсту черезъ прусскаго посланника Швейница, дастъ ли онъ инструкціи графу Хотеку на участіе въ конференціи, которую первоначально предполагалось открыть въ С.-Петербургѣ, австро-венгерскій канцлеръ отвѣтилъ уклончиво [2]). Когда же вмѣсто С.-Петербурга собраніе было созвано въ Лондонѣ, графъ Бейстъ принялъ приглашеніе Пруссіи. Открытое содѣйствіе, оказываемое графомъ Бисмаркомъ домогательствамъ Россіи, разрушило всѣ замыслы графа Бейста по составленію коалиціи изъ четырехъ государствъ противъ нея. Онъ примирился съ необходимостью намъ уступить въ вопросѣ о Черномъ морѣ, но готовился требовать извѣстнаго ручательства. Въ чемъ состояло оно, еще не было извѣстно. Оно могло быть въ учрежденіи постоянной стоянки европейскихъ судовъ у устья Дуная или въ доступѣ всѣхъ иностранныхъ военныхъ судовъ въ Черное море [3]). Только впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что въ концѣ ноября 1870 г. графъ Бейстъ обратился къ лорду Гранвилю съ предложеніемъ собрать, до созыва конференціи въ Лондонѣ, совѣщаніе въ Константинополѣ изъ представителей Австріи, Англіи, Италіи и Турціи, за исключеніемъ Пруссіи и Россіи. Это совѣщаніе установило бы предварительныя положенія, которыя бы затѣмъ послужили предметомъ обсужденія конференціи, между прочимъ оно бы разработало, какими гарантіями надлежало бы замѣнить нейтрализацію Чернаго моря. Но это предложеніе было отвергнуто лордомъ Гранвилемъ [4]). По увѣренію графа Бейста, идея о

---

[1]) 1870. Vienne. Réc. № 2274, dép. 2/14 décembre № 81.

[2]) 1870. Vienne. II. Réc. № 2160, dép. 14/26 novembre № 71.

[3]) 1870. Vienne. II. Réc. № 2230, dép. $\frac{\text{25 novembr}}{\text{7 décemrbe}}$ № 78.

[4]) Bluebook. Treaty of Paris 1856 № 87, page 50, dép. de lord Granville à Bloomfield 7 décembre 1870. 1871. Rome. Exp., lettre 13/25 févr. 1871. Vienne. III. Exp. № 67, lettre 12/24 févr.

созывѣ такого совѣщанія принадлежала итальянскому посланнику въ Вѣнѣ Мингетти, но послѣдній, по словамъ Висконти, положительно отвергъ ее [1]).

Объ этихъ проискахъ Австріи намъ стало извѣстнымъ только по обнародованіи въ 1871 г. англійской синей книги. Непосредственно же передъ конференціей Гранвиль передалъ Бруннову [2]), что въ Вѣнѣ готовы были увеличить число и силу судовъ, которыя Россіи предоставлено было содержать въ Черномъ морѣ по особой конвенціи, приложенной къ главному Парижскому договору, но что Австрія не соглашалась отмѣнять эту конвенцію. Брунновъ отвѣтилъ Гранвилю, что онъ не признавалъ возможнымъ вступать въ подобный торгъ и никогда не согласится донести на усмотрѣніе государя о предложеніи, имѣвшемъ цѣлью сохранить хоть тѣнь ограниченія, установленнаго конвенціею 1856 г. На этомъ мѣстѣ депеши барона Бруннова имѣется помѣта государя: «c'est digne de l'Autriche» (это достойно Австріи). Не рѣшаясь поддерживать означенное предположеніе графа Бейста, Гранвиль сказалъ Бруннову, что не придумалъ еще чѣмъ замѣнить нейтрализацію Чернаго моря. Возмущенный этимъ намѣреніемъ австрійскаго канцлера, князь Горчаковъ писалъ Бруннову [3]): «Я сомнѣваюсь, чтобы графъ Аппони имѣлъ наглость выступить съ этой комбинаціею Бейста; можетъ быть и послѣднему совѣсть не позволитъ ее преподнести. Надо признаться, что нельзя быть болѣе неловкимъ. Мы имъ уже неоднократно открывали дверь для лучшихъ отношеній. Они ихъ желаютъ, они въ нихъ нуждаются, и всегда эта дверь затворяется по ихъ винѣ. Но въ этотъ разъ, если они затронутъ на конференціи вопросъ о судахъ, что представляется воспроизведеніемъ ограниченія нашихъ морскихъ силъ, то эта дверь для соглашенія съ Австріею захлопнется внезапно, такъ какъ этимъ предположеніемъ Австрія нарушила бы верховныя права государя».

Не много позднѣе канцлеръ получилъ увѣдомленіе [4])

---

[1]) 1871. Rome. Réc. № 364, dép. $\frac{\text{22 février}}{\text{6 mars}}$ № 16.

[2]) 1870. Londres. II. Réc. № 2237, dép. $\frac{\text{25 novembre}}{\text{7 décembre}}$ № 112.

[3]) 1870. Londres. IV. Exp. № 255, tél. $\frac{\text{30 novmebre}}{\text{12 décembre}}$. V. Exp., lettre 1/13 décembre.

[4]) 1870. Vienne. V. Réc. № 2352, dép. 15/27 décembre № 89.

изъ Вѣны отъ Новикова, что, по словамъ помощника статсъ-секретаря Гофмана, Австрія готовила нѣсколько комбинацій, изъ которыхъ первая заключалась въ предоставленіи Портѣ права открывать проливы по ея усмотрѣнію, вторая — въ усиленіи числа морскихъ судовъ у устьевъ Дуная, третье— въ продолженіи срока дѣйствій европейской коммиссіи на Дунаѣ, замѣнившей коммиссію прибрежныхъ государствъ. Послѣдняя комбинація имѣла большое значеніе для австрійской торговли. Въ 1871 г. наступалъ срокъ превращенія временной европейской коммиссіи въ постоянную прибрежную, въ коей Баварія и Вюртембергъ, соединившись съ дунайскими княжествами, получили бы перевѣсъ надъ Австріей и, въ ущербъ ея прямымъ выгодамъ, открыли бы доступъ на Дунай Германіи, объединенной подъ покровительствомъ Пруссіи. Занимая въ европейской коммиссіи первенствующее мѣсто, Австрія добивалась ея продленія особенно въ виду того, что она предполагала произвести работы по углубленію и расширенію русла рѣки и привлечь къ расходамъ всѣ прибрежныя государства, которыя, какъ Баварія, Вюртембергъ, Сербія и Румынія, прямо не были заинтересованы въ производствѣ этихъ работъ и въ прибрежной коммиссіи уклонились бы отъ участія въ расходахъ на нихъ [1]). Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что европейская коммиссія на Дунаѣ по Парижскому договору имѣла опредѣленную цѣль. Срокъ ея работъ, сперва установленный на два года, былъ продолженъ до начала 1871 года. Она выполнила свою задачу, должна была быть распущена и замѣнена прибрежною. Но графъ Бейстъ добивался преобразованія европейской коммиссіи въ постоянную, такъ какъ Австрія, разсчитывая на содѣйствіе Англіи и Италіи, располагала бы въ ней большинствомъ голосовъ и могла бы проводить задуманныя ею мѣры по судоходству на Дунаѣ, выгодныя для нея, но неимѣвшія такого значенія для остальныхъ мелкихъ государствъ. Графъ Бейстъ, подъ видомъ достиженія свободы судоходства на Дунаѣ, старался привлечь графа Бисмарка на свою сторону, представивъ общность германскихъ выгодъ въ этомъ вопросѣ съ австрійскими. На означенное домогательство Австріи, князь Горчаковъ замѣтилъ, что обращеніе временной евро-

[1]) 1870. Vienne. II. Réc. № 2409, dép. $\frac{\text{22 décembre.}}{\text{3 janvier.}}$

пейской коммиссіи въ постоянную было бы новымъ отступленіемъ отъ смысла договора 1856 г., разрушенія котораго мы не желали, но отъ защиты котораго мы просили насъ избавить и что съ нашей стороны никогда не дѣлались препятствія свободѣ судоходства по Дунаю, а если возникали затрудненія, то они происходили отъ Австріи, которая искала преимущественнаго положенія въ судоходствѣ по рѣкѣ. Что же касается требованія Австріи объ усиленіи числа судовъ у устьевъ Дуная, то, по мнѣнію князя Горчакова, Австрія должна была выставить свои основанія къ принятію подобной мѣры: она не оправдывалась поощреніемъ свободы судоходства за отсутствіемъ всякихъ препятствій ему. «Я сомнѣваюсь, продолжалъ князь Горчаковъ, чтобы Австрія могла придумать необходимость оберечься отъ нападенія Россіи на Вѣну черезъ Дунай. Выставлять себя защитницей германскихъ интересовъ, никѣмъ не угрожаемыхъ, это чистая комедія, разыграть которую Бейсту мы не можемъ позволить. Я не вижу выгоды Порты въ усиленіи числа судовъ у устья Дуная, хотя она вольна дать свое согласіе на эту мѣру, если ключи отъ проливовъ будутъ въ ея рукахъ» [1]).

Въ Константинополѣ великій визирь Аали-паша высказывалъ, что онъ предпочелъ бы войти въ прямое соглашеніе съ Россіею безъ всякой конференціи, но считая, что Парижскій договоръ его дѣтище и привыкши разсчитывать на поддержку французовъ и англичанъ, онъ не рѣшался открыто отдѣлиться отъ своихъ мнимыхъ покровителей, почему старался ихъ успокоить и найти мирный исходъ всему дѣлу [2]). Въ доказательство своихъ добрыхъ намѣреній Аали-паша объявилъ, что онъ не будетъ отвѣчать на русское сообщеніе отъ 19-го октября, не смотря на убѣжденія англійскаго посла сэра Эллiота [3]). Послѣдній увѣрялъ Порту, что конференція не состоится, если Россія, поправ-

---

[1]) 1870. Londres. IV. Exp. № 274, tél. 14/26 décembre; № 278, tél. 16/28. décembre. V. Exp., lettre $\frac{29\ \text{décembre}}{10\ \text{janvier}}$. 1870. Vienne. IV. Exp. 275., dép. 14/26 décembre.

[2]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2252, dép. $\frac{25\ \text{novembre}}{6\ \text{décembre}}$ № 295. VI. Réc., lettre part. $\frac{23\ \text{novembre}}{6\ \text{decembre}}$. 1870. Londres. V. Exp., lettre 14/26 novembre.

[3]) 1870. Constantinopie. V. Réc. № 2253, dép. $\frac{23\ \text{novembre}}{6\ \text{décembre}}$ № 296. VI. Réc. tél. 18/30 novembre.

шая свои обязательства по международному договору, не откажется отъ своихъ требованій. Онъ вполнѣ сознавалъ, что малѣйшее наше отступленіе будетъ истолковано на востокѣ во вредъ нашему достоинству. Вопросъ о конференціи считался турецкими министрами поединкомъ между Англіей и Россіей. Въ случаѣ торжества Англіи западныя державы удержатъ верхъ за собою. Если выиграетъ Россія, то Туркамъ будетъ выгоднѣе искать прямого сближенія съ нею, помѣшать которому сэръ Эллiотъ напрягалъ всѣ свои усилія [1]). Къ той же цѣли стремился графъ Бейстъ, который телеграфировалъ австрійскому послу въ Константинополѣ барону Прокешу-Остену, что онъ предложилъ лондонскому кабинету преподать сэру Эллiоту, чтобы онъ воспрепятствовалъ тайному соглашенію между Россіею и Турціею, которое, по свѣдѣніямъ Бейста, на пути къ осуществленію [2]). Сэру Эллiоту приписывалась еще мысль о привлеченіи всѣхъ державъ къ договору, заключенному 15-го апрѣля 1856 г. Австріей, Англіей и Франціей съ Турціей, которымъ первыя три державы поручились за независимость и неприкосновенность владѣній послѣдней. Въ виду того, что Франція была ослаблена войной съ Пруссіей, то могла возникнуть мысль о восполненіи тѣхъ силъ, которыя утратились вслѣдствіе погрома 1870 г. Сэръ Эллiотъ, озабочиваясь усиленіемъ положенія Англіи, имѣлъ въ виду возможность требованія Россіею возврата ей обратно части Бессарабіи, уступленной Молдавіи. Но эта мысль объ обновленіи договора 15-го апрѣля 1856 г. осталась безъ всякаго осуществленія [3]).

Изъявивъ свое согласіе на участіе въ конференціи, Порта поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы предметомъ обсужденія были только тѣ статьи Парижскаго договора, отмѣны которыхъ требовала Россія [4]). Что же ка-

---

[1]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2252, dép. $\frac{\text{23 novembre}}{\text{6 décembre}}$ № 295.

[2]) 1870. Londres. IV. Exp. № 259, dép. chiffrée 2/14 décembre.

[3]) 1870. Londres. III. Réc. № 2326, dép. 8/20 décembre № 118. IV. Exp. № 286, tél. $\frac{\text{23 décembre}}{\text{5 janvier}}$. 1870. Constantinople. V. Réc. № 2386, dép. 15/27 décembre № 318. 1871. Constantinople. I. Réc., lettre $\frac{\text{29 décembre}}{\text{10 janvier}}$. 1871. Rome. Réc. № 105, dép. 13/25 janvier.

[4]) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2252, dép. $\frac{\text{24 novembre}}{\text{6 décembre}}$ № 295. Réc. № 2253, dép. $\frac{\text{24 novembre}}{\text{6 décembre}}$ № 296. VI. Réc. tél. 18/30 novembre.

сается того равномѣрнаго возмѣщенія, или эквивалента, на которое намекнулъ султанъ во время аудіенціи, данной имъ генералъ-адъютанту Игнатьеву, то въ бесѣдахъ съ турецкимъ посломъ Рустемъ-беемъ князь Горчаковъ, напирая на то, что только сближеніемъ съ Россіею Турція могла освободиться отъ тяготѣвшей надъ ней опеки западныхъ державъ, сказалъ послу, что эквивалентъ найденъ и существовалъ не со вчерашняго дня. «Уже много лѣтъ, говорилъ князь Горчаковъ, мы не переставали твердить христіанскимъ народностямъ подъ владычествомъ султана, чтобы онѣ терпѣли, довѣряясь добрымъ намѣреніямъ своего государя. Наши совѣты способствовали успокоенію востока. Кромѣ того, уже съ годъ мы предложили начало невмѣшательства во внутреннія смуты Турціи, обязавшись держаться этого принципа, если остальныя державы примутъ его также къ руководству своихъ дѣйствій [1]). «Относительно эквивалента, которымъ Порта желала замѣнить отжившее начало нейтрализаціи Чернаго моря, Рустемъ-бей высказалъ князю Горчакову [2]) свое мнѣніе, которое онъ сообщилъ великому визиру. Онъ настаивалъ на строгомъ соблюденіи древняго правила оттоманской имперіи—о безусловномъ закрытіи проливовъ. Онъ полагалъ, что предоставленіе Портѣ открывать ихъ, по ея усмотрѣнію, было бы опаснымъ для нея, такъ какъ она бы подвергалась постояннымъ домогательствамъ державъ на пропускъ ихъ военныхъ судовъ въ Черное море. По его мнѣнію Портѣ было бы предпочтительнѣе отстранить отъ себя возможность такихъ назойливыхъ требованій, слѣдовало удовлетворить желаніе, заявленное государемъ, и не дѣлать никакихъ другихъ измѣненій въ положеніи вещей.

За это время вопросъ о проливахъ и о признаніи Чернаго моря закрытымъ или открытымъ постоянно обсуждался въ перепискѣ князя Горчакова. Императорскій посланникъ въ Берлинѣ предлагалъ [3]) ему сообщить графу Бисмарку, находившемуся въ Версалѣ въ переговорахъ съ Одо Росселемъ, наше согласіе на признаніе Чернаго моря откры-

---

[1]) 1870. Londres. V. Exp., lettre secrète 14/26 novembre. 1870. Constantinople. VII. Exp. lettre $\frac{25 \text{ novembre}}{7 \text{ décembre}}$.

[2]) 1870. Londres. V. Exp., lettre 19/31 décembre.

[3]) 1870. Berlin. Réc., tél. 7/19 novembre.

*

тымъ и тѣмъ склонить Англію на нашу сторону. Отвѣтивъ посланнику Убри [1]), что вопросъ объ открытіи Чернаго моря переданъ на исключительное усмотрѣніе барона Бруннова, канцлеръ напомнилъ послѣднему [2]), что онъ самъ въ 1855 г. предложилъ конференціи въ Вѣнѣ передать ключи отъ проливовъ султану, предоставивъ ему ихъ открывать, какъ ему заблагоразсудится. По мнѣнію Бруннова замѣна ограничительныхъ постановленій выгодой въ нашу пользу могла быть произведена мирнымъ путемъ только посредствомъ объявленія Чернаго моря открытымъ. Но въ то время такое предложеніе, сдѣланное нами, было бы встрѣчено въ Лондонѣ и въ Константинополѣ съ недовѣріемъ и преднамѣреннымъ сопротивленіемъ. Оттоманское правительство въ особенности возстало бы противъ такого предложенія, такъ такъ закрытіе проливовъ составляло коренное правило турецкой политики. Порта отказалась бы отъ него только подъ давленіемъ Англіи. Почему баронъ Брунновъ полагалъ оставить возбужденіе означеннаго вопроса въ рукахъ канцлера [3]). Въ виду этихъ соображеній барона Бруннова князь Горчаковъ поручилъ ему предоставить возбужденіе вопроса объ открытіи Чернаго моря на усмотрѣніе лорда Гранвиля. Такимъ образомъ мы не принимали на себя почина въ объявленіи Чернаго моря открытымъ, а если бы эта мѣра была предложена Гранвилемъ, мы изъявляли свое согласіе, но не настаивали на ней особенно. Доводами въ оправданіе такого образа дѣйствій князь Горчаковъ выставилъ: 1) нерасположеніе, съ которымъ было бы встрѣчено предложеніе этого рода, сдѣланное съ нашей стороны; 2) желаніе не обижать напрасно Порты, которая вела себя благонамѣренно въ отношеніи къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы быть непріятнѣе султану, какъ проходъ мимо его дворца военныхъ судовъ всего свѣта? [4]) Но при этомъ князь Горчаковъ замѣчалъ, что въ случаѣ предложенія Англіей признанія Чернаго моря открытымъ,

---

[1]) 1870. Londres. V. Exp., lettre part. 8/20 novembre.

[2]) 1870. Londres. IV. Exp. № 248; dép. $\frac{22 \text{ novembre}}{3 \text{ décembre}}$.

[3]) 1870. Londres. II. Réc. № 2177 (b), dép. 16/28 novembre.

[4]) 1870. Londres. IV. Exp. № 248, dép. $\frac{22 \text{ novembre}}{4 \text{ décembre}}$. 1870. Londres. II. Réc. № 2238, dép. $\frac{25 \text{ novembre}}{7 \text{ décembre}}$ № 113.

это признаніе должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ открытіе проливовъ для прохода военныхъ судовъ всѣхъ націй изъ Чернаго моря въ Средиземное и обратно [1]). По словамъ Гранвиля, высказывались дѣйствительно мнѣнія объ открытіи Чернаго моря, но самъ онъ не былъ увѣренъ, насколько Порта была бы готова отказаться отъ своего древняго правила [2]). Великій визиръ, однако, выражалъ свое предпочтеніе его сохраненію, соглашаясь, въ случаѣ настоянія Европы, признавать Черное море открытымъ, но съ тѣмъ, чтобы султанъ владѣлъ ключами отъ проливовъ, т.-е. сохранилъ бы право запрещать входъ въ турецкія воды въ случаяхъ, имъ однимъ предусмотрѣнныхъ [3]).

Вѣнскій кабинетъ предлагалъ закрытіе проливовъ съ предоставленіемъ султану права открывать ихъ въ случаѣ призыва на помощь. Разсматривая это предложеніе, князь Горчаковъ писалъ [4]), что по его мнѣнію такой призывъ едва ли вѣроятенъ, такъ какъ султану врядъ ли пріятно смотрѣть изъ своего дворца на проходъ иностранныхъ эскадръ. Относительно того же австрійскаго предложенія императорскій посланникъ въ Вѣнѣ Новиковъ замѣтилъ [5]), что наравнѣ съ предоставленіемъ султану, въ видѣ исключительной мѣры въ случаѣ грозящей ему опасности, допускать иностранныя военныя суда въ проливы, должно быть предоставлено по взаимности Россіи, какъ державѣ прибрежной къ Черному морю, пользованіе, каждый разъ для себя самой, тѣмъ факультативнымъ правомъ, которое признано за Портою «Но если бы, продолжалъ Новиковъ, Англія вздумала предоставить въ настоящее время султану произвольное открытіе проливовъ судамъ одной державы и недопущеніе судовъ другой, если бы, напр. великобританской эскадрѣ, было разрѣшено пройти въ Синопъ или Трапезундъ, то въ такомъ случаѣ Черное море, открытое для нашихъ враговъ, осталось бы закрытымъ для

---

1) 1870. Londres. V. Exp., lettre part. 4/10 décembre.

2) 1870. Londres. II. Réc. № 2237, dép. $\frac{25\ \text{novembre}}{7\ \text{décembre}}$ № 112. Réc. № 2360 dép. 12/24 décembre № 122.

3) 1870. Constantinople. V. Réc. № 2253, dép. $\frac{24\ \text{novembre}}{6\ \text{décembre}}$ № 296.

4) 1870. Londres. V. Exp., lettre 4/16 décembre.

5) 1870. Vienne. II. Réc. № 2352, dép. 15/27 décembre № 89.

насъ. Я не сомнѣваюсь, что и Австрія и Италія, которымъ наравнѣ съ Англіею выгодно не допускать нашихъ судовъ въ Адріатическое море, присоединятся къ такому предложенію Англіи».. Иными словами посланникъ Новиковъ высказывалъ, что факультативному праву Порты пропускать иностранныя военныя суда въ Черное море должно, по началамъ взаимства, соотвѣтствовать такое же право Россіи на выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное.

Взглядъ Порты на вопросъ о проливахъ и о Черномъ морѣ опредѣлился точнѣе въ инструкціи, которою Аали-паша снабдилъ турецкаго посла въ Лондонѣ Муссуруса-пашу, назначеннаго уполномоченнымъ Порты на Лондонской конференціи. «Если державы, говорится въ инструкціи [1]), согласились бы сохранить настоящее положеніе, то такое рѣшеніе было бы самымъ пріятнымъ для Порты. Но такъ какъ нельзя себѣ представить, чтобы Россія отреклась отъ своего заявленія по собственному почину, принужденіе же ея къ такому отреченію немыслимо со стороны одной Турціи, за неимѣніемъ у нея достаточныхъ средствъ, а въ союзѣ съ западными державами въ виду слишкомъ большихъ жертвъ, которыхъ бы онѣ потребовали отъ Турціи, то остается удовлетворить домогательство Россіи. Но за отмѣной начала нейтрализаціи Чернаго моря, Порта должна получить равномѣрное возмѣщеніе, заключающееся въ признаніи за султаномъ полнаго верховенства надъ проливами Босфора и Дарданеллъ. Въ отмѣну конвенціи 1841 г., онъ воленъ пользоваться своими преимуществами въ мирное и военное время безъ всякаго вмѣшательства какой-либо державы. Обладая свободнымъ распоряженіемъ ключами къ проливамъ, султанъ сохраняетъ начало ихъ закрытія въ мирное время, но оставляетъ за собою, въ видѣ исключительной и временной мѣры, право открывать Босфоръ и Дарданеллы судамъ и даже эскадрамъ тѣхъ державъ, которыя онъ считаетъ нужнымъ призвать всякій разъ, когда онъ признаетъ это умѣстнымъ и полезнымъ, причемъ ни одна изъ державъ не имѣетъ права дѣлать какія либо возраженія по сему предмету. «Упомянувъ далѣе, что плаваніе въ

---

[1]) 1870. Constantinople. V. Réc. dép. 8/20 décembre № 317. V. Réc. № 2386, dép. 15/27 décembre № 318. 1871. Constantinople. I. Réc. № 24, dép. 29 décembre / 10 janvier № 334.

Черномъ морѣ разрѣшалось только военнымъ судамъ Россіи и Турціи, за исключеніемъ легкихъ сторожевыхъ судовъ, инструкція не допускала открытія западнымъ державамъ морскихъ станцій на турецкомъ берегу. Она предвидѣла тотъ случай, если бы возникло предложеніе о провозглашеніи свободы прохода черезъ проливы. Такому предложенію Муссурсъ долженъ былъ противиться всѣми средствами, такъ какъ Порта не могла допустить открытіе Чернаго моря, ни свободнаго прохода черезъ проливы.

Сообщая означенную инструкцію, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ полагалъ, что гарантія, требуемая Портою въ видѣ закрытія проливовъ, являлась совершенно достаточной для ея защиты, въ виду того, что оттоманскій флотъ представлялъ значительную силу, въ особенности подъ командою иностранныхъ офицеровъ. Укрѣпивъ проливы, Порта почти не нуждалась въ посторонней помощи. Относительно содержанія инструкціи Муссуруса князь Горчаковъ писалъ [1]), что права, выговоренныя себѣ султаномъ на свободное распоряженіе проливами, съ оговоркою о возможности призыва иностраннаго флота на помощь въ случаѣ нужды, были признаны султаномъ въ предложеніи, которое князь Горчаковъ сдѣлалъ на конференціи въ Вѣнѣ въ 1855 г. Князь бы предпочелъ, чтобы Порта сама не возобновляла этого предложенія, такъ какъ она обнаруживала нѣкоторое недовѣріе къ намъ. «Но это замѣчаніе,—писалъ князь Горчаковъ барону Бруннову.—имѣетъ только психологическое и нравственное значеніе. Самой идеѣ вы уже уполномочены не противиться. Я думаю однако, что въ редакціи слѣдовало бы не упоминать національности тѣхъ эскадръ, которымъ султанъ открылъ бы по своему усмотрѣнію доступъ къ проливамъ: можно было бы употребить коллективное выраженіе: эскадры иностранныя или дружескія. Это бы не исключило возможности призыва нашего флота, какъ во времена султана Махмуда»

Съ своей стороны баронъ Брунновъ изучалъ вопросъ о томъ, чѣмъ замѣнить нейтрализацію Чернаго моря. Онъ вспоминалъ оба предложенія, сдѣланныя княземъ Горчаковымъ на конференціи въ Вѣнѣ объ открытіи проливовъ подъ извѣстными условіями, обезпечивавшими безопасность

[1]) 1870. Londres. V. Exp., lettre part. 11/23 décembre.

Турціи, и о закрытіи тѣхъ же проливовъ, съ предоставленіемъ султану возможности призывать иностранныя военныя суда къ себѣ на помощь въ случаѣ грозившей ему опасности. Брунновъ писалъ [1]): «картина теперь не измѣнилась (le cadre est resté le même). Затрудненія къ открытію представляются тѣми же, они двухъ родовъ: 1) къ первому роду относится то, которое явно признается, это отвращеніе султана къ такой мѣрѣ, на что настаиваетъ Гранвиль; 2) ко второму роду слѣдуетъ причислить не высказываемое, но тайное и врожденное чувство зависти и недовѣрія, которое ощущаютъ англичане при мысли о возможности прохода русскаго флота изъ Чернаго моря въ Средиземное. Въ этомъ заключается непреодолимое препятствіе къ открытію проливовъ». Почему баронъ Брунновъ находилъ осуществимымъ только начало ихъ закрытія, съ предоставленіемъ султану возможности призывать на помощь иностранныя суда.

V.

Соглашеніе о порядкѣ совѣщаній на конференціи. Проектъ протокола объ обязательномъ соблюденіи державами постановленій договоровъ, въ которыхъ онѣ участвовали. Измѣненія въ этомъ проектѣ, совершенныя по настоянію князя Горчакова.

Мы оставили барона Бруннова занятымъ подготовительными работами къ конференціи, которая, по мысли князя Горчакова, должна была быть простою, непродолжительною, съ строго опредѣленною задачею, подъ предсѣдательствомъ лорда Гранвиля, которому поручено было бы созвать уполномоченныхъ въ самый короткій срокъ [2]). День открытія конференціи не назначался, такъ какъ не были получены еще извѣстія изъ Тура, но при утвердительномъ отвѣтѣ не встрѣчалось препятствій къ допущенію французскаго уполномоченнаго наравнѣ съ другими. Планъ совѣщанія, выработанный Брунновымъ, былъ одобренъ Гранвилемъ и, по словамъ послѣдняго, встрѣченъ сочувственно

---

[1]) 1870. Londres. II. Réc. № 2259, dép. $\frac{\text{28 novembre}}{\text{10 décembre}}$ № 114.

[2]) 1870. Londres. IV. Exp. № 250, tél. $\frac{\text{27 novembre}}{\text{9 décembre}}$.

уполномоченными Австріи, Пруссіи и Турціи [1]). Но англійскій министръ передалъ послу, что, по заключенію лорда канцлера, никакихъ предварительныхъ совѣщаній уполномоченныхъ не можетъ быть безъ протоколовъ, почему Гранвиль рѣшился открыть первоначально конференцію въ формальномъ засѣданіи и затѣмъ совѣщаться между собою неофиціально внѣ засѣданій. Конференцію предполагалось открыть вступительнымъ словомъ старшины дипломатическаго корпуса турецкаго посла Муссуруса-паши, который бы предложилъ предсѣдательствованіе лорду Гранвилю. Послѣдній бы сказалъ краткую рѣчь и предоставилъ бы слово барону Бруннову, который бы изложилъ цѣль созыва конференціи согласно своей запискѣ (exposé verbal). Въ послѣдней Гранвиль сдѣлалъ нѣсколько поправокъ [2]). Баронъ Брунновъ уже зналъ тогда, что и князь Горчаковъ сдѣлалъ измѣненія въ его проектѣ, которыя не были имъ еще получены. Эти измѣненія очень стѣсняли его передъ Гранвилемъ, котораго онъ щадилъ всѣми силами, вслѣдствіе нападокъ на него со стороны печати и общественнаго мнѣнія. «Его положеніе очень трудно, писалъ баронъ Брунновъ канцлеру [3]). На него злятся за то, что онъ угодилъ намъ такъ поспѣшно, согласился на конференцію; ему дѣлаютъ тотъ упрекъ, что онъ слишкомъ уступчивъ, согласившись внести наши требованія на разсмотрѣніе собранія. Съ нашей стороны, мы заинтересованы въ томъ, чтобы облегчить ему задачу на словахъ съ цѣлью выиграть на дѣлѣ; мы желаемъ пересмотра постановленій о мореплаваніи. Моя маленькая вступительная рѣчь клонится именно къ изложенію этого желанія. Я получилъ одобреніе Гранвиля и устранилъ всѣ несогласія по сему предмету. Я сдѣлаю все возможное, чтобы сохранить это преимущество въ началѣ переговоровъ, потому что намъ очень важно вступить въ конференцію, не возбуждая съ самаго начала пререканій съ предсѣдателемъ даже на словахъ».

Опасаясь, что измѣненія, сдѣланныя княземъ Горчаковымъ въ его словесномъ изложеніи (exposé verbal), не

---

1) 1870. Londres. III. Réc., lettre $\frac{\text{29 novembre}}{\text{11 décembre}}$. V. Exp., lettre part. 1/1 cembre.

2) 1870. Londres. II. Réc. № 2259, dép. $\frac{\text{28 novembre}}{\text{10 décembre}}$ № 114.

3) 1870. Londres. III. Réc., lettre $\frac{\text{29 novembre}}{\text{11 décembre}}$.

будутъ приняты Гранвилемъ, баронъ Брунновъ просилъ канцлера получить разрѣшеніе государя не исправлять своей вступительной рѣчи, если сдѣланныя въ ней поправки вызвали бы пререканія, могущія повредить ходу переговоровъ. Эта просьба была изложена въ письмѣ Бруннова отъ $\frac{\text{29 ноября}}{\text{11 декабря}}$, которое получено было канцлеромъ 3/15-го декабря, а 4-го князь Горчаковъ [1]) сообщилъ послу телеграммой, что ему разрѣшалось воспользоваться составленной имъ запиской (exposé verbal), упомянувъ о добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Россіею и Портою, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему предписывалось сослаться преимущественно на то, что собственное достоинство государя не дозволяло ему допускать ограниченіе его морскихъ силъ. По мнѣнію канцлера, Гранвиль не могъ возражать противъ такого довода, такъ какъ всѣ великія державы имъ бы руководились. Но до полученія этой телеграммы, которая пришла въ Лондонъ 4/16-го декабря. Брунновъ имѣлъ очень горячій споръ съ Гранвилемъ по поводу измѣненій, которыя сдѣлалъ канцлеръ въ запискѣ (exposé verbal) барона Бруннова. Посолъ не сдавался, настаивая на принятіи исправленной редакціи, вслѣдствіе чего Гранвиль телеграфировалъ сэру Бухanану въ С.-Петербургѣ, прося его передать канцлеру, что онъ опасается за исходъ конференціи, если Бруннову не будетъ дано болѣе свободы и простора въ его дѣйствіяхъ. На что канцлеръ замѣтилъ Бухanану [2]), что барону посланы самыя широкія полномочія. Въ объясненіе этого обращенія Гранвиля къ Бухanану, баронъ Брунновъ сообщилъ [3]), что англійскій министръ, найдя его слишкомъ упорно придерживавшимся буквы полученныхъ имъ измѣненій, просилъ дать ему большій просторъ въ редакціи проекта переговоровъ Однако упорство проявлялось барономъ Брунновымъ вполнѣ сознательно и осмысленно.

Одновременно съ разборомъ вышеозначеннаго проекта, при изложеніи котораго возникли пререканія между посломъ и лордомъ Гранвилемъ, послѣдній ему прочелъ ноту,

---

[1]) 1870. Londres. V. Exp. № 260, tél. 4/16 décembre.

[2]) 1870. Londres. IV. Exp. № 252, dép. 28 novembre. Exp. № 263, tél. 6/18 décembre.

[3]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 6/18 décembre.

которою англійское министерство, приглашало уполномоченныхъ на конференцію. «Изложенная слогомъ привычнымъ въ парламентѣ,—пишетъ баронъ Брунновъ [1]),—англійская нота приводитъ всѣ событія, всю дипломатическую переписку, обмѣненную между сторонами до открытія конференціи. Она устанавливаетъ, въ видѣ безусловнаго начала, что мы принимаемъ на себя обязательство ничего не измѣнять въ существующемъ положеніи вещей впредь до изъявленія на то общаго согласія высокими договаривающимися сторонами». По ознакомленіи съ этой нотой Брунновъ сказалъ Гранвилю, что онъ не явится на конференцію, если такое приглашеніе будетъ ему послано, такъ какъ рѣшеніе государя, изложенное въ сообщеніи отъ 19-го октября, уже получило силу закона. Вслѣдствіе твердости, обнаруженной Брунновымъ въ его объясненіяхъ, лордъ Гранвиль, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился предложить совѣту измѣненіе редакціи ноты, которая была обращена въ простое пригласительное письмо. За твердость и настойчивость, обнаруженную Брунновымъ въ этомъ случаѣ, онъ получилъ высочайшее одобреніе, при чемъ ему было сообщено [2]) канцлеромъ, что такъ какъ его проектъ записки и исправленія, сдѣланныя въ немъ канцлеромъ, являлись лишь набросками словеснаго изложенія обстоятельствъ на конференціи, то онъ не долженъ былъ стѣсняться въ выборѣ выраженій и ему предоставлялась полная свобода въ этомъ отношеніи.

Между Брунновымъ и Гранвилемъ было установлено, что первое засѣданіе будетъ открыто Муссурсомъ-пашой, за нимъ будетъ говорить Гранвиль; проектъ его рѣчи, исправленный Брунновымъ, начинался общими выраженіями благодарности собранію за порученіе ему предсѣдательствованія. Затѣмъ слѣдовало указаніе на цѣль конференціи, единогласно принятой державами и созванной для разсмотрѣнія безъ всякой задней мысли и для обсужденія съ полною свободою предложеній, которыя Россія желала сдѣлать державамъ по отношенію къ испрашиваемому ею

---

[1]) 1870. Londres. II. Réc. № 2323, dép. 8/20 décembre № 115. III. Réc. tél. 6/18 décembre.

[2]) 1870. Londres. IV. Exp. № 264, tél 7/19 décembre. Exp. № 276, tél. 15/27 décembre.

пересмотру постановленій конвенціи о Черномъ морѣ, вошедшей въ составъ договора 1856 г. «Это единодушіе,— говоритъ Гранвиль, служитъ блестящимъ доказательствомъ того, что державы изъявляютъ полное согласіе на то, что для соблюденія началъ международнаго права необходимо, чтобы каждая держава сообщала (communique, вмѣсто soumette, повергла, какъ стояло въ проектѣ Гранвиля) другимъ договаривающимся сторонамъ, всякое ходатайство объ освобожденіи (toute demande de se dégager, вмѣсто toute demande de se soustraire, т.-е. объ уклоненіи, какъ стояло у Гранвиля) отъ договора или объ измѣненіи его постановленій и что онѣ рѣшились на сохраненіе этого начала при всякихъ случайностяхъ». Затѣмъ Гранвиль заканчивалъ свою рѣчь готовностью разсмотрѣть сдѣланныя предложенія въ духѣ безпристрастія и примиренія и съ тѣмъ уваженіемъ, на которое имѣли право по ихъ достоинству оба наиболѣе заинтересованныхъ государства. Кромѣ сдѣланныхъ поправокъ баронъ Брунновъ замѣтилъ Гранвилю, что пересмотръ касался не одной особой конвенціи о Черномъ морѣ, но и постановленія договора, заключающаго признанія этого моря нейтральнымъ. Гранвиль обѣщалъ исправить свой проектъ въ этомъ смыслѣ [1]). Въ первомъ засѣданіи Гранвиль предполагалъ представить къ подписанію уполномоченныхъ протоколъ слѣдующаго содержанія [2]): «Уполномоченные пришли къ соглашенію на счетъ того, что для сохраненія началъ международнаго права необходимо, чтобы каждая держава сообщала другимъ договаривающимся сторонамъ всякое ходатайство объ освобожденіи отъ обязательствъ договора или объ измѣненіи его постановленій и они объявляютъ, что представляемыя ими державы рѣшились въ каждомъ случаѣ соблюдать это правило».

Баронъ Брунновъ сказалъ Гранвилю, что онъ подпишетъ такой протоколъ только съ высочайшаго разрѣшенія. По докладѣ государю князь Горчаковъ разрѣшилъ Бруннову подписать этотъ актъ съ тѣмъ, чтобы заключавшееся въ немъ правило не имѣло обратнаго дѣйствія, при чемъ

[1]) 1870. Londres. II. Réc. № 2324, dép. 8/20 décembre № 116. III. Réc. tél. 6/18 décembre.

[2]) 1870. Londres. III. Réc. tél. 6/18 décembre.

канцлеръ добавилъ, что это начало безусловно правильно и что оно въ будущемъ окажетъ намъ большую пользу, что же касается прошедшаго, то совѣсть другихъ государствъ отягощена гораздо болѣе нашей, такъ какъ мы только въ первый разъ нарушили вышесказанное правило и то по принужденію [1]. «Безъ сомнѣнія, писалъ князь Горчаковъ, этотъ протоколъ придуманъ англійскими министрами для удовлетворенія своего самолюбія и для самозащиты противъ нападокъ въ парламентѣ» [2]. По сообщеніи проекта протокола графу Бисмарку, онъ, одобривъ самое начало, заключавшееся въ актѣ и содержаніе акта, разрѣшилъ графу Бернсторфу его подписать [3]. Лордъ Гранвиль былъ очень обрадованъ тѣмъ, что Бруннову разрѣшалось утверждать своею подписью означенный протоколъ, который, по увѣренію англійскаго министра, не будетъ имѣть обратнаго дѣйствія: равнымъ образомъ Гранвиль обѣщалъ русскому послу, что онъ не допуститъ на конференціи возбужденія вопроса объ ограниченіи числа русскихъ судовъ въ Черномъ морѣ согласно предполагавшемуся заявленію Австріи [4]. Но и при редактированіи этого протокола, очевидно направленнаго противъ Россіи, австрійцы не упустили случая проявить свое чувство вражды къ намъ. По свѣдѣніямъ императорскаго посланника Новикова [5], графъ Аппони еще до сношенія съ Вѣной нашелъ, что проектъ означеннаго протокола изложенъ въ слишкомъ умѣренныхъ выраженіяхъ. Впослѣдствіи графъ Бейстъ открещивался отъ такой мысли, увѣряя, что она принадлежала исключительно графу Аппони. «Это возможно, писалъ князь Горчаковъ, но не вѣроятно; но что вѣрно, это то, что измѣненіе протокола было ложно приписано графу Бисмарку, очевидно преднамѣренно: графъ же Бернсторфъ дѣйствительно согласился на новую редакцію протокола» [6].

---

[1]) Доклады, 7-го декабря. 1870. Londres. IV. Exp. № 266, tél. 7/19 décembre.

[2]) 1870. Berlin. Exp., lettre 10/22 décembre.

[3]) 1870. Londres. III. Réc. tél. 10/22 décembre.

[4]) 1870. Londres. II. Réc. № 2361, dép. 12/24 décembre № 123.

[5]) 1871. Vienne. I. Réc. № 3, dép. $\frac{\text{30 décembre 1870}}{\text{11 janvier 1871}}$.

[6]) 1871. Vienne. III. Exp., lettre 4/16 janvier.

Вслѣдствіе австрійскихъ происковъ Гранвиль, убоясь упрека въ пристрастіи къ Россіи, уступилъ требованіямъ графа Аппони, къ нимъ присоединился и графъ Бернсторфъ [1]). Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ англійскій министръ предложилъ Бруннову слѣдующую редакцію протокола: «Уполномоченные согласились признать за существенное начало международнаго права то правило, по которому ни одна держава не можетъ ни освободиться отъ договора, ни измѣнить его постановленій, не обратившись предварительно съ своимъ ходатайствомъ о семъ къ другимъ договаривающимся сторонамъ и не получивъ на то ихъ согласія (sans avoir obtenu leur assentiment). Сообщая эту новую редакцію и то, что Пруссія ее приняла, баронъ Брунновъ просилъ указаній канцлера [2]).

Требованіе Гранвиля объ измѣненіи редакціи протокола, предложенной имъ самимъ и одобренной государемъ къ немалому удовольствію англійскаго министра, очень поразило канцлера. «Мы согласились, писалъ онъ, на то, о чемъ насъ просили. Чего же еще отъ насъ хотятъ? Вторая редакція содержитъ измѣненія первоначальнаго проекта, которыя требуютъ размышленія. Кромѣ того, что принятіе ихъ походило бы на излишнюю приниженность, но они бы привели къ такимъ заключеніямъ, какія до сей поры никогда не допускались въ переговорахъ между кабинетами, а именно къ подчиненію большинству голосовъ. Въ настоящее время не предвидится образованіе большинства противъ насъ, но если допустить всякія случайности, даже самыя невозможныя, а именно, что конференція, по большинству голосовъ, признаетъ начало ограниченія верховныхъ правъ государя, то мы ни въ какомъ случаѣ этому бы не подчинились и на свой страхъ оставили бы въ силѣ рѣшеніе государя». Почему, барону Бруннову предписывалось настоять на сохраненіи уже принятой нами редакціи протокола, а если бы онъ не могъ этого достигнуть, то измѣнить конецъ новаго проекта словами: «не сообщивъ о семъ другимъ договаривающимся сторонамъ и не попытавшись достигнуть соглашенія съ ними по сему предмету (sans avoir cherché à établir une entente). При чемъ князь

---

[1]) 1870. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{20 décembre}}{\text{1 janvier}}$. 1870. Доклады, 21-го декабря.

[2]) 1870. Londres. III. Réc., tél. 17/29 décembre.

Горчаковъ прибавлялъ, что протоколъ не могъ имѣть обратнаго дѣйствія и заключалъ, что, какъ ему казалось, провозглашеніе этого начала, какъ правила международнаго, должно было быть сдѣлано по окончаніи работъ конференціи, а не предшествовать имъ [1]). Очевидно, что канцлеръ опасался, что провозгласивъ это правило на первомъ засѣданіи конференціи, правило собственно говоря общеизвѣстное, вытекающее изъ существа обязательственнаго права примѣняемаго и въ гражданскомъ быту и въ сферахъ международныхъ отношеній,—собраніе не отклонило нашихъ домогательствъ, какъ заявленныхъ въ противность этого правила. Хотя Гранвиль увѣрялъ, что никѣмъ не могло быть сдѣлано заявленіе объ обратномъ его дѣйствіи, но опытъ показывалъ, что наши враги не брезгали никакими средствами, чтобы нанести Россіи если не матеріальный, то нравственный вредъ. Въ виду этихъ соображеній князь Горчаковъ предпочиталъ, чтобы разсужденіе объ этомъ правилѣ произошло въ концѣ конференціи по удовлетвореніи нашихъ требованій. Но лордъ Гранвиль, не внемля настояніямъ барона Бруннова, не согласился отложить обсужденіе теоретическаго вопроса на конецъ собранія, такъ какъ онъ, министръ, долженъ былъ доказать парламенту, что онъ прежде всего стремился соблюсти общія начала международнаго права и затѣмъ допустилъ обсужденіе вопроса по существу. Равнымъ образомъ, Гранвиль отказался сохранить первую редакцію протокола, согласившись на требованіе, полученное графомъ Аппони изъ Вѣны объ усиленіи выраженій этой редакціи.

Доводя до свѣдѣнія канцлера о такомъ рѣшеніи англійскаго министра и присовокупляя, что онъ предвидѣлъ возраженія, которыя сдѣлалъ князь на редакцію второго протокола, баронъ Брунновъ предлагалъ просить объ отсрочкѣ перваго засѣданія, уже назначеннаго на $\frac{\text{3-е января}}{\text{22-е декабря}}$, въ виду недостатка времени для установленія редакціи въ выраженіяхъ, которыя министерство могло бы принять. Кромѣ того Брунновъ опасался остаться на первомъ засѣданіи въ одиночествѣ при особомъ мнѣніи, такъ какъ графъ Бернсторфъ принялъ вторую редакцію, предложенную Гранви-

[1]) 1870. Londres. IV. Exp. № 279, tél. 18/30 décembre. V. Exp. lettre 19/31 décembre.

лемъ [1]). Но откладывать засѣданія конференціи не было въ разсчетахъ канцлера, такъ какъ желательно было, чтобы она кончила свои работы до парламентской сессіи въ Лондонѣ, открываемой въ началѣ февраля и всякое промедленіе могло повліять на исходъ конференціи неблагопріятный для Россіи. Почему князь Горчаковъ телеграфировалъ послу, что отсрочка засѣданія не допустима и что онъ, Брунновъ, можетъ согласиться и на всякую редакцію протокола, лишь бы она не предполагала подчиненія большинству голосовъ, начала не примѣнимаго въ переговорахъ между великими державами [2]). Затѣмъ необходимо было образумить графа Бернсторфа, который вышелъ изъ подчиненія, не смотря на то, что Бисмаркъ увѣрилъ князя Горчакова, что германскому уполномоченному на конференціи предписано дѣйствовать за одно съ русскимъ, между тѣмъ какъ графъ Бернсторфъ, одобривъ, съ разрѣшенія графа Бисмарка, первый проектъ протокола, перешелъ въ лагерь австрійцевъ и примкнулъ ко второй редакціи. Князь Горчаковъ прибѣгъ къ радикальной мѣрѣ. Онъ по докладѣ государю поручилъ прусскому посланнику князю Рейссу довести до свѣдѣнія Бисмарка о поведеніи Бернсторфа, напомнивъ ему его обѣщаніе, что послѣдній будетъ поддерживать на конференціи нашего уполномоченнаго. Въ этомъ же докладѣ князь Горчаковъ высказалъ, что Брунновъ, предугадавъ тѣ возраженія, которыя были сдѣланы въ С.-Петербургѣ на редакцію второго протокола, долженъ былъ на мѣстѣ ихъ заявить, а не прижимать насъ къ стѣнѣ наканунѣ конференціи (au lieu de nous acculer à la veille de la conférence) [3]). Къ счастію барона Бруннова ея засѣданіе подлежало отсрочкѣ въ виду неприбытія французскаго уполномоченнаго Фавра и не полученія ни Муссурсомъ-пашой, ни кавалеромъ Кадорной инструкцій и полномочій.

«Если бы засѣданіе не было отложено, сообщалъ Брун-

---

[1]) 1870. Londres. II. Réc. № 339, dép. 12/24 décembre № 121. III. Réc., tél. $\frac{\text{20 décembre}}{\text{1 janvier}}$. 1871. Constantinople. I. Rec., lettre part. 5/17 janvier. 1871 Berlin. V. Exp. № 6, lettre 5/17 janvier.

[2]) 1870. Londres. IV. Exp. № 281, dép. $\frac{\text{21 décembre}}{\text{2 janvier}}$.

[3]) 1870. Доклады, 21-го декабря.

новъ [1]), я бы не явился на конференцію, такъ какъ я не подпишу никакого протокола безъ особаго разрѣшенія». Заканчивалъ онъ свое сообщеніе тѣмъ, что Гранвиль не раздѣлялъ возраженія князя Горчакова противъ слова «assentiment» (согласіе). Иными словами Гранвиль не видѣлъ въ этомъ выраженіи понятія подчиненія большинству, противъ котораго такъ ополчился князь Горчаковъ. Германскій канцлеръ сдержалъ свое слово. Графу Бернсторфу было предписано принять первую редакцію протокола, о чемъ онъ заявилъ Гранвилю вмѣстѣ съ Брунновымъ [2]). Но и послѣднему князь Горчаковъ счелъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе на его заявленіе, что онъ не подпишетъ никакого протокола безъ особаго разрѣшенія. Въ докладѣ [3]) государю канцлеръ изложилъ, что если Брунновъ будетъ постоянно обращаться за разрѣшеніемъ, то и другіе уполномоченные прибѣгнутъ къ той же мѣрѣ и конференція продолжится до безконечности. Это такъ удобно отрѣшаться отъ всякой тѣни отвѣтственности.

Посему Бруннову было замѣчено [4]), что его намѣреніе не подписывать протоколовъ безъ разрѣшенія только замедлитъ ходъ дѣла, оно не соотвѣтствовало волѣ государя, ни довѣрію, которое онъ имѣлъ въ знаніи и опытности посла. Послѣдній, располагая самыми обширными полномочіями, долженъ былъ держаться не буквы замѣчаній, сдѣланныхъ въ редакціи протокола, а ихъ разуму. Что же касается слова «assentiment» (согласіе), которое иначе толковалъ Гранвиль, то такого слова не имѣлось въ перепискѣ его, канцлера. Если же Гранвиль разумѣлъ подчиненіе большинству, то онъ, канцлеръ, не могъ допустить такого начала. Въ заключеніе князь Горчаковъ высказывалъ Бруннову свою увѣренность въ томъ, что посолъ готовъ съ нимъ раздѣлить отвѣтственность въ такомъ

---

[1]) 1870. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{21 décembre}}{\text{2 janvier}}$.

[2]) 1870. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{22 décembre}}{\text{3 janvier}}$. IV. Exp. № 282, dép. $\frac{\text{22 décembre}}{\text{3 janvier}}$. 1871. Vienne. III. Exp., lettre 4/16 janvier. 1871. Berlin. I. Réc., lettre 9/21 Janvier.

[3]) 1870. Доклады, 22-го декабря.

[4]) 1870. Londres. IV. Exp. № 283, dép. $\frac{\text{22 décembre}}{\text{3 janvier}}$. Exp. № 285, tél. $\frac{\text{23 décembre}}{\text{3 janvier}}$.

важномъ дѣлѣ, «car les hautes positions impliquent rigoureusement cette éventualité [1])».

Въ виду того, что было невозможно согласовать мнѣнія уполномоченныхъ относительно обѣихъ редакцій протокола, лордъ Гранвиль, во избѣжаніе того, чтобы не состоялось первое засѣданіе конференціи, предложилъ сдѣлать измѣненія во второй редакціи. Вмѣсто словъ: «не обратившись предварительно съ своимъ ходатайствомъ о семъ къ другимъ договаривающимся сторонамъ и не получивъ на то ихъ согласія», Гранвиль предложилъ фразу: «иначе, какъ по согласію договаривающихся сторонъ («qu'à la suite de l'assentiment des parties contractantes»). Брунновъ ему сказалъ, что такъ какъ онъ выразилъ намѣреніе не отступать отъ первой редакціи, то не можетъ примкнуть къ предлагаемымъ измѣненіямъ иначе, какъ съ разрѣшенія своего правительства [2]).

Изъ послѣдовавшихъ сношеній между обоими кабинетами по поводу редакціи протокола, сношеній, въ которыхъ принялъ участіе и англійскій посолъ сэръ А. Бухананъ, выяснилось, что князь Горчаковъ, отвергая начало подчиненія большинству, исключалъ изъ редакціи выраженіе «assentiment» (согласіе), но старался выгородить на всякій случай наши дѣйствія по отношенію къ Парижскому трактату ближайшимъ опредѣленіемъ свойствъ того договора, для освобожденія отъ котораго государство должно обратиться къ другимъ государствамъ, его заключившимъ и являющимся сторонами. По мысли князя Горчакова обращеніе съ этою цѣлью къ другимъ обязавшимся сторонамъ должно послѣдовать только по договору, который соблюдался въ полномъ объемѣ, т.-е. не былъ нарушенъ никѣмъ изъ сторонъ. Изъ чего выходило по мысли русскаго канцлера, что договоръ, постановленія котораго были нарушены сторонами, какъ Парижскій договоръ, не требовалъ обращенія къ нимъ отъ государства, рѣшившагося отъ него отступить. Почему князь Горчаковъ предложилъ, что въ редакціи протокола послѣ слова «договора» было прибавлено: «соблюдаемаго во всей неприкосновенности» (observé

---

[1]) Такъ какъ высокія положенія безспорно предполагаютъ возможность этой случайности.

[2]) 1870. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{25 décembre}}{\text{6 janvier}}$.

dans toute son intégrité) [1]). Если это дополненіе возбудило бы затрудненія, то князь Горчаковъ, вмѣсто выраженія «assentiment» (согласіе), предлагалъ заключить конецъ словами: «только послѣ того, какъ была сдѣлана попытка достигнуть соглашенія между договаривающимися сторонами» (qu'après avoir cherché à établir une entente avec les parties contractantes), или же словами: «вслѣдствіе дружескаго соглашенія между договаривающимися державами» (à la suite d'une entente amicale avec les puissances contractantes») [2]). Но лордъ Гранвиль не нашелъ возможнымъ включить слова, опредѣляющія свойства договора, подлежавшаго отмѣнѣ, а именно; «договора, соблюдаемаго во всей его неприкосновенности», такъ какъ противъ этого дополненія возразили бы другіе уполномоченные. Съ другой стороны онъ настаивалъ на сохраненіи слова «assentiment» и предложилъ для заключенія протокола слѣдующій конецъ: «не иначе какъ по согласію договаривающихся сторонъ посредствомъ достигнутаго между ними дружескаго соглашенія (à la suite de l'assentiment des parties contractantes au moyen d'une entente amicale). Въ случаѣ принятія нами этой редакціи Гранвиль обѣщалъ не ожидать болѣе 48 часовъ окончательнаго отвѣта Франціи о присылкѣ уполномоченнаго [3]). Продолженіе этой игры въ слова и выраженія могло затянуть на долго созывъ конференціи, между тѣмъ государь торопилъ открытіе собранія [4]) и Гранвиль спѣшилъ покончить съ назрѣвшимъ вопросомъ до парламентской сессіи, такъ какъ можно было опасаться преній въ палатахъ и вліянія ихъ не въ пользу Россіи на общественное мнѣніе въ Англіи и на рѣшеніе самого правительства, которое дѣйствовало до той поры гораздо разумнѣе англійской печати [5]). Почему князь Горчаковъ телеграфировалъ [6]) Бруннову, что онъ готовъ принять

---

[1]) 1870. Londres. IV. Exp. № 289, tél. $\frac{\text{27 décembre}}{\text{7 janvier}}$.

[2]) 1870. Доклады, 28-го декабря. 1870. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{27 décembre}}{\text{8 janvier}}$. 1870. Londres. IV. Exp. № 292, tél. $\frac{\text{28 décembre}}{\text{9 janvier}}$.

[3]) 1870. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{29 décembre}}{\text{10 janvier}}$; tél. $\frac{\text{26 décembre}}{\text{7 janvier}}$.

[4]) 1870. Londres. IV. Exp. № 287, tél. $\frac{\text{26 décembre}}{\text{9 janvier}}$.

[5]) 1870. Доклады, 28-го декабря.

[6]) 1870. Londres. IV. Exp. № 294, tél. $\frac{\text{30 décembre}}{\text{11 janvier}}$.

послѣднюю редакцію Гранвиля съ тѣмъ, чтобы собраніе было созвано немедленно и переговоры ведены поспѣшно. Но возможность обратнаго дѣйствія протокола очень смущала канцлера, который заключилъ телеграмму словами: «c'est bien positivement entendu que déclaration n'aura pas d'effet rétroactif» (разумѣется, что заявленіе не должно имѣть обратнаго дѣйствія).

Уполномоченный Франціи Жюль Фавръ отказывался воспользоваться уже заготовленнымъ ему въ прусской главной квартирѣ пропускомъ изъ Парижа, не желая, какъ надо было предполагать, участвовать въ конференціи, которая уклонялась отъ разрѣшенія спора Франціи съ Германіей и не склонялась признавать существовавшее во Франціи правительство, по мнѣнію Бисмарка не представлявшее никакого ручательства въ прочности [1]). Вслѣдствіе неприбытія французскаго уполномоченнаго возникалъ вопросъ, какъ оформить рѣшеніе конференціи, въ которой должна была участвовать Франція, какъ держава, подписавшая договоръ 1856 г. Баронъ Брунновъ предлагалъ оставить протоколъ конференціи открытымъ для Франціи, уполномоченный которой могъ его подписать впослѣдствіи. Князь Горчаковъ, соглашаясь на эту форму, указывалъ еще на тождественную декларацію, которую державы, по установившемся между ихъ уполномоченными въ Лондонѣ соглашеніи, обмѣнялись бы другъ съ другомъ и которую можно было бы предложить къ принятію существовавшему французскому правительству. Но противъ этихъ предложеній Гранвиль возражалъ, что постановленія договора не могутъ быть отмѣнены иначе, какъ двустороннимъ актомъ. Почему Брунновъ предложилъ предоставить договаривающимся державамъ превратить впослѣдствіи въ договоръ то, что будетъ между ними постановлено на конференціи въ видѣ протокола. Канцлеръ отмѣтилъ на этой депешѣ Бруннова: «Je ne crois pas», (я не думаю) а за нимъ государь: «ni moi non plus» (и я тоже) и сообщилъ послу, что соглашеніе должно быть окончательнымъ и превращеніе его впослѣдствіи въ договоръ не допустимо [2]).

---

[1]) 1871. Constantinople. I. Réc., lettre part. 5/17 janvier. 1870. Londres. IV. Exp. № 276, tél. 15/27 décembre; № 288, tél. $\frac{\text{26 décembre}}{\text{3 janvier}}$.

[2]) 1870. Londres. II. Réc. № 2237, dép. $\frac{\text{25 novembre}}{\text{7 décembre}}$ № 112. IV. Exp. № 255,

На ходъ переговоровъ въ Лондонѣ по главному предмету, касавшемуся всѣхъ державъ, вліяли частные интересы нѣкоторыхъ изъ нихъ, для поддержки которыхъ ихъ уполномоченные, пользуясь случаемъ, прибѣгали къ сдѣлкамъ между собой. Графъ Бисмаркъ, готовясь къ провозглашенію Германской имперіи, считалъ необходимымъ щадить щекотливость Австріи и старался сгладить неблагопріятное впечатлѣніе, которое произведетъ въ ней объединеніе сѣверной Германіи подъ гегемоніей новаго императора, разными снисхожденіями и уступками на почвѣ переговоровъ въ Лондонѣ.

Отмѣтимъ въ числѣ ихъ присоединеніе уполномоченнаго сѣвернаго германскаго союза графа Бернсторфа, очевидно не безъ вѣдома германскаго канцлера [1]), къ мнѣнію австрійскаго уполномоченнаго графа Аппони объ усиленіи выраженій, направленныхъ противъ Россіи, въ протоколѣ, съ котораго должно было начаться совѣщаніе въ Лондонѣ. Только по настоянію князя Горчакова графъ Бисмаркъ предписалъ германскому посланнику стать на сторону барона Бруннова. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить просьбу графа Бисмарка обращенную къ князю Горчакову черезъ посредство прусскаго посланника князя Рейсса [2]), чтобы мы, въ знакъ особой любезности, не противились австрійскому предложенію о преобразованіи европейской коммиссіи на Дунаѣ въ постоянную въ виду общихъ торговыхъ международныхъ выгодъ. Князь Горчаковъ отвѣтилъ Рейссу, что онъ не будетъ противиться продленію полномочій европейской коммиссіи, но что онъ не усматривалъ никакой связи между этимъ вопросомъ и главнымъ предметомъ занятій конференціи. Послѣдняя была созвана исключительно для разрѣшенія нашихъ домогательствъ, какъ въ этомъ было условлено съ Портой. Почему князь Горчаковъ требовалъ, чтобы наше ходатайство получило сперва удовлетвореніе, а затѣмъ отъ воли собранія будетъ зависѣть передать вопросъ о судоходствѣ на Дунаѣ другой конфе-

---

tél. $\frac{\text{30 novembre}}{\text{12 décembre}}$. 1870. Londres. II. Réc. № 2325, dép. 8/20 décembre № 117. IV. Exp. № 272, tél. 13/25 décembre.

[1]) 1870. Berlin. V. Exp. № 6, lettre 5/17 janvier.

[2]) 1870. Londres. V. Exp., lettre $\frac{\text{30 décembre}}{\text{11 janvier}}$. 1871. Berlin. I. Réc., lettre 3/15 janvier, lettre 9/21 janvier.

ренціи, отдѣльно созванной по сему предмету [1]). Но и самъ Гранвиль, въ виду предъявляемаго имъ доброжелательства къ намъ, думалъ воспользоваться случаемь, чтобы выторговать отъ насъ для Англіи какую либо выгоду. Онъ спросилъ у Бруннова, не предоставитъ ли Россія льготу англичанамъ въ Черномъ морѣ по каботажному плаванію. Посолъ отвѣтилъ, что каботажъ разрѣшенъ только русскимъ судамъ, а канцлеръ подтвердилъ барону Бруннову, что никакія льготы не могутъ быть допущены въ пользу иностранцевъ по этому плаванію [2]).

VI.

Первое засѣданіе конференціи (5/17-го января 1871 г.). Второе засѣданіе (12/24-го января). Проектъ соглашенія разрабатывается на частномъ совѣщаніи. Пререканія между уполномоченными относительно выраженій дружественныя и „неприбрежныя державы“.

Наконецъ, 5/17-го января состоялось первое засѣданіе конференціи безъ участія представителя Франціи Жюля Фавра. Всѣ уполномоченные согласились не подвергать никакому обсужденію рѣшеніе, принятое россійскимъ императоромъ, и подписать протоколъ, касавшійся способа измѣненія международныхъ договоровъ [3]). Турецкій уполномоченный Муссурсъ-паша открылъ засѣданіе, предложивъ собранію избрать предсѣдателемъ лорда Гранвиля, сказавшимъ рѣчь, содержаніе которой уже обсуждалось между нимъ и Брунновымъ и приведено выше. Она заключалась словами: «Единодушіе, съ которымъ всѣ державы приняли приглашеніе на конференцію, служитъ блестящимъ доказательствомъ того, что державы признаютъ существеннымъ началомъ международнаго права то правило, по которому ни одна изъ нихъ не можетъ ни освободиться отъ договора, ни измѣнить его постановленій иначе, какъ по со-

---

[1]) 1870. Londres. IV. Exp. № 294, tél. $\frac{\text{30 décembre}}{\text{12 janvier}}$. V. Exp., lettres $\frac{\text{29 décembre}}{\text{10 janvier}}$ et $\frac{\text{30 décembre}}{\text{11 janvier}}$. 1870. Vienne. I. Réc. № 3, dép. $\frac{\text{30 décembre}}{\text{11 janvier}}$. 1871. Berlin. I. Réc., lettres 3/15 et 9/26 janvier. V. Exp., lettre 5/17 janvier.

[2]) 1871. Londres. III. Réc., tél. 5/17 janvier. IV. Exp., tél. 6/18 janvier.

[3]) 1871. Londres. I. Réc. № 39, dép. 6/18 janvier № 1.

гласію договаривающихся сторонъ, посредствомъ дружескаго соглашенія». Въ удостовѣреніе чего всѣ уполномоченные подписали протоколъ, составленный въ этихъ выраженіяхъ. Послѣ сего баронъ Брунновъ изложилъ конференціи основанія, которыя послужили для его правительства къ предложенію пересмотра нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора. Графъ Бернсторфъ поддержалъ доводы русскаго представителя. Муссурсъ-паша просилъ отложить засѣданіе на нѣсколько дней для ближайшаго ознакомленія съ предложеніемъ Россіи, на что согласился лордъ Гранвиль, который надѣялся на прибытіе Жюля Фавра въ теченіе этого промежутка.

Такимъ образомъ, рѣшеніе государя, коимъ онъ освободился отъ ограничительныхъ постановленій Парижскаго договора было признано всѣми уполномоченными совершившимся фактомъ и устранились опасенія князя Горчакова на счетъ заявленія кѣмъ-либо изъ нихъ объ обратномъ дѣйствіи установленнаго ими правила международнаго права.

Неприбытіе французскаго уполномоченнаго очень затрудняло лорда Гранвиля; но послѣ двухъ совѣщаній совѣтъ министровъ рѣшилъ продолжать засѣданія конференціи безъ участія представителя Франціи. Другое затрудненіе главный секретарь по иностраннымъ дѣламъ выразилъ барону Бруннову, при свиданіи съ нимъ 9/21-го января 1871 г., въ томъ, какими мѣрами, обезпечивающими спокойствіе Турціи и удовлетворяющими англійское народное чувство, замѣнить выгоды, пріобрѣтенныя крымскою войною и купленныя Англіею столь дорогой цѣной. Во время вѣнскихъ конференцій были предложены двѣ системы для охраненія неприкосновенности и независимости Турціи на Черномъ морѣ. Одна, французская, заключалась въ объявленіи его нейтральнымъ; она отжила свой вѣкъ, даже во мнѣніи англичанъ. Другая система, англійская, состояла въ установленіи равновѣсія между русскими и турецкими морскими силами. Эту систему баронъ Брунновъ называлъ въ шутку pique-nique naval, такъ какъ съ нею было связано устройство морской станціи для стоянки военныхъ судовъ западныхъ державъ на турецкомъ берегу Чернаго моря противъ Севастополя. По словамъ лорда Гранвиля австрійцы опять предлагали примѣненіе этой си-

стемы; съ этимъ предложеніемъ прибылъ въ Лондонъ графъ Сеченъ (Szechen) въ помощь графа Аппони. Баронъ Брунновъ доказалъ Гранвилю всю несообразность подобной мѣры, такъ какъ она походила на военное занятіе пункта въ турецкихъ владѣніяхъ, подъ видомъ защиты оттоманской имперіи и противорѣчила началамъ Парижскаго договора. Лордъ Гранвиль согласился съ доводами русскаго посла. Изъ разговора съ графомъ Сеченомъ Брунновъ узналъ, что предполагалось устройство морской станціи въ Синопѣ и что къ занятію этого пункта приглашалась также Италія. Муссурсъ-паша передалъ барону Бруннову, что по полученной имъ инструкціи ему положительно запрещалось соглашаться на занятіе Синопа западными державами.

11/23-го января баронъ Брунновъ вмѣстѣ съ Гранвилемъ работалъ надъ редакціею проекта постановленій о закрытіи проливовъ и о правѣ султана на открытіе ихъ по его усмотрѣнію. Эти постановленія выразились подъ редакціею Бруннова въ слѣдующей формѣ.

Ст. 1. Начало закрытія проливовъ Босфора и Дарданеллъ въ мирное время, установленное безъ всякихъ перемѣнъ (invariablement), какъ древнее правило оттоманской имперіи, и подтвержденное Парижскимъ договоромъ 18/30-го марта 1856 г., остается въ полной силѣ.

Ст. 2. Е. В. Султанъ себѣ предоставляетъ возможность (faculté) открывать, въ видѣ исключительной временной мѣры (à titre d'exception transitoire), проливы Дарданеллъ и Босфора эскадрамъ дружественныхъ державъ, которыя высокая Порта сочла бы необходимымъ призвать, когда бы она нашла свою безопасность поколебленною. «Напрасно пишетъ баронъ Брунновъ [1]), я старался убѣдить Гранвиля принять это выраженіе «дружественныя державы», чѣмъ бы Портѣ былъ данъ просторъ призывать себѣ на помощь морскія силы или прибрежной державы (Россіи), или державъ неприбрежныхъ». Но Гранвиль остался при своемъ мнѣніи и не скрылъ отъ Бруннова, что онъ долженъ былъ держаться выраженія «прибрежныя державы», такъ какъ только этими словами онъ могъ оправдать передъ парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ Англіи тѣ уступки,

---

[1]) 1871. Londres. I. Réc. № 85, dép. 13/25 janvier № 5.

которыя великобританское правительство готово было сдѣлать Россіи касательно отмѣны нѣкоторыхъ статей договора 1856 г Къ этимъ уступкамъ, какъ полагалъ Гранвиль, общественное мнѣніе, несомнѣнно, отнесется очень враждебно. Онъ думалъ сгладить это нерасположеніе тѣмъ, что только прибрежнымъ державамъ будетъ предоставлено преимущество быть призванными на помощь Турціи въ случаѣ угрожавшей ей опасности Въ защиту своего мнѣнія Гранвиль сослался на то, что лондонскій, вѣнскій и флорентінскій кабинеты единогласно примкнули къ нему». Хотя баронъ Брунновъ не успѣлъ убѣдить Гранвиля принять свою редакцію со словами: «дружественныя державы», доводы посла произвели на него нѣкоторое впечатлѣніе, такъ какъ въ тотъ же день, 11/23-го января вечеромъ, баронъ Брунновъ получилъ отъ главнаго секретаря довѣрительное письмо, въ которомъ онъ ему сообщалъ, что, какъ выяснилось изъ продолжительныхъ его переговоровъ съ нѣсколькими уполномоченными, не будетъ сдѣлано предложенія ни о допущеніи въ Черное море извѣстнаго числа военныхъ судовъ въ соотвѣтствіи съ числомъ русскихъ судовъ, ни объ учрежденіи морской станціи судовъ, принадлежащихъ державамъ неприбрежнымъ, если будетъ принята статья, возстановляющая султана въ его верховныя права на проливы. Письмо заключалось словами: «Хотя, очевидно, можно опровергнуть ваше возраженіе на неравенство, происходящее отъ открытія проливовъ державамъ неприбрежнымъ и одновременнаго закрытія ихъ русскимъ судамъ, но мы постарались устранить это возраженіе слѣдующею редакціею проекта: Сохраненіе начала закрытія проливовъ съ предоставленіемъ Портѣ права открывать доступъ къ Черному морю (l'accès de la mer Noire) военнымъ судамъ державъ неприбрежныхъ въ единственномъ случаѣ, если ей покажется, что того требуютъ ея выгоды и безопасность» (au seul cas où ses intérèts et sa sécurité lui sembleraient l'exiger).

На слѣдующій день 12/24 го января было назначено второе засѣданіе конференціи. Явившись въ foreign office до прибытія остальныхъ уполномоченныхъ, баронъ Брунновъ сказалъ Гранвилю, что, не предрѣшая воли государя, которому онъ счелъ долгомъ донести о положеніи, онъ нашелъ въ сообщенной ему Гранвилемъ редакціи двѣ по-

грѣшности: во 1-хъ она напрасно упоминала о доступѣ къ Черному морю, во 2-хъ она заключала слишкомъ неопредѣленныя выраженія, говоря о томъ случаѣ, когда султану покажется, что выгоды и безопасность его побуждаютъ къ открытію проливовъ. Почему баронъ Брунновъ предложилъ слѣдующую редакцію 2-й статьи «Е. В. султанъ въ силу своего верховнаго права на сказанные проливы предоставляетъ себѣ однако возможность (la faculté) ихъ открывать въ видѣ временной исключительной мѣры, когда онъ признаетъ необходимымъ прибѣгнуть къ ней въ интересахъ безопасности своей имперіи»

Въ тотъ же день, 12/24-го января состоялось второе засѣданіе конференціи. на которомъ турецкій уполномоченный сказалъ, что, разсмотрѣвъ предложеніе русскаго, онъ бы желалъ, чтобы оно было точно имъ высказано. Въ виду чего, баронъ Брунновъ прочелъ записку, въ которой, указавъ на незаконченность постановленій Парижскаго договора, касающихся плаванія по Черному морю, на несообразность XI ст. договора, толкующей о нейтрализаціи этого моря, на несоотвѣтствіе ея съ X ст., на неправильность ихъ постановленій, воспрещающихъ двумъ прибрежнымъ державамъ. Россіи и Турціи, пользоваться присущими имъ верховными правами надъ моремъ, прилегающимъ исключительно къ владѣніямъ обоихъ этихъ государствъ, причемъ это воспрещеніе опредѣлено той же XI ст. указаніемъ внѣ предѣловъ возможнаго, а именно на вѣчныя времена (à perpétuité), —русскій уполномоченный изложилъ, что эти постановленія не только не обезпечивали спокойствія на востокѣ, но причиняли постоянно раздраженіе, глубоко оскорблявшее русское народное чувство. Почему. баронъ Брунновъ полагалъ необходимымъ изыскать средства къ прекращенію этого положенія и, сославшись на свои инструкціи, онъ предоставлялъ турецкому уполномоченному почипъ въ предложеніи мѣръ, которыя, замѣняя нейтрализацію Чернаго моря, обезпечили бы спокойствіе на востокѣ и европейское равновѣсіе. Баронъ Брунновъ заключилъ свою записку перечисленіемъ статей договора 1856 г., подлежавшихъ пересмотру. Въ отвѣтъ на записку русскаго уполномоченнаго Муссурсъ-паша сказалъ, что, не раздѣляя мнѣнія барона Бруннова относительно несообразности начала нейтрализаціи Чернаго моря и за-

являя, что Порта совершенно удовлетворена существующимъ положеніемъ, онъ, въ виду преподанныхъ ему инструкцій, готовъ, въ знакъ особаго расположенія своего правительства къ миру и уступчивости, подвергнуть обсужденію совмѣстно съ представителями другихъ державъ, если такова будетъ ихъ воля, предложенія Россіи о пересмотрѣ указанныхъ статей Парижскаго договора, но при одномъ условіи, чтобы взамѣнъ ихъ Порта получила требуемыя ею гарантіи. Остальные уполномоченные, принявъ русское предложеніе въ виду согласія Порты на отмѣну указанныхъ статей договора, присоединились къ заключенію Муссуръ-паши о необходимости предоставленія Портѣ гарантій взамѣнъ тѣхъ, которыя она утрачивала.

Послѣ засѣданія уполномоченные установили между собою внѣ онаго, въ частномъ совѣщаніи, основанія предстоявшаго соглашенія, изложенныя въ особой запискѣ и выразившіяся въ слѣдующихъ статьяхъ. Первая статья оставлена безъ измѣненій въ редакціи приведенной выше.

Ст. 2. Е. В. Султанъ, въ силу верховнаго своего права на проливы Босфора и Дарданеллъ предоставляетъ себѣ въ мирное время возможность (la faculté) ихъ открывать въ видѣ временной исключительной мѣры, въ единственномъ случаѣ, когда безопасность его имперіи заставила бы его признать необходимымъ присутствіе военныхъ судовъ державъ неприбрежныхъ.

Ст. 3. Постановленіе, заключающееся въ предъидущей статьѣ, замѣняетъ на будущее время ст. 11, 13 и 14 Парижскаго договора, равнымъ образомъ особую конвенцію, заключенную между Россіею и Турціею и прилежащую къ ст. 14.

Ст. 4. Высокія договаривающіяся стороны возобновляютъ и подтверждаютъ всѣ постановленія договора 30-го марта 1856 г., равнымъ образомъ его приложенія, которыя не отмѣнены и не измѣнены настоящимъ договоромъ.

Всѣ эти статьи приняты уполномоченными, которые обязались ихъ представить на одобреніе своихъ правительствъ.

Что же касается вопроса о формѣ, то уполномоченные рѣшили: 1) что протоколъ останется открытымъ для Франціи; 2) что измѣненія ст. 11, 12 и 14, а также подтвержденіе другихъ постановленій Парижскаго договора будутъ

изложены въ видѣ договора, подлежащаго ратификаціи, для сего конференція подпишетъ протоколъ, который будетъ превращенъ въ договоръ; 3) что къ нему будетъ приложена особая конвенція объ отмѣнѣ постановленій, заключавшихся въ конвенціи, приложенной къ ст. 14 Парижскаго договора.

Передавая все вышеизложенное, баронъ Брунновъ просилъ канцлера снабдить его предписаніемъ, какъ можно скорѣе, для того, чтобы переговоры могли быть приведены къ концу до открытія парламента, назначеннаго на $\frac{\text{28-е января}}{\text{9-е февраля}}$, при чемъ онъ добавилъ: «J'aurais voulu éviter la mention des puissances riveraines, mais je dois faire l'aveu qu'il ne serait pas en mon pouvoir d'espérer le succès» [1]).

Донося о засѣданіи 12/24-го января [2]), баронъ Брунновъ сообщилъ, что воля государева исполнена, ограничительныя постановленія отмѣнены и изложилъ проектъ договора въ слѣдующемъ видѣ: «Султанъ сохраняетъ за собою закрытіе проливовъ. Онъ предоставляетъ себѣ, въ видѣ временной мѣры, возможность ихъ открывать въ единственномъ случаѣ, когда безопасность его имперіи потребуетъ отъ него признанія необходимымъ присутствіе иностранныхъ военныхъ судовъ. Я настаивалъ на выраженіи «дружественныхъ державъ», но оно не было принято. Конференція обусловливаетъ отмѣну ограниченій непремѣннымъ предоставленіемъ султану возможности открытія проливовъ державамъ неприбрежнымъ. Таковъ единственный эквивалентъ, котораго проситъ конференція взамѣнъ отмѣны ограничительныхъ постановленій. Приводя остальныя статьи проекта, Брунновъ прибавилъ, что онъ предупредилъ собраніе о необходимости, въ которой находился представить результатъ совѣщаній на благоусмотрѣніе государя и ожидать его приказаній.

На верху этой телеграммы имѣется помѣта государя: «Il me semble que c'est aussi satisfaisant que possible» [3]).

Извѣстіе о второмъ засѣданіи конференціи, протоколъ

---

[1]) Я бы желалъ не упоминать о прибрежныхъ державахъ, но я долженъ признаться, что было бы не въ моей власти надѣяться на успѣхъ.

[2]) 1871. Londres. III. Réc., tél. 12/24 janvier, reu le 13 janvier.

[3]) Мнѣ кажется, что все обстоитъ удовлетворительно на сколько возможно.

котораго баронъ Брунновъ получилъ разрѣшеніе подписать [1]), обнадежило канцлера въ томъ, что на третьемъ засѣданіи, назначенномъ уже на 31/19-е января, весь вопросъ будетъ исчерпанъ, почему князь Горчаковъ писалъ, что мы достигли полнаго успѣха, такъ какъ государь возстановленъ въ свои верховныя права [2]).

Но оставалось еще установить, чѣмъ будутъ замѣнены отмѣненныя постановленія Парижскаго договора, а въ этомъ рѣшеніи сказывался ключъ задачи. Весь вопросъ сосредоточивался въ ст. 2-ой выработаннаго уполномоченными проекта, которою султанъ себѣ предоставлялъ, въ силу своей верховной власти надъ проливами, возможность открывать ихъ военнымъ судамъ неприбрежныхъ державъ. При ея чтеніи возникаетъ вопросъ, что надо понимать подъ выраженіемъ «неприбрежныхъ державъ». Въ статьѣ говорится лишь о проливахъ, оба берега коихъ принадлежатъ одному государству, Турціи; изъ чего слѣдуетъ, что по буквальному смыслу этой статьи право выбора султана не распространяется только на суда единственно прибрежной державы Турціи. Ясно, что таковою не могла быть мысль уполномоченныхъ державъ. Остается удивляться, какъ они могли допустить такую редакцію, явно порождающую недоумѣніе. На эту несообразность нѣтъ никакихъ указаній въ депешахъ барона Бруннова, обыкновенно подробно доносившаго о всѣхъ мелочахъ и схватывавшаго малѣйшіе оттѣнки изложенія. Въ его собственной редакціи 2-й статьи проекта выговорена возможность для султана открывать проливы судамъ дружественныхъ державъ, но выраженіе «дружественныя державы» лордъ Гранвиль отказался принять, объяснивъ свой отказъ необходимостью удовлетворить англійское самолюбіе. При замѣнѣ выраженія «дружественныя державы» словами «неприбрежныя державы», кругъ государствъ, суда которыхъ могъ призывать султанъ на свою помощь, оставался равнымъ образомъ неограниченнымъ, такъ какъ къ числу неприбрежныхъ державъ относились державы, владѣнія которыхъ не прилегали къ проливамъ, т.-е. безусловно всѣ безъ исключенія, а слѣдовательно и Россія. Въ этомъ смыслѣ и была понята озна-

[1]) 1871. Londres. IV. Exp. № 14, tél. 13/25 janvier.
[2]) 1871. Berlin. V. Exp., lettres 13/25 et 15/27 janvier.

ченная 2-я статья проекта государемъ и канцлеромъ. Но врядъ ли такъ ее понимали составители проекта, допускавшіе подобную редакцію въ видѣ ловушки только, чтобы обмануть другъ друга. И въ этомъ дѣлѣ нельзя не видѣть австрійскихъ козней, въ которыхъ сперва не разобрались ни Брунновъ, ни Гранвиль, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ слѣдующаго.

Намъ уже извѣстно, что наканунѣ второго засѣданія Гранвиль, не одобрившій редакціи Бруннова второй статьей, въ которой стояло выраженіе «дружественныя державы», прислалъ ему при письмѣ новый проектъ, выработанный, какъ надо полагать, Гранвилемъ съ другими уполномоченными, съ которыми онъ имѣлъ, какъ видно изъ его письма, продолжительное совѣщаніе. Вторая статья этого новаго проекта говоритъ о правѣ султана открывать доступъ къ Черному морю военнымъ судамъ неприбрежныхъ державъ. При такой редакціи государствами прибрежными къ Черному морю являлись Турція и Россія, которая исключалась, такимъ образомъ, изъ числа державъ, къ которымъ султанъ могъ прибѣгать за помощью. Относительно этой редакціи баронъ Брунновъ замѣтилъ Гранвилю передъ засѣданіемъ, что въ ней напрасно упоминалось о доступѣ къ Черному морю, когда рѣчь шла о проливахъ; это замѣчаніе какъ-будто принято было во вниманіе, такъ какъ во 2-й статьѣ проекта, выработаннаго уполномоченными послѣ засѣданія 24/12-го января, уже говорится исключительно объ открытіи проливовъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ указать на скудость свѣдѣній, сообщенныхъ барономъ Брунновымъ объ этомъ моментѣ его переговоровъ. Ни въ его депешахъ, ни въ его письмахъ канцлеру мы не нашли данныхъ, чтобы судить о ходѣ совѣщанія, бывшаго послѣ засѣданія 24/12-го января и изложившаго 2-ую статью въ столь несообразномъ видѣ. Баронъ Брунновъ, имѣвшій обыкновеніе обстоятельно обо всемъ доносить, ограничился сообщеніемъ одного результата совѣщанія. Не даромъ баронъ Жомини въ письмѣ [1]), на которое уже были ссылки, дѣлаетъ барону Бруннову упрекъ въ томъ, что онъ за это время былъ слишкомъ сдержанъ (réservé) въ своихъ со-

---

[1]) 1871. Londres. IV. Exp., lettre du baron Jomini au c-te Brunnow 10/22 mai.

общеніяхъ, а князь Михаилъ Горчаковъ, будучи повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Берлинѣ, писалъ отцу [1]), что онъ узналъ отъ секретаря посольства въ Лондонѣ Бѣлухи-Кохановскаго, проѣхавшаго съ депешами черезъ Берлинъ, ключъ къ разгадкѣ выраженій «дружественныя державы» и «неприбрежныя державы», но указаній на ея объясненіе въ письмѣ не имѣется.

Изъ депеши императорскаго посланника въ Вѣнѣ Новикова [2]) можно отчасти угадать, какимъ образомъ составилась эта несообразная редакція 2-й статьи и гдѣ сосредоточивались всѣ козни противъ Россіи. Баронъ Алденбургъ, одинъ изъ чиновниковъ австрійскаго министерства, повѣдалъ Новикову, что, по мысли графа Бейста, изъ редакціи 2-ой статьи новаго договора должно было быть исключено всякое упоминаніе о проливахъ и постановлено, что Порта себѣ предоставляетъ возможность открывать доступъ къ Черному морю неприбрежнымъ державамъ, т. е. всѣмъ, не имѣющимъ владѣній у этого моря, значитъ всѣмъ, за исключеніемъ Россіи. Это именно та редакція, которая была сообщена барону Бруннову Гранвилемъ при письмѣ отъ 11/23-го января наканунѣ второго засѣданія. Въ этомъ письмѣ онъ упоминалъ, что имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ нѣкоторыми уполномоченными. Хотя Гранвиль не говорилъ, съ какими именно, но изъ указанной редакціи, сообщенной имъ Бруннову, видно, что она австрійскаго происхожденія и что, такимъ образомъ, англійскій главный секретарь совѣщался съ австровенгерскимъ уполномоченнымъ графомъ Аппони и присланнымъ къ нему въ помощь изъ Пешта графомъ Сеченомъ. Послѣдній, какъ уже мы видѣли выше, привезъ предложеніе австрійскаго министерства объ отводѣ морской станціи на турецкомъ берегу Чернаго моря для стоянки военныхъ судовъ западныхъ державъ. По передачѣ ему этого извѣстія Гранвилемъ баронъ Брунновъ доказалъ ему всю несообразность такой мѣры, какъ положительно противорѣчившей Парижскому договору. Гранвиль уговорилъ австрійскаго представителя отказаться отъ предложенія его кабинета и дѣйствительно

---

[1]) 1871. Berlin. I. Réc., lettre $\frac{26 \text{ janvier}}{7 \text{ février}}$.

[2]) 1871. Vienne. I. Réc. № 163, dép. $\frac{24 \text{ janvier}}{5 \text{ février}}$ № 14.

сами графы Аппони и Сеченъ, которые, по словамъ Бруннова были къ нему очень дружески расположены, объявили ему, что мысль о занятіи морской станціи въ Синопѣ покинута [1]). Отказавшись отъ этого предложенія, графъ Бейстъ, взамѣнъ его, придумалъ редакцію 2-ой ст. въ смыслѣ открытія доступа къ Черному морю однимъ неприбрежнымъ державамъ. Эта редакція была принята Гранвилемъ на совѣщаніи, которое онъ имѣлъ съ уполномоченными за исключеніемъ Бруннова и сообщена послѣднему при письмѣ Гранвиля накапунѣ второго засѣданія конференціи. Вслѣдствіе замѣчанія Бруннова, что въ этой редакціи второй статьи напрасно говорилось о Черномъ морѣ, когда шла рѣчь о проливахъ, на совѣщаніи всѣхъ уполномоченныхъ, бывшемъ послѣ второго засѣданія 12/24-го января, выработана новая редакція той же статьи, по которой султану предоставлена возможность открывать доступъ не къ Черному морю, но къ проливамъ, военнымъ судамъ неприбрежныхъ державъ. Такимъ образомъ, слово «неприбрежныхъ», прежде относившееся къ Черному морю, было отнесено къ проливамъ и получилось такое толкованіе, по которому проливы могли открываться судамъ Россіи, какъ державы неприбрежной къ проливамъ, тогда какъ явная цѣль западныхъ государствъ заключалась въ недопущеніи ея къ Константинополю, иначе бы Гранвиль не противился первоначальной редакціи 2-й статьи по проекту барона Бруннова, въ которой стояли слова «puissances amies», дружественныя державы, на включеніи каковыхъ словъ такъ упорно настаивала сама Порта, къ общему удивленію всей Европы, какъ это мы увидимъ немного ниже. Доказательствомъ того, что сами уполномоченные сознавали несообразность принятой ими на частномъ совѣщаніи 12/28-го января редакціи второй статьи проекта будущаго договора, служитъ то, что, по донесенію барона Бруннова [2]), вѣнскій кабинетъ намѣревался включить въ эту статью слова «присутствіе въ Черномъ морѣ военныхъ судовъ». Эта статья была бы тогда изложена въ томъ смыслѣ, что султанъ въ правѣ открывать проливы, когда безопасность его имперіи заставила бы его признать необходимымъ присут-

[1]) 1871. Londres. I. Réc. № 100, dép. 15/27 janvier № 9.

[2]) 1871. Londres. III. Réc., tél. 15/27 janvier.

ствіе въ Черномъ морѣ военныхъ судовъ неприбрежныхъ державъ. При такой редакціи намѣреніе Австріи ясно обозначалось: она исключала Россію, какъ прибрежную къ Черному морю державу, изъ числа государствъ, къ которымъ султанъ могъ прибѣгнуть за помощью. Брунновъ, очевидно, самъ не понималъ неясности редакціи второй статьи, или неправильно разумѣлъ, что выраженіе puissances non-riveraines, державы неприбрежныя, могло употребляться только по отношенію къ берегамъ Чернаго моря, но не проливовъ, хотя въ статьѣ, по принятой редакціи, упоминалось только о проливахъ. Неправильное толкованіе Бруннова обнаруживается изъ того, что онъ, сообщая о дополнительныхъ словахъ, которыя австрійцы добивались включить въ текстъ второй статьи, выражался: «mention selon moi gratuite, que je suis parvenu à élaguer, mais qu'on aimerait à rétablir dans un esprit de chicane» (упоминаніе по моему лишнее, которое мнѣ удалось устранить, но которое хотѣли бы внести изъ желанія придраться). Онъ предвидѣлъ, что англійскій кабинетъ готовъ уступить подъ тѣмъ предлогомъ, что мы, достигнувъ уничтоженія однимъ почеркомъ пера послѣдствій крымской войны, потребовавшей столь много жертвъ отъ союзниковъ, могли бы безъ сожалѣнія принять фразу, намъ ничего не стоющую. Сообщая о семъ, Брунновъ просилъ указаній;—самъ онъ не рѣшался уступить безъ особаго разрѣшенія. Канцлеръ не понялъ телеграммы Бруннова, такъ какъ онъ отвѣтилъ [1]), что никакое военное судно не могло быть допущено въ Черномъ морѣ безъ согласія Порты; если же подъ присутствіемъ военныхъ судовъ въ этомъ морѣ слѣдовало понимать усиленіе сторожевыхъ судовъ у устьевъ Дуная, то не усматривалось къ тому основаній. Телеграмма оканчивалась требованіемъ скорѣйшаго разрѣшенія интересовавшаго насъ вопроса и приказаніемъ подписывать, не испрашивая разрѣшенія (signez sans référer). Относительно этихъ послѣднихъ словъ имѣется помѣта государя: «la dernière phrase doit être biffée». Но князь Горчаковъ этихъ словъ не вычеркнулъ, отправивъ телеграмму, какъ она была составлена, объяснивъ однако въ другой телеграммѣ [2]),

---

[1]) 1871. Londres. IV. Exp. № 16, dép. 16/28 janvier.
[2]) 1871. Londres. IV. Exp. № 17, tél. 16/28 janvier.

что послу разрѣшалось подписать только въ томъ случаѣ, если не имѣлось противорѣчія волѣ государя, которая ему была извѣстна.

Дѣйствительное толкованіе, которое придавали западныя державы второй статьѣ проекта, выработанной уполномоченными въ частномъ засѣданіи 12/24-го января и допускавшей открытіе проливовъ только судамъ неприбрежныхъ державъ, государь узналъ изъ слѣдующей телеграммы генералъ-адъютанта Игнатьева [1]): «Rédaction proposée par occidentaux prise ad referendum par Brunnow et établissant faculté d'ouvrir détroits aux flottes des non-riverains — paraissant impliquer notre exclusion du Bosphore, Aali a télégraphié à Mussurus de maintenir parité complète entre nous et occidentaux en proposant modifier rédaction. Porte aurait faculté d'ouvrir détroits aux flottes des puissances amies. Ici on s'imagine que nous acceptons projet occidental. Ai vu Aali, exprime doute» [2]). Эта телеграмма открыла глаза государю, такъ какъ онъ, очевидно, понялъ статью вторую въ томъ смыслѣ, что выраженіе «прибрежныя или неприбрежныя» относилось къ берегамъ проливовъ, о которыхъ шла рѣчь въ этой статьѣ и что такъ какъ Россія неприбрежная держава по отношенію къ проливамъ, то она не исключалась изъ числа державъ, судамъ которыхъ султанъ имѣлъ возможность открыть проливы.

Игнатьевъ своей телеграммой указалъ на дѣйствительное толкованіе западниковъ, которое было извѣстно барону Бруннову. Трудно допустить, чтобы и самъ канцлеръ не догадывался о его значеніи. Государь же былъ пораженъ тѣмъ, что Россія исключалась изъ числа державъ, суда которыхъ могли быть призваны на помощь султана и сдѣлалъ на телеграммѣ помѣту: «Ce n'est pas comme cela

---

[1]) 1871. Constantinople. I. Réc., tél. 15/27 janvier.

[2]) Такъ какъ редакція, предложенная западными державами и принятая къ свѣдѣнію Брунновымъ, по которой опредѣлялась возможность открытія проливовъ эскадрамъ неприбрежныхъ государствъ, исключала, какъ казалось, насъ изъ Босфора, то Аали телеграфировалъ Муссурусу объ установленіи полнаго равенства между нами и западными державами и объ измѣненіи редакціи въ этомъ смыслѣ. Порта бы имѣла возможность открыть проливы эскадрамъ дружественныхъ державъ. Здѣсь воображаютъ, что мы принимаемъ проектъ западныхъ державъ. Я видѣлся съ Аали и выразилъ ему сомнѣніе.

que nous l'avons interprétée (la rédaction) et nous n'y consentirions certes pas si tel devait en être le sens» [1]). Вслѣдствіе такой резолюціи князь Горчаковъ сообщилъ барону Бруннову [2]), что Аали-паша предписалъ Мусурусу-пашѣ сохранить равенство между Россіею и западными державами съ тѣмъ, чтобы Порта имѣла возможность открыть проливы судамъ дружественныхъ державъ. Этотъ починъ Порты, стороны прямо заинтересованной, какъ говорилось въ телеграммѣ, долженъ былъ облегчить Бруннову возстановленіе выраженія «дружественныя державы», которое заключалось во 2-й статьѣ по первоначальной редакціи самого Бруннова. Ему же предписывалось поддержать Мусуруса-пашу. На слѣдующій день [3]) Бруннову подтверждено, что государь настаивалъ на томъ, чтобы Россія была сравнена съ другими державами, судамъ которыхъ султанъ могъ открывать проливы. Въ случаѣ если же Брунновъ ни Мусурусъ не успѣли бы склонить къ этому Гранвиля, то посолъ уполномачивался на просьбу объ отсрочкѣ засѣданія. Еще до полученія отвѣта барона Бруннова, Игнатьевъ телеграфировалъ канцлеру [4]), что Аали-паша, несмотря на настоянія сэра Элліота и графа Кайзерлинга, отказался предоставить однѣмъ неприбрежнымъ державамъ открытіе проливовъ въ ущербъ Россіи и требовалъ, чтобы вмѣсто державъ неприбрежныхъ было поставлено «державы дружественныя». Сообщая эту телеграмму Игнатьева Бруннову, князь Горчаковъ ему добавилъ [5]), что если примутъ во вниманіе требованіе Турціи, какъ державы наиболѣе заинтересованной, и если взглянутъ на дѣло не иначе, какъ самъ султанъ (si l'on ne veut pas être plus turc que le sultan), то оно можетъ разрѣшиться безъ всякой задержки въ будущемъ засѣданіи. Въ отвѣтъ на всѣ эти телеграммы баронъ Брунновъ сообщилъ [6]), что, согласно приказаніямъ, онъ уже извѣстилъ Гранвиля о полученномъ имъ разрѣшеніи подписать всѣ четыре статьи проекта. По его мнѣ-

[1]) Не такъ мы поняли редакцію и на нее мы бы не согласились, если бы таковъ былъ ея смыслъ.

[2]) 1871. Londres. IV. Exp. № 18, tél. 16/28 janvier.

[3]) 1871. Londres. IV. Exp. № 20, tél. 17/29 janvier.

[4]) 1871. Constantinople. I. Réc., tél. 17/29 janvier.

[5]) 1871. Londres. IV. Exp. № 22, tél. 18/30 janvier.

[6]) 1871. Londres. III. Réc., tél. 19/31 janvier.

*

нію нельзя было намъ отрекаться отъ даннаго слова, чтобы и другимъ кабинетамъ не представлять случая отказываться отъ тѣхъ уступокъ, которыя они намъ сдѣлали. «Здѣсь не идетъ рѣчь, заканчивалъ баронъ Брунновъ свою телеграмму, о томъ, какъ султанъ смотритъ на дѣло, а о томъ, чтобы охранить дѣйствительные русскіе интересы отъ турецкихъ козней».

Однако принятіе Брунновымъ редакціи 2-й статьи съ выраженіемъ: «неприбрежныя державы» вызвало сожалѣніе со стороны государя, который далъ свое согласіе только въ виду того, что этотъ шагъ сдѣланъ Брунновымъ [1]). Но это рѣшеніе было принято имъ не безъ колебанія. Первоначально канцлеръ представилъ на усмотрѣніе государя проектъ телеграммы Бруннову [2]), въ которой говорилось, что наше исключеніе изъ Босфора недопустимо, тѣмъ болѣе, что Порта ему противится. Оно ни на чемъ не основано и не имѣетъ практическаго значенія въ виду самаго состоянія нашего флота, еще не существующаго въ Черномъ морѣ. Это одно изъ тѣхъ условій, не преслѣдующихъ иной цѣли, кромѣ оскорбленія, которыя не могутъ быть включены въ договоръ, если не имѣть въ виду его опороченія. Бруннову предлагалось замѣнить слово «неприбрежныя» словомъ «иностранныя» и замѣчалось относительно парламента, что англійскіе министры получили достаточное обезпеченіе тѣмъ, что мы примкнули къ протоколу, подтвердившему извѣстное начало международнаго права. Таково содержаніе телеграммы, которую князь Горчаковъ думалъ сперва послать Бруннову, но получивъ его сообщеніе отъ 19-го января о томъ, что онъ исчерпалъ уже всѣ средства, чтобы убѣдить Гранвиля, канцлеръ доложилъ государю, что пришлось бы отказаться отъ слова, даннаго посломъ, а такое дѣйствіе всегда очень прискорбно, почему онъ ставилъ государю на разрѣшеніе вопросъ: можетъ ли гадательное допущеніе нашего флота въ Босфоръ, въ случаѣ призыва султана, служить противовѣсомъ отмѣнѣ ограниченій верховныхъ правъ государя на Черное море, осуществимой мирнымъ путемъ. По мнѣнію канцлера нѣтъ никакого равенства между этими

[1]) 1871. Londres. IV. Exp. № 26, tél. $\frac{\text{20 janvier}}{\text{1 février}}$.

[2]) 1871. Доклады, 20-го января.

двумя положеніями. Государь согласился съ княземъ Горчаковымъ, и была отправлена вторая телеграмма, утверждавшая дѣйствія посла и принимавшая выраженіе «неприбрежныя державы», хотя и съ сожалѣніемъ.

Государь могъ дѣйствительно сожалѣть, что это случилось вопреки смыслу, который онъ придавалъ выраженію «неприбрежныя державы», такъ какъ въ телеграммѣ отъ 16-го января онъ вычеркнулъ слова: «signez sans référer» [1]). Но князь Горчаковъ отправилъ ее съ этими словами, ограничившись замѣчаніемъ въ другой телеграммѣ отъ того же 16-го января, что Брунновъ долженъ сообразоваться съ волею государя, которая ему извѣстна и подписывать только то, что ей не противорѣчитъ. Получивъ разрѣшеніе подписать протоколъ засѣданія 12/24-го января, а затѣмъ вышеуказанныя телеграммы отъ 16/28-го января и понявъ, что воля государя заключалась въ отмѣнѣ ограничительныхъ постановленій 1856 г., онъ далъ свое слово на подписаніе проектированныхъ четырехъ статей будущаго договора, отмѣнявшихъ эти ограниченія. Но если бы онъ вникъ въ буквальный смыслъ 2-ой ст. и отрѣшился отъ лондонской почвы, «du terrain de Londres», какъ онъ выражался [2]), то могъ бы усомниться и просить высшаго утвержденія, какъ это онъ дѣлалъ обыкновенно.

Мы видѣли, что Брунновъ уступилъ Гранвилю, принявъ редакцію 2-ой ст., которой открывались проливы только судамъ неприбрежныхъ державъ, редакцію спорную и могущую служить источникомъ недоразумѣній, такъ какъ, по толкованію уполномоченныхъ, выраженіе «неприбрежныхъ державъ» относилось къ берегамъ Чернаго моря, а не къ проливамъ, о которыхъ исключительно шла рѣчь въ означенной статьѣ.

Баронъ Брунновъ принялъ эту редакцію подъ давленіемъ; ему угрожали иначе введеніемъ военныхъ судовъ западныхъ державъ въ Черное море и учрежденіемъ морской станціи въ Синопѣ, т. е. установленіемъ новыхъ ограниченій верховныхъ правъ государя на Черное море. Положимъ, что эти мѣры настолько нарушали права Россіи, насколько онѣ ограничивали власть султана, а изъ ин-

---

[1]) Подписывайте, не донося.

[2]) 1871. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$.

струкціи, данной Муссурсъ-пашѣ, ему предписывалось не соглашаться на учрежденіе морской станціи въ Синопѣ, ни на умаленіе верховныхъ правъ султана на проливы. Почему, не согласившись на условія Гранвиля, Брунновъ могъ еще спорить и найти союзника въ лицѣ турецкаго уполномоченнаго. Но русскій посолъ, какъ мы увидимъ далѣе, не питалъ никакого довѣрія къ Туркамъ, обвиняя ихъ въ двойной игрѣ; завязавшійся споръ могъ затянуть конференцію, и она была бы вынуждена заниматься или во время сессіи парламента, или послѣ нея, или же совсѣмъ закрыться, безъ разрѣшенія жгучаго для насъ вопроса. Упорство, проявленное барономъ Брунновымъ, могло наконецъ, оттолкнуть Гранвиля отъ всякихъ соглашеній, такъ какъ и онъ лично былъ заинтересованъ въ принятіи Брунновымъ его редакціи, чтобы оправдать себя передъ парламентомъ. Всѣ эти соображенія побудили Бруннова согласиться на требованіе англійскаго министра, и его дѣйствія были одобрены канцлеромъ, который имѣлъ только въ виду одно, скорѣйшее утвержденіе международнымъ собраніемъ односторонней отмѣны Россіею постановленій Парижскаго договора. Свои соображенія по сему предмету князь Горчаковъ подробно изложилъ въ письмѣ генералъ-адъютанту Игнатьеву [1]). «Выраженіе «неприбрежныя», писалъ онъ, представляется признаніемъ его слабости со стороны самого великобританскаго министерства, оно указываетъ на его шаткое положеніе; мы сжалились надъ этой слабостью, и Брунновъ не пожелалъ отказать Гранвилю въ такой дѣтской преградѣ противъ парламентской оппозиціи. Возможность, предоставленная султану открывать проливы только неприбрежнымъ державамъ, есть ограниченіе свободы воли султана только на бумагѣ, такъ какъ онъ могъ убѣдиться изъ своихъ сношеній съ другими западными державами за послѣднія 14 лѣтъ, насколько его свобода поражалась ими въ своемъ проявленіи. Почему, я понимаю, что чувство гордости заговорило въ султанѣ, и онъ противится. Но въ дѣйствительности можетъ ли эта фраза, заключающаяся во второй статьѣ, принудить его къ призыву неприбрежныхъ державъ? Не съ нашей же стороны и не мы вызовемъ нарочито тѣ опасности, которыя побу-

[1]) 1871. Constantinople. V. Exp. № 35, lettre 24 janvier.

дятъ его прибѣгнуть къ подобной мѣрѣ. Въ виду сего, онъ не будетъ стѣсненъ въ выборѣ союзниковъ, которыхъ онъ сочтетъ полезнымъ призвать на свою помощь. Сила вещей всегда возьметъ верхъ надъ корыстными и мелочными происками трусливой и недоброжелательной дипломатіи. Въ данномъ случаѣ преграда, поставленная второю статьею проекта договора, окажется карточнымъ замкомъ (un château de cartes)».

Шаткость редакціи означенной 2-ой статьи, происходившая отъ неясности выраженія «неприбрежныя державы», вызвала недоразумѣнія въ средѣ самихъ уполномоченныхъ. Австрійцы опасались оставить русскимъ лазейку, посредствомъ которой Россія могла бы заявить свои права, какъ неприбрежная къ проливамъ держава, къ проходу ея судовъ въ Босфоръ наравнѣ съ судами западныхъ державъ. Мы уже видѣли, что графъ Аппони требовалъ включенія словъ «въ Черномъ морѣ» въ послѣдней фразѣ 2-й статьи (присутствіе въ Черномъ морѣ судовъ неприбрежныхъ державъ). Но это требованіе было отклонено. Затѣмъ графъ Бейстъ предписалъ графу Аппони включить слова «къ Черному морю» (de la mer Noire) въ концѣ самой фразы (присутствіе военныхъ судовъ державъ неприбрежныхъ къ Черному морю). Гранвиль поддержалъ это требованіе, о которомъ баронъ Брунновъ донесъ канцлеру [1]), сообщая, что если бы тѣ слова включались въ средину фразы въ томъ смыслѣ, что присутствіе военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ считалось необходимымъ, онъ первый подалъ бы голосъ противъ этого включенія, но такъ какъ они прибавлялись къ самому концу фразы, то онъ считалъ ихъ неимѣвшими никакого значенія. Однако государь противъ этихъ словъ «de la mer Noire», сдѣлалъ помѣту: «c'est contre cette expression que je proteste» [2]). Въ письмѣ къ канцлеру баронъ Брунновъ [3]) распространяется по сему предмету, говоря, что предложеніе этихъ четырехъ словъ (de la mer Noire), собственно говоря, настоящая глупость, или, скорѣе сказать, новая австрійская продѣлка (manigance).

---

[1]) 1871. Londres. III. Réc., tél. 18/30 janvier et $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$.

[2]) Я именно возражаю противъ этого выраженія.

[3]) 1871. Londres. III. Réc., lettre $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$.

«Въ редакціи не было никакой двусмысленности, пишетъ Брунновъ», подъ названіемъ неприбрежныхъ державъ каждый понимаетъ державы, подписавшія Парижскій трактатъ кромѣ Россіи и Турціи, но Бейстъ, который старается запутать все и навредить успѣху нашихъ переговоровъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ оттянуть какъ можно болѣе, вбилъ въ голову англичанъ, что въ редакціи, мною изложенной, таится задняя мысль или какой-нибудь замыселъ Россіи. Нѣкоторые члены кабинета постоянно предостерегаютъ Гранвиля относительно моихъ редакцій, изложенныхъ, по ихъ мнѣнію, чтобы прикрыть ловушку. Я отказалъ Гранвилю въ прибавкѣ этихъ словъ отъ себя, такъ какъ редакція статьи уже одобрена государемъ».

Баронъ Брунновъ сильно ошибался, если думалъ, что редакція 2-ой ст. совершенно ясна и лишена всякой двусмысленности. Уже мы видѣли, что самъ государь понялъ ее въ томъ смыслѣ, что она допускала открытіе проливовъ судамъ Россіи, какъ державы неприбрежной къ проливамъ. Такъ понялъ ея смыслъ и посланникъ Новиковъ. Онъ пишетъ [1]): «Австрійская поправка, заключающаяся въ прибавленіи словъ de la mer Noire, совершенно измѣнитъ смыслъ этой статьи». Въ самомъ дѣлѣ, въ фразѣ, упоминающей только объ открытіи проливовъ, выраженіе «неприбрежныя державы» относится къ этимъ самымъ проливамъ и обнимаетъ собою всю совокупность европейскихъ державъ, въ томъ числѣ и Россію. Но упоминая въ этой фразѣ о Черномъ морѣ, графъ Бейстъ, очевидно, имѣлъ цѣлью исключеніе одной Россіи изъ числа державъ, морскія силы которыхъ могли бы имѣть доступъ къ проливамъ, недопущеніе ея будущаго черноморскаго флота къ выходу въ Архипелагъ, а ея балтійскихъ судовъ къ входу въ Черное море. Однимъ словомъ, графъ Бейстъ предполагалъ учредить надъ нами осадное положеніе въ нашихъ территоріальныхъ водахъ. Таково его намѣреніе оставаться вѣрнымъ его программѣ 1867 года объ уничтоженіи унизительнаго для насъ постановленія Парижскаго договора! Но верхомъ неожиданности является то, что Турціи приходится разоблачать вымыслы графа Бейста примирительнымъ предложеніемъ словъ «puissance samies et alliées».

---

[1]) 1871. Vienne. I. Réc. № 163, dép. $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$ № 14.

На запросъ барона Бруннова, можетъ ли онъ принять прибавку четырехъ словъ: «de la mer Noire», князь Горчаковъ отвѣтилъ [1]), что онъ ея не понимаетъ; если она не имѣетъ значенія, она является лишней. «Если она прикрываетъ заднюю мысль, отбросьте ее», говорилъ канцлеръ. Подъ неприбрежною державою мы достаточно обозначены. Мы принимаемъ это выраженіе. Чего же хотятъ отъ насъ? Гранвиль является слишкомъ требовательнымъ. Если вы понимаете лучше насъ, рѣшайте согласно вашимъ соображеніямъ. Государь довѣряетъ вашему такту. Онъ требуетъ лишь того, чтобы дѣло было приведено къ концу какъ можно скорѣе». Въ силу этого разрѣшенія баронъ Бронновъ изъявилъ согласіе на означенную прибавку изъ четырехъ словъ: «de la mer Noire». Увѣдомляя о семъ [2]), онъ прибавилъ, что эти слова ни чѣмъ не измѣняютъ смысла статьи, уже одобренной государемъ, который сдѣлалъ на депешѣ слѣдующую помѣту: «Oui, bien à contre coeur» [3]).

Обозрѣвая первую и вторую статью проекта договора, долженствовавшаго замѣнить нѣкоторыя постановленія Парижскаго трактата, мы вновь наталкиваемся на то противорѣчіе, которое мы уже замѣтили при разборѣ международныхъ актовъ, заключенныхъ въ Лондонѣ въ 1840 и 1841 г.г. Державы, торжественно преклоняясь передъ верховными правами султана на проливы, въ то же самое время ограничиваютъ эти права, требуя отъ него безусловнаго закрытія проливовъ и предоставляя ему возможность ихъ открывать только въ опредѣленномъ случаѣ и то не всѣмъ военнымъ судамъ, а только тѣмъ изъ нихъ, которыя принадлежатъ неприбрежнымъ державамъ. Такимъ образомъ и при заключеніи и этого договора 1871 г. свобода султана въ распоряженіи проливами была только вымышленная, и онъ подчинялъ свою власть надъ ними требованіямъ державъ. Но въ 1871 г. проявились со стороны султана порывы къ самостоятельности, къ сопротивленію опекѣ дер-

---

[1]) 1871. Londres. II. Exp. № 36, et. № 37, tél. $\frac{\text{25 janvier}}{\text{6 février}}$.

[2]) 1871. Londres. II. Réc. № 180, dép. $\frac{\text{27 janvier}}{\text{8 février}}$ № 14

[3]) Да, совсѣмъ противъ моего желанія.

жавъ. Мы уже видѣли изъ инструкцій Муссуруса-паши [1]), что султанъ объявилъ свою волю: онъ желалъ распоряжаться вполнѣ свободно ключами проливовъ, открывая и закрывая, по своему усмотрѣнію, безъ всякаго вмѣшательства иностранныхъ державъ. Но при обсужденіи проекта 4-хъ статей будущаго договора было установлено, что проливы останутся закрытыми, въ мирное время, съ предоставленіемъ султану возможности открывать ихъ судамъ неприбрежныхъ державъ. Въ числѣ препятствій къ принятію этихъ статей баронъ Брунновъ выставилъ то, что султанъ, признавая себя исключительнымъ властителемъ проливовъ безъ ограниченій, желалъ оставаться таковымъ [2]). На это сообщеніе Бруннову было предписано не противиться требованію султана о признаніи за нимъ права распоряжаться открытіемъ и закрытіемъ проливовъ по его усмотрѣнію [3]). Согласно мнѣнію, господствовавшему въ это время въ Константинополѣ, свободное распоряженіе проливами, котораго требовала Порта, представлялось скорѣе опасностью для нея, нежели мѣрою, обезпечивающею ея спокойствіе. Среди европейской колоніи открытіе проливовъ всѣмъ военнымъ судамъ, безъ различія народностей, выставлялось единственнымъ средствомъ для противовѣса отмѣнѣ ограниченій въ Черномъ морѣ. Но Порта, которая должна была лучше судить о своихъ выгодахъ, не держалась этого взгляда; она склонялась къ закрытію проливовъ и предоставленію султану возможности, въ видѣ исключительной мѣры, открывать проливы военнымъ судамъ одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ. Сообщая эти свѣдѣнія, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ добавилъ [4]), что, въ виду этихъ ограниченій, Дарданеллы окажутся закрытыми русской эскадрѣ, направляющейся изъ Средиземнаго моря въ Черное.

Принявъ такимъ образомъ статьи проекта договора,

---

[1]) 1871. Constantinople. V. Réc., dép. 8/20 décembre № 317. Réc. № 2386, dép. 15/27 décembre № 318.

[2]) 1871. Londres. III. Réc., tél. 15/27 janvier. 1871. Berlin. I. Réc., tél. 17/29 janvier. 1871. Berlin. I. Réc., tél. 18/30 janvier.

[3]) 1871. Londres. IV. Exp. № 16, tél. 16/28 janvier. 1871. Berlin. V. Exp. № 23, tél. 18/30 janvier.

[4]) 1871. Constantinople. I. Réc. № 244, dép. $\frac{\text{26 janvier}}{\text{7 février}}$ № 23.

выработаннаго 12/24-го января частнымъ засѣданіемъ уполномоченныхъ, оттоманское правительство не соглашалось на выраженіе приведенное во 2-й ст. проекта, «puissances non-riveraines». Въ виду сего, Муссурусъ-паша получилъ предписаніе сохранить полное равенство между Россіею и западными державами, измѣнивъ редакцію второй статьи въ томъ смыслѣ, что султанъ имѣетъ возможность открывать проливы военнымъ судамъ дружественныхъ державъ [1]). Эта послѣдняя редакція вполнѣ удовлетворяла государя, почему барону Бруннову было предложено поддержать Муссуруса-пашу [2]). Но, какъ мы уже видѣли выше, баронъ Брунновъ, обязавшись передъ Гранвилемъ принять всѣ четыре статьи проекта въ установленной уже редакціи, значитъ и 2-ую ст. съ выраженіемъ: «puissances non-riveraines», долженъ былъ подписать означенный проектъ къ крайнему сожалѣнію государя. Турецкій уполномоченный одинъ продолжалъ настаивать на замѣнѣ выраженія «puissances non-riveraines», словами «puissances amies». Султанъ, какъ полный властелинъ надъ проливами, считалъ себя въ правѣ распоряжаться ихъ открытіемъ по своему усмотрѣнію и признавалъ навязываніе ему союзниковъ исключительно изъ лагеря западныхъ державъ ограниченіемъ своихъ верховныхъ правъ. Онъ имѣлъ въ виду пользоваться свободнымъ выборомъ въ моментъ опасности, если бы пришлось прибѣгнуть за помощью къ одной или нѣсколькимъ державамъ. Кромѣ того, Порта, по объясненію Аали-паши, опасалась вызвать неудовольствіе Россіи и вовсе не желала возобновлять ошибку 1856 г., возбуждая противъ себя негодованіе русскаго императора [3]).

Но здѣсь вышло прелюбопытное стеченіе обстоятельствъ. Тогда какъ турецкій уполномоченный упорно держался выраженія «puissances amies», которое, къ крайнему сожалѣнію государя, его уполномоченный не сумѣлъ отстоять, баронъ Брунновъ защищалъ противоположную ре-

---

[1]) 1871. Constantinople. I. Réc., tél. 15/27 janvier.

[2]) 1871. Londres. IV. Exp. № 18, tél. 16/28 janvier. Exp. № 20, tél. 17/29 janvier. 1871. Constantinople. VI. Exp. № 24, lettre 18/30 janvier.

[3]) 1871. Constantinople. I. Réc. № 143, dép. 19/31 janvier № 18. Réc. № 224, dép. $\frac{\text{26 janvier}}{\text{7 février}}$ № 23. Constantinople. V. Exp. № 24, lettre 18/30 janvier.

дакцію, предложенную лордомъ Гранвилемъ въ видѣ «puissances non-riveraines». Хотя государь по достоинству оцѣнилъ предупредительное отношеніе къ нему Порты и самъ выразилъ это чувство турецкому послу Рустемъ-бею, прося его передать о семъ Аали-пашѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-адъютанту Игнатьеву было поручено убѣдить Порту отказаться отъ этого выраженія: «puissances amies» и принять редакцію всѣхъ 4-хъ статей проекта, выработаннаго уполномоченными, во избѣжаніе могущихъ возникнуть усложненій и для скорѣйшаго окончанія работы конференціи до парламентской сессіи [1]). Съ этимъ же предложеніемъ обратились къ Портѣ представители Австріи, Англіи и Италіи въ Константинополѣ по порученію своихъ правительствъ [2]). Тѣмъ же представителямъ совмѣстно съ генераломъ Игнатьевымъ, было поручено [3]) заявить великому визиру, чтобы онъ предписалъ Муссурусу-пашѣ отказаться отъ другого предложенія, на которомъ онъ настаивалъ въ Лондонѣ и которое состояло въ слѣдующемъ: по 4-ой ст. проекта договора, постановленія 1856 г., неотмѣненныя и неизмѣненныя, должны оставаться въ силѣ. Муссурусъ-паша предложилъ прибавить условіе, что эти постановленія не могутъ быть никогда измѣнены одностороннимъ заявленіемъ какой либо державы. Всѣ уполномоченные нашли предложеніе Муссуруса-паши оскорблявшимъ Россію. Но Муссурусъ-паша упорно отстаивалъ свое мнѣніе [4]). Князь Горчаковъ писалъ генералу Игнатьеву по поводу предложеннаго турецкимъ уполномоченнымъ дополненія къ 4-ой ст. проекта, что онъ не допускалъ, чтобы оно было внушено ему его инструкціями, такъ какъ иначе бы Порта нанесла бы ударъ тѣмъ добрымъ отношеніямъ, которыя Аали-паша имѣлъ въ виду установить между Рос-

[1]) 1871. Constantinople. V. Exp. № 27, tél. $\frac{\text{21 janvier}}{\text{2 février}}$. Exp. № 28, tél. $\frac{\text{22 janvier}}{\text{3 février}}$. Exp. № 35, lettre $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$. I. Réc. № 250, dép. $\frac{\text{26 janvier}}{\text{7 février}}$. 1871. Berlin. Exp. № 34, dép. $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$.

[2]) 1871. Constantinople. I. Réc., tél. $\frac{\text{22 janvier}}{\text{3 février}}$. Réc. № 244, dép $\frac{\text{26 janvier}}{\text{7 février}}$ № 23.

[3]) 1871. Berlin. I. Réc., tél. 16/24 et 17/29 janvier. Constantinople. I. Exp. № 21, tél. 17/29 janvier.

[4]) 1871. Berlin. I. Réc., tél. 17/29 janvier. Constantinople. V. Exp. № 21, tél. 17/29 janvier.

сіею и Турціею [1]). Аали-паша не одобрилъ дѣйствій Муссуруса-паши, пожелавшаго обезпечить Турцію отъ новыхъ нарушеній неотмѣненныхъ постановленій Парижскаго договора и телеграфировалъ ему, что первый протоколъ конференціи являлся совершенно достаточною гарантіею [2]).

Самостоятельность, выраженная Муссурусомъ-пашой, и сопротивленіе его мнѣнію остальныхъ представителей очень не понравились барону Бруннову и вселили въ немъ убѣжденіе въ двойной игрѣ турокъ. «Ихъ разсчетъ совершенно ясенъ, писалъ онъ [3]). Они дѣлаютъ видъ, что желаютъ соглашенія съ Россіею для того, чтобы она, основываясь на ихъ доброжелательствѣ, стала требовательнѣе въ Лондонѣ, отчего бы прервались занятія конференціи наканунѣ парламентской сессіи. Онъ знаетъ, что найдутся многіе сочувствующіе началу нейтрализаціи Чернаго моря и ограниченію нашихъ морскихъ силъ. Эта система подходитъ болѣе къ выгодамъ Турціи, нежели отмѣна постановленій Парижскаго договора, истребованная нами. Почему и Турки и ихъ парламентскіе друзья заинтересованы въ томъ, чтобы конференція не состоялась». Германскій уполномоченный графъ Бернсторфъ, равнымъ образомъ, сообщилъ въ Берлинъ, что Муссурусъ-паша затягивалъ конференцію съ преднамѣренною цѣлью [4]), но князь Горчаковъ полагалъ [5]), что баронъ Брунновъ напрасно приписывалъ коварныя цѣли Аали-пашѣ, который, напротивъ того, склонялся къ соглашенію съ нами и не одобрялъ Муссуруса-пашу, извѣстнаго ненавистника Россіи, когда онъ своевольно потребовалъ дополненія 4-ой ст. проекта договора. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, съ своей стороны, писалъ [6]), что, имѣя уже съ давнихъ поръ сношенія съ Аали-пашой, самымъ хитрымъ и лукавымъ изъ Турокъ, онъ не могъ слѣпо довѣряться его увѣреніямъ, но что баронъ Брунновъ напрасно подозрѣвалъ въ данномъ слу-

---

[1]) 1871. Constantinople. V. Exp. № 21, tél. 17/29 janvier. Exp. № 24, lettre 18/30 janvier.

[2]) 1871. Constantinople. I. Réc., tél. 17/29 janvier. Londres. IV. Exp. № 22, tél. 18/30 janvier. Berlin. V. Exp. № 23, tél. 18/30 janvier.

[3]) 1871. Londres. III. Réc., tél. 18/30 janvier.

[4]) 1871. Berlin. I. Réc., lettre $\frac{\text{21 janvier}}{\text{2 février}}$.

[5]) 1871. Londres. IV. Exp. № 26, tél. $\frac{\text{20 janvier}}{\text{1 février}}$.

[6]) 1871. Constantinople. I. Réc., lettre 2/14 février.

чаѣ двойную игру Турокъ. Имъ не было никакой выгоды срывать конференцію, которая занималась уже рѣшеннымъ дѣломъ и оставлять грозный восточный вопросъ открытымъ до весны, когда обыкновенно возникаютъ возстанія въ оттоманской имперіи. Напротивъ того Аали-паша былъ очень озабоченъ, какъ бы не возбудился какой-либо новый инцидентъ, замедлившій ходъ собранія. Въ великомъ визирѣ замѣчалось крайнее раздраженіе противъ европейскихъ конференцій; онъ выражалъ свое недоумѣніе относительно того, сколько времени конференція истратила на обсужденіе того, что уже два мѣсяца какъ разрѣшилось. По его мнѣнію она должна была имѣть два или три засѣданія и продлиться двѣ недѣли.

Здѣсь государемъ была сдѣлана собственноручная помѣта: «C'est ce que nous avions espéré et ce n'est pas de notre faute s'il en a été autrement» (мы на это надѣялись и не по нашей винѣ случилось другое). Это письмо генералъ Игнатьевъ заканчивалъ замѣчаніемъ относительно турецкихъ представителей за границей. «Они не имѣютъ никакого вліянія на Порту; Муссурусъ-паша изъ тѣхъ однако, которые пользуются большимъ уваженіемъ и авторитетомъ, но и онъ не посмѣетъ не исполнить своихъ инструкцій. Турки отлично знаютъ, что ихъ представители не имѣютъ ни убѣжденій, ни гражданскаго мужества, что они обыкновенно подчиняются вліянію той среды, въ которой они находятся и постоянно преслѣдуютъ свои личныя выгоды. Почему эти представители, въ родѣ Муссуруса-паши, иногда могутъ привести свое правительство во временное заблужденіе. Но будутъ ли они христіане, раи или авантюристы, они постараются проявить свое усердіе, показаться ярыми приверженцами Турціи, когда на нихъ лежитъ прямая отвѣтственность; во всякомъ случаѣ, они никогда не сумѣютъ повліять на рѣшеніе совѣта министровъ, еще менѣе на волю самого султана».

Третье засѣданіе конференціи было назначено на 3-е февраля / 22-е января; ему предшествовали переговоры, на которыхъ было установлено между Брунновымъ и Гранвилемъ, что къ 4-ой ст. проекта будетъ прибавлена еще одна статья, подтверждающая Черное море открытымъ для торговыхъ судовъ, и что 2-я ст. будетъ дополнена словами: «de la mer Noire». За эту уступку Гранвиль обязался противиться предложенію

Австріи объ увеличеніи сторожевыхъ судовъ у устьевъ Дуная [1]). Вопросъ о судоходствѣ на Дунаѣ будетъ разсмотрѣнъ только по разрѣшеніи главнаго предмета и на продолженіе европейской конференціи на 12 лѣтъ баронъ Брунновъ получилъ предложеніе согласиться [2]). Засѣданіе $\frac{\text{3-го февраля}}{\text{22-го января}}$ было продолжительное и безплодное по выраженію графа Бернсторфа: Муссурусъ настаивалъ на терминѣ «дружественныя державы», Брунновъ на выраженіи «неприбрежныя державы»; всѣ остальные уполномоченные поддержали Бруннова, вслѣдствіе чего Муссурусъ объявилъ, что нуждается въ новыхъ инструкціяхъ. Бернсторфъ заключалъ свою телеграмму тѣмъ, что всѣ державы должны убѣдить Порту отказаться отъ выраженія «дружественныя державы», такъ какъ всѣ желаютъ другого и чтобы положить конецъ дѣлу. Сообщая эту телеграмму барону Будбергу [3]), Тиле сознался ему, что онъ не понималъ нашего возраженія противъ словъ «дружественныя державы», которыя Порта предпочла включить съ цѣлью угодить Россіи. Князь Горчаковъ сдѣлалъ на телеграммѣ слѣдующее замѣчаніе: «Ce n'est pas nous qui objectons, mais les autres insistent sur puissances non-riveraines. En n'y accédant pas on arrête toute l'affaire par un détail comparativement secondaire». Государь же прибавилъ своею рукою: «Vous connaissez mon opinion sur cette malheureuse phrase acceptée par les autres, que je déplore et à laquelle je n'ai consenti qu'à contre coeur, pour voir la question principale décidée en notre faveur et au plus vite». («Не мы противимся, а другіе требуютъ включенія слова «неприбрежныя». Если мы не согласимся, то все дѣло остановится изъ-за выраженія, имѣющаго сравнительно второстепенное значеніе. Государь же прибавилъ своею рукою: «Вы знаете мое мнѣніе насчетъ этой несчастной фразы, которую другіе одо-

---

[1]) 1871. Londres. III. Réc., tél. 15/27 et 18/30 janvier, lettre $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$. IV. Exp. № 29, tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$. Exp. № 31, tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$. 1871. Berlin. V. Exp., lettre $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$. 1871. Vienne. I. Réc., dép. $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$ № 14.

[2]) 1871. Londres. V. Réc. № 100, dép. 15/27 janvier № 97. III. Réc. 19/31 janvier. IV. Exp. № 37, tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$. Exp. № 36, tél. $\frac{\text{25 janvier}}{\text{6 février}}$.

[3]) 1871. Berlin. I. Réc., tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$. Réc. № 153, tél. $\frac{\text{25 janvier}}{\text{6 février}}$. V. Exp. № 34, tél. $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$.

брили, о которой я сожалѣю, на которую я согласился, скрѣпя сердцемъ, для того, чтобы главный вопросъ разрѣшился въ нашу пользу и какъ можно скорѣе»).

При послѣдовавшихъ объясненіяхъ по тому же предмету съ статсъ-секретаремъ Тиле, выражавшимъ свое недоумѣніе относительно притязаній барона Бруннова по части редакціи 2-й ст. проекта и возраженій его противъ словъ «puissances amies et alliées», предложенныхъ турецкимъ уполномоченнымъ, повѣренный въ дѣлахъ князь Михаилъ Горчаковъ ему высказалъ, что, какъ онъ полагалъ, баронъ Брунновъ долженъ былъ уступить настоянію представителей западныхъ державъ для того, чтобы не придираться къ словамъ. «Mais quels occidentaux, me demanda Thile, les anglais seuls?. Et les autrichiens, répliquai-je. Les autrichiens ont fait des choses bien étranges durant cette conférence, ajouta-t-il [1]). (Но какія же западныя державы, спросилъ Тиле, одни англичане. А австрійцы, возразилъ я. Австрійцы очень странно поступили во время этой конференціи, прибавилъ онъ).

VII.

Третье засѣданіе конференціи $\frac{\text{22-го января}}{\text{3-го февраля}}$. Проектъ соглашенія, представленный турецкимъ уполномоченнымъ. Четвертое засѣданіе $\frac{\text{26-го января}}{\text{7-го февраля}}$. Инструкція, полученная турецкимъ уполномоченнымъ. Султанъ желаетъ остаться самостоятельнымъ властителемъ проливовъ. Редакція, предложенная Италіею, принимается всѣми уполномоченными. Послѣднее засѣданіе 2/14-го марта. Лондонская конвенція отъ 1/13-го марта. Оцѣнка работъ конференціи. Солидарное свойство обязательства, заключающагося въ конвенціи 1/13-го марта. Начало закрытія проливовъ обезпечивалось со времени конвенціи 1841 года солидарнымъ обязательствомъ всѣхъ державъ признавать это начало. Возникшій, послѣ подписанія конвенціи отъ 1/13-го марта, вопросъ о правѣ Россіи на посылку изъ Чернаго моря черезъ проливы военнаго судна для сторожевой службы при нашей миссіи въ Аѳинахъ.

Основанія, выработанныя уполномоченными на послѣднемъ засѣданіи 12/24-го января, были облечены въ пись-

[1]) 1871. Berlin. I. Réc., lettre $\frac{\text{25 janvier}}{\text{6 février}}$.

менную форму и внесены въ протоколъ засѣданія $\frac{\text{22-го января}}{\text{3-го февраля}}$.
Противъ нихъ Муссурусъ представилъ свой проектъ двухъ первыхъ статей.

Ст. 1. Проливы остаются закрытыми, пока Порта находится въ мирѣ, всѣмъ военнымъ судамъ, безъ всякаго исключенія, кромѣ легкихъ судовъ, обслуживающихъ посольства, и сторожевыхъ на Дунаѣ.

Ст. 2. Портѣ предоставляется въ мирное время открывать проливы военнымъ судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ томъ единственномъ случаѣ, когда ей покажется, что эта мѣра необходима для ея пользы и безопасности.

Сообщая турецкій проектъ, баронъ Брунновъ писалъ [1]) съ негодованіемъ о томъ, что Муссурусъ-паша счелъ своимъ долгомъ скрыть отъ него свои предложенія, которыя Брунновъ узналъ отъ Гранвиля. На засѣданіи турецкій уполномоченный пытался возбудить обсужденіе восточнаго вопроса, но Брунновъ напомнилъ собранію намѣреніе государя не допускать въ такомъ жгучемъ вопросѣ никакого спора ни о прошедшемъ, ни о будущемъ

Въ объясненіе того, что Порта требовала включенія словъ «дружественныя державы», Муссурусъ-паша сослался на желаніе султана не быть связаннымъ какими-либо ограниченіями и не возбуждать неудовольствія со стороны Россіи. Австровенгерскій уполномоченный предложилъ включить для большей ясности во 2-ую ст. проекта слова «de la mer Noire» (къ Черному морю) [2]) и просилъ подвергнуть обсужденію постановленія по судоходству на Дунаѣ. Лордъ Гранвиль нашелъ, что означенный вопросъ могъ быть разрѣшенъ по предварительномъ принятіи 4-хъ статей первоначальнаго проекта и предложилъ дополнить ихъ статьей о свободѣ плаванія торговыхъ судовъ въ Черномъ морѣ. По установленіи между всѣми уполномоченными, кромѣ Муссуруса-паши, соглашенія о принятіи первоначальнаго проекта статей договора съ тѣми измѣненіями, которыя были предложены въ этомъ за-

---

[1]) 1871. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{22 janvier}}{\text{3 février}}$. I. Réc. № 151, dép. $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$ № 11.

[2]) Султану предоставляется возможность открывать проливъ, когда безопасность его имперіи заставляетъ его признать необходимымъ присутствіе военныхъ судовъ державъ неприбрежныхъ къ Черному морю.

сѣданіи лордомъ Гранвилемъ и графомъ Аппони, собраніе перешло къ обсужденію постановленій о судоходствѣ на Дунаѣ [1]), причемъ уполномоченные согласились на продолженіе европейской коммисіи на 12 лѣтъ. Требованіе Австріи объ увеличеніи числа сторожевыхъ судовъ у устья Дуная, которое она настойчиво поддерживала, обязуясь въ случаѣ его удовлетворенія примкнуть къ турецкой редакціи 2-ой ст. со словами «дружественныя державы», было отвергнуто вслѣдствіе настоянія барона Бруннова [2]). Дальнѣйшія подробности, опредѣляющія новый порядокъ на Дунаѣ, предположено установить особою конвенціею, для разработки которой созвать отдѣльную конференцію.

Послѣ засѣданія $\frac{\text{3-го февраля}}{\text{22-го января}}$ къ барону Бруннову явился Муссурусъ-паша съ повинною; онъ ошибся въ разсчетѣ, надѣясь на поддержку англійскаго министра, но такъ какъ лордъ Гранвиль ему таковой не оказалъ, то онъ обратился къ русскому послу, прося не доводить о своемъ поведеніи до свѣдѣнія Аали-паши, который могъ лишить его мѣста [3]).

Положенія, принятыя, въ послѣднемъ засѣданіи послужили Бруннову для составленія проекта договора; онъ подлежалъ приложенію къ протоколу засѣданія [4]), подписаніе котораго предполагалось по полученіи уполномоченными разрѣшенія отъ ихъ правительствъ. Проектъ этого протокола былъ одобренъ на четвертомъ засѣданіи $\frac{\text{7-го февраля}}{\text{26-го января}}$, на которомъ однако Муссурусъ-паша объявилъ, что не получалъ еще ожидаемыхъ имъ инструкцій [5]). По свѣдѣніямъ Гранвиля изъ Константинополя, султанъ продолжалъ не соглашаться на первоначальныя 4 статьи проекта [6]).

---

[1]) 1871. Londres. I. Réc. № 152, dép. $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$ № 12.

[2]) 1871. Constantinople. V. Exp. № 30, tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$ № 32, tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$. 1871. Londres. IV. Exp. №№ 31 et 33, tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$ № 36, tél. $\frac{\text{25 janvier}}{\text{6 février}}$. Berlin. V. Exp., lettre $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$. 1871. Vienne. I. Réc. № 163, dép. $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$ № 14.

[3]) 1871. Londres. III. Réc., lettre $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$.

[4]) 1871. Londres. III. Réc., lettre $\frac{\text{24 janvier}}{\text{5 février}}$. I. Réc. № 179, dép. $\frac{\text{27 janvier}}{\text{8 février}}$ № 13.

[5]) 1871. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{26 janvier}}{\text{7 février}}$.

[6]) 1871. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{27 janvier}}{\text{8 février}}$.

Собственно говоря, Порта возражала только противъ 2-ой ст. проекта, а именно противъ выраженія «неприбрежныя державы», требуя ея замѣны словами «дружественныя и союзныя державы», и государственный канцлеръ, получивъ свѣдѣнія о засѣданіи $\frac{\text{3-го февраля}}{\text{22-го января}}$, немедленно доложилъ государю, указавъ въ докладѣ [1]), что согласіе султана увѣнчало бы зданіе и привело бы все дѣло къ концу и что минуты драгоцѣнны. Князь Горчаковъ просилъ утвердить два проекта депешъ. Государь собственноручно написалъ на докладѣ: «Cette fois-ci, hélas!, c'est nous qui voulons être plus turcs que les turcs». Изъ двухъ телеграммъ одна назначалась для генералъ-адъютанта Игнатьева, другая для барона Бруннова. Въ первой [2]) указывалось на то, что выраженіе «дружественныя и союзныя державы», на которомъ настаивалъ Муссурусъ-паша въ конференціи, оцѣнено по достоинству государемъ, но оно одно препятствуетъ успѣху дѣла, въ виду чего поручалось послу высказать Аали-пашѣ, насколько государь былъ бы признателенъ султану, если бы онъ взялъ назадъ свое возраженіе противъ 2-й ст. проекта. Вторая телеграмма увѣдомляла барона Бруннова объ этомъ порученіи, данномъ Игнатьеву [3]).

Положеніе казалось барону Бруннову въ такомъ видѣ [4]): «Турки намъ говорятъ, что они хотятъ принять условія конференціи, такъ какъ султанъ желаетъ сохранить въ своей власти проливы для открытія ихъ дружественнымъ державамъ, т.-е. Россіи и западу. Въ Лондонѣ Муссурусъ-паша говоритъ, что существующее положеніе, установленное Парижскимъ договоромъ, представляется самымъ выгоднымъ для Турціи, иными словами султанъ желалъ бы прекратить всякія пренія и распустить конференцію. Къ моему крайнему сожалѣнію Муссурусъ не разоблачаетъ турецкой программы. По свѣдѣніямъ Элліота она состоитъ въ сохраненіи начала закрытія проливовъ съ предоставленіемъ Портѣ возможности ихъ открывать, въ мирное время.

---

[1]) 1871. Доклады, 23-го января.

[2]) 1871. Constantinople. V. Exp. № 32, tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$.

[3]) 1871. Londres. III. Exp. № 33, tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$.

[4]) 1871. Londres. III. Réc., lettre $\frac{\text{27 janvier}}{\text{8 février}}$.

судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ, если того бы потребовало исполненіе постановленій Парижскаго договора». Баронъ Брунновъ затѣмъ излагаетъ проектъ редакціи, примиряющей оба лагеря: «Султанъ объявляетъ свою непреклонную волю пользоваться вполнѣ свободно своими верховными правами надъ Босфорскимъ и Дарданельскимъ проливами, прилегающими къ его владѣніямъ. Въ силу этого права и въ видѣ временного исключенія онъ намѣренъ выдавать по своему усмотрѣнію и, пока высокая Порта находится въ мирѣ, фирманы на пропускъ военныхъ судовъ, принадлежащихъ иностраннымъ дружественнымъ и союзнымъ державамъ».

«Въ единственномъ случаѣ, когда того потребовали бы польза и безопасность его имперіи, султанъ предоставилъ бы себѣ право открывать проливы военнымъ судамъ державъ неприбрежныхъ къ Черному морю. Разумѣется, что это обстоятельство не могло бы служить основаніемъ къ возникновенію распрей между великими европейскими державами, которыя воодушевлены по общему согласію желаніемъ утвердить спокойствіе на Востокѣ».

«Во всѣхъ редакціяхъ,—продолжалъ баронъ Брунновъ,—представители западныхъ державъ настаиваютъ на введеніи фразы о независимости и неприкосновенности оттоманской имперіи. Я всегда воздерживаюсь отъ такой пошлости».

Между тѣмъ баронъ Брунновъ получилъ увѣдомленіе, что государь одобрилъ протоколъ четвертаго засѣданія, который поручалось Бруннову подписать [1]). Того же числа былъ сообщенъ государственнымъ канцлеромъ [2]) текстъ заявленія Порты, посланнаго Муссурусу-пашѣ для передачи Гранвилю. Порта желала бы освободиться отъ конвенціи о проливахъ, но обязуется держать ихъ закрытыми всѣмъ военнымъ судамъ безъ исключенія, кромѣ мелкихъ судовъ, обслуживающихъ посольства и сторожевыхъ на Дунаѣ. Она предоставляетъ себѣ открывать проливы только, если бы того потребовали ея польза и безопасность. Князь Горчаковъ заключалъ свою телеграмму словами: «Nous avons tout fait pour décider à acceptation tels quels des 4

---

[1]) 1871. Londres. IV. Exp. № 41, tél. $\frac{\text{27 janvier}}{\text{8 février}}$.

[2]) 1871. Londres. IV. Exp. № 42, tél. $\frac{\text{27 janvier}}{\text{8 février}}$.

articles. Puisque Turquie persiste et qu'il importe de finir, la version ci-dessus devrait être acceptable, s'il n'y a pas d'arrière-pensée à Londres»[1]). Эта телеграмма канцлера встрѣтилась съ таковою же барона Бруннова, сообщавшаго [2]), что Муссурусъ-паша, въ день ея отправленія, объявилъ лорду Гранвилю отказъ султана принять условленныя четыре статьи и взамѣнъ ихъ не представилъ никакого предложенія. Баронъ Брунновъ полагалъ, что Порта желала бы помѣшать окончанію конференціи и сохранить существовавшее положеніе вещей. На этой телеграммѣ государемъ собственноручно написано: «Il me semble qu'il y a tout bonnement malentendu ou mauvais vouloir des deux parts, car la Porte voudrait garder le statu quo seulement pour ce qui regarde la fermeture des détroits, c'est-à-dire qu'elle ne trouve pas nécessaire pour sa sécurité la clause inventée par ses soi-disants amis et elle ne proteste nullement contre l'abrogation des clauses restrictives pour nous». («Мнѣ кажется, что просто существуетъ съ обѣихъ сторонъ недоразумѣніе или недоброжелательство, такъ какъ Порта желала бы сохранить существующее положеніе въ отношеніи закрытія проливовъ, т.-е. она не находитъ необходимымъ для своей безопасности условіе, придуманное ея мнимыми друзьями, и она вовсе не противится уничтоженію условій, ограничительныхъ для насъ»). Усмотрѣвъ помѣту государя, государственный канцлеръ въ своемъ докладѣ изложилъ [3]), что онъ пришелъ къ тому же заключенію, доказательствомъ чего служатъ представляемые имъ два проекта телеграммъ, и что баронъ Брунновъ очевидно еще не получилъ текста заявленія, отправленнаго изъ Константинополя Муссурусу-пашѣ, которое содержало очень ясное предложеніе со стороны Порты въ смыслѣ вполнѣ согласномъ съ помѣтой государя. Обѣ телеграммы, о которыхъ князь Горчаковъ упоминалъ въ своемъ докладѣ, были адресованы одна барону Бруннову, другая генералу

---

[1]) Мы все сдѣлали, чтобы убѣдить Порту къ принятію четырехъ статей, какъ онѣ изложены. Такъ какъ Турція стоитъ на своемъ и необходимо покончить, вышеуказанная редокція должна была бы быть принята, если бы не существовала задняя мысль въ Лондонѣ.

[2]) 1871. Londres. III. Réc. tél. $\frac{\text{27 janvier}}{\text{8 février}}$, reçu le 28 janvier.

[3]) 1871. Доклады, 28-го января.

Игнатьеву [1]). Въ нихъ указывалось на явное недоразумѣніе, такъ какъ Порта не отказывалась отъ условленныхъ 4-хъ статей проекта договора, если бы во второй статьѣ были вычеркнуты слова «non riveraines», въ противномъ же случаѣ она, соглашаясь на отмѣну ограничительныхъ постановленій, требовала сохраненія существовавшаго положенія вещей. Генералу Игнатьеву предлагалось немедленно разъяснить означенное недоразумѣніе.

Вслѣдъ затѣмъ барону Бруннову было сообщено [2]), что Рустемъ-бей передалъ канцлеру содержаніе инструкцій, посланныхъ Муссурусу-пашѣ. Князь Горчаковъ удивлялся поведенію послѣдняго и ставилъ вопросъ, не завязалъ ли онъ какія-либо шашни съ графомъ Аппони или же съ самимъ Гранвилемъ, чтобы замедлить конференцію съ цѣлью узнать мнѣніе парламента, сессія котораго открывалась. Баронъ Брунновъ отвѣчалъ [3]), что заставитъ Муссуруса-пашу разъяснить съ точностью полученныя имъ приказанія. «Безъ сомнѣнія, прибавлялъ онъ, существуетъ недоразумѣніе или двойная игра со стороны турокъ. Здѣсь они стараются разстроить ходъ конференціи, чтобы сохранить настоящее положеніе вещей, тогда какъ въ Константинополѣ они показываютъ намъ видъ, что благопріятствуютъ отмѣнѣ ограничительныхъ постановленій». Но въ этомъ отношеніи баронъ Брунновъ ошибался, такъ какъ Порта, по объясненію Али-паши, настаивая на сохраненіи предложенной ею редакціи «дружественныя и союзныя державы» [et c'est ce que j'aurais voulu, (этого бы я желалъ), помѣчалъ государь], рѣшилась въ случаѣ непринятія ея собраніемъ, поручить Муссурусу-пашѣ, во избѣжаніе дальнѣйшей затяжки переговоровъ, объявить, что султанъ отказывался отъ всякой замѣны, эквивалента, за отмѣну ограничительныхъ постановленій Парижскаго договора. Онъ отказывался отъ возможности призывать въ проливы суда иностранныхъ державъ и желалъ сохраненіе порядка вещей, связаннаго съ конвенціями 1841 и

---

[1]) 1871. Londres. IV. Exp. № 43, tél. $\frac{28 \text{ janvier}}{9 \text{ février}}$. 1871. Constantinople. V. Exp. № 44, tél. $\frac{28 \text{ janvier}}{9 \text{ février}}$.

[2]) 1871. Londres. IV. Exp. № 45, tél. $\frac{28 \text{ janvier}}{9 \text{ février}}$.

[3]) 1871. Londres. III. Réc., tél. $\frac{28 \text{ janvier}}{9 \text{ février}}$.

1856 г.г. Иными словами, онъ ограничивался сохраненіемъ начала закрытія проливовъ, черезъ которые бы пропускались одни легкія суда, обслуживавшія посольства и сторожевыя у устьевъ Дуная. [Je le comprends (я его понимаю), помѣчалъ государь]. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ находилъ это новое предложеніе Порты очень выгоднымъ для Россіи, такъ какъ конференціи бы оставалось только внести въ протоколъ декларацію русскаго правительства объ отмѣнѣ постановленій договора [1]).

Впослѣдствіи генералъ Игнатьевъ разъяснилъ [2]), что при обсужденіи первоначальныхъ инструкцій, посылаемыхъ Муссурусу-пашѣ, совѣтъ турецкихъ министровъ рѣшилъ принять сообщеніе Россіи, не требуя никакого возмѣщенія, но Аали-паша одинъ высказалъ мнѣніе о необходимости требовать эквивалента въ виду обязательствъ, принятыхъ имъ передъ нѣкоторыми правительствами. Когда же возникли въ конференціи затрудненія для формулировки этого требованія, то Аали-пашѣ указали на то, что онъ— причина этихъ затрудненій, вслѣдствіе чего великій визирь рѣшился отказаться отъ требованія эквивалента.

Если припомнимъ то, что писалъ князь Горчаковъ 11/23-го декабря 1870 г. барону Бруннову [3]) относительно инструкцій, данныхъ Муссурусу-пашѣ, новое рѣшеніе Порты вполнѣ согласовалось съ его воззрѣніемъ. Князь Горчаковъ высказывалъ, что султанъ долженъ былъ требовать признанія его верховныхъ правъ на проливы, держать ихъ закрытыми, не пропуская никакихъ военныхъ судовъ, кромѣ мелкихъ. Такимъ образомъ мнѣніе русскаго государственнаго канцлера вполнѣ совпадало съ желаніемъ Порты; все сводилось къ непосредственному соглашенію между Россіею и Турціею, но такому соглашенію противодѣйствовали западныя державы, и нашъ уполномоченный въ Лондонѣ связался словомъ противъ русскихъ прямыхъ выгодъ, сознанныхъ самимъ государемъ. Особенно въ Кон-

---

[1]) 1871. Constantinople. I. Réc., tél. $\frac{\text{23 janvier}}{\text{6 février}}$, réçu le 26 janvier. I. Réc., tél. $\frac{\text{31 janvier}}{\text{12 février}}$. I. Réc. № 250, dép. $\frac{\text{26 janvier}}{\text{7 février}}$ № 29; № 281, dép. 2/14 février № 36. Londres. IV. Exp. № 38, tél. $\frac{\text{26 janvier}}{\text{7 février}}$.

[2]) 1871. Constantinople. I. Réc. № 214, dép. 9/21 février № 39.

[3]) 1871. Londres. V. Exp., lettre 11/23 décembre.

стантинополѣ были поражены тою легкостью, съ которою баронъ Брунновъ принялъ редакцію 2-ой статьи, предложенную лордомъ Гранвилемъ. Государь въ этомъ мѣстѣ депеши помѣтилъ: «c'est ce que je craignais»[1]). Всѣ думали писалъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ [2]), что въ поведеніи нашего уполномоченнаго скрывалась какая-то невѣдомая тайна. Самъ графъ Кайзерлингъ недоумѣвалъ; ему казалось, что въ отсутствіе представителя Франціи, которая, безъ сомнѣнія, возбудила бы затрудненія, мы должны были добиться самыхъ выгодныхъ условій. Турки увидали себя покинутыми всѣми въ тотъ единственный разъ, когда они вздумали показаться самостоятельными. Они и начали колебаться; Аали-паша уже сожалѣлъ о послѣдней инструкціи, посланной Муссурусу-пашѣ, и склонялся принять редакцію 2-ой статьи, предложенную итальянскимъ посланникомъ графомъ Барболани, которая, по мнѣнію Игнатьева, хотя и плохо была изложена, но была предпочтительнѣе той, за которую стояли всѣ уполномоченные. При послѣдней Европа могла бы вмѣшаться во всѣ внутреннія смуты Турціи подъ предлогомъ, что безопасность оттоманской имперіи нарушена, тогда какъ итальянскій проектъ, упоминая о постановленіяхъ договора, ограничивалъ вмѣшательство державъ переворотами, произведенными нападеніемъ извнѣ.

Что же касается жалобы барона Бруннова на Муссурусъ-пашу, то генералъ Игнатьевъ не нашелъ ее основательной [3]). Турецкій уполномоченный не могъ иначе дѣйствовать, какъ молчать, въ виду того, что его инструкціи еще тогда не прибыли въ Лондонъ. Главное неудовольствіе всѣхъ уполномоченныхъ заключалось въ томъ, что Муссурусъ-паша посмѣлъ защищать интересы своей страны противъ притязаній Европы и согласно выгодамъ Россіи. По этой причинѣ на него посыпались жалобы не только отъ барона Бруннова, но и отъ всѣхъ уполномоченныхъ Гранвиля, Бернсторфа и Аппони. Аали-пашѣ пришлось увѣрять всѣхъ представителей державъ въ Константинополѣ, что Муссурусъ не виноватъ въ замедленіи хода конференціи, окончанія которой Порта ждетъ съ нетерпѣ-

---

[1]) Этого я и боялся.

[2]) 1871. Constantinople. I. Réc. № 277, dép. 2/14 février № 32.

[3]) 1871. Constantinople. I. Réc. № 281, dép. 2/14 février № 36.

ніемъ [1]). Вообще Аали-паша былъ очень возмущенъ тѣмъ, что могли подозрѣвать Порту въ ея желаніи причинять какія-либо затрудненія Россіи. По его словамъ, оговорка Муссуруса-паши объ обязательной силѣ постановленій Парижскаго договора была предложена самимъ турецкимъ уполномоченнымъ безъ вѣдома Порты, изъ одного усердія, какъ надо полагать, вслѣдствіе посторонняго внушенія, и Аали-паша, коль скоро узналъ объ этой фразѣ, велѣлъ Муссурусъ-пашѣ отказаться отъ нея. Точно также онъ отвергъ требованіе Австріи объ уступкѣ мѣста для стоянки военныхъ судовъ западныхъ державъ въ Синопѣ [2]). По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ статсъ-секретарю Тиле турецкимъ посланникомъ въ Берлинѣ Аристархи-беемъ, такое домогательство дѣйствительно было возбуждено графомъ Бейстомъ, и, пока шли переговоры о немъ, кончившіеся отказомъ со стороны великаго визира, Муссурусъ-паша пытался затянуть ходъ конференціи [3]).

Такъ какъ въ концѣ концовъ выяснилось, что Порта, въ возмѣщеніе отмѣны ограничительныхъ постановленій, рѣшилась ничего не требовать, довольствуясь закрытіемъ проливовъ ради скорѣйшаго окончанія занятій конференціи и что Муссурусъ-паша не могъ о томъ заявить собранію за неполученіемъ своевременно инструкцій, то государственный канцлеръ счелъ своимъ долгомъ выразить генералу Игнатьеву, насколько положеніе, принятое великимъ визиромъ по отношенію къ Россіи, было достойно всякой похвалы. Князь Горчаковъ приписывалъ его не платоническому доброжелательству къ намъ, но желанію Порты освободиться отъ западно-европейской опеки и сознанію, что сближеніе Турціи съ нами соотвѣтствовало ея достоинству, чувству независимости и выгодамъ. Затѣмъ государственный канцлеръ, обративъ вниманіе посла на поведеніе Муссуруса-паши, который на третьемъ засѣданіи столь усердно защищалъ интересы и Турціи и Россіи. Почему онъ сожалѣлъ, что баронъ Брунновъ, увлеченный желаніемъ ускорить ходъ конференціи, пришелъ къ слишкомъ поспѣшному заключенію о двухсмысленныхъ дѣйствіяхъ

---

[1]) 1871. Constantinople. I. Réc. № 283, dép. 3/15 février № 38.
[2]) 1871. Constantinople. Réc., lettre 16/28 février.
[3]) 1871. Berlin. I. Réc. № 213, dép. 4/16 février № 37.

турецкаго посла и даже о двоедушіи самой Порты. Въ этомъ смыслѣ князь Горчаковъ писалъ и барону Бруннову, указавъ ему на то, что онъ не раздѣлялъ его мнѣнія о двойной игрѣ турокъ [1]).

Между тѣмъ въ переговорахъ барона Бруннова съ лордомъ Гранвилемъ и въ перепискѣ государственнаго канцлера съ нашимъ посломъ продолжались обсуждаться пресловутыя выраженія 2-ой ст. проекта съ разными варіантами. Князь Горчаковъ доказывалъ Бруннову, что Гранвиль долженъ былъ наконецъ убѣдиться въ непригодности фразы «неприбрежныя державы», такъ какъ этотъ терминъ имѣлъ лишь очень отдаленное практическое значеніе и умалялъ верховныя права султана. Согласившись на его исключеніе, Гранвиль удовлетворилъ бы Порту и дѣло бы пришло къ концу. «Гранвиль, телеграфировалъ баронъ Брунновъ [2]), кажется, сдается и отказывается отъ словъ «неприбрежныя державы», но, по парламентскимъ соображеніямъ, онъ желалъ бы примѣшать къ редакціи пошлую фразу о независимости и неприкосновенности оттоманской имперіи. Если бы не было этой прибавки, я готовъ былъ бы подписать, не испрашивая разрѣшенія. «Здѣсь баронъ Брунновъ припомнилъ упрекъ сдѣланный ему государемъ за одобреніе термина «неприбрежныя державы», почему онъ кончилъ телеграмму словами: «Ne voudrais point éprouver ce chagrin une seconde fois. Veuillez me dire si version de puissances amies et alliées est admissible, bien que mélangée à la phrase stupidement occidentale, consacrée par verbiage anglo-français, quand on parle de la Turquie». (Я бы не желалъ испытать это горе во второй разъ. Скажите мнѣ, допустимы ли выраженія «дружественныя и союзныя державы», если къ нимъ прибавить глупую фразу западниковъ, придуманную англо-французскою болтовнею въ отношеніи Турціи?). На это баронъ Брунновъ получилъ разрѣшеніе канцлера [3]), но съ тѣмъ, чтобы наше ручательство въ не-

---

[1]) 1871. Constantinople. V. Exp., lettres du 4/16 et $\frac{18 \text{ février}}{2 \text{ Mars}}$. Berlin. IV. Exp., lettre 6/18 février.

[2]) 1871. Londres. II. Exp. № 45, tél. 28 janvier. 1871. Londres. III. Réc., tél. 1/13 fevrier.

[3]) 1871. Londres. IV. Exp. № 47, tél. 2/14 février. 1871. Berlin. V. Exp. № 50, tél. 2/14 février.

зависимости и неприкосновенности оттоманской имперіи разумѣлось въ смыслѣ VII ст. Парижскаго договора, которая имѣетъ въ виду нападеніе извнѣ, а не внутреннія смуты. Противъ распространенія подобнаго вмѣшательства во внутренніе раздоры Турціи возсталъ Аали-паша, когда генералъ Игнатьевъ ему передалъ предложеніе Гранвиля и то ограничительное толкованіе, которое было сообщено барону Бруннову [1]).

Однако редакціи 2-ой статьи проекта суждено было наконецъ получить окончательную форму только, когда итальянскій посланникъ въ Константинополѣ графъ Барболани, по приказанію своего министра Висконти-Веносты, предложилъ Аали-пашѣ «une rédaction modifiée», какъ телеграфировалъ Игнатьевъ [2]), qui spécifie que Porte pourrait ouvrir détroits aux flottes des puissances amies et alliées, lorsque nécessaire sauvegarder exécution des clauses du traité 15 avril. Aali a répondu que n'a aucune objection à rédaction italienne. Si conférence l'admet, adhésion Porte assurée. Maintien statu quo actuel, proposé par Porte, me parait préférable» (измѣненную редакцію, которая опредѣляетъ, что Порта могла бы открыть проливы судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ, когда необходимо обезпечить исполненіе условій договора 15-го апрѣля. Аали отвѣтилъ, что онъ не противится итальянской редакціи. Если конференція ее приметъ, согласіе Порты обезпечено. Сохраненіе существующаго положенія, предложеннаго Портою, мнѣ кажется предпочтительнѣе). Государь прибавилъ: «et à moi aussi» [3]). Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, предпочитая итальянскую редакцію первоначальному проекту 2-ой ст., находилъ [4]), что она уступала, съ точки зрѣнія нашихъ выгодъ, предложенію Порты о сохраненіи настоящаго положенія, т.-е. закрытія проливовъ военнымъ судамъ за исключеніемъ легкихъ судовъ, обслуживавшихъ посольства и сторожевыхъ на Дунаѣ, такъ какъ турецкое предложеніе имѣло то преимущество, что оно сохраняло старый порядокъ, не опредѣляло случая

---

[1]) 1871. Constantinople. I. Réc. № 214, dép. 9/21 février № 39.

[2]) 1871. Constantinople. I. Réc., tél. $\frac{25 \text{ janvier}}{6 \text{ février}}$, reçu le 26 janvier.

[3]) И мнѣ также.

[4]) 1871. Constantinople. I. Réc. № 250, dép. $\frac{26 \text{ janvier}}{7 \text{ février}}$ № 29. Réc. № 277. dép. 2/14 février № 32.

открытія проливовъ, опуская всякое упоминаніе, по меньшей мѣрѣ излишнее, о договорѣ 1856 г. и не требовало никакого эквивалента за отмѣну ограничительныхъ постановленій. Князь Горчаковъ, получивъ сообщеніе генерала Игнатьева, о предложенной графомъ Барболани редакціи, телеграфировалъ барону Бруннову съ указаніемъ на трактатъ 15-го апрѣля 1856 г. [1]). Припомнимъ, что это былъ тотъ особый договоръ, заключенный между Англіей, Франціей и Австріей, въ силу котораго онѣ гарантировали независимость и цѣлость оттоманской имперіи въ границахъ трактата 30-го марта 1856 г. и рѣшили разсматривать какъ casus belli всякое нарушеніе этого договора. Мы уже видѣли выше, что, по мысли графа Бейста, было сдѣлано предложеніе итальянскому правительству примкнуть къ нему, но флорентинскій кабинетъ благоразумно уклонился отъ такого предложенія [2]). Ссылка въ редакціи 2-й ст., предложенной Италіей, на договоръ 15-го апрѣля 1856 г. указывала на то, что оговорка, по которой султанъ имѣлъ бы возможность открывать проливы судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ, въ случаѣ нарушенія постановленій договора 15-го апрѣля 1856 г., была вновь направлена противъ Россіи, такъ какъ самый этотъ договоръ, въ которомъ она не участвовала, былъ заключенъ съ единственною цѣлью нападенія на нее. Хотя, впослѣдствіи, приписывали упоминаніе договора 15-го апрѣля 1856 г. телеграфической ошибкѣ, но императорскій посланникъ въ Берлинѣ высказалъ сомнѣніе по этому поводу, допустивъ, что первоначально могла быть дѣйствительно ссылка на договоръ 15-го апрѣля 1856 г. [3]). Однако въ текстѣ итальянскаго предложенія, который получилъ баронъ Брунновъ отъ лорда Гранвиля, упоминался договоръ 30-го марта 1856 г. Предложеніе было изложено слѣдующимъ образомъ: «Начало закрытія Босфорскаго и Дарданельскаго проливовъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было установлено особою конвенціею 30-го марта 1856 г., остается въ силѣ съ предоставленіемъ султану возможности ихъ открывать, въ мирное время, военнымъ судамъ дружественныхъ и

---

[1]) 1871. Londres. IV. Exp. № 39, tél. $\frac{\text{26 janvier}}{\text{7 février}}$.

[2]) 1871. Berlin. I. Réc. № 192, dép. 1/13 février № 29.

[3]) 1871. Berlin. I. Réc. № 227, dép. 8/20 février № 40; lettre 8/20 février.

союзныхъ державъ въ томъ случаѣ, если бы это было признано необходимымъ для исполненія постановленій Парижскаго договора 30-го марта 1856 г.». Сообщая эту редакцію барону Бруннову, лордъ Гранвиль высказалъ надежду, что русское правительство приметъ ее. Баронъ отвѣтилъ ему: «Comme vous, j'accepte la version italienne telle quelle» [1]). (Какъ вы я принимаю итальянскую версію, какъ она есть). «Послѣднія слова «telle quelle» (какъ она есть), говоритъ Брунновъ въ своей депешѣ, относятся къ разговору, который я имѣлъ съ Гранвилемъ и въ которомъ онъ мнѣ доказывалъ, необходимость сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и внести въ акты конференціи пресловутыя слова: «независимость и неприкосновенность оттоманской имперіи. Я возсталъ противъ этой ссылки, находя ее пошлою и избитою». Бруннову было разрѣшено принять итальянскую версію и подписать протоколъ, не испрашивая дальнѣйшихъ указаній [2]). Затѣмъ она была принята всѣми остальными уполномоченными [3]).

На открывшейся сессіи парламента, въ палатѣ общинъ, Дизраели сдѣлалъ первому министру упрекъ въ томъ, что онъ допустилъ пересмотръ нѣкоторыхъ постановленій Парижскаго договора. Гладстонъ ему возразилъ указаніемъ на мнѣнія Пальмерстона и Кларендона, признававшихъ, что нейтрализація Чернаго моря не могла долго просуществовать. Затѣмъ Гладстонъ сослался на то, что французское правительство въ свое время готово было подвергнуть пересмотру постановленія о нейтрализаціи Чернаго моря и что такое же предложеніе было сдѣлано и Австріей [4]).

Назначеніе французскимъ правительствомъ уполномоченнаго на конференцію въ лицѣ герцога Брольи побудило лорда Гранвиля отложить засѣданіе до его прибытія. Онъ находилъ, что такъ какъ присоединеніе Франціи къ рѣше-

---

[1]) 1871. Londres. I. Réc. № 238, dép. 6/18 février № 19. I. Réc. tél. 1/13 février.

[2]) 1871. Londres. IV. Exp. № 51, tél. 2/14 février. Berlin. V. Exp. № 54, tél. 2/14 février.

[3]) 1871. Berlin. I. Réc., tél. 3/15 février. Réc. № 227, dép. 8/20 février № 40. 1871. Constantinople. I. Réc., tél. $\frac{\text{31 janvier}}{\text{12 février}}$. Réc. № 214, dép. 9/21 février № 39. V. Exp. № 53, tél. 2/14 février.

[4]) 1871. Londres. II. Réc. № 187, dép. $\frac{\text{29 janvier}}{\text{10 février}}$ № 15.

ніямъ собранія рано или поздно было необходимымъ для того, чтобы акты конференціи получили санкцію всѣхъ правительствъ, подписавшихъ Парижскій договоръ, то было бы правильнѣе заключить занятія конференціи въ присутствіи уполномоченнаго Франціи, который предпочтетъ принять участіе въ собраніи для утвержденія рѣшеній, состоявшихся безъ него, чѣмъ скрѣплять своею подписью готовый протоколъ конференціи уже закрытой. Но до прибытія герцога Брольи уполномоченные согласились особымъ актомъ установить результатъ уже ими достигнутый, а также считать итальянскую редакцію второй статьи проекта окончательно ими принятою [1]).

Работы конференціи затянулись сверхъ ожиданія; чтобы выиграть потерянное время, баронъ Брунновъ и графъ Бернсторфъ занялись, первый — составленіемъ предисловія къ договору, а второй — изложеніемъ послѣдняго, пока герцогъ Брольи, ознакомившійся, по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ, со всѣми актами конференціи и потребовавшій инструкцій отъ своего правительства, ихъ еще не получилъ [2]). Предисловіе и договоръ, изложенные барономъ Брунновымъ и графомъ Бернсторфомъ, гласили: «Ихъ величества императоры всероссійскій, германскій, австрійскій и т. д. сочли нужнымъ собрать своихъ уполномоченныхъ на конференцію въ Лондонѣ съ цѣлью согласиться на счетъ пересмотра постановленій договора, заключеннаго въ Парижѣ 30-го марта 1856 г., относящихся къ плаванію судовъ въ Черномъ морѣ, а равнымъ образомъ къ судоходству на Дунаѣ, и разрѣшить эти вопросы, соприкасающіеся къ общей пользѣ, въ духѣ согласія, сообразно съ мирнымъ положеніемъ, благополучно установившимся на востокѣ. Желая вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ этихъ странахъ новыя облегченія для успѣшной торговой дѣятельности всѣхъ народовъ, высокія договаривающіяся стороны рѣшили заключить договоръ, назначивъ своихъ уполномоченныхъ такихъ-то, которые пришли къ слѣдующему соглашенію.

Ст. I. Статьи 11, 13 и 14 Парижскаго договора 30-го

---

[1]) 1871. Londres. III. Réc., tél. 3/15 février et 8/20 février. Constantinople. II. Réc. № 216, dép. 3/15 février № 16.

[2]) 1871. Londres. III. Réc., tél. $\frac{18 \text{ février}}{2 \text{ mars}}$, $\frac{26 \text{ février}}{7 \text{ mars}}$.

марта 1856 г., а также особая конвенція между Россіей и Турціей, отмѣняются и замѣняются слѣдующей статьей.

Ст. II. Начало закрытія проливовъ Дарданельскаго и Босфорскаго въ томъ видѣ, въ какомъ оно было установлено особымъ трактатомъ 30-го марта 1856 г., остается въ силѣ, съ предоставленіемъ султану возможности открывать сказанные проливы, въ мирное время, флотамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ случаѣ, если бы того потребовало исполненіе постановленій Парижскаго договора 30-го марта 1856 г.

Ст. III. Черное море остается открытымъ, какъ въ прежнее время, для торговыхъ судовъ всѣхъ націй.

Ст. IV—VII о судоходствѣ на Дунаѣ.

Ст. VIII. Высокія договаривающіяся стороны возобновляютъ и подтверждаютъ тѣ изъ постановленій договора 30-го марта 1856 г., а также его приложеній, которыя не были отмѣнены, ни измѣнены настоящимъ договоромъ [1]).

Проектъ договора былъ переданъ лордомъ Гранвилемъ герцогу Брольи для прочтенія; французскій посолъ выразилъ, что Франція предпочла бы сохраненіе Парижскаго трактата, но изъ чувства миролюбія онъ соглашается на его пересмотръ, и высказалъ свое одобреніе относительно проекта новаго договора [2]).

2/14-го марта состоялось послѣднее засѣданіе конференціи, утвердившее проектъ договора съ нѣкоторыми измѣненіями, предложенными турецкимъ уполномоченнымъ въ отношеніи редакціи 2-ой ст., а именно, вмѣсто словъ «особымъ трактатомъ 30-го марта 1856 г», было вставлено: «особою конвенціею 30-го марта 1856 г.»; слова: «флотамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ» были замѣнены словами: «военнымъ судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ»; конецъ 2-ой ст. изложенъ въ такомъ видѣ: «въ томъ случаѣ, когда высокая Порта признаетъ это необходимымъ для обезпеченія исполненія постановленій Парижскаго договора 30-го марта 1856 года».

3/15-го марта уполномоченные подписали новый договоръ, который рѣшено было помѣтить тринадцатымъ

---

[1]) 1871. Londres. I. Réc. № 373, dép. $\frac{24 \text{ février}}{8 \text{ mars}}$ № 28, lettre $\frac{24 \text{ février}}{8 \text{ mars}}$.

[2]) 1871. Londres. III. Réc., tel. $\frac{27 \text{ février}}{11 \text{ mars}}$.

(первымъ) мартомъ [1]), а 4/16-го марта была подписана барономъ Брунновымъ и Муссурусомъ-пашой особая конвенція между Россіей и Турціей въ отмѣну конвенціи 18/30-го марта 1856 г., помѣченная также первымъ (тринадцатымъ) мартомъ [2]).

Послѣ четырехмѣсячныхъ переговоровъ и преній въ конференціи, продолжавшейся болѣе двухъ мѣсяцевъ, возбужденный Россіею вопросъ объ отмѣнѣ постановленій Парижскаго договора, нарушавшихъ ея верховныя права, разрѣшился благополучно, къ крайнему удовольствію обѣихъ наиболѣе заинтересованныхъ сторонъ Россіи и Турціи.

Порта была довольна тѣмъ, что ея верховныя права на проливы были признаны за нею, а главное она избавлялась отъ страха, чтобы, при обсужденіи домогательствъ Россіи, не возникъ общій вопросъ о Востокѣ.

Сообщая о настроеніи, господствовавшемъ въ Константинополѣ послѣ конференціи, генералъ Игнатьевъ [3]) критически отнесся къ тому доброжелательству, которое выразила Порта къ Россіи въ теченіе минувшихъ переговоровъ. Ни Аали-паша, ни ближайшіе совѣтники султана не руководились особыми чувствами къ ней, ни политическими соображеніями. Турки понимали, что имъ могъ предстоять разрывъ съ нами, который бы имѣлъ очень опасныя для нихъ послѣдствія. Они предпочли насъ удовлетворить; былъ подписанъ договоръ, которымъ подтверждены гарантіи, обезпечивавшія неприкосновенность Парижскаго трактата. Кромѣ того Порта сознавала, что въ ту минуту Россія была въ состояніи воспользоваться благопріятными обстоятельствами и свободно приготовлять пути къ коренному рѣшенію восточнаго вопроса въ свою пользу. Почему, Портѣ было выгодно ладить съ нами, доколѣ положеніе въ Европѣ не измѣнилось. Когда же страхъ передъ нами, вслѣдствіе новыхъ сложившихся обстоятельствъ, исчезнетъ, измѣнятся и отношенія Порты къ Россіи. Извѣщая генералъ-адъютанта Игнатьева о пожалованіи ему знаковъ ордена св. Александра Невскаго, государственный канцлеръ писалъ [4]), что хотя посолъ держался другого мнѣнія от-

---

[1]) 1871. Londres. I. Réc. № 407, dép. 3/15 mars.

[2]) 1871. Londres. I. Réc., dép. 4/16 mars №№ 34 et 35.

[3]) 1871. Constantinople. II. Réc., № 479, dép. 9/21 mars № 70.

[4]) 1871. Constantinople. V. Exp., lettre 18 mars.

Графъ (съ 1877 г.)
Николай Павловичъ Игнатьевъ.

носительно рѣшенія, принятаго государемъ въ октябрѣ 1870, объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ постановленій 1856 г., но это не помѣшало ему умно и добросовѣстно исполнить высочайшую волю и предписанія министерства. «C'est un mérite de plus quand les convictions personnelles n'inclinent pas dans la même direction» [1]), заключаетъ князь Горчаковъ; на это генералъ Игнатьевъ отвѣтилъ [2]), что онъ всегда желалъ отмѣны ограничительныхъ постановленій и постепенно приготовлялъ турецкихъ министровъ къ мысли о подобномъ требованіи съ нашей стороны, что онъ дѣйствительно не сочувствовалъ формѣ, избранной для нашего заявленія, но коль скоро послѣдовало рѣшеніе государя, онъ воспользовался предварительно достигнутымъ соглашеніемъ съ Турками для того, чтобы направить ихъ по пути, сообразному съ нашими выгодами, несмотря на препятствія, возбужденныя Австріею и Англіею. Баронъ Брунновъ получилъ рескриптъ на графскій титулъ [3]) съ поздравленіеми канцлера. Благодаря за нихъ, графъ Брунновъ писалъ [4]), что они тѣмъ болѣе его радовали, что онъ никогда не разсчитывалъ на достиженіе такого результата, превосходившаго его силы. «J'ai obéi, comme je le devais, продолжалъ онъ, aux volontés de l'empereur; mon dévouement m'a porté bonheur. Le résultat, il faut bien le dire, a dépassé toutes mes espérances. Lorsque la négociation s'est ouverte, la Prusse et la France se trouvaient en guerre. Nul ne pouvait prévoir que les représentants des deux puissances, assis à la même table, finiraient par signer le traité du 1/13 mars». (Я повиновался, какъ слѣдовало мнѣ волѣ государя; моя преданность мнѣ принесла счастіе. Успѣхъ, надо сказать, превзошелъ всѣ мои надежды. Когда переговоры начались, Пруссія и Франція находились въ войнѣ. Никто не могъ предвидѣть, что уполномоченные обѣихъ державъ, сидя за тѣмъ же столомъ, подпишутъ договоръ 1/13-го марта).

---

[1]) Это еще большая заслуга, когда личныя убѣжденія не склоняются въ тоже направленіе.

[2]) 1871. Constantinople. I. Réc., lettre $\frac{30 \text{ mars}}{11 \text{ avril}}$.

[3]) 1871. Londres. IV. Exp. № 90, dép. 21 mars.

[4]) 1871. Londres. III. Réc., lettre $\frac{31 \text{ mars}}{12 \text{ avril}}$.

Какъ видно изъ письма барона Жомини графу Бруннову отъ 10/22-го мая 1871 г., на которое уже было сдѣлано нѣсколько ссылокъ выше, баронъ Жомини ставилъ нашему послу въ Лондонѣ вопросъ, кто былъ правъ изъ нихъ двухъ: государственный ли канцлеръ, который, еще въ самомъ началѣ возбужденнаго нами вопроса, предвидѣлъ, что все разрѣшится одною канцелярскою войною (une guerre de plume) или, онъ, графъ Брунновъ, взглянувшій на дѣло съ опасеніемъ и тревогой? Барону Жомини было интересно знать, чья точка зрѣнія приближалась къ дѣйствительности. Увѣнчалось ли дѣло успѣхомъ вслѣдствіе прозорливости князя Горчакова, или же потому, что препятствія, возникшія при самомъ началѣ, были устранены упорнымъ трудомъ и искусствомъ графа Бруннова? Барону Жомини казались непонятными дѣйствія англійскаго кабинета, который въ самомъ началѣ принялъ столь рѣшительный тонъ, чтобы потомъ понизить его и согласиться на уступки. Баронъ предугадывалъ, что на мысли англійскихъ министровъ должно было совершиться скрытое воздѣйствіе различныхъ причинъ, воздѣйствіе, въ которомъ трудно опредѣлить долю участія каждаго двигателя. Но онъ лично высказывалъ увѣренность въ томъ, что примирительный характеръ дѣятельности Бруннова имѣлъ громадное вліяніе на рѣшеніе англійскаго кабинета.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи баронъ Жомини начертилъ, въ какомъ видѣ должны были произойти, по его понятію, первые переговоры Бруннова съ Гранвилемъ. Посолъ воспользовался своимъ личнымъ авторитетомъ надъ англійскимъ министромъ, менѣе опытнымъ, болѣе робкимъ, подавленнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ своеволіемъ общественнаго мнѣнія, движеніями партій въ парламентѣ и переходнымъ состояніемъ, въ которомъ находилась политика страны. Когда прошелъ первый взрывъ негодованія, возбужденнаго въ Англіи нашимъ циркулярнымъ сообщеніемъ, когда главный статсъ-секретарь, обсудивъ спокойнѣе положеніе, возвратилъ Бруннову часть своего довѣрія, между ними произошло соглашеніе, выразившееся въ предложеніи посла: «passez nous le fond, nous vous passerons la forme. C'était déjà beaucoup, car le fond était amer pour un successeur de Palmerston» (уступите намъ по содержанію мы уступимъ вамъ внѣшнюю сторону. Это уже было

много, такъ какъ содержаніе было полно горечью для преемника Пальмерстона). Этимъ объяснялась барономъ Жомини та настойчивость, съ которой Брунновъ требовалъ принятія нами протокола, съ котораго начались засѣданія конференціи. Князь Горчаковъ такъ и понялъ это: государь согласился, не безъ нѣкотораго отвращенія, на принятіе протокола въ редакціи не столь рѣзкой. «Что же касается статьи, которая должна была замѣнить условіе о нейтрализаціи Чернаго моря, она,—разсуждалъ баронъ Жомини, не относилась къ формѣ; исключительное закрытіе проливовъ принадлежало къ существу самаго вопроса. Государь съ сожалѣніемъ согласился на то; канцлеръ вамъ принесъ большую жертву, испросивъ высочайшее разрѣшеніе и предписавъ послу въ Константинополѣ поддержать это начало. Но если бы канцлеръ имѣлъ передъ глазами декларацію Муссуруса, которую онъ сдѣлалъ въ 3-мъ засѣданіи, то онъ никогда бы не согласился предложить государю уступить Гранвилю. А если бы мы не согласились на эту уступку, то едва ли бы англійскій кабинетъ рѣшился распустить конференцію».

Затѣмъ развивая ту мысль, что Брунновъ не поддержалъ Муссуруса-пашу на 3-мъ засѣданіи конференціи, опасаясь, чтобы въ главномъ секретарѣ не возникло подозрѣніе объ отдѣльномъ соглашеніи, состоявшемся между Россіею и Турціею въ ущербъ великобританскому вліянію на Порту, каковое обстоятельство задѣло бы за живое англійскихъ министровъ, баронъ Жомини остановился на самомъ критическомъ моментѣ того же 3-го засѣданія, когда послѣ рѣчи Муссуруса - паши лордъ Гранвиль ему указалъ на отсутствіе всякаго оскорбительнаго элемента противъ Россіи въ выраженіи «puissances non-riveraines», если русскій уполномоченный принялъ эту редакцію. «Le silence,—говоритъ баронъ Жомини,— que vous avez gardé en face de cette assertion a été, je l'avoue, difficile à faire comprendre à Constantinople et j'ai fait l'impossible pour l'expliquer à nos journalistes. Quelques paroles bien senties, conciliant toutes les susceptibilités sans en offenser aucune, n'auraient guères coûté à votre habileté consommée. Elles auraient atténué une fâcheuse impression». (Молчаніе, которое вы сохранили послѣ словъ Гранвиля, было трудно объяснить, я сознаюсь, въ Константинополѣ, а я съ невоз-

можными усиліями взялся его объяснить нашимъ журналистамъ. Вашему отмѣнному искусству ничего бы не стоило произнести нѣсколько прочувствованныхъ словъ, которыя бы примирили крайнія мнѣнія не раздражая ихъ. Ваши слова сгладили бы впечатлѣніе, о которомъ приходится сожалѣть). Письмо барона Жомини оканчивается просьбой почтить его сообщеніемъ, насколько правильны сдѣланныя имъ заключенія. Къ сожалѣнію, въ архивахъ мы не нашли отвѣта графа Бруннова на это письмо; очень можетъ статься, что графъ не отвѣчалъ барону Жомини письменно. такъ какъ онъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1871 г. былъ въ С.-Петербургѣ и могъ на словахъ объясниться съ барономъ Жомини.

Произведенная въ означенномъ письмѣ оцѣнка дѣятельности графа Бруннова приближается къ истинѣ. Нельзя спорить о томъ, что послу была отлично знакома лондонская почва (le terrain de Londres) и что онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ глазахъ графа Гранвиля, менѣе опытнаго дипломата, обязаннаго считаться въ своихъ рѣшеніяхъ съ общественнымъ мнѣніемъ и парламентской борьбой партій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что графъ Брунновъ, прожившій столько времени въ Лондонѣ и не имѣвшій никакой связи съ Россіей кромѣ исполненія обязанностей по службѣ, пустилъ въ этой лондонской почвѣ глубокіе ростки. Онъ чутко понималъ движеніе общественнаго мнѣнія въ Англіи и, поддаваясь ему, не ощущалъ того, что происходило въ Россіи. По мнѣнію Бруннова, предпріятіе, задуманное княземъ Горчаковымъ, было очень опасно, онъ противился ему, а когда оно было рѣшено. онъ не вѣрилъ его исходу благопріятному для Россіи. Сказавъ лорду Гранвилю приблизительно то, о чемъ догадывался баронъ Жомини, «passez nous le fond, nous vous passerons la forme», и подписавъ протоколъ о способѣ отмѣны и измѣненіи международныхъ договоровъ въ удовлетвореніе притязаній англійскаго кабинета, онъ опять уступилъ лорду Гранвилю. но уже по существу вопроса при изложеніи редакціи 2-ой ст. проекта договора въ выраженіи «puissances non-riveraines». Какъ мы видѣли выше, эта редакція была сама по себѣ недостаточно точна, и хотя Брунновъ потомъ разъяснялъ, что понятіе «puissances riveraines et non-riveraines», постоянно встрѣчаемое въ

протоколахъ Вѣнской конференціи и Парижскаго договора, относится къ Черному морю, но и самъ князь Горчаковъ понялъ эти слова иначе или не вникъ въ ихъ дѣйствительный смыслъ, сопоставивъ ихъ съ проливами, о которыхъ только и упоминалось во 2-ой ст. проекта. Это была очень существенная недомолвка, приведшая государя въ заблужденіе, такъ какъ онъ положилъ на телеграммѣ барона Бруннова отъ 12/24-го января, полученной 13-го января, сообщавшей означенную редакцію, резолюцію: «Il me semble que c'est aussi satisfaisant que possible». Только, когда получилась телеграмма генерала Игнатьева отъ 15/27-го января, прибывшая въ С.-Петербургъ 16-го января и извѣщавшая, что нашъ флотъ, по толкованію представителей западныхъ державъ, исключенъ изъ Босфора, государь былъ пораженъ такимъ рѣшеніемъ канцлера: «Ce nest pas comme cela que nous l'avons interprété et nous n'y consentirions certes pas, si tel devait en être le sens». (Мы растолковали это не такъ и мы на это бы навѣрно не согласились, если таковъ долженъ былъ быть смыслъ). Но уже было поздно, баронъ Брунновъ связался словомъ, даннымъ лорду Гранвилю, хотя, собственно говоря, на телеграмму его 12-го января, сообщавшую проектъ договора и просившую разрѣшеніе его принять, онъ получилъ отвѣтъ отъ 13/25-го января: «L'empereur autorise signer protocole de la seconde séance» (государь разрѣшаетъ подписать протоколъ второго засѣданія), т.-е. такой отвѣтъ, который упоминалъ лишь о протоколѣ засѣданія, а не о проектѣ договора выработанномъ уполномоченными, какъ намъ извѣстно, въ тотъ же день, но внѣ формальнаго засѣданія. Почему свойственная Бруннову осторожность, казалось бы, требовала отъ него новаго запроса и поясненій. Но здѣсь нельзя не принять въ разсчетъ того выговора, который Брунновъ только-что получилъ отъ государственнаго канцлера, когда посолъ, въ телеграммѣ отъ $\frac{\text{21-го декабря}}{\text{2-го января}}$, объявилъ, что онъ не подпишетъ никакого протокола безъ особаго разрѣшенія. Князь Горчаковъ въ телеграммѣ отъ 22-го и въ письмѣ отъ 23-го декабря ему указалъ на то, что такое его рѣшеніе не соотвѣтствовало бы важности поста имъ занимаемаго, ни довѣрію государя къ нему, Бруннову. Тогда могло заговорить у него уязвленное чувство самолюбія, взявшее верхъ надъ свойственною ему

осторожностью. Подавленный обязательствомъ, принятымъ имъ на себя передъ Гранвилемъ подписать проектъ второй статьи со словами «non-riveraines», включенными, по настоянію англійскаго министра въ угоду его партіи и общественнаго мнѣнія, баронъ Брунновъ на третьемъ засѣданіи конференціи ничего не смогъ сказать турецкому послу, возражавшему противъ этихъ словъ, какъ оскорбительныхъ въ отношеніи Россіи. Онъ промолчалъ и на замѣчаніе Гранвиля, который опровергъ мнѣніе Муссуруса-паши тѣмъ, что самъ русскій уполномоченный не нашелъ ихъ обидными для Россіи. Здѣсь показались на яву въ русскомъ представителѣ и робость передъ великобританскимъ главнымъ секретаремъ, выразителемъ общественнаго мнѣнія Англіи, и притупленное сознаніе народнаго чувства страны, которая называлась его отечествомъ. Уступчивость Бруннова поразила государя: это можно усмотрѣть изъ помѣты его на одномъ письмѣ нашего посланника въ Вѣнѣ Новикова канцлеру [1]). Новиковъ, получивъ протоколъ третьяго засѣданія конференціи, писалъ: «Le Nestor de notre diplomatie a vaillamment combattu à Londres» (Несторъ нашей дипломатіи отважно сражался въ Лондонѣ): государь на поляхъ письма отмѣтилъ: «pas trop» (не слишкомъ).

Податливость русскаго уполномоченнаго на конференціи отразилась въ Константинополѣ не въ нашу выгоду. Турецкіе министры не могли понять, чего мы желали; оттоманскій уполномоченный въ Лондонѣ защищалъ интересы Россіи, а русскій держался противнаго мнѣнія и жаловался на дѣйствія своего коллеги. Прусскій посланникъ въ Константинополѣ графъ Кайзерлингъ выражалъ генералу Игнатьеву свое удивленіе въ виду того, что намъ не удавалось достигнуть самыхъ выгодныхъ для насъ условій, и мы наталкивались на постоянныя препирательства даже при отсутствіи французскаго уполномоченнаго, такъ какъ если таковой бы принималъ участіе, наше положеніе было бы еще затруднительнѣе [2]).

Баронъ Жомини въ письмѣ своемъ недоумѣваетъ, подъ какимъ вліяніемъ совершился переворотъ въ умахъ англій-

---

[1]) 1871. Vienne. III. Réc., lettre $\frac{\text{22 février}}{\text{6 mars}}$.

[2]) 1871. Constantinople. I. Réc. № 277, dép. 2/14 février № 32.

скихъ министровъ, которые, сперва воспылавъ воинственною отвагою, затѣмъ притихли и пошли на компромиссъ. Баронъ Жомини приписываетъ эту перемѣну умѣнію посла и его успокоительнымъ рѣчамъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что баронъ Брунновъ былъ отчасти виновникомъ переворота своею уступчивостью англійскимъ преданіямъ и мнѣнію не только въ формѣ, но и по существу вопроса. Намъ кажется однако, что означенный переворотъ совершился, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что прусскій король Вильгельмъ сталъ открыто на нашу сторону и потребовалъ отъ германскаго канцлера графа Бисмарка, чтобы онъ содѣйствовалъ всѣмъ своимъ авторитетомъ императору Александру. Самъ графъ Бисмаркъ принялъ не совсѣмъ доброжелательно русское сообщеніе. Онъ былъ поглощенъ войной съ Франціей и находилъ, что оно было заявлено несвоевременно. Исполняя, однако, волю короля, графъ Бисмаркъ оказалъ императору существенную поддержку въ своихъ объясненіяхъ съ помощникомъ англійскаго статсъ-секретаря Одо Росселемъ, когда послѣдній прибылъ къ нему на совѣщаніе въ Версаль. Съ этого момента замѣчается переворотъ во взглядахъ англійскаго министерства; оно убѣдилось, что поддержка Пруссіи обезпечена окончательно за Россіей, и склонилось на нашу сторону. Во время переговоровъ графъ Бернсторфъ въ Лондонѣ и графъ Кайзерлингъ въ Константинополѣ, по приказанію канцлера сѣверо-германскаго союза, оказывали барону Бруннову и генералу Игнатьеву дѣятельное содѣйствіе, а если они совершали какое-либо отступленіе, то слово графа Бисмарка направляло ихъ на путь, намѣченный королемъ. Безъ сомнѣнія, возникавшія на конференціи постоянныя пререканія въ выраженіяхъ и словахъ раздражали германскаго канцлера, который, опасаясь за возбужденіе какого-либо вопроса въ собраніи насчетъ длившейся войны и условій мира, былъ не менѣе русскаго заинтересованъ въ скорѣйшемъ окончаніи работъ конференціи. Раздраженіе графа Бисмарка сообщалось его ближайшему помощнику, статсъ-секретарю Тиле, который рѣшительно не могъ понять упорнаго сопротивленія барона Бруннова противъ турецкаго предложенія, направленнаго въ пользу Россіи [1]).

---

[1]) 1871. Berlin. I. Réc., lettres $\frac{25 \text{ janvier}}{6 \text{ février}}$ et 2/14 février.

Но независимо отъ этихъ недоразумѣній содѣйствіе, оказанное намъ германскими канцлеромъ и дипломатическими представителями, было самое осязательное. Прусскій король сдержалъ свое слово и безъ его дѣятельнаго участія, можно смѣло сказать, императоръ Александръ II едва ли могъ бы достигнуть мирнымъ путемъ отмѣны стѣснявшихъ его постановленій Парижскаго договора.

Переходя, въ заключеніе, къ изслѣдованію правовой стороны договора 1/13-го марта 1871 г., мы, не повторяя того же, что было сказано выше о коллективномъ свойствѣ обязательствъ, заключающихся въ конвенціи о проливахъ 1841 г. и таковой же конвенціи, составляющей неотъемлемую часть Парижскаго трактата, полагаемъ, что и договоръ 1871 г. долженъ быть причисленъ къ договорамъ коллективнымъ. На основаніи 8-ой ст. его въ числѣ неотмѣненныхъ постановленій Парижскаго трактата и признанныхъ въ силѣ значатся всѣ три статьи конвенціи о проливахъ, составляющей неотъемлемую часть означеннаго трактата. Въ силу этой конвенціи, подтвержденной 2-ой ст. договора 1871 г., державы установили совокупно единодушное рѣшеніе (voulant constater en commun leur détermination unanime de se conformer à l'ancienne règle etc.) сообразоваться съ древнимъ правиломъ оттоманской имперіи, по которому Босфорскій и Дарданельскій проливы закрыты военнымъ иностраннымъ судамъ, пока Порта находится въ мирѣ. Эти слова, взятыя изъ предисловія къ конвенціи 1856 г., вполнѣ совпадаютъ съ текстомъ первой ея статьи, которая говоритъ, что султанъ имѣетъ твердое намѣреніе соблюдать на будущее время начало, непреложно установленное, какъ древнее правило его имперіи и т. д., а великія державы обѣщаютъ уважать это рѣшеніе султана и сообразоваться съ вышесказаннымъ началомъ.

Въ установленіи, совмѣстномъ или совокупномъ, а не единичномъ или отдѣльномъ, рѣшенія признавать непреложное начало закрытія проливовъ заключается то коллективное обязательство, которое приняли на себя всѣ пятеро великихъ державъ, съ одной стороны, передъ султаномъ, какъ властителемъ надъ проливами, съ другой. Это обязательство, заключающееся въ конвенціи 1856 г., воспроизведено цѣликомъ изъ таковой же конвенціи 1841 года. Нераздѣльность его понималась въ томъ смыслѣ, что на-

рушеніе его Портой въ пользу одной изъ четырехъ, или пяти державъ влекло за собой протесты со стороны остальныхъ не только противъ Порты, допустившей исключеніе изъ начала закрытія въ пользу одной изъ нихъ, но и противъ послѣдней, воспользовавшейся или пытавшейся имъ воспользоваться. Для примѣра мы можемъ привести нѣсколько случаевъ такихъ нарушеній или попытокъ несоблюденія означеннаго обязательства по конвенціямъ 1841 и 1856 г.

Въ 1847 г., вслѣдствіе неурожая въ южной Франціи, правительство этой страны, съ разрѣшенія Порты, отправило въ Босфоръ два военныхъ парохода «Cuvier» и «Titan», съ тѣмъ, чтобы буксировать черезъ Босфоръ купеческія суда и дабы тѣмъ ускорить доставку во Францію грузовъ съ хлѣбомъ черноморскихъ портовъ. Узнавъ о томъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ Устиновъ, несмотря на то, что распоряженіе о пропускѣ этихъ военныхъ судовъ въ Босфоръ и Дарданеллы было временною мѣрою, вызванною человѣколюбивыми цѣлями спасти населеніе южной Франціи отъ голода, но принявъ во вниманіе, что этотъ случай послужилъ бы примѣромъ для нарушенія начала, которое было въ нашихъ интересахъ оберегать и которое ясно опредѣлялось конвенціею, счелъ своимъ долгомъ сдѣлать по сему предмету представленіе Портѣ. Совмѣстно съ Устиновымъ подалъ заявленіе о томъ же англійскій посолъ лордъ Коолей, а также представители Австріи и Пруссіи. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Аали-эфенди призналъ основательность сдѣланныхъ представленій и потребовалъ письменнаго заявленія французскаго посла барона Буркнэ о томъ, что присылка означенныхъ военныхъ судовъ была временной мѣрой, вызванной чрезвычайными событіями, и не должна считаться нарушеніемъ существующихъ постановленій, которыя французское правительство намѣрено соблюдать въ точности [1]).

Въ 1858 г. министръ резидентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки Вильямсъ обратился въ Порту съ

---

[1]) 1847. Constantinople. I. Réc., dép. 14 mars № 94. Réc. № 681, dép. $\frac{\text{22 mars}}{\text{8 avril}}$ № 100. Réc. № 1519, dép. 14/26 juillet № 126. Réc. № 1580, dép. $\frac{\text{24 juillet}}{\text{5 aout}}$ № 129.

ходатайствомъ о выдачѣ фирмана на проходъ черезъ Дарданеллы парохода, предназначеннаго для службы при американской миссіи по примѣру судовъ, обслуживавшихъ другія иностранныя посольства въ Константинополѣ. Фирманъ былъ выданъ и, къ общему удивленію Порты, явился, въ качествѣ сторожевого судна, большой американскій военный фрегатъ Wabash, вооруженный 60 орудіями. Императорскій посланникъ Бутеневъ, совмѣстно съ англійскимъ и французскимъ послами, счелъ своимъ долгомъ указать Портѣ на явное нарушеніе 1-ой ст. конвенціи 1856 г. и подать о томъ Портѣ письменный протестъ. Турецкіе министры не замедлили выразить г. Вилліамсу свое недоумѣніе по сему предмету и фрегатъ Wabash скоро удалился, послѣ того какъ самъ султанъ, принявъ приглашеніе командира коммодора Лавалета, посѣтилъ его судно подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ желалъ оказать американцамъ любезность за радушный пріемъ ими сдѣланный турецкимъ офицерамъ, бывшимъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ прошломъ году съ цѣлью заказа военныхъ судовъ для Турціи [1]).

Въ 1862 г. императорскій посланникъ въ Константинополѣ князь Лобановъ-Ростовскій, извѣстясь, что сардинское правительство, предполагая отправить миссію, во главѣ министра Черути, въ Персію черезъ Кавказъ, снарядило для перевозки ее отъ Генуи до Поти военный пароходъ «l'Ischnusa» и двѣ канонерскія лодки, счелъ нужнымъ заявить великому визиру, что проходъ сардинскихъ военныхъ судовъ черезъ проливы и появленіе ихъ въ Черномъ морѣ будетъ нарушеніемъ Парижскаго договора. Сардинское правительство, предупрежденное объ этомъ, отмѣнило посылку военныхъ судовъ [2]).

Въ томъ же году князь Лобановъ Ростовскій вынужденъ былъ протестовать передъ Портою противъ прохода черезъ проливы и появленіе въ Черномъ морѣ великобританскаго фрегата «Lhe Gannet», вооруженнаго 13 орудіями, отправлявшагося съ англійскимъ посломъ сэромъ Генри

---

[1]) 1858. Constantinople. III. Réc. № 1697, dép. 4/16 octobre № 158. Réc. № 1704, dép. 11/23 octobre № 161. Réc. № 1866, dép. 8/20 novembre № 177. IV. Exp. № 488, dép. 21 novembre.

[2]) 1862. Constantinople. I. Réc. № 708, dép. 18/30 avril № 58. Réc. № 765, dép. $\frac{24 \text{ avril}}{6 \text{ mai}}$ № 62.

Бульверомъ въ Кюстенджи [1]). О такомъ явномъ нарушеніи постановленій договора со стороны англійскаго представителя, призваннаго блюсти за его точнымъ исполненіемъ, было сообщено императорскому послу въ Лондонѣ барону Бруннову, который имѣлъ о томъ объясненіе съ лордомъ Росселемъ и указалъ ему на неправильныя дѣйствія сэра Генри Бульвера, порочившія силу договора [2]).

Въ 1860 г. корветъ Соколъ, состоявшій въ черноморской флотиліи, былъ командированъ на станцію въ Константинополь и въ 1861 г. поступилъ оттуда на станцію въ Бейрутъ, затѣмъ по распоряженію морского министерства былъ перечисленъ въ балтійскій флотъ и въ 1862 г. прибылъ въ Кронштадтъ. Въ мартѣ 1863 г. управляющій морскимъ министерствомъ генералъ-адъютантъ Краббе, увѣдомляя о крайней необходимости въ виду того, что суда черноморской флотиліи быстро приходятъ въ разрушеніе, командировать опять въ Черное море корветъ Соколъ, ходатайствовалъ объ испрошеніи у Порты фирмана на пропускъ этого судна черезъ Дарданеллы и Босфоръ [3]). Узнавъ о томъ, императорскій посолъ въ Лондонѣ, баронъ Брунновъ сообщилъ князю Горчакову, что отправка корвета Соколъ изъ Кронштадта черезъ проливы въ Черное море была бы нарушеніемъ Парижскаго договора и возбудила бы нареканія на насъ со стороны лондонскаго и парижскаго кабинета [4]). Въ другой депешѣ баронъ Брунновъ поясняетъ свою мысль: «Le ministère de la marine serait mal renseigné s'il croyait que le traité destiné à consacrer le principe de la fermeture des détroits soit conclu par la Russie avec la Porte seule. Cette transaction a pour signataires toutes les puissances représentées au congrès de Paris. Elles ont pris *l'engagement collectif* de se conformer au principe ci-dessus énoncé et de le respecter» [5]).

---

[1]) 1862. Constantinople. II. Réc., dép. 11/23 septembre № 122. III. Exp. № 286, tél. 24 septembre, lettres 24 septembres et 16 octobre.

[2]) 1862. Londres. III. Réc., lettres 3/15 et 12/24 octobre.

[3]) Дѣло Гл. Арх. Аз. Деп. 2 — 5 (1871—1883) № 3, записка 20-го января 1873 года.

[4]) 1863. Londres. II. Réc. № 1993, dép. $\frac{\text{24 septembre}}{\text{6 octobre}}$ № 242. III. Réc., tél. $\frac{\text{24 septembre}}{\text{6 octobre}}$.

[5]) Морскае министерство было плохо освѣдомлено, полагая что договоръ, предназначенный для установленія начала закрытія проливовъ,

Затѣмъ указавъ, что конвенціею 18/30-го марта 1856 г. дѣлаются только два исключенія изъ общаго правила для легкихъ судовъ, обслуживающихъ посольства и для сторожевыхъ судовъ и что означенная конвенція не признаетъ фирмановъ на возвращеніе, баронъ Бруновъ предостерегалъ, что если Англія и Франція желаютъ возбудить пререканія, то, безспорно, ихъ протестъ будетъ основательнымъ; это будетъ придирка, но построенная на неоспоримыхъ доводахъ [1].

Въ 1868 г., вслѣдствіе прибытія въ Босфоръ американскаго фрегата «Франклинъ», турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Сафветъ-паша обратился съ циркулярною нотою къ представителямъ державъ въ Константинополѣ, въ томъ числѣ и къ министру Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, которою Порта предваряла о намѣреніи султана строго держаться начала закрытія проливовъ, признаннаго державами на основаніи Парижскаго и предыдущихъ договоровъ [2].

Изъ этихъ примѣровъ вполнѣ явствуетъ, что какъ русское правительство, такъ и остальныя державы, подписавшія Парижскій договоръ 1856 г. и Лондонскую конвенцію 1841 г., признавали обязательство соблюдать правило о закрытіи проливовъ обязательствомъ совокупнымъ и нераздѣльнымъ, принятымъ ими всѣми совмѣстно передъ Портою и подтвержденнымъ въ Лондонскомъ договорѣ 1871 года. Нераздѣльность этого обязательства вытекаетъ и изъ слѣдующихъ соображеній. Мы видѣли выше, что первоначально Порта рѣшила не требовать никакого эквивалента за отмѣну начала нейтрализаціи Чернаго моря и связанныхъ съ нимъ ограниченій. Она желала оставаться свободною распорядительницею проливовъ, закрывая и открывая ихъ по своему усмотрѣнію безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Въ такомъ случаѣ закрытіе проливовъ

былъ бы заключенъ Россіею съ одной только Портой. Эта сдѣлка подписана всѣми державами, представленными на Парижскомъ конгрессѣ. Они приняли на себя коллективное обязательство подчиниться вышеуказанному началу и его соблюдать.

[1]) 1863. Londres. II. Réc. № 2146, dép. 2/17 octobre № 255. IV. Exp. № 422, tél. 25 septembre, lettre 25 septembre.

[2]) 1868. Constantinople. IV. Réc. № 1237, dép. $\frac{24\ \text{septembre}}{6\ \text{octobre}}$ № 242.

зависѣло отъ единоличнаго распоряженія султана, а не отъ договорныхъ отношеній его съ великими державами, вмѣстѣ взятыми въ качествѣ одной стороны. Такое положеніе было бы самымъ выгоднымъ для Россіи въ то время и освободило бы ее отъ тѣхъ оковъ, которыя она сама на себя наложила въ 1840 и 1841 г.г. Но предоставленіе султану полной свободы распоряжаться проливами шло въ разрѣзъ съ интересами Англіи, Австріи и Италіи, такъ какъ онѣ опасались проникновенія русскихъ военныхъ судовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное вслѣдствіе особой сдѣлки, которую Россія могла бы заключить съ султаномъ, получившимъ проливы въ свое свободное распоряженіе. Во избѣжаніе такой возможности всѣ, усилія Англіи и Австріи были направлены на то, чтобы Порта требовала, подъ видомъ эквивалента, какой-либо мѣры, обезпечивавшей за морскими державами, подъ громкою фразою о неприкосновенности и независимости Порты, контроль надъ нею и проливами. Великій визирь Аали-паша внялъ внушеніямъ своихъ западныхъ друзей и въ совѣтѣ министровъ заявилъ о необходимости требовать эквивалента. Сперва были выдвинуты проектъ о присоединеніи Италіи къ договору 15-го апрѣля 1856 г., гарантировавшему независимость и цѣлость оттоманской имперіи, затѣмъ объ открытіи проливовъ съ учрежденіемъ стоянки военныхъ судовъ Англіи, Австріи и Италіи въ Синопѣ. Наконецъ Порта сама опредѣлила требуемый эквивалентъ въ первоначальной инструкціи, данной ею Муссурусу-пашѣ. Онъ заключался въ закрытіи проливовъ, съ предоставленіемъ ей права ихъ открывать въ мирное время военнымъ судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ случаѣ опасности, угрожавшей имперіи. Конференція соглашалась на открытіе проливовъ только судамъ неприбрежныхъ державъ.

Въ виду преній, длившихся безъ конца по предмету редакціи 2-й ст., Порта заявила, что она для скорѣйшаго разрѣшенія вопроса отказывалась отъ всякаго эквивалента и желала остаться совершенно свободною въ своихъ распоряженіяхъ по проливамъ, держа проливы закрытыми для своего удобства и пропуская только служебныя и сторожевыя легкія суда. Иными словами, султанъ хотѣлъ показаться самостоятельнымъ и освободиться отъ навязываемаго ему солидарнаго ручательства державъ признавать проливы

закрытыми. При такомъ положеніи отпадало всякое совокупное обязательство державъ передъ Портою, каждая могла сдѣлаться съ султаномъ отдѣльно для полученія отъ него разрѣшенія на проходъ своихъ военныхъ судовъ. Россія извлекала бы тогда однѣ выгоды отъ такого положенія Но возможность отдѣльнаго соглашенія ея съ Портой по пропуску ея судовъ не допускалась западными державами. Лордъ Гранвиль принялся опять за редакціонныя поправки 2-й ст. проекта: онъ заявилъ Бруннову, что онъ бы согласился на выраженіе «дружественныя и союзныя державы», предлагавшееся Портой, если бы въ постановленіи было упомянуто о независимости и неприкосновенности Порты. Иначе сказать, султану предоставлялось открывать проливы въ мирное время военнымъ судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ случаѣ нарушенія независимости и неприкосновенности оттоманской имперіи. Князь Горчаковъ соглашался и на эту ссылку, лишь бы обязательство державъ отвѣчать за спокойствіе Турціи не распространялось на внутреннія смуты имперіи и ихъ ручательство ограничивалось предѣлами, указанными въ VII ст. Парижскаго договора, оставшейся въ силѣ. На основаніи ея державы обязались, каждая за себя, уважать независимость и территоріальную цѣлость оттоманской имперіи, обезпечили совокупнымъ своимъ ручательствомъ точное соблюденіе этого обязательства (garantissent en commun la stricte observation de cet engagement) и вслѣдствіе сего будутъ почитать всякое въ нарушеніе онаго дѣйствіе вопросомъ касающимся общихъ правъ и пользы. Въ это время появилась итальянская версія, по которой султанъ предоставлялъ себѣ возможность открывать проливы въ мирное время военнымъ судамъ дружественныхъ и союзныхъ державъ, въ случаѣ если Порта будетъ считать это нужнымъ, чтобы обезпечить исполненіе постановленій Парижскаго трактата 1856 г. Въ этой редакціи не сказано, въ обезпеченіе какихъ постановленій султанъ выговорилъ себѣ вышеозначенное право. Но изъ хода переговоровъ, бывшихъ между правительствами и ихъ уполномоченными на конференціи въ моментъ появленія итальянской версіи, очевидно, что оговорка, предложенная графомъ Барболани, относилась къ VII ст. Парижскаго трактата, т.-е. что призывъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ обу-

словливался случаемъ нарушенія независимости и неприкосновенности оттоманской имперіи, соблюдать которыя всѣ пятеро державъ обязались подъ своимъ совокупнымъ ручательствомъ. Турція приняла итальянскую версію, съ принятіемъ ея она отказалась отъ самостоятельнаго распоряженія проливами, подчинившись солидарному обязательству всѣхъ договаривающихся державъ признавать проливы закрытыми за извѣстными строго опредѣленными исключеніями. Россія совмѣстно съ остальными державами, согласившись на итальянскую версію, вошла съ ними въ солидарное обязательство признавать начало закрытія проливовъ, отвѣчая каждая за всѣхъ и всѣ за каждую въ случаѣ его нарушенія.

Изъ всего предыдущаго вытекаетъ солидарное свойство обязательства, заключающагося во 2-й ст. Лондонскаго договора 1871 г. и неотмѣненной имъ конвенціи 30-го марта 1856 г. о проливахъ. Если возникало другое толкованіе. возбужденное одной изъ договаривающихся сторонъ, Англіею. о раздѣльности этого обязательства въ томъ смыслѣ, что оно заключено каждой державой отдѣльно съ Портой и можетъ быть нарушено каждой державой по соглашенію съ послѣдней, которая одна отвѣчаетъ передъ другими договаривающимися государствами, то такое толкованіе явно противорѣчитъ буквальному смыслу приведенныхъ статей договоровъ и намѣренію сторонъ, ихъ заключившихъ. При этомъ не надо забывать, что толкованіе международныхъ договоровъ принадлежитъ самой сторонѣ, являющейся одновременно и судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ и что ихъ исполненіе находится въ зависимости отъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ. Исторія же насъ учитъ, что Англія—одна изъ державъ, которая настолько соблюдала заключенные ею договоры, насколько они соотвѣтствовали ея выгодамъ.

Обозрѣвая текстъ 2-й ст. Лондонскаго договора, мы встрѣчаемся съ однимъ выраженіемъ. которое понималось иначе въ предыдущихъ договорахъ. На основаніи 1-й ст. конвенціи 30-го марта 1856 г. проливы должны быть закрыты, *пока Порта находится въ мирѣ* (tant que la Porte se trouve en paix), т.-е. пока нѣтъ войны между нею и остальными державами или одной изъ нихъ. Изъ чего слѣдуетъ, что въ военное время закрытіе проливовъ уже бо-

лѣе не существуетъ и султанъ воленъ распоряжаться ихъ доступомъ. Во 2-й ст. Лондонскаго договора обусловлена возможность открытія проливовъ судамъ дружественныхъ державъ въ *мирное время* (en temps de paix). Это выраженіе распространяетъ понятіе о мирѣ. Въ первомъ случаѣ одна Порта должна быть въ мирѣ, во второмъ—не только одна она, но и остальныя державы между собою. Но какое же можетъ случиться въ мирное время нарушеніе Парижскаго договора, которое влекло бы за собою право султана призывать суда дружественныхъ державъ на помощь и открывать имъ проливы? Если допустить такое толкованіе выраженія «въ мирное время» можно сдѣлать тотъ выводъ. что 2-я ст. договора 1871 г. направлена исключительно противъ Россіи, не смотря на то, что ее включили въ число дружественныхъ къ Турціи державъ. Западнымъ державамъ Австріи и Англіи мерещилось, что Россія, воспользовавшись внутренней смутой, случавшейся ежегодно въ Турціи могла подъ предлогомъ защиты христіанскаго населенія и обезпеченія за нимъ тѣхъ реформъ, которыхъ оно тщетно добивалось, совершить съ помощью своего обновленнаго флота набѣгъ на одинъ изъ пунктовъ Турціи, прилегающихъ къ проливамъ, и занять его въ мирное время или же пройти черезъ проливы, даже съ согласія султана, и проникнуть въ Средиземное море. Для предотвращенія подобныхъ случаевъ, которые могли существовать только въ воображеніи ненавистниковъ Россіи. изложена, какъ надо предполагать, 2-ая ст. договора въ вышеозначенной редакціи, такъ какъ врядъ-ли можно представить иныя обстоятельства, при наличности которыхъ допустимо открытіе проливовъ въ мирное время иностраннымъ морскимъ силамъ для обезпеченія постановленій Парижскаго договора.

Въ заключеніе укажемъ на одно очень существенное для Россіи упущеніе, которое было сдѣлано русскимъ уполномоченнымъ при пересмотрѣ постановленій Парижскаго договора.

На основаніи 2-й и 3-й ст. конвенціи 30-го марта 1856 г., дѣйствіе которыхъ оставлено въ силѣ договоромъ 1871 г., султанъ выдаетъ фирманъ на пропускъ черезъ проливы легкимъ военнымъ судамъ, состоящимъ для службы при посольствахъ и для сторожевой службы у устьевъ Дуная. Вторая статья этой конвенціи, касающаяся перваго

рода судовъ воспроизведена изъ 2-й ст. конвенціи о проливахъ 1841 г.

При подписаніи послѣдней, императорскій посланникъ въ Лондонѣ баронъ Брунновъ оговорилъ право русскаго правительства посылать изъ Чернаго моря черезъ Дарданеллы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, военныя суда предназначенныя для службы при нашей миссіи въ Аѳинахъ. Эта оговорка была изложена въ особомъ письмѣ на имя турецкаго посла въ Лондонѣ, а копія съ этого письма, съ вѣдома и одобренія лорда Пальмерстона, была сдана на храненіе въ архивъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, où il nous importe de conserver la trace du passé afin de prévenir la possibilité de tout malentendu à venir (гдѣ намъ очень важно сохранить слѣдъ прошедшаго, чтобы предупредить возможность всякаго недоразумѣнія въ будущемъ), какъ писалъ баронъ Брунновъ въ своей депешѣ [1]).

Такой предусмотрительности баронъ Брунновъ не проявилъ при подписаніи договора 1871 г.; ни въ депешахъ, ни въ письмахъ его нѣтъ никакихъ указаній на то, что онъ вспомнилъ объ этой оговоркѣ или о причинахъ, ее вызвавшихъ. Между тѣмъ, только что былъ подписанъ означенный договоръ, какъ произошелъ случай, который указалъ насколько непредусмотрительность барона Бруннова была прискорбна для русскихъ интересовъ. Паровая шкуна «Туапсе», по распоряженію командира Николаевскаго порта, была отправлена для стоянки въ Пирей на мѣсто таковаго же судна Соуксу. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, не будучи извѣщеннымъ во время, не успѣлъ просить разрѣшенія на пропускъ шкуны въ Босфоръ, но получилъ фирманъ на выходъ ея изъ Дарданеллъ. Узнавъ о томъ, сэръ Генри Элліотъ счелъ нужнымъ объясниться съ Игнатьевымъ, который прекратилъ разговоръ съ нимъ вопросомъ: признаетъ ли онъ за нами право имѣть сторожевыя суда при посольствахъ и миссіяхъ? Министръ иностранныхъ дѣлъ Серверъ-паша замѣтилъ нашему послу, что во избѣжаніе столкновеній намъ слѣдовало на будущее время отправлять военныя суда для службы въ Пиреѣ изъ нашей балтійской эскадры, на что посолъ ему возра-

---

[1]) 1841. Londres. III. Réc., dép. 1/13 juillet № 141.

зилъ, что было бы странно намъ воспрещать то, что разрѣшалось намъ при дѣйствіи договора 1856 г. въ полномъ его объемѣ [1]). Въ отвѣтъ на эту депешу посольство получило увѣдомленіе, что государь не отступится отъ своего права посылать суда для стоянки въ Пиреѣ изъ черноморскаго флота и что уже сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы посольство заранѣе предупреждалось о посылкѣ означенныхъ судовъ [2]). На запросъ [3]), сдѣланный барону Бруннову о сообщеніи его точки зрѣнія по предмету пропуска черезъ проливы нашихъ военныхъ судовъ, отправляемыхъ на службу въ Пирей [4]), онъ ограничился указаніемъ на то, что не слѣдовало придавать политическое значеніе случаю съ шкуной Туапсе. Затѣмъ онъ призналъ, что Лондонскимъ договоромъ не предусмотрѣно право Россіи отправлять военныя суда черезъ проливы на службу въ Пиреѣ. «Онъ, говорится въ депешѣ, получилъ предписаніе уничтожить ограничительныя постановленія Парижскаго договора, ему посчастливилось исполнить волю государя. Но онъ вовсе не получалъ порученія возбуждать вопросъ о службѣ сторожевыхъ судовъ. Certes ma conduite aurait été peu habile, si j'en avais parlé mal à propos» [5]). На этой депешѣ сдѣлана государемъ помѣта: «C'est une lacune de sa part» [6]). Такимъ образомъ, баронъ Брунновъ оправдывалъ свое умолчаніе о пропускѣ сторожевыхъ судовъ въ Пирей недостаточностью данныхъ ему уполномочій и не упомянулъ о томъ, что въ 1841 г. онъ счелъ возможнымъ заявить объ этихъ судахъ и успѣлъ облечь право, признанное по обычаю за Россіей на отправленіе этихъ судовъ черезъ проливы, въ письменное заявленіе, хранящееся въ архивѣ Freign office. Едва ли онъ могъ забыть то, что изъ предусмотрительности имъ было сдѣлано

---

[1]) 1871. Constantinople. III. Réc. № 2015, dép. 13/25 juillet № 182. Réc. № 2057, dép. $\frac{20 \text{ juillet}}{1 \text{ août}}$ № 186.

[2]) 1871. Constantinople. V. Exp. № 139, dép. 25 juillet. Гл. Арх. Аз. Деп. 2—5 (1871—1883) № 3, письмо генералъ-адъютанту Краббе 28-го іюля 1871 г. № 59.

[3]) 1871. Constantinople. IV. Exp. № 141 et 143, dép. 29 juill et.

[4]) 1871. Londres. II. Réc. № 2201, dép. 19/31 août № 97.

[5]) Мое поведеніе было бы невѣрно признано мало искуснымъ, если бы я объ нихъ некстати заговорилъ.

[6]) Это пропускъ съ его стороны.

тридцать лѣтъ тому назадъ, но не счелъ умѣстнымъ о томъ упоминать въ 1871 году.

При проходѣ въ 1872 г. шкуны Келосури, назначенной на службу въ Пирей на мѣсто таковогоже судна Туапсе, возникли тѣ же препятствія и посолъ Игнатьевъ вновь возбудилъ вопросъ объ отправленіи этихъ судовъ или изъ Балтійскаго моря, или же о предварительномъ ихъ причисленіи къ посольству въ Константинополѣ [1]). Вслѣдствіе настоятельнаго требованія [2]) морского министерства объ изысканіи способа къ отправленію черезъ проливы сторожевыхъ судовъ въ Пирей вновь были запрошены императорскіе послы въ Лондонѣ и въ Константинополѣ. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ высказалъ [3]), что проходъ черезъ проливы нашихъ сторожевыхъ судовъ въ Пирей не предусмотрѣнъ Лондонскимъ договоромъ. Отъ министерства зависитъ возбудить вновь вопросъ о проливахъ или допускать нарушеніе договора, только что заключеннаго. Послѣдній способъ, по мнѣнію посла, представлялся очень опаснымъ, такъ какъ онъ могъ повлечь за собою большія усложненія. Въ виду сего генералъ-адъютантъ Игнатьевъ полагалъ необходимымъ строго держаться постановленій договора. Графъ Брунновъ выразился въ томъ же смыслѣ [4]), добавивъ, что допущенныя нами нарушенія могли бы быть использованы Англіею противъ насъ и нашихъ выгодъ. Закрытіе проливовъ намъ оказало большую службу, охранивъ берега Кавказа отъ вторженія въ Черное море непріятельскаго флота.

При заключеніи Лондонскаго договора принятіе этого начала избавило Россію отъ учрежденія морской станціи западныхъ державъ напротивъ Севастополя въ Синопѣ. «Впредь,—пишетъ графъ Брунновъ,—отъ Россіи зависитъ сохраненіе этой сдѣлки въ силѣ, тогда какъ было бы противнымъ нашей выгодѣ нарушать ея существованіе. Въ наше время договоры не достигаютъ большой древности.

---

[1]) Гл. Арх. Аз. Деп. 2 — 5 (1871 — 1883) № 3, отношеніе Игнатьева Вестману 12/24-го сентября 1872 г. № 385.

[2]) Гл. Арх. Аз. Деп. 2 — 5 (1871—1883) № 3, отношеніе генералъ-адъютанта Краббе Вестману 14-го октября 1872 г. № 6746.

[3]) 1872. Constantinople. IV. Réc. № 1543, dép. 14/26 novembre № 260.

[4]) 1872. Londres. II. Réc. № 1493, dép. 4/16 novembre № 96.

*

Ихъ толкованіе въ смыслѣ не согласномъ съ буквою вытекающихъ изъ нихъ обязательствъ очень часто подвергаютъ ихъ опасности быть опороченными»[1]).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Сближеніе Пруссіи съ австро-венгерскою монархіею. Съ послѣднею сближается Россія. Свиданіе трехъ императоровъ въ Берлинѣ въ 1872 г. Союзъ трехъ сѣверныхъ державъ. Свиданіе императоровъ Александра II и Франца-Іосифа въ Вѣнѣ въ 1873 г.

Князь Бисмаркъ, предвидя возможность борьбы славянъ съ германскимъ міромъ и распаденіе Австріи, ищетъ сближенія Пруссіи съ австро-венгерскою монархіею. Свиданіе императоровъ Вильгельма и Франца-Іосифа въ Ишлѣ, Гастейнѣ и Зальцбургѣ въ 1871 г. Усилія князя Бисмарка достигнуть сближенія Россіи съ Австріей черезъ его посредничество.—Свиданіе трехъ императоровъ въ Берлинѣ въ 1872 г. Союзъ трехъ сѣверныхъ дворовъ.—Торжество князя Бисмарка: онъ спасъ Австрію отъ разложенія, держитъ Францію въ своемъ повиновеніи и задабриваетъ Россію обѣщаніями содѣйствовать ей на Востокѣ. Чтобы избавиться отъ посредническихъ услугъ Пруссіи, Россія вступаетъ въ болѣе близкое сношеніе съ Австро-Венгріею, которому способствуетъ графъ Андраши. Свиданіе императоровъ Александра II и Франца-Іосифа въ Вѣнѣ въ 1873 г. Измѣненіе взгляда с.-петербургскаго кабинета на отношенія Австріи къ славянскимъ народностямъ въ сопредѣльныхъ съ нею областяхъ оттоманской имперіи. Новое направленіе русской политики допускаетъ вліяніе Австріи въ этихъ земляхъ, чѣмъ пользуется вѣнскій кабинетъ, чтобы не упустить случая для расширенія владѣній монархіи въ виду ожидавшагося распаденія европейской Турціи.

Франко-германская война указала славянамъ на необходимость обречься отъ исконнаго ихъ врага. Вслѣдствіе стремленія германцевъ къ объединенію, угрожавшаго стереть съ лица земли Чеховъ въ Австріи, этотъ самый развитой славянскій народъ встрепенулся, чтобы провозгласить свою народную неприкосновенность и сбросить нѣмец-

[1]) Dans le temps où nous vivons les traités parviennent rarement à un grand âge. On s'expose mal à propos au danger de les invalider chaque fois qu'on essaye de les interpréter dans un sens qui se trouve en désaccord avec la lettre des engagements contractés de part et d'autre.

кое ярмо. Поборникъ федераціи Славянъ, докторъ Ригеръ, въ своей бесѣдѣ съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ Новиковымъ [1]) повѣдалъ ему свою мысль о созывѣ въ Пештѣ или въ Бѣлградѣ, съ вѣдома русскаго правительства, славянскаго конгресса, на которомъ Чехи бы примирили Русскихъ съ Поляками. Примиреніе Россіи и Польши ставилось Ригеромъ непремѣннымъ условіемъ успѣшной борьбы съ Германіей, которая будетъ стараться привлечь на свою сторону Поляковъ. По мысли Ригера, славянство подвигалось къ федеративному строю, который, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, долженъ захватить и самую Россію, но пока задача сія заключалась въ оказаніи покровительства славянскому міру черезъ предварительное сближеніе съ Поляками. Самъ Бисмаркъ предвидѣлъ наступленіе славяно-германской борьбы и сознавалъ необходимость поддержать расшатавшійся строй Австріи, которой первой грозило распаденіе въ случаѣ открытія этой борьбы. Свиданіе императоровъ Вильгельма и Франца-Іосифа, князя Бисмарка и графа Бейста въ Ишлѣ, Гастейнѣ и Зальцбургѣ въ августѣ 1871 г. было задумано германскимъ канцлеромъ для примиренія обоихъ государей и привлеченія Австріи къ тѣснѣйшему сближенію съ Германіей съ цѣлью продлить ея существованіе. На вопросъ Новикова о результатѣ бывшихъ переговоровъ, германскій посолъ при Вѣнскомъ дворѣ генералъ Швейницъ сказалъ: «Если бы у меня спросили, что мы обѣщали Австріи за ея дружбу, я отвѣчу: мы обѣщали ей жизнь. Исключительно отъ нашей доброй воли обязана она своимъ существованіемъ, такъ какъ мы заинтересованы въ поддержаніи ея неприкосновенности, по нашему гораздо болѣе необходимомъ, чѣмъ охраненіе неприкосновенности оттоманской имперіи» [2]). Графъ Бейстъ шелъ на всякія уступки князю Бисмарку, но императоръ Францъ-Іосифъ не согласился на предложенныя германскимъ канцлеромъ мѣры къ объединенію австро-венгерской монархіи съ германскою имперіею по части таможенной, почтовой и торговой. Между обоими канцлерами установилось соглашеніе для разрѣшенія международныхъ во-

---

[1]) 1871. Vienne. I. Réc. № 355, dép. $\frac{\text{24 février}}{\text{8 mars}}$ № 34. III. Exp. № 73, lettre 1 mars. Réc., lettre 13/25 mars.

[2]) 1871. Vienne. II. Réc. № 2253, dép. 2/14 septembre № 111.

просовъ и сохраненія мира, такъ какъ въ этомъ направленіи князю Бисмарку было выгодно заручиться союзникомъ на случай усложненій съ Франціей, возникшихъ на почвѣ возмездія. Что же касается Россіи, то Пруссія, по словамъ графа Бейста, изображала соединительную черту (trait d'union) между Австріей и Россіей. «Наши отношенія съ вами,—сказалъ австро-венгерскій канцлеръ Новикову [1]),—могутъ только улучшиться, такъ какъ мы не сумѣемъ быть врагами друзей нашихъ друзей» (car nous ne saurions être des énnemis des amis de nos amis). Самъ германскій императоръ заявилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Карлсруэ Колошину, при свиданіи съ нимъ въ Баденѣ, что на замѣчаніе графа Андраши, съ которымъ императоръ Вильгельмъ имѣлъ объясненіе въ Зальцбургѣ, о затруднительномъ положеніи Венгріи передъ Россіей, онъ сказалъ венгерскому министру о своемъ твердомъ намѣреніи поддерживать самую тѣсную дружбу съ русскимъ императоромъ, такъ какъ оба ихъ дома связаны семейными преданіями, существовавшими болѣе 60 лѣтъ, и личными отношеніями между членами ихъ семействъ [2]). По признанію же князя Бисмарка, имѣвшаго объясненіе съ императорскимъ посланникомъ въ Берлинѣ Убри, онъ мечталъ о возстановленіи соглашенія между тремя дворами съ цѣлью утвержденія мира въ Европѣ [3]). Вступленію Австро-Венгріи въ болѣе тѣсное общеніе съ Россіей способствовали выходъ въ отставку графа Бейста и назначеніе на его мѣсто графа Андраши въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ (27 октября 1871 г.). Первоначально графъ Андраши былъ недружелюбно настроенъ по отношенію къ Россіи и даже при свиданіи въ Гастейнѣ предлагалъ князю Бисмарку дѣйствовать противъ нея, но въ виду категорическаго отказа германскаго канцлера и объясненія съ императоромъ Вильгельмомъ, австро-венгерскій министръ измѣнилъ свой образъ мыслей и сталъ искать сближенія съ восточнымъ сосѣдомъ Австріи [4]). При свиданіи съ Новиковымъ, графъ

---

[1]) 1871. Vienne. II, Réc. № 2251, dép. 2/14 septembre № 109.

[2]) 1871. Carlsruhe. Réc., № 2344, dép. $\frac{\text{2 septembre}}{\text{6 octobre}}$ № 24.

[3]) 1871. Berlin. III. Réc. № 2371, dép. 1/13 octobre № 211.

[4]) 1872. Доклады. Берлинъ $\frac{\text{23 августа}}{\text{9 сентября}}$.

Андраши сказалъ, что, питая полное довѣріе къ мирной политикѣ императора Александра II, онъ заявляетъ положительно объ отсутствіи со стороны Австріи какихъ-либо завоевательныхъ плановъ относительно дунайскихъ княжествъ, Босніи и Герцоговины [1]). Сближеніе русскаго и австрійскаго двора выразилось въ слѣдующемъ году въ томъ, что эрцъ-герцогъ Вильгельмъ прибылъ съ пятью австрійскими офицерами на маневры въ Красное село [2]). Осенью того же года состоялось свиданіе трехъ императоровъ и ихъ министровъ въ Берлинѣ. Прошлогодняя встрѣча германскаго императора съ австрійскимъ въ Ишлѣ произошла по иниціативѣ князя Бисмарка; въ 1872 году графъ Андраши въ свою очередь высказалъ заботу по опредѣленію срока для отдачи Францомъ-Іосифомъ посѣщенія, сдѣланнаго ему Вильгельмомъ въ 1871 году. Этому посѣщенію сочувствовалъ Бисмаркъ, такъ какъ имъ удостовѣрялось передъ Франціею существованіе особыхъ соглашеній Германіи съ другими державами помимо самой Франціи. Первоначально было рѣшено, что Вильгельмъ приметъ Франца-Іосифа на маневрахъ около Берлина отъ 4 до 11 сентября [3]). 26 іюля тайный совѣтникъ Вестманъ, управлявшій министерствомъ, пишетъ князю Горчакову, находившемуся въ Интарлакенѣ, что 12/14 іюля государь ему, въ первый разъ, повѣдалъ свое предположеніе поѣхать въ Берлинъ. «Всѣ люди здравомыслящіе, сказалъ онъ, желали бы, чтобы я предпринялъ путешествіе и я убѣжденъ, что послѣдствія будутъ самыми благотворными для общей охраны и порядка (j'ai la conviction que l'effet en sera salutaire pour les éléments d'ordre et de conservation) [4]).

Графъ Андраши выразилъ Новикову свою радость, когда узналъ о свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ, такъ какъ онъ постоянно лелѣялъ мысль объ уничтоженіи всѣхъ препятствій, раздѣлявшихъ австрійскую и русскую политику [5]). Въ Вѣнѣ высказывали удовольствіе въ виду

---

[1]) 1871. Vienne. II. Réc. № 2525, dép. 9/21 novembre № 150.

[2]) 1872. Vienne. I. Réc., lettre 20 mai. Réc. № 811, dép. 2/14 juin № 76. Réc., tél. 23 juin.

[3]) 1872. Vienne. I. Réc., tél. 6/18 juin.

[4]) 1872. Chancelier. Exp., lettre 26 juillet.

[5]) 1872. Vienne. I. Réc. № 970, dép. 6/18 juillet № 93. Réc. № 1014, dép 17/29 juillet № 103.

предстоявшей встрѣчи австрійскаго и русскаго императоровъ и находили, что Францу-Іосифу положеніе побѣжденнаго не покажется столь затруднительнымъ, если при свиданіи съ его побѣдителемъ будетъ присутствовать третій монархъ [1]). О результатѣ свиданія князь Горчаковъ писалъ графу Бруннову, въ томъ смыслѣ, что оно достигло своей цѣли, а именно умиротворенія и примиренія; не было никакого писанія, никакихъ протоколовъ (ni écrivailleries, ni protocoles), никакого положительнаго обязательства, измѣнявшаго нашу свободу дѣйствій, однимъ словомъ ничего для дипломатическихъ архивовъ; нравственныя послѣдствія огромныя [2]). Въ докладѣ государю [3]) князь Горчаковъ изложилъ свою бесѣду съ графомъ Андраши.

Австровенгерскій министръ полагалъ, что между Австріей и Россіей не существовало никакихъ основательныхъ причинъ къ разъединенію. Австрія по своему положенію должна всегда быть готова къ оборонѣ и неспособна къ расширенію своей территоріи. Венгрія настолько обременена правами и привиллегіями, что ей немыслимы никакія новыя территоріальныя пріобрѣтенія, почему всѣ разсказы объ австровенгерскихъ вожделѣніяхъ насчетъ Босніи и Герцеговины—явныя измышленія. По словамъ Андраши австровенгерская политика желала сохраненія Турціи въ настоящемъ ея видѣ: если же должны были наступить измѣненія, то они имѣли совершиться постепенно. Австровенгерскій министръ согласился съ мнѣніемъ князя Горчакова о необходимости не вмѣшиваться во внутреннія дѣла христіанскихъ областей турецкой имперіи, если бы въ нихъ вспыхнуло возстаніе и не посылать войскъ на помощь Портѣ для подавленія возстанія, даже если бы она того просила. Такимъ образомъ, по словамъ императорскаго посла Новикова, берлинское свиданіе трехъ императоровъ послужило къ возстановленію довѣрія между Австріей и Россіей, къ поддержанію порядка и власти и къ укрѣпленію престола [4]). Между тѣмъ генералъ Игнатьевъ продол-

---

[1]) 1872. Vienne. I. Réc., lettre $\frac{\text{31 juillet}}{\text{2 aout}}$.

[2]) Переписка князя Горчакова, т. 50. Lettre au c-te Brunnow, Berlin, $\frac{\text{30 aout}}{\text{1 septembre}}$ 1872.

[3]) 1872 г. Доклады. Берлинъ, $\frac{\text{28-го августа}}{\text{9-го сентября}}$.

[4]) 1872. Vienne. I. Réc. № 1169, dép. 6/18 septembre № 109.

жалъ относиться съ недовѣріемъ къ тактикѣ графа Андраши и доносилъ, что по его убѣжденію австровенгерскій министръ, не отказываясь отъ своихъ коварныхъ замысловъ, имѣлъ въ виду выиграть время и, войдя съ нами въ притворное соглашеніе, готовиться къ исполненію задуманныхъ имъ захватовъ. Въ виду такого мнѣнія генерала Игнатьева, Новиковъ объяснилъ, что насколько онъ понялъ, дѣло шло о распространеніи власти венгерской короны, путемъ ли присоединенія дунайскихъ княжествъ и сербскихъ областей Турціи или путемъ уніи съ ними. Это извѣстная мадьярская мечта. Новиковъ не считалъ графа Андраши совершенно непричастнымъ къ такимъ замысламъ, но признавалъ его честнымъ противникомъ, который, не бывши въ силахъ вести войну съ успѣхомъ, вынужденъ былъ держаться мира и желалъ его добрымъ и твердымъ.

Въ слѣдующіе 1873 и 1874 г.г. союзъ трехъ императоровъ возымѣлъ еще большее дѣйствіе. Въ январѣ 1873 г. императоръ Вильгельмъ вмѣстѣ съ германскимъ канцлеромъ пробылъ нѣсколько дней въ Петербургѣ. При свиданіи съ княземъ Горчаковымъ, Бисмаркъ объяснилъ ему [1]), что онъ уже двадцать лѣтъ, какъ оставался неизмѣнно преданнымъ русскому императору и считалъ тайное соглашеніе съ Россіей единственно разумной политикой для Пруссіи, основаніемъ которой служило не одно чувство благодарности, но и положительный разсчетъ. По словамъ Бисмарка, Пруссія никогда не забудетъ услугъ, оказанныхъ ей Россіею въ послѣднюю войну, и для выраженія своей благодарности обладала лишь однимъ средствомъ, а именно предоставленіемъ всего своего вліянія на востокѣ въ полное распоряженіе Россіи. Съ этою цѣлью князь Бисмаркъ снабдилъ германскихъ агентовъ на востокѣ соотвѣтствующимъ наставленіемъ.

Присутствіе Александра II на свиданіи Франца-Іосифа съ Вильгельмомъ въ Берлинѣ въ 1872 г. положило начало сближенію между Австріей и Россіей, но необходимо было установить сношенія между ними непосредственно помимо Пруссіи, такъ какъ тогда бы окрѣпло политическое положеніе Австріи въ нравственномъ отношеніи. Съ этою

---

[1]) Собраніе писемъ князя Горчакова за 1873 г., т. 52. Письмо государю 19-го апрѣля.

цѣлью состоялась въ 1873 г. поѣздка императора Александра въ Вѣну въ сопровожденіи князя Горчакова. Ближайшимъ послѣдствіемъ поѣздки и свиданія обоихъ императоровъ было установленіе взаимнаго довѣрія и достиженіе соглашенія, въ силу котораго всякія могущія возникнуть между обоими правительствами недоразумѣнія и столкновенія интересовъ должны были быть разрѣшены путемъ обмѣна прямыхъ и откровенныхъ между ними объясненій [1]). «Графъ Андраши, говорится въ отчетѣ, первый изъ государственныхъ людей Австріи, который посовѣтовалъ своему государю примѣненіе правилъ благоразумія къ сношеніямъ съ Россіей. Князь Бисмаркъ сказалъ о немъ, что онъ слишкомъ гордъ, чтобы не быть вѣрнымъ. Для насъ онъ останется честнымъ соперникомъ, по изреченію посла Новикова. Его открытая политика и открытый характеръ придаютъ его увѣреніямъ неоспоримую цѣнность. Политическое положеніе и прямыя выгоды Австро-Венгріи служатъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ мира, такъ какъ только путемъ мира можетъ быть сохранено равновѣсіе между обѣими частями монархіи. Въ отношеніи востока вѣнскій кабинетъ измѣнилъ свою политику. Графъ Андраши, какъ будто, поставилъ себѣ задачею привлечь на сторону Австро-Венгріи, благорасположеніе пограничныхъ христіанскихъ народовъ. Даже пресса примѣтила въ томъ выгоду монархіи, такъ какъ, въ виду приближавшагося распаденія оттоманской имперіи, Австрія и Венгрія заинтересованы въ развитіи и въ добромъ расположеніи христіанскихъ народностей, которымъ принадлежала будущность Балканскаго полуострова. Въ числѣ такихъ выгодъ указывалась возможность присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи въ случаѣ разложенія Турціи». Здѣсь нельзя не отмѣтить взгляда С.-Петербургскаго кабинета на измѣнившіяся отношенія Австріи къ зарубежнымъ славянамъ; онъ примирился съ мыслью, что не одной Россіи суждено было имѣть на нихъ вліяніе. «Сопредѣльность Австріи на большомъ протяженіи съ Турціею, говорится въ отчетѣ, должна оказывать громадное давленіе на матеріальные интересы этихъ странъ. Вполнѣ естественно, что вѣнскій кабинетъ предвидитъ возможность распаденія Турціи, но въ настоящую

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ за 1873 г.

минуту вполнѣ достовѣрно, что самые настоятельные интересы Австро-Венгріи требуютъ сохраненія мира и существующаго порядка вещей. Эти доводы служатъ достаточнымъ обезпеченіемъ нашего довѣрія къ словамъ графа Андраши, а если его доброе расположеніе, которое онъ въ настоящее время оказываетъ вассальнымъ областямъ оттоманской имперіи, клонится къ развитію австрійскаго вліянія въ этихъ странахъ, гдѣ господствовало прежде исключительно наше, то мы въ этомъ не усматриваемъ ни опасности для будущаго, ни нарушенія нашего обаянія или нашихъ выгодъ. Христіанскія народности только могутъ выиграть въ такомъ общеніи. Мы же остаемся вѣрными нашей исторической миссіи, не препятствуя имъ развиваться и совершенствоваться въ самоуправленіи, даже при иностранной помощи. Вліяніе Австріи будетъ уравновѣшиваться тѣми узами любви, единства вѣры и происхожденія, связывающими насъ съ этими народностями, которыя всегда будутъ нуждаться въ насъ, чтобы избавиться отъ возможнаго ихъ поглощенія слишкомъ могущественнымъ сосѣдомъ».

Изъ этого краткаго политическаго очерка за 1871—1874 г.г. выдѣляется первоначально сближеніе императоровъ Вильгельма и Франца Іосифа, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ взаимное согласованіе дѣйствій ихъ правительствъ по внѣшнимъ дѣламъ, постепенное привлеченіе императора Александра II къ этому союзу двухъ императоровъ, исполненное черезъ посредничество князя Бисмарка, и вступленіе Австріи съ Россіей въ прямыя, болѣе тѣсныя сношенія. Они привели къ союзу трехъ императоровъ. Сближеніе съ Австріей повлекло за собою признаніе за нею со стороны Россіи права на вліяніе въ славянскихъ земляхъ, которымъ мы одни пользовались и которое до той поры ревниво оберегали.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Возстаніе славянъ въ Босніи и Герцеговинѣ (1875 г.). Различіе во взглядахъ Австріи и Россіи на судьбу возставшихъ областей. Свиданіе императоровъ Александра и Франца-Іосифа въ Рейхштадтѣ (26-го іюня 1876 г.). Заключеніе австро-русскаго соглашенія отъ 3/15-го января 1877 г., подписаннаго 6/18-го марта. Неминуемость войны между Россіей и Турціей.

Возстаніе славянъ въ Босніи и Герцоговинѣ (1875). Опасенія графа Андраши, чтобы эти области не присоединились къ Сербіи и Черногоріи, или чтобы изъ нихъ не образовались самостоятельныя княжества, платящія дань султану. Его проектъ преобразованій (депеша 30-го декабря 1875 г.). Онъ поддерживается великими державами, сознающими, однако, всю неисполнимость этихъ реформъ. Затаенная мысль графа Андраши объ округленіи Австріи со стороны Босніи, раскрытая княземъ Бисмаркомъ въ его бесѣдѣ съ посланникомъ Убри. Князь Бисмаркъ предлагаетъ свои услуги въ качествѣ посредника между Россіей и Англіей, въ случаѣ усложненій на Востокѣ. Повстанцы Босніи и Герцеговины не довольствуются преобразованіями, выговоренными графомъ Андраши. Возобновленіе военныхъ дѣйствій со стороны турокъ. Разногласіе между Австріей и Россіей относительно судьбы возставшихъ областей. Свиданіе императоровъ Александра II и Франца-Іосифа въ Рейхштадтѣ. Рейхштадтское солашеніе (26-го іюня 1876 г.). Князь Бисмаркъ уклоняется отъ почина на созывъ конференціи, которую предлагаетъ князя Горчаковъ. Посылка фельдмаршала Мантейфеля съ письмомъ императора Вильгельма императору Александру II (21-го августа 1876 г.). Различные взгляды на разрѣшеніе кризиса: князь Горчаковъ стоялъ за объявленіе перемирія на два мѣсяца и за созывъ конференціи для установленія прочнаго порядка въ возставшихъ областяхъ предоставленіемъ имъ самоуправленія. Графъ Андраши желалъ достигнуть путемъ уступокъ умиротворенія на два года, разсчитывая, по истеченіи этого срока, на распаденіе оттоманской имперіи, при которомъ австровенгерская имперія пріобрѣла бы часть Босніи и Герцеговины. Посылка генералъ-адъютанта графа Сумарокова-Эльстона въ Вѣну съ письмомъ государя къ императору Францу-Іосифу (15/27-го сентября 1876 г.). Предложеніе, въ случаѣ уклоненія Порты отъ реформъ, приступить къ понудительнымъ мѣрамъ: занятіе Босніи и Болгаріи, вступленіе эскадръ въ Босфоръ. Францъ-Іосифъ допускаетъ лишь послѣднюю мѣру и обѣщаетъ не препятствовать Россіи, если она рѣшится одна объявить войну Турціи. Предложеніе Александра II заключить договоръ съ Австріей на случай войны съ Турціей. Австрія согласна на совмѣстныя, но не на общія дѣйствія своихъ войскъ съ русскими, безъ объявленія войны Турціи и съ тѣмъ, чтобы ея участіе было скрыто. Ея цѣль занять окончательно не только Боснію, но и Герцеговину, не прибѣгая къ оружію, но пользуясь побѣдою русскихъ войскъ. Переговоры по заключенію двухъ

конвенцій, военной и политической. Подписаніе первой 3/15-го января. Признаніе за Австріей права на занятіе Босніи и Герцеговины, выговоренное во второй конвенціи. Подписаніе ея въ Пештѣ 6/18-го марта 1877 г.. Письмо Александра II къ Вильгельму и князя Горчакова къ Бисмарку объ оказаніи Германіею нравственной поддержки въ виду наступавшей войны Россіи съ Турціей. Увѣреніе Бисмарка въ дружбѣ и въ томъ, что онъ отклонилъ императора Вильгельма отъ англійскаго вліянія. Неуспѣхъ конференціи въ Константинополѣ. Циркуляръ князя Горчакова отъ 19-го января 1877 г. Лондонскій протоколъ 19-го марта 1877 г. Порта отвергаетъ всѣ предложенія державъ. Неминуемость войны между Россіею и Турціею. Положеніе Англіи въ виду этихъ событій.

По словамъ князя Бисмарка, Пруссія располагала только однимъ средствомъ отблагодарить Россію за оказанныя ею услуги, а именно предоставленіемъ всего своего вліянія на Востокѣ въ полное распоряженіе Россіи. Князю Бисмарку очень скоро представилась возможность доказать на дѣлѣ то, что высказывалось имъ словами. Лѣтомъ 1875 года въ южныхъ округахъ Герцеговины вспыхнуло возстаніе въ средѣ христіанскаго населенія, притѣсненнаго сборщиками податей. Возстаніе перешло изъ южныхъ округовъ въ сѣверные, а затѣмъ распространилось и на Боснію. Чтобы прекратить кровавую борьбу, которую Турція не была въ силахъ преодолѣть, великія державы, съ согласія Порты, послали въ Герцеговину комиссаровъ для изслѣдованія причинъ возстанія и выслушанія отъ самихъ повстанцевъ ихъ пожеланій и жалобъ. Мѣра эта, однако, успѣха не имѣла за отсутствіемъ со стороны населенія всякаго довѣрія къ обѣщаніямъ турокъ. Между тѣмъ возбужденіе росло въ сопредѣльныхъ княжествахъ, Сербіи и Черногоріи. Сербія стала поспѣшно вооружаться.

Въ Австро-Венгріи усилились опасенія насчетъ того, чтобы Герцеговина и Боснія не присоединились къ сосѣднимъ княжествамъ. Хотя, по объясненію графа Андраши [1]), данному имъ Новикову, онъ вовсе не противился образованію изъ возставшихъ областей маленькихъ славянскихъ единицъ, которымъ было бы даровано самоуправленіе, но считалъ эту мѣру неисполнимою, такъ какъ присутствіе въ нихъ мусульманскаго населенія въ 600,000 душъ препятствовало бы всякому христіанскому самоуправленію. За то

[1]) 1875. Vienne. II. Réc. Rap. en cour 1/13 octobre. № 133.

графъ Андраши не допускалъ зарожденія на австрійской границѣ самостоятельнаго славянскаго государства, которое изъ маленькаго превратилось бы въ значительное. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергалъ всякіе помыслы съ своей стороны насчетъ включенія возставшихъ областей въ составъ Австро-Венгріи, доказывая, что такою мѣрою утратилось бы равновѣсіе между обѣими частями монархіи. Графъ Андраши не отрицалъ однако, что въ Австріи существовали сторонники такого присоединенія; самъ же лично онъ считалъ бы его, если бы оно случилось, политическою ошибкою, такъ какъ оно было бы сопряжено съ большими расходами и не принесло бы никакихъ выгодъ въ виду крайней скудости обѣихъ областей и ихъ низкой степени развитія.

По мысли графа Андраши, Боснія и Герцеговина должны были оставаться подъ властью султана, котораго слѣдовало обязать ввести въ нихъ преобразованія, составлявшія предметъ особой записки, представленной имъ Новикову для сообщенія императорскому правительству. Въ ней графъ Андраши требовалъ провозглашенія свободы совѣсти христіанъ всѣхъ обрядовъ, равенство христіанъ и мусульманъ передъ закономъ, упраздненія откуповъ и десятинныхъ сборовъ, улучшенія системъ управленія [1]). Хотя государь и самъ Новиковъ не вѣрили въ практическую пользу этихъ реформъ, а генералъ-адъютантъ Игнатьевъ доказывалъ большую цѣлесообразность мѣръ, предпринятыхъ самимъ султаномъ Абдулъ-Азиссомъ для умиротворенія возставшихъ областей, министерство рѣшилось поддерживать предложенія графа Андраши, одобренныя императоромъ Францемъ-Іосифомъ [2]) и изложенныя впослѣдствіи въ циркулярной депешѣ графа Андраши отъ 30-го декабря 1875 г. Требованіе объ исполненіи этихъ преобразованій было предъявлено Портѣ представителями великихъ державъ въ Константинополѣ.

Свои сомнѣнія въ осуществленіи тѣхъ преобразованій, введеніе которыхъ требовалось державами, высказалъ графъ

[1]) 1875. Vienne. II. Réc. № 1489 Rap. en cour 1/13 octobre № 134. Réc. № 1490. Rap. en cour 1/13 octobre. № 135.

[2]) 1875. Vienne. II. Réc. № 1456. Rap. en cour 1/13 octobre № 131. III. Exp., tel. 12 octobre, lettre 12 octobre.

Бисмаркъ императорскому посланнику въ Берлинѣ Убри [1]). «Я питаю,—сказалъ германскій канцлеръ,—очень мало надеждъ на предлагаемыя реформы, онѣ неосуществимы вслѣдствіе недостатка людей, которымъ онѣ могли быть поручены, и вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ. Затѣмъ можете ли Вы положиться на графа Андраши? Дѣйствительно серьезны ли его намѣренія и не имѣетъ ли онъ заднихъ мыслей? Увѣренъ ли онъ самъ въ своемъ твореніи и чувствуетъ ли онъ самъ достаточно силъ, чтобы привести сію задачу въ исполненіе?» Бисмаркъ такимъ образомъ сомнѣвался въ искренности графа Андраши и находилъ страннымъ, чтобы этотъ министръ, обыкновенно лѣнивый, рѣшился предпринять такую сложную работу, какъ составленіе записки по введенію реформъ въ возставшихъ областяхъ турецкой имперіи, зная напередъ о малой исполнимости этихъ преобразованій. Вотъ почему германскій канцлеръ полагалъ, что австро-венгерскій его товарищъ преслѣдовалъ заднія мысли. Объясняя, что Германія не имѣла никакихъ притязаній на востокъ и готова поддержать всякую комбинацію, насчетъ которой бы Россія сговорилась съ Австріей, графъ Бисмаркъ повѣдалъ своему собесѣднику, что Германія заинтересована лишь въ двухъ пунктахъ: въ положеніи графа Андраши и въ своихъ сношеніяхъ съ Англіей По словамъ Бисмарка, противъ графа Андраши дѣйствовала старая партія центра и католиковъ. «Его положеніе облегчилось бы, намекнулъ германскій канцлеръ,—если бы въ вашихъ комбинаціяхъ съ нимъ вы пришли къ мысли округлить Австрію со стороны Босніи взамѣнъ извѣстныхъ выгодъ, которыя Россія бы пріобрѣла со стороны Бессарабіи. Я не знаю, какихъ воззрѣній держится въ настоящее время по сему предмету императоръ Александръ; мнѣ извѣстно, что прежде онъ положительно не допускалъ возможности для Австріи расшириться въ этомъ направленіи, т.-е. со стороны Босніи. Если бы имѣлась въ виду такая комбинація, то Германія ее одобрила бы безъ всякаго затрудненія. Я думаю, что и Англія согласилась бы на такую бездѣлицу (bagatelle) съ тѣмъ, чтобы ея выгоды въ Египтѣ были обезпечены. Я прошу только

---

[1]) 1875. Berlin. II. Réc. № 1859 dér. $\frac{\text{24 décebre}}{\text{5 janvier}}$ – № 266. III. Réc., lettre secréte $\frac{\text{24 décembre}}{\text{5 janvier}}$.

объ одномъ, чтобы мнѣ было поручено приготовить великобританскій кабинетъ и получить его согласіе на эту комбинацію». «Можетъ быть,—замѣчаетъ Убри въ своемъ письмѣ,—Англія, по мысли Бисмарка, легко согласится на предложенную комбинацію, лишь бы отдѣлаться отъ опасеній, которыя великобританскій кабинетъ связываетъ съ усложненіями на востокѣ, если бы они еще болѣе распространились на востокъ и охватили Константинополь и проливы. Но про эти усложненія Бисмаркъ не промолвилъ ни слова». Относительно графа Андраши посланникъ Убри увѣрилъ Бисмарка въ его прямодушіи, а также въ искренности и безкорыстіи взглядовъ вѣнскаго и с.-петербургскаго кабинета. Что же касается Англіи, то наши отношенія къ ней были самыя лучшія; посланникъ Убри не видѣлъ причины, вслѣдствіе которой Германія была бы вынуждена поссориться съ Англіей изъ-за насъ, чего такъ опасался графъ Бисмаркъ. «Но,—спросилъ Убри,—если бы Англія поссорилась съ Россіей, примете ли вы ея сторону?» «Нѣтъ», сказалъ Бисмаркъ твердымъ голосомъ. Въ отвѣтъ на эти сообщенія посланника Убри, князь Горчаковъ ему писалъ [1]) что хотя министерство не заблуждалось въ успѣхѣ попытки, которая предпринималась въ отношеніи Порты, но не исключало его вовсе, въ особенности, если державы будутъ дѣйствовать дружно и неутомимо. Въ отношеніи сужденій, высказанныхъ Бисмаркомъ, князь Горчаковъ замѣтилъ, что онъ напомнилъ ему великаго искусителя на горѣ и что ему пришелъ также на память разговоръ, который Бисмаркъ велъ въ Біарицѣ съ Наполеономъ. Затѣмъ князя Горчакова поразило желаніе Бисмарка служить посредникомъ для сглаживанія разногласій между двумя великими державами; а именно, онъ предлагалъ намъ свои услуги въ сношеніяхъ съ Англіею, если бы мы, движимые личною корыстью, поддались на удочку (dans le cas où nous saisirions l'amorce d'une convoitise personnelle) Въ заключеніе князь Горчаковъ сообщалъ посланнику Убри, что государь не впадетъ ни въ ту, ни въ другую ловушку, а именно не увлечется ни Константинополемъ, ни Босфоромъ и не прибѣгнетъ къ посредничеству Бисмарка передъ Англіею.

---

[1]) 1875. Berlin. III. Exp., lettre 30 décembre.

Предложенныя графомъ Андраши реформы были приняты султаномъ; но повстанцы Босніи и Герцеговины отказались вѣрить въ обѣщанія султана ввести эти преобразованія и потребовали дальнѣйшихъ уступокъ. Порта въ отвѣтъ на эти притязанія возобновила военныя дѣйствія и стала готовиться къ походу противъ Черногоріи за поддержку, оказываемую ею повстанцамъ. Австрія и Россія, какъ державы наиболѣе заинтересованныя въ исходѣ этой борьбы Славянъ съ Турками, искали сближенія между собою, но еще его не нашли. Князь Горчаковъ писалъ Убри [1]): «я не желаю прорыва (je ne veux pas de fissure) въ нашихъ дружескихъ сношеніяхъ съ графомъ Андраши; слишкомъ многіе ищутъ пробить въ нихъ брешь. Они въ особенности выгодны Австріи и ихъ звеномъ служитъ Андраши, что не безызвѣстно самому императору Францу-Іосифу». Въ случаѣ нашего разногласія съ Австріею по предмету восточнаго вопроса, Бисмаркъ заявилъ графу Шувалову, что онъ станетъ на нашу сторону. «Пруссія, сказалъ онъ, должница Россіи за оказанную ею поддержку въ 1866 и 1870 г.г.; въ уплатѣ этого долга она связана честью». Почему онъ, какъ дворянинъ, а не какъ имперскій канцлеръ, заявляетъ, что для подкрѣпленія нашихъ притязаній Пруссія готова выставить германскую армію; онъ не могъ бы сдѣлать подобное заявленіе, какъ канцлеръ, въ виду того, что въ своихъ политическихъ сношеніяхъ онъ себѣ предоставляетъ нѣкотораго рода эластичность для изложенія своей мысли. На это письмо Убри отвѣтилъ, что, по заявленію Бисмарка, онъ уже давно сдѣлалъ выборъ между Австріей и Россіею, давая предпочтеніе намъ, но всѣ его заявленія до сей поры были чисто платоническими; чтобы они получили значеніе, необходимо достиженіе формальнаго соглашенія между обоими правительствами.

Такимъ образомъ, Россія искала сближенія съ Австро-Венгріею и надѣялась сговориться съ Германіею. На разрѣшеніе борьбы Славянъ съ Турками въ Вѣнѣ и С.-Петербургѣ существовали совершенно различные взгляды, примиреніе которыхъ было очень затруднительно, почему постоянно возникали между обоими кабинетами сомнѣнія и пререканія.

---

[1]) 1876. Berlin. IV. Exp., lettre 20 mars.

Россія стремилась къ прочному улучшенію положенія христіанъ въ турецкихъ областяхъ путемъ предоставленія Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи широкаго самоуправленія, по программѣ, разработанной англійскою либеральной партіей и предложенной лордомъ Дерби [1]). Австрія имѣла въ виду лишь временное прекращеніе борьбы, противилась всякой автономіи этихъ областей и стояла за введеніе такихъ преобразованій, которыя послужили бы только на время заплатами (replâtrage) къ прорѣхамъ, существовавшимъ въ управленіи этихъ областей. По мнѣнію графа Андраши [2]), такое обновленное положеніе могло существовать только два гóда, послѣ котораго должно было наступить распаденіе оттоманской имперіи. Этотъ моментъ графъ Андраши призывалъ съ нетерпѣніемъ, такъ какъ имъ Австро-Венгрія должна была воспользоваться для округленія своей границы къ Босніи.

Князь Бисмаркъ совершенно вѣрно угадалъ, передавая посланнику Убри, что, по его мнѣнію, графъ Андраши преслѣдовалъ заднюю мысль, готовя свой проектъ преобразованій, въ осуществленіи которыхъ никто не вѣрилъ [3]). Его цѣль заключалась въ отсрочкѣ развязки, сулящей монархіи возможность пріобрѣтенія новыхъ областей. Самъ графъ Андраши, въ бесѣдѣ съ посломъ Новиковымъ не скрылъ отъ него, что Австрія, тѣснимая Германіею, поневолѣ должна обратиться къ востоку. «Мы на самомъ его рубежѣ, сказалъ онъ [4]), и заинтересованы въ томъ, что тамъ происходитъ. Что бы не дѣлалось тамъ безъ насъ, творилось бы противъ насъ». Вотъ почему графъ Андраши выражалъ сомнѣніе въ пользѣ конференціи, созывъ которой въ Константинополѣ предполагала Россія, и находилъ заключеніе, по нашему почину, перемирія на два мѣсяца слишкомъ продолжительнымъ. Имѣя въ виду главнымъ образомъ будущее, графъ Андраши обращалъ особое вни-

---

[1]) Переписка князя Горчакова, т. 55 телеграмма 1 сентября 1876 г. 1876. Vienne. IV. Voyage. Exp. № 201, tél. 2 septembre. Exp. № 318, dépêche 21 octobre.

[2]) 1876. Vienne. III. Réc. Lettres 24 et 25 août.

[3]) 1875. Berlin. II. Réc. № 1859. Dep. $\frac{\text{24 décembre}}{\text{5 janvier}}$ № 266. Réc., lettre $\frac{\text{21 décembre}}{\text{5 janvier}}$.

[4]) 1876. Vienne. III. Réc. Lettres. 24 et 25 aout.

маніе на соглашеніе, достигнутое между Австріею и Россіею въ Рейхштадтѣ, при свиданіи обоихъ императоровъ $\frac{\text{26-го іюня}}{\text{8-го іюля}}$ 1876 г. [1]). Въ случаѣ торжества ислама, обѣ державы согласились принять мѣры къ прекращенію неистовствъ мусульманъ противъ христіанскаго населенія и настоять на введеніи преобразованій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ случаѣ побѣды христіанъ державы не допустятъ образованія крупнаго славянскаго государства; къ Сербіи и Черногоріи могутъ быть присоединены: къ первой—нѣкоторые округи у рѣки Дринъ въ Босніи, а ко второй—Герцеговина, но за то и Австрія должна была получить турецкую Хорватію и нѣкоторые округи Босніи, смежные съ границей. Россія будетъ имѣть право возвратить себѣ часть Бессарабіи, уступленную по Парижскому договору, а если бы пожелала, то ей предоставлялось присоединить Батумъ къ ея владѣніямъ. Въ случаѣ же распаденія всей оттоманской имперіи въ Европѣ, изъ Болгаріи и Румеліи должны образоваться независимыя княжества; Эпиръ и Ѳессалія присоединятся къ Греціи, а Константинополь сдѣлается вольнымъ городомъ.

Какъ графъ Андраши не былъ сторонникомъ конференціи, которую князь Горчаковъ предполагалъ созвать непосредственно изъ первыхъ министровъ для установленія условій мира между Сербами и Турками и прекращенія внутреней смуты, такъ и князь Бисмаркъ считалъ конференцію преждевременной, отказавшись принять на себя починъ въ ея созывѣ и въ ней участвовать [2]). Онъ полагалъ, что существовавшія между Россіею, съ одной стороны, Англіей и Австріей съ другой, разногласія выразятся еще опредѣленнѣе на конференціи, и опасался, чтобы западныя державы не убѣдились въ различіи взглядовъ между вѣнскимъ и с.-петербургскимъ кабинетомъ и въ непрочности союза трехъ сѣверныхъ дворовъ. Опираясь

---

[1]) 1876. Переписка князя Горчакова, т. 55, arrangements à Reichstadt 20 juin. 1876. Vienne. II. Réc. lettre 10/22 juillet.

[2]) 1876. Berlin. I. Réc. № 1192. Depeche 19/31 juillet № 154, № 1193 dép. 19/31 juillet № 155. III. Réc., lettre 19 juillet, tél. 20 juillet, lettre $\frac{\text{22 juillet}}{\text{3 août}}$. Berlin. IV. Exp. lettre 14 août. 1876. Доклады, 8 августа. 1876. Vienne. III. Réc., lettre 25 avril. 1876. Berlin. II. Réc. № 1863, dép. 12/24 novembre № 244.

на явномъ сочувствіи Пруссіи, военная партія въ Вѣнѣ, во главѣ которой стоялъ эрцъ-герцогъ Альбрехтъ, убѣдила императора Франца-Іосифа въ необходимости присоединить къ имперіи, въ случаѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, всю Боснію, а не одну только полосу земли, составляющую турецкую Хорватію.

Чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на императора Александра II отказами германскаго канцлера участвовать въ конференціи, императоръ Вильгельмъ отправилъ фельдмаршала Мантейфеля въ Варшаву [1]), во время пребыванія императора Александра II въ этомъ городѣ, и поручилъ ему передать государю письмо и словесныя объясненія. Императоръ Вильгельмъ выражалъ въ письмѣ, насколько онъ признателенъ государю за услуги, оказанныя ему Россіею въ 1864—1871 г.г., что Германія ихъ никогда не забудетъ и что мы можемъ на нее разсчитывать [2]). Князь Горчаковъ счелъ своимъ долгомъ объясниться съ Мантейфелемъ. Онъ ему сказалъ, что, смотря по обстоятельствамъ, государь можетъ быть поставленъ въ необходимость дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно. На вопросъ русскаго канцлера, какъ поступитъ Германія въ такомъ случаѣ, Мантейфель твердо отвѣтилъ, что Германія насъ не оставитъ. Столь категорическій отвѣтъ князь Горчаковъ не могъ получить отъ германскаго канцлера [3]). По словамъ посланника Убри, не только императоръ Вильгельмъ, но и германское правительство были расположены къ намъ наилучшимъ образомъ [4]). Можно было сдѣлать только одну оговорку относительно германскаго правительства: оно хотя и сочувствовало намъ, но боялось компрометировать себя и прямыя выгоды Германіи, почему оно относилось къ намъ сдержанно и осторожно, постоянно справляясь съ мнѣніемъ вѣнскаго кабинета. Убри приписывалъ такое отношеніе берлинскаго кабинета отсутствію изъ столицы самого Бисмарка, который, по мнѣнію

---

[1]) 1876. Berlin. Exp., lettre 14 aout. III. Réc., lettre $\frac{2 \text{ septembre}}{21 \text{ aout}}$.

[2]) 1876. Allemagne fam. imp. Réc., lettre $\frac{2 \text{ septembre}}{21 \text{ aout}}$

[3]) 1876. Berlin. IV. Exp. № 200, tél. 1 septembre.

[4]) 1876. III. Réc. 1 septembre; tél. 4 septembre. I. Réc. № 1497, dép. 5/17 septembre № 184. III. Réc., lettre 5/17 sept., tél. et lettre $\frac{29 \text{ septembre}}{10 \text{ octobre}}$, tél. 2/14 octobre.

Убри, безусловно былъ на нашей сторонѣ и свое расположеніе къ намъ доказалъ посылкою въ Варшаву фельдмаршала Мантейфеля, которая состоялась по его почину.

Нельзя, однако, сказать, чтобы миссія Мантейфеля принесла какую-либо пользу. Напротивъ, изъ нея возникли недоразумѣнія. Съ одной стороны, князь Бисмаркъ жаловался черезъ помощника статсъ-секретаря Бюлова, посланнику Убри, что с.-петербургскій кабинетъ не оцѣнилъ миссіи Мантейфеля и оставилъ ее безъ всякаго вниманія. Съ другой стороны, императоръ Александръ II выразилъ удивленіе относительно того, что на сообщенія, сдѣланныя имъ лично фельдмаршалу, германскій канцлеръ никакого отвѣта не далъ и продолжалъ отмалчиваться. Онъ выразилъ свое неудовольствіе по этому предмету генералу Вердеру, состоявшему при его особѣ, и познакомилъ его, при его отъѣздѣ въ Берлинъ, съ положеніемъ дѣла и съ порученіемъ, даннымъ графу Сумарокову-Эльстону въ Вѣнѣ [1]). Пріѣхавшій въ то время въ отпускъ на родину германскій посланникъ при С.-Петербургскомъ дворѣ генералъ Швейницъ, побывавъ у Бисмарка въ Варцинѣ, сказалъ посланнику Убри [2]), что будто бы въ перепискѣ между обоими императорами ни слова не говорилось о томъ положеніи, которое бы заняла Германія въ случаѣ самостоятельнаго похода Россіи на Турцію. По словамъ Швейница, императоръ Вильгельмъ, какъ конституціонный монархъ, не могъ принять на себя болѣе того, что имъ дѣйствительно было обѣщано въ его письмѣ. «Если меня спросятъ въ С.-Петербургѣ, продолжалъ Швейницъ, о томъ положеніи, которое намѣрена занять Германія, въ случаѣ самостоятельныхъ дѣйствій Россіи, я скажу, что дѣйствія могутъ быть произведены различно и различными способами. Необходима точность, во избѣжаніе нанесенія вреда третьей посторонней державѣ». О пребываніи Швейница въ Варцинѣ съ 11—13 октября 1876 г. пишетъ князь Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ [3]), что осенью того же года онъ получилъ отъ генерала Вердера телеграмму, въ которой онъ, по прика-

---

[1]) 1876. Berlin. III. Réc., lettre 12/24 septembre. 1876. Berlin. IV. Exp., vroyage., lettre 21 sedtembre.

[2]) 1876. Berlin. II. Réc., tél. 2/14o ctobre.

[3]) Gedanken und Erinnerungen von Bismarck. Stuttgart. 1898. II. S. 211.

занію императора Александра II, спрашивалъ, останется ли Пруссія нейтральной въ случаѣ войны Россіи съ Австріей. Въ наставленіи данномъ Швейницу, Бисмаркъ указалъ на свои усилія поддержать дружбу между Австріей и Россіей, которыя могутъ проиграть гораздо болѣе въ борьбѣ съ революціей, нежели выиграть, сражаясь между собою. Почему Бисмаркъ не допускалъ, чтобы одно изъ этихъ государствъ потеряло свое положеніе въ Европѣ, какъ независимой и полноправной державы. «Съ этого момента, пишетъ Бисмаркъ въ своихъ запискахъ, Россія отвернулась отъ Германіи и заключила тайный договоръ съ Австріей въ Пештѣ (15-го января 1877 г.)».

По словамъ Бисмарка, существованіе этого договора Россія старательно скрывала отъ Германіи; но это утвержденіе германскаго канцлера не согласуется съ истиной. Въ письмѣ отъ $\frac{\text{21-го октября}}{\text{2-го ноября}}$ [1]) Александръ II пишетъ Вильгельму, что онъ согласился съ Францемъ-Іосифомъ насчетъ взаимнаго положенія Австріи и Россіи въ случаѣ объявленія послѣднею войны Турціи и что генералъ Вердеръ сообщитъ германскому императору подробности этого соглашенія. «Мы обѣщали другъ другу,—пишетъ государь,—безусловную тайну по предмету этой сдѣлки, но я не имѣю тайны для васъ и я увѣренъ въ вашей молчаливости». Въ другомъ письмѣ отъ 15/27-го декабря [2]) государь увѣдомилъ Вильгельма о заключеніи имъ съ Австріей конвенціи, условія которой были сообщены князю Бисмарку для ознакомленія [3]).

«Въ Берлинѣ,—писалъ Убри канцлеру,—вѣрили неминуемости войны между Россіей и Турціей, но я этого не признавалъ. Я помнилъ, что вы мнѣ выражали намѣреніе не жертвовать русскими выгодами въ пользу какихъ-то преходящихъ интересовъ славянскихъ или другихъ. Ваше слово меня вполнѣ удовлетворило. Эта война, въ самомъ дѣлѣ, могла бы помѣшать преуспѣянію Россіи, пріостановить преобразованія въ ней, нанести ударъ ея богатству,

---

[1]) 1876. Allemagne. Fam. imp. Voyage. Exp., lettre de l'empereur Alexandre II à Guillaume, Livadia, $\frac{\text{21 octobre}}{\text{2 novembre}}$.

[2]) 1876. Allemagne. Fam. imp. Exp., lettre d'Alexandre II à Guillaume 15/27 décembre.

[3]) 1877. Berlin. I. Réc. № 25 dép. 2/14 janvier № 5.

ея развитію. Все это пресѣклось бы надолго». Въ этомъ мѣстѣ письма государь помѣстилъ: «c'est ce que me la (la guerre) fait craindre». «Можно ли желать этого,—продолжалъ Убри,—особенно въ виду войны неопредѣленной, предпринятой въ пользу одной идеи безъ существа, безъ осязательной причины, такъ какъ я отстраняю всякое вожделѣніе, всякую мысль о расширеніи русскихъ владѣній. Дѣло идетъ объ улучшеніи положенія народностей, которыя, какъ онѣ только что доказали, еще не созрѣли и сами себя вовлекли въ настоящія затрудненія, несмотря на наши предупрежденія».

Какъ это видно выше, германское правительство уклонилось опредѣлить то положеніе, которое оно займетъ въ случаѣ, если бы мы предприняли самостоятельныя дѣйствія противъ Турціи. По словамъ посланника Швейница, оно должно было принять во вниманіе интересы третьей посторонней державы, т.-е Австріи. Для того, чтобы привлечь ее на нашу сторону, былъ посланъ въ Вѣну генералъ-адъютантъ графъ Сумароковъ-Эльстонъ, который 15/27-го сентября 1876 г. вручилъ императору Францу-Іосифу собственноручное письмо государя [1]). Александръ Николаевичъ предлагалъ, въ случаѣ непринятія султаномъ преобразованій, намѣченныхъ державами, приступить къ понудительнымъ средствамъ, а именно къ занятію австрійскими войсками Босніи и Герцеговины совмѣстно съ занятіемъ Русскими Болгаріи и вступленіемъ эскадръ великихъ державъ въ Босфоръ для защиты христіанскаго населенія. Самымъ важнымъ предметомъ обсужденія являлся вопросъ о совмѣстномъ дѣйствіи австрійскихъ и русскихъ войскъ.

Возможность нашего вступленія въ Болгарію очень поразила графа Андраши [2]), такъ какъ, по рейхштадтскому соглашенію, предвидѣлись наши дѣйствія только въ Азіи. Онъ не вѣрилъ, чтобы мы не имѣли никакихъ видовъ на Болгарію, и не переставалъ настаивать, что разъ мы въ нее вступимъ, намъ ея не покинуть, такъ какъ нельзя было оставить христіанскаго населенія на произволъ освирѣпѣвшихъ мусульманъ. По этимъ соображеніямъ графъ Андраши

---

[1]) 1876. Autriche-Hongrie (fam. imp.) Voyage, lettre à l'empereur François Joseph, Livadia, 11/23 septembre.

[2]) 1876. Veinne. III. Comte. Soumarokow. Réc., lettre 16/28 septembre.

отказывался отъ временного занятія Босніи австрійскими войсками подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ будетъ трудно вывести оттуда, и что занятіе будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ окончательное присоединеніе этихъ областей къ монархіи. Хотя графъ Андраши, очевидно, преслѣдовалъ эту цѣль, но ее пока тщательно скрывалъ, доказывая, въ бесѣдѣ съ Новиковымъ, всю невыгодность такого присоединенія для монархіи [1]). Годъ тому назадъ Новиковъ возставалъ противъ возможности допущенія Россіею одного только вступленія австрійскихъ войскъ въ Боснію, такъ какъ оно бы повлекло за собою увеличеніе обаянія Австріи среди Славянъ. Новиковъ доказывалъ тогда необходимость всѣми средствами отдалять Австрію отъ такого предпріятія [2]). Въ 1876 г. Новиковъ держался другого мнѣнія, и когда графъ Андраши выражалъ надежду на скорое распаденіе оттоманской имперіи, что̀ повлекло бы за собою, согласно предначертаніямъ въ Рейхштадтѣ, присоединеніе части Босніи къ австро-венгерской монархіи, то Новиковъ сочувствовалъ этому [3]). Онъ писалъ канцлеру: «я не могу скрыть моей симпатіи къ рейхштадтскому соглашенію. Мнѣ кажется, что, съ политической точки зрѣнія, намъ довольно безразлично, что нѣсколько сотъ тысячъ босняковъ, изъ нихъ большею частью католиковъ и мусульманъ, чувствуютъ естественное влеченіе къ сосѣдней монархіи. Съ человѣческой точки зрѣнія, мы можемъ только радоваться тому, что наши боснійскіе единовѣрцы, освобожденные изъ-подъ унизительнаго гнета пашей, получатъ облегченія въ своихъ бѣдствіяхъ, вступивъ въ составъ христіанскаго образованнаго государства». Но что въ особенности увеличивало въ глазахъ Новикова значеніе рейхштадтской программы, это предстоявшая возможность для насъ возвращенія части Бессарабіи, уступленной нами по Парижскому договору, пріобрѣтенія гавани на южномъ берегу Чернаго моря и освобожденія черезъ насъ христіанскихъ народностей изъ-подъ ига турецкихъ султановъ, паденіе которыхъ предвидѣлось рейхштадтскою программою.

[1]) 1875. Vienne. III. Réc., lettre $\frac{\text{20 septembre}}{\text{2 octobre}}$.

[2]) 1875. Vienne. II. Réc. № 1584, dép. 5/17 novembre № 149.

[3]) 1876. Vienne. III. Réc., lettre $\frac{\text{20 septembre}}{\text{2 octobre}}$.

«Она, заключалъ Новиковъ, вѣнчала соглашеніе провозглашенное въ 1872 г. государемъ въ Берлинѣ, осуществляла въ дѣйствительности нашъ уговоръ съ Австріею на востокѣ, не давшій до той поры никакихъ результатовъ Она же возстановляла славныя преданія Екатерины II и Іосифа II, прерванныя цѣлымъ рядомъ недоразумѣній, длившихся въ теченіе многихъ лѣтъ».

Такимъ образомъ, изъ предложеній, сдѣланныхъ русскимъ правительствомъ, австрійское, отказавшись отъ временного занятія Босніи и Герцеговины, соглашалось на участіе въ морской экспедиціи въ Босфоръ совмѣстно съ другими державами. Но принятіе этой мѣры было отклонено лондонскимъ кабинетомъ на томъ основаніи, что она противорѣчила договорамъ и могла повести къ войнѣ [1]).

Императоръ Францъ-Іосифъ, отвѣчая Александру II [2]), преимущественно разсчитывалъ на дѣйствія эскадръ, а въ случаѣ, если эта мѣра не могла осуществиться, то онъ допускалъ вмѣшательство австрійскихъ и русскихъ войскъ, но въ видѣ окончательнаго занятія областей, предусмотрѣнныхъ рейхштадтскимъ соглашеніемъ. Временное занятіе Босніи и Герцеговины Францъ-Іосифъ отвергалъ. Если бъ увлеченный народнымъ движеніемъ Александръ II рѣшился одинъ напасть на Турцію, то Францъ-Іосифъ обѣщалъ ему въ этомъ не препятствовать, но выговаривалъ себѣ право двинуть свои войска къ границамъ Босніи для защиты интересовъ своей имперіи.

Усмотрѣвъ изъ этого письма, что Францъ-Іосифъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду возможность распаденія турецкой имперіи, Александръ II ему предложилъ [3]) заключить договоръ на случай войны Австро-Венгріи и Россіи съ Турціей. Въ ожиданіи отвѣта, князь Горчаковъ изложилъ въ особой запискѣ [4]) свои соображенія въ случаѣ, если Австрія откажется отъ заключенія договора. Онъ не раз-

---

[1]) 1876. Vienne. Réc., tél. $\frac{\text{23 septembre}}{\text{5 octobre}}$. III. Réc., lettre $\frac{\text{23 septembre}}{\text{5 octobre}}$.

[2]) 1876. Autriche Hongrie (fam. imp.), copie de la lettre de François Joseph $\frac{\text{2 octobre}}{\text{20 septembre}}$.

[3]) 1876. Autriche Hongrie (fam. imp.), Voyage, Livadia, projet de lettre à Francois Joseph $\frac{\text{28 septembre}}{\text{10 octobre}}$.

[4]) 1876. Mémoires. Notice 30 octobre.

считывалъ на успѣхъ переговоровъ и находилъ, что моментъ для объявленія войны Турціи былъ самый благопріятный: Турки очутились бы между двухъ огней при вступленіи русскихъ войскъ въ Болгарію и продолженіи борьбы съ Сербами и Черногорцами. Положеніе Турокъ было бы еще серьезнѣе, если бы русское войско подняло Армянъ и Курдовъ въ Малой Азіи. Англичане, хотя бы прошли черезъ проливъ въ Черное море, но не имѣя десантныхъ войскъ, не могли намъ нанести особаго вреда; Австрія едва ли бы тронулась и обезпеченная рейхштадтскимъ соглашеніемъ заняла бы Боснію. Князь Бисмаркъ не рѣшился бы стать во главѣ коалиціи противъ насъ. Приводя эти соображенія за немедленное объявленіе войны, князь Горчаковъ выставлялъ тотъ доводъ въ опроверженіе ихъ, что оно было бы равносильно вызову всей Европы, такъ какъ оно имѣло бы мѣсто во время самыхъ переговоровъ о мирѣ и разрывъ былъ бы недостаточно обоснованъ.

Эти соображенія, клонящіяся къ объявленію войны еще осенью 1876 г., повторяются княземъ Горчаковымъ въ другой запискѣ отъ 17-го октября, написанной уже послѣ полученія отвѣта императора Франца-Іосифа [1]), который предусматривалъ скорѣе совмѣстныя, нежели общія дѣйствія австрійскихъ войскъ съ русскими (concomitance plutôt que communauté d'actions) при самостоятельномъ движеніи русскихъ на Турцію; эти дѣйствія служили бы предметомъ особой предварительной конвенціи, опредѣлявшей подробности. По мысли графа Андраши, Россіи было бы предоставлено, по ея усмотрѣнію, занять турецкую территорію; въ такомъ случаѣ Австрія заняла бы окончательно Боснію и Герцеговину, заранѣе не обнаруживъ своего намѣренія и не объявивъ войны Турціи. Въ этомъ мѣстѣ письма Новикова государь сдѣлалъ помѣту: «et c'est justement cela que nous voudrions et cela ne fait nullement notre compte» [2]).

Это соглашеніе должно было храниться въ тайнѣ даже для министровъ монархіи. «Опытъ показалъ, — пишетъ князь Горчаковъ въ своей запискѣ отъ 17-го октября,—

---

[1]) 1876. Vienne. III. Réc., lettre 11/23 octobre, tél. 14/26 octobre, 16/28 octobre. IV. Exp. № 301, tél. 15 octobre.

[2]) Этого именно мы бы желали, а то насъ вовсе не устраиваетъ.

что мирнымъ путемъ нельзя было достигнуть улучшенія положенія христіанъ оттоманской имперіи, почему намъ слѣдовало, хотя бы однимъ нанести рѣшительный ударъ. Сокровенная мысль австровенгерскаго министра заключалась въ томъ, чтобы насъ заставить дѣйствовать въ одиночествѣ. Вѣнскій кабинетъ бы принялъ отдѣльное положеніе хотя и не враждебное, но соотвѣтствующее требованіямъ парламента. Мы бы несли всѣ тягости войны, тогда какъ Австрія, не прибѣгнувъ къ оружію, завладѣла бы навсегда Босніею. При неизвѣстности этого соглашенія правительствамъ остальныхъ державъ занятіе Босніи могло казаться предупредительною мѣрою противъ насъ, что вполнѣ входило въ виды графа Андраши, озабоченнаго тѣмъ, чтобы не быть заподозрѣннымъ со стороны германской и венгерской партіи мира въ совмѣстномъ, заранѣе обдуманномъ съ нами, нападеніи или заговорѣ о раздѣлѣ оттоманской имперіи [1]). Намъ надо рѣшить, подобаетъ ли намъ соглашаться на такую комбинацію, или же намъ слѣдуетъ требовать общихъ дѣйствій въ виду войны. Казалось бы предпочтительнѣе окончательно и безповоротно привязать Австрію къ намъ. Однако, если бы встрѣтились непреодолимыя затрудненія, можно будетъ удовлетвориться совмѣстными ея дѣйствіями, которыя обезпечили бы ея благопріятный нейтралитетъ въ военныхъ операціяхъ и въ дипломатическихъ переговорахъ. Вѣнскій кабинетъ предпочелъ бы приступить къ дѣйствіямъ только будущею весною. Для насъ, при разсмотрѣніи вопроса съ политической точки зрѣнія, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ необходимости дѣйствовать немедленно, быстро и энергично, такъ какъ условія Порты и ея друзей, клонящіяся къ выигрышу времени и къ затяжкамъ дѣла, ясно доказываютъ ихъ опасенія, чтобы мы съ своей стороны не прибѣгли къ немедленному рѣшенію, и надежду на то, что весна имъ принесетъ болѣе счастья».

Мысли свои о планахъ австрійскаго правительства князь Горчаковъ еще болѣе развилъ въ инструкціи, данной послу Новикову на заключеніе договора съ Австріей [2]).

---

[1]) 1876. Vienne. III. Exp., lettre 18/30 octobre.

[2]) 1876. Vienne. IV. Exp. № 317. Voyage. Instructions à Novikow 21 octobre.

«Императоръ Францъ-Іосифъ, говорится въ инструкціи, допускаетъ общее дѣйствіе съ нами только въ случаѣ распаденія оттоманской имперіи. Если бы же государь рѣшился напасть на Турцію немедленно, то Францъ-Іосифъ согласенъ на дѣйствіе, хотя и кажущееся независимымъ, но въ самомъ дѣлѣ клонящееся къ той же цѣли, которая была бы достигнута путями, соотвѣтствующими особому положенію монархіи и требованіямъ ея конституціи. На этомъ основаніи предстоитъ связать оба правительства точно опредѣленными обязательствами, устанавливающими ихъ полную солидарность въ преслѣдованіи общей цѣли. Австрія должна держаться строго нейтральнаго положенія при самостоятельномъ выступленіи Россіи. Она препятствовала бы всякой попыткѣ вмѣшательства или совокупнаго посредничества какой-либо державы и помѣшала бы всякому рѣшенію западныхъ державъ, основанному на договорѣ 18/30-го марта или 15-го апрѣля 1856 г. Если бы вѣнскій кабинетъ рѣшился вступить въ Боснію, то это занятіе не должно показаться враждебною мѣрою, направленной противъ нашего вступленія въ Болгарію и кругъ военныхъ дѣйствій Австріи не долженъ распространяться ни на Румынію и Сербію, ни на Герцеговину и Черногорію. Наконецъ, выгоды кампаніи должны быть строго опредѣлены, согласно предначертаніямъ рейхштадтскаго соглашенія».

Такимъ образомъ, различіе во взглядахъ Австріи и Россіи на способъ разрѣшенія борьбы между Славянами и Турками распространялось и на цѣли, которыя преслѣдовали оба правительства. Тогда какъ Россія имѣла преимущественно въ виду умиротвореніе христіанскаго населенія путемъ предоставленія ему прочныхъ реформъ и готова была поддерживать свои требованія силою оружія, дѣйствуя вполнѣ открыто, Австрія пользовалась нашимъ нападеніемъ, чтобы, крадучись, занять Боснію, не объявляя войны Турціи и скрывая отъ Европы свое совмѣстное дѣйствіе съ нами. Причемъ цѣль Австріи была чисто корыстною; она выговорила себѣ право удержать то, что заняла. Въ Рейхштадтѣ графъ Андраши удовлетворялся турецкою Хорватіею и узкою полосою боснійской территоріи вдоль далматинской границы. Князь Горчаковъ [1]) писалъ Новикову

[1]) 1876. Vienne. IV. Exp. № 316, voygae, dép. 21 octobre.

по этому поводу, что австрійскій канцлеръ обѣщалъ ему доставать чертежъ съ обозначеніемъ исправленной границы, но таковаго онъ не доставилъ и заявилъ свои домогательства уже не только на всю Боснію, но и на Герцеговину, не смотря на совершенно противоположные взгляды и стремленія вѣнскаго кабинета.

Александръ II искалъ союза съ Францомъ-Іосифомъ и писалъ ему [1]): «опытъ прошлаго времени и прошедшаго года доказали совершенную безполезность совѣщаній изъ шести державъ. Договоры, связывающіе великія державы, составлены какъ будто съ тою мыслью, чтобы обезпечить за Турками полную безнаказанность въ виду отсутствія всякаго единодушія Европы. Нѣтъ никакого основанія надѣяться, чтобы наступилъ конецъ этому состоянію вещей, которое съ каждымъ днемъ становится нестерпимѣе. Я, съ своей стороны, рѣшился съ нимъ покончить и совершить то, что всѣ нашли, въ принципѣ, справедливымъ, человѣчнымъ и необходимымъ. Признаюсь, я сожалѣю, что ты не желаешь открыто дѣйствовать сообща со мною. Я разсчитываю на твое косвенное участіе, чтобы придти къ цѣли, нами совмѣстно намѣченной, а главнымъ образомъ, чтобъ устранить неудобства, происходящія отъ слѣдованія отдѣльными путями, вслѣдствіе чего событія могутъ чередоваться противъ нашей воли, безъ всякаго порядка (à la dérive)».

По прочтеніи этого письма, Францъ-Іосифъ [2]) замѣтилъ Новикову относительно исключенія Герцеговины изъ круга военныхъ дѣйствій Австро-Венгріи, сказавъ, что эта область по рейхштадтскому соглашенію, включена въ сферу вліянія монархіи. То же самое подтвердилъ графъ Андраши, объяснивъ простою опискою неупоминаніе Герцеговины въ памятной запискѣ, изложенной въ Рейхштадтѣ [3]); при чемъ онъ спорилъ противъ выраженія, встрѣчающагося въ инструкціи Новикову объ общей цѣли. «Наши дѣйствія, сказалъ онъ [4]), не общія съ вашими; мы только вамъ не

---

[1]) 1876. Autriche Hongrie (fam. imp.). Voyage. Projet de lettre à l'empereur Francois Joseph. Livadia, $\frac{\text{22 octobre}}{\text{3 novembre}}$.

[2]) 1876. Vienne. II. Réc. № 1798, dép. 3/15 novembre № 194.

[3]) 1876. Vienne. II. Réc. № 1800, dép. 3 novembre № 196.

[4]) 1876. Vienne. II. Réc. № 1799, dép. 3/15 novembre № 195.

должны мѣшать и васъ защитимъ отъ всякой появившейся коалиціи. Когда вы вступите въ Турцію, а Англія вамъ отвѣтитъ посылкою флота въ Босфоръ, и если общественное мнѣніе будетъ толкать насъ противъ Россіи, то мы устранимъ всякія нападки въ парламентѣ, избѣгая разрыва со всѣми, но не присоединяясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ какой либо кооперативной программѣ. Если бы тогда пришелъ моментъ къ занятію Босніи, мы бы это сдѣлали въ виду необходимости защищать наши собственныя выгоды». Въ заключеніе Андраши называлъ дѣйствія наши и австрійскія параллельными, но не общими, хотя бы заранѣе задуманными. Въ опроверженіе того, что, какъ сказано было въ инструкціи Новикову, Австрія, не неся никакого риска, обезпечивала себѣ пріобрѣтенія, Андраши умалялъ ихъ значеніе, ссылаясь на тѣ затрудненія, которыя они причинятъ вѣнскому кабинету.

Предположенное къ заключенію соглашеніе съ Австріею Новиковъ изложилъ въ двухъ проектахъ конвенцій [1]); первый касался условій благопріятнаго нейтралитета, которыми бы пользовалась Россія, второй имѣлъ въ виду тѣ территоріальныя измѣненія, которыя война могла произвести. При первомъ обсужденіи этихъ проектовъ съ Андраши, Новиковъ вынесъ впечатлѣніе, что Австрійцы страшатся нашихъ побѣдъ, нашего торжества и что, избѣгая сражаться рядомъ съ нами. они окружаютъ себя предосторожностями [2]) То же чувство недовѣрія проглядываетъ въ перепискѣ князя Горчакова: онъ писалъ Новикову [3]): «не со вчерашняго дня пришелъ я къ убѣжденію, что намъ должно разсчитывать лишь на самихъ себя, дѣлая, однако, видъ, что мы вѣримъ всѣмъ изъявленіямъ, которыя намъ расточаютъ. Это относится отчасти къ Берлину, но преимущественно къ Вѣнѣ».

Настаивая на правѣ Австріи занять не только Боснію, но и Герцеговину, хотя соглашеніе въ Рейхштадтѣ умалчивало объ этой послѣдней области, графъ Андраши не допускалъ, чтобы наши военныя дѣйствія могли распро-

---

[1]) 1876. Vienne. III. Réc. tél. 12/24 novembre. I. Réc. № 2907, dép. 14/26 novembre № 201.

[2]) 1876. Vienne. Réc. III, lettre 16/28 novembre.

[3]) 1876. Vienne. II. Exp., lettre 7 janvier.

страняться на Сербію и Черногорію и чтобы войска этихъ княжествъ намъ оказали содѣйствіе. Онъ опасался, чтобы при этихъ условіяхъ война съ Турціею не обратилась изъ русской въ славянскую. Изъ опасенія русскаго вліянія Андраши требовалъ, чтобы могущее произойти, въ случаѣ русскихъ побѣдъ, расширеніе владѣній Сербіи и Черногоріи было произведено изъ территоріи Босніи и Герцеговины исключительно по усмотрѣнію Австріи, а изъ земель со стороны Албаніи и старой Сербіи по соглашенію ея съ Россіей [1]).

Недовѣріе графа Андраши поразило князя Горчакова: онъ написалъ [2]). «Намъ нельзя не отмѣтить того недоброжелательства, которое обнаруживается въ возраженіяхъ графа Андраши. Онъ какъ будто теряетъ изъ виду всѣ оттѣнки, которые отдѣляютъ благопріятный нейтралитетъ не только отъ безусловнаго (neutralité absolue), но отъ враждебности, прикрытой видомъ нейтралитета. Въ этомъ отношеніи притязаніе его намъ запрещать всякое дѣйствіе на Сербію и Черногорію обнаруживаетъ чувства, опредѣлить которыя я не берусь. Вы должны быть непреклонны по сему пункту. Если прибавить къ этому старанія австрійскихъ агентовъ побудить Черногорію отдѣлиться отъ общаго дѣла восточныхъ христіанъ, то нельзя восторгаться настоящею политикою вѣнскаго кабинета; не смотря на довѣріе, съ которымъ мы относимся къ личности графа Андраши, мы не можемъ не признать въ его политикѣ тѣхъ преданій, вслѣдствіе которыхъ соглашеніе съ Австріей было всегда затруднительнымъ». По предложенію графа Андраши, Сербія, Черногорія и полоса земли, ихъ отдѣляющая, должны были составить нейтральное пространство, непроходимое для войскъ какъ русскихъ, такъ и австрійскихъ [3]). Въ этомъ мѣстѣ телеграммы Новикова государь написалъ: «tout cela ne peut pas être admis et je ne comprends pas

---

[1]) 1876. Vienne. III Réc., lettre 16/28 novembre. I Rec. № 1911, dép. 14/26 novembre № 205. 1876. Vienne. IV. Exp., instructions 23 novembre. 1876. Vienne. III Réc., tél. $\frac{\text{23 novembre}}{\text{6 décembre}}$. II Réc. № 1981, dép. $\frac{\text{24 novembre}}{\text{6 décembre}}$. № 214.

[2]) Собранія писемъ кн. Горчакова, т. 56, письмо 23-го ноября 1876 г.

[3]) 1876. Vienne. III. Réc. tél. $\frac{\text{23 novembre}}{\text{6 décembre}}$. II Réc. № 1979 et 1980, dép $\frac{\text{24 novembre}}{\text{6 décebre}}$ № 212 et 213.

que Novikow ait pu admettre de telles conditions» (все это не можетъ быть принято, и я не понимаю, какъ Новиковъ могъ принять такія условія). Новиковъ, съ своей стороны, держался того взгляда [1]), что слѣдовало уступить Герцеговину Австріи, такъ какъ занятіемъ этой области Австрія втянется въ войну съ Турками, вслѣдствіе чего намъ облегчится борьба съ Портою. Настаивая [2]) на объявленіи нейтральной территоріи Сербіи, Босніи и Герцеговины и препятствуя всѣми средствами возможности соединенія русскихъ войскъ съ Сербами и Черногорцами, Австрія имѣла цѣлью ограничить наше вліяніе и создать какъ можно болѣе затрудненій торжеству нашему и Славянъ надъ Турціею.

Дѣлая намъ всякія притѣсненія въ этомъ отношеніи, Австрія пользовалась нашимъ положеніемъ, вслѣдствіе котораго мы нуждались въ прикрытіи со стороны Австріи для того, чтобы войти въ Турцію; съ этими цѣлями мы торопились заключить сдѣлку съ Австріей. Кромѣ того она была увѣрена въ доброжелательномъ согласіи западной Европы на занятіе Босніи австрійскими войсками. Германія этому бы не препятствовала, довольная движеніемъ сосѣдней ей монархіи къ востоку. Англійскій кабинетъ, противившійся вступленію русскихъ войскъ въ Болгарію, отнесся бы равнодушно къ занятію Австріею областей, къ ней примыкающихъ. Наконецъ, турецкій посолъ въ Вѣнѣ далъ, будто бы, понять австрійскому кабинету, что Порта помирилась бы съ мыслью потерять одну область съ тѣмъ, чтобы сохранить все остальное.

Обсужденіе условій конвенціи кончилось тѣмъ, что Австрія согласилась на участіе сербскихъ и черногорскихъ войскъ въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ нашими внѣ предѣловъ ихъ княжествъ и что занятіе Сербіи было положительно воспрещено нашимъ войскамъ [3]). На подписаніе военной конвенціи, опредѣлявшей положеніе Австро-Венгріи въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, Новикову было

---

[1]) 1876. Vienne. II. Réc. № 1911, dép. 14/26 novembre № 205.

[2]) 1876. Vienne. III. Réc., lettre $\frac{\text{24 novembre}}{\text{6 décembre}}$.

[3]) 1876. Vienne. II. Réc. № 2052, dép. 3/15 décembre № 215. Réc. № 2053, dép. 5/17 décembre № 216.

послано разрѣшеніе [1]). Подписаніе состоялось 3/15 января 1877 года [2]). Составленіе второй конвенціи, опредѣлявшей послѣдствія войны на основаніи рейхштадтскихъ переговоровъ, было возложено на графа Андраши [3]). По его проекту, въ случаѣ передѣла турецкой имперіи вслѣдствіе войны, Россія получала обратно, согласно рейхштадтскому уговору, часть Бессарабіи, отошедшую отъ нея въ 1856 г. и взамѣнъ Босніи и Герцеговины, занимаемыхъ Австріею, Батумъ и территорію въ Азіи, равную пространствомъ Босніи и Герцеговинѣ. Если же никакого передѣла не будетъ и оттоманская имперія останется въ цѣлости, то какъ Австрія, такъ и Россія отказывалась отъ всякихъ пріобрѣтеній [4]). Возможность расширенія ея владѣній, безъ всякаго особаго риска, путемъ войны Россіи съ Турціею соблазняла настолько Австрію, что она могла и не желать благопріятнаго исхода конференціи объ условіяхъ мира, засѣдавшей въ это время въ Константинополѣ [5]).

Двусмысленная политика берлинскаго и вѣнскаго кабинетовъ. вслѣдствіе которой они совѣстились признаться передъ лондонскимъ въ существованіи уговора между ними и Россіею, ослабляла значеніе соглашенія трехъ императоровъ, которому не вѣрили ни въ Лондонѣ, ни въ Константинополѣ, а это обстоятельство только придавало силу сопротивленію Порты всѣмъ требованіямъ конференціи [6]). Между тѣмъ въ Англіи существовало убѣжденіе о заключеніи тайнаго договора между Австріей и Россіей на случай войны; опроверженіе этого факта со стороны графа Андраши только увеличило подозрительность Англичанъ и вредно отразилось на ходѣ переговоровъ о мирѣ въ Константинополѣ.

---

[1]) 1876. Vienne. IV. Exp. № 407. dép. 14 décembre. Exp. № 408, lettre 15 décembre. Exp. № 422, tél. 25 décembre.

[2]) 1877. Vienne. I. Réc. № 55, dép 7/19 janvier № 1.

[3]) 1876. II. Réc. № 2058, dép. 7 décembre № 221. Réc. № 2184, dép. $\frac{\text{27 décembre}}{\text{8 janvier}}$ № 226. IV. Exp. № 408, dép. 15 décembre. III. Réc., tél. $\frac{\text{24 décembre}}{\text{5 janvier}}$.

[4]) 1876. II. Réc. № 2058, dép. 7 décembre № 221.

[5]) 1876. Vienne. III. Réc., lettre $\frac{\text{24 décembre}}{\text{5 janvier}}$.

[6]) 1877. Londres. II. Réc., lettre $\frac{\text{31 décembre}}{\text{12 janvier}}$. 1877. Vienne. II. Exp., lettre 26 janvier.

Въ предисловіи къ секретной конвенціи, которую было поручено составить графу Андраши, сказано [1]), что оба императора, съ цѣлью воспрепятствовать возможности столкновенія интересовъ того и другого государства и уговориться о послѣдствіяхъ войны, заключили конвенцію для предварительнаго опредѣленія тѣхъ территоріальныхъ передѣловъ, которые могли быть послѣдствіемъ войны или разложенія оттоманской имперіи.

Согласно первой статьѣ этой конвенціи, обѣ стороны, имѣя въ виду улучшеніе судьбы христіанъ и желая устранить всякое предположеніе о присоединеніи такого пространства земли, которое могло бы нарушить миръ Европы или равновѣсіе, положили ограничить возможныя земельныя приращенія слѣдующими территоріями: русскій императоръ: въ Европѣ—землями Бессарабіи, въ границахъ имперіи существовавшихъ до 1856 года, австрійскій императоръ—Босніею и Герцеговиной, за исключеніемъ части, находящейся между Сербіей и Черногоріей.

По ст. 2-ой стороны обязались оказывать другъ другу взаимное содѣйствіе на дипломатическомъ поприщѣ, если бы по случаю передѣловъ, происшедшихъ вслѣдствіе войны или разложенія оттоманской имперіи, потребовалось совокупное обсужденіе великихъ державъ.

Такимъ образомъ, если бы война не привела къ территоріальному передѣлу оттоманскихъ владѣній, означенная конвенція не имѣла бы мѣста [2]). Это условіе очень озадачивало Австрійцевъ, такъ какъ они преслѣдовали чисто личныя выгоды, Русскіе имѣли въ виду цѣль болѣе возвышенную. Если бы война не имѣла своимъ послѣдствіемъ территоріальную уступку, мы готовы были бы очистить Болгарію, въ виду чего и Австрія должна была бы выступить изъ Босніи, но такое отступленіе не согласовалось съ воззрѣніемъ графа Андраши, который не разъ объявлялъ, что Австрія, вступивъ въ Боснію, займетъ ее навсегда [3]). Графъ Андраши, впрочемъ, былъ убѣжденъ, что война Россіи съ Турціею повлечетъ за собою измѣненіе

---

[1]) 1877. Vienne. I. Réc № 433, dép. 12/24 mars № 29.

[2]) 1877. Vienne. II. Exp., lettre 28 février. Exp. № 65, dép. 1 mars. 1877. Vienne. III. Réc., lettre 12/28 mars.

[3]) 1877. Vienne. II. Exp., lettre 28 février.

во владѣніяхъ оттоманской имперіи и что конвенція, заключенная Австріею съ Россіей, вступитъ въ силу [1]). Расширеніе австро-венгерской монархіи значительнымъ пространствомъ земли, почти безъ всякаго труда и риска путемъ русскаго оружія, объяснялось тѣмъ, что этимъ условіемъ Россія пріобрѣтала, на случай войны съ Турціею нейтралитетъ Австро-Венгріи. Князь Горчаковъ отлично сознавалъ [2]), что такая уступка славянскихъ земель австро-венгерской монархіи могла возбудить негодованіе въ Россіи, почему онъ былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы эти области съ славянскимъ населеніемъ не поступили бы въ составъ областей Венгріи, отъявленнаго врага славянства. Спрошенный канцлеромъ, Новиковъ пояснилъ, что хотя Андраши уклонился отъ положительнаго отвѣта по этому вопросу, но что, насколько ему извѣстно. въ присоединеніи Босніи и Герцеговины была заинтересована не столько Венгрія, сколько Славонія и Хорватія, т. е. славянскія области [3]). Конвенція, опредѣливъ территоріальныя пространства въ Европѣ, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могли бы перейти во владѣніе Австріи и Россіи, ничего не упоминаетъ о возможныхъ завоеваніяхъ Россіи въ азіатской Турціи. Новиковъ полагалъ [4]), что, умалчивая о Батумѣ и о пріобрѣтеніяхъ нашихъ въ Малой Азіи, мы подали бы поводъ подозрѣніямъ. Наше молчаніе могло бы быть истолковано въ томъ смыслѣ, что мы желали бы расширить наши владѣнія въ Азіи свыше того, что пріобрѣла бы Австро-Венгрія, или же въ томъ, что мы имѣли бы заднюю мысль провести войну лишь для распространенія нашей азіатской границы, а такъ какъ оно не обусловлено конвенціею, то оно не могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ расширеніе владѣній Австро-Венгріи въ Босніи и Герцеговинѣ. Но князь Горчаковъ не согласился съ этими доводами Новикова [5]), признавъ, что въ Азіи Австро-Венгрія не имѣла никакихъ интересовъ и что наши пріобрѣтенія въ Азіи отнюдь не затрогивали положенія Австріи и не

---

[1]) 1877. Vienne. III. Réc., lettre 12/24 mars.

[2]) 1877. Vienne. II. Exp., lettre 26 janvier.

[3]) 1877. Vienne. II. Réc., lettre $\frac{\text{19 février}}{\text{3 mars}}$.

[4]) 1877. Vienne. III. Réc., lettre 5 février.

[5]) 1877. Vienne. II. Exp., lettre 28 février.

потребовали бы отъ нея никакихъ жертвъ. Почему изъ проекта конвенціи были исключены, по настоянію князя Горчакова, всѣ предположенія о нашихъ завоеваніяхъ въ Азіи.

На основаніи 3-й ст. конвенціи обѣ стороны подтвердили то, что было предусмотрѣно ими въ Рейхштадтѣ въ случаѣ территоріальнаго передѣла или разложенія оттоманской имперіи, а именно о недопущеніи значительнаго славянскаго или другого государства, объ устройствѣ изъ Болгаріи, Албаніи и остальной части Румеліи независимыхъ государствъ, о присоединеніи Ѳессаліи, части Эпира и острова Крита къ Греціи и объ образованіи изъ Константинополя съ пригородомъ вольнаго города.

Указанная конвенція была подписана Новиковымъ и графомъ Андраши въ Пештѣ 6/18-го марта 1877 г. [1]), но значится подъ числомъ 3/15-го января.

Сговорившись съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ государь написалъ своему дядѣ въ Берлинъ [2]), что ему не возможно продолжать безплодную дипломатическую работу, что такъ какъ Европа отказалась исполнить то, что она признала справедливымъ, гуманнымъ и необходимымъ, то онъ рѣшился дѣйствовать одинъ. «Я разсчитываю—пишетъ онъ далѣе,—на вашу дружескую помощь. Вліяніе Германіи можетъ имѣть рѣшающее значеніе для того, чтобы обезоружить недовѣріе и удержать враждебныя проявленія, которыя могли бы нарушить общій миръ. Вы меня знаете достаточно, чтобы поручиться въ томъ искреннемъ безкорыстіи, которое мною руководитъ. Я посвящаю себя дѣлу, которое интересуетъ не одну Россію, но и всю Европу, человѣчество и христіанскую цивилизацію. Я имѣю право, чтобы мнѣ не препятствовали дѣйствовать, если отказываютъ мнѣ въ соучастіи. Я надѣюсь, что вашъ голосъ раздастся для этой цѣли съ твердостью, соотвѣтствующею вашему могуществу, вашему довѣрію ко мнѣ, вашимъ добрымъ чувствамъ къ Россіи и что, такимъ образомъ, общій миръ сохранится и прибавится еще одна страница къ преданіямъ, которыя насъ связываютъ».

---

[1]) 1877. Vienne. I. № 433, dép. 11/24 mars № 29.

[2]) 1877. Allemagne. Fam. imp. Voyage. Lettre à l'empereur Guiliaume. Livadia. $\frac{\text{21 octobre}}{\text{2 novembre}}$.

Одновременно съ письмомъ государя императору Вильгельму послѣдовало письмо князя Горчакова германскому канцлеру [1]), въ которомъ онъ, вспоминая о содѣйствіи, оказанномъ Россіею Германіи въ 1866 и 1870 г.г., высказывалъ увѣренность, что въ виду тяжелаго кризиса, переживаемаго Россіею, Германія будетъ дѣйствовать совмѣстно съ нами и окажетъ намъ нравственную поддержку открыто и ясно выраженную. Князь Бисмаркъ ему отвѣтилъ [2]), что, какъ въ будущемъ, такъ и за прошедшее время онъ считаетъ своею заслугою отечеству, что онъ постоянно совѣтовалъ своему государю поддерживать и развивать преданія искренней дружбы и добраго сосѣдства, связывавшія Германію съ Россіею, которыя были полезны обоимъ государствамъ и которыя Германія не нарушила бы ни по какому вопросу, развѣ по такому, который соприкасался бы къ ея непосредственнымъ и жизненнымъ интересамъ. Отвѣтами императора Вильгельма и Бисмарка остались довольны въ С.-Петербургѣ; князь Горчаковъ въ нихъ усматривалъ довѣріе къ нашему безкорыстію и рѣшенію сохранить во что бы то ни стало тѣсное соглашеніе съ нами [3]). Въ бесѣдѣ съ посланникомъ Убри германскій канцлеръ ему открылъ [4]), что императрица Августа и англійскіе родственники усиленно старались привлечь императора Вильгельма на сторону Англіи. Она убѣждала его, что онъ долженъ былъ дѣйствовать на императора Александра во имя мира и цивилизаціи, во имя существовавшей между ними дружбы и отклонить его отъ войны. Бисмаркъ съ трудомъ уговорилъ своего государя поддержать русскаго императора, въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ подать въ отставку. Между тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, конференція, созванная въ Константинополѣ, разошлась, не достигнувъ цѣли. Турецкое правительство отказалось исполнить реформы, предложенныя отъ имени шести великихъ державъ.

«Отказъ Порты обращенъ ко всей Европѣ, писалъ князь

---

[1]) 1877. Allemagne. P. de Bismarck. Lettre du prince Gortchakow 21 octobre.

[2]) 1877. Allemagne. Prince Bismarck. Lettre au prince Gortchakow Varzin. 1/13 novembre.

[3]) 1877. Berlin. IV. Exp. № 350, tél. 8 novembre.

[4]) 1877. Berlin. II. Réc. № 1804, dép. 12/22 novembre № 243. III. Réc., lettre $^{2}/_{24}$ novembre.

Горчаковъ посланнику Убри [1]); ея дѣло рѣшить, какія ей слѣдовало предпринять мѣры для охраненія ея достоинства и ея интересовъ». Въ виду чего русскій канцлеръ обратился къ европейскимъ кабинетамъ [2]) съ запросомъ, что они намѣрены предпринять. По совѣту Англіи Порта объявила великимъ державамъ, что хотя она и отвергла ихъ вмѣшательство въ свои внутреннія дѣла, какъ посягательство на ея независимость, но намѣрена по собственному почину ввести большую часть потребованныхъ у нея преобразованій. По мнѣнію графа Шувалова, легко было предвидѣть отвѣтъ европейскихъ кабинетовъ на нашъ запросъ [3]). Они постараются намъ доказать, что достоинство державъ вовсе не связано разрѣшеніемъ самаго вопроса и что Турціи, обѣщавшей самой исполнить потребованныя отъ нея улучшенія, слѣдовало бы дать время для осуществленія ея благихъ намѣреній. Почему графъ Шуваловъ полагалъ, что и мы должны были согласиться на такую отсрочку и приступить къ демобилизаціи части нашихъ войскъ. Для разъясненія условій, при которыхъ Россія получила бы возможность приступить къ разоруженію, отправленъ былъ въ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и Вѣну генералъ-адъютантъ Игнатьевъ. Результатомъ его поѣздки было подписаніе 19-го марта 1877 г. въ Лондонѣ представителями шести державъ протокола, который долженъ былъ служить послѣднимъ предостереженіемъ Портѣ; она, между прочимъ, приглашалась державами привести свою армію на мирную ногу и ввести въ возможной скорости обѣщанныя реформы. Какъ и слѣдовало ожидать, Порта отвергла всѣ предложенія державъ. Во время этихъ переговоровъ русскаго правительства съ западными кабинетами, которые, не довѣряя Россіи и не рѣшаясь дѣйствовать открыто и единодушно, преслѣдовали свои личныя цѣли, чѣмъ только помогали Портѣ въ ея сопротивленіи, князь Бисмаркъ одинъ не упускалъ случая воспользоваться обстоятельствами, чтобы окончательно доконать Францію. Согласно донесеніямъ графа Шувалова [4]), Бисмаркъ пред-

---

[1]) 1877. Berlin. III. Exp., lettre 4 janvier.

[2]) Циркуляръ 19-го января.

[3]) 1877. Londres. II. Réc. lettre $\frac{\text{23 janvier}}{\text{4 février}}$.

[4]) 1877. Londres. II. Réc., tél. 7/19 février, lettre 8 février.

ложилъ лорду Дерби заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Англiей противъ Францiи. Когда же Дерби отклонилъ это предложенiе, въ виду того, что такой союзъ былъ бы противенъ національному чувству англичанъ, Бисмаркъ сталъ пугать англійскій кабинетъ тѣмъ, что Германія поддержитъ Россію въ ея войнѣ съ Турціею. Возможность войны, въ особенности отдѣльной войны между Россіей и Турціей, очень тревожила лорда Биконсфильда, такъ какъ онъ опасался, что она повлечетъ за собою преждевременное крушеніе турецкой имперіи, къ какому событію Англія не была подготовлена. Лордъ Биконсфильдъ искалъ, на этотъ случай, соглашенія съ нами, вовсе не заботясь о судьбѣ христіанъ. Но уже съ того времени Англія замышляла захватить проливъ Дарданеллы, коль скоро мы подступимъ къ Адріанополю [1].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Восточная война (1877—1878). Разсчеты Россіи на заключеніе мира съ Турціей безъ вмѣшательства другихъ державъ не оправдались. Предварительный миръ въ Санъ-Стефано. Берлинскій конгрессъ.

Разъединеніе союзниковъ Россіи въ моментъ объявленія ею войны Турціи. Вымышленность союза трехъ императоровъ. Нота лорда Дерби отъ 6-го мая 1877 г. объ интересахъ Англіи, которые она не оставитъ безъ защиты въ случаѣ ихъ нарушенія во время войны. Отвѣтная депеша князя Горчакова отъ 18-го мая; признаніе вопроса о проливахъ подлежащимъ разсмотрѣнію всѣхъ державъ. Секретная инструкція, данная графу Шувалову. Предѣлы нашихъ требованій по окончаніи войны. Мнѣніе графа Андраши о нихъ. Послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай Англія сосредоточила флотъ въ Безикской бухтѣ. Измѣненіе части секретной инструкціи, данной графу Шувалову. Допущеніе державъ Европы къ обсужденію условій мира только по вопросамъ о проливахъ и о судьбѣ Константинополя. Вслѣдствіе возраженій графа Андраши, условія мира будутъ предъявлены императорамъ-союзникамъ. Меморандумъ лорда Дерби 18/30-го іюля о посылкѣ флота къ Константинополю подъ предлогомъ защиты европейскаго населенія. Выжидательное положеніе Англіи до паденія Плевны. Предварительная разра-

[1]) 1877. Londres. II. Réc. tél. 8/20 février, lettre 9/21 février, 11/23 février. 1877. Ignatiew. Vienne. Lettres 14/26 mars.

ботка условій мира; записка А. И. Нелидова и вопросъ о проливахъ. Сообщеніе условій мира австрійскому и германскому императору. Меморандумъ лорда Дерби 1/13-го декабря въ предупрежденіе занятія Константинополя и Дарданеллъ Русскими. Отвѣтъ русскаго правительства. Сообщеніе графу Шувалову условій мира; его мнѣніе о предполагавшемся постановленіи, коимъ русскимъ военнымъ судамъ предоставлялся бы проходъ черезъ проливы съ разрѣшенія султана. Просьба султана о посредничествѣ принимается англійскимъ правительствомъ. Въ виду нашего отказа прибѣгнуть къ посредничеству Порта высылаетъ уполномоченныхъ въ главную квартиру великаго князя Николая Николаевича. Сообщеніе условій мира главнокомандующимъ въ инструкціи 17/29-го декабря 1877 г.; указаніе въ ней на разрѣшеніе вопроса о проливахъ. Опасеніе Англіи, чтобы мы не рѣшили его по отдѣльному уговору съ Турціей исключительно въ нашу пользу. Требованіе англичанъ не занимать Галлиполи и нашъ отвѣтъ на ихъ запросъ (11-го января 1878 г.). Передача условій мира турецкимъ уполномоченнымъ (8-го января 1878 г.). Мнѣніе главнокомандующаго о необходимости движенія на Константинополь и занятіе Галлиполи и Дарданеллъ. Инструкція, данная генералъ-адъютанту Игнатьеву, назначенному главнымъ уполномоченнымъ, для разрѣшенія вопроса о проливахъ. Предварительныя условія мира, подписанныя въ Адріанополѣ 19/31-го января 1878 г., упоминаніе въ нихъ о проливахъ. Англійскій флотъ, войдя въ Дарданеллы, сталъ на якорь у Принцевыхъ острововъ (2-го февраля). Великому князю Николаю Николаевичу велѣно ускорить движеніе войскъ на Константинополь и Галлиполи. Вслѣдствіе требованія Англичанъ мы обязались не занимать Галлиполи, но переходимъ въ предмѣстье Константинополя въ Санъ-Стефано (5/17-го февраля). Заключеніе переговоровъ о мирѣ; предложенный Игнатьевымъ секретный протоколъ о проливахъ. Подписаніе предварительныхъ условій мира $\frac{\text{19-го февраля}}{\text{3-го марта}}$. Неудачный выборъ портовъ для эвакуаціи нашихъ войскъ. Отказъ Порты въ посадкѣ нашихъ войскъ на суда въ Буюкдерѣ. Препятствія, чинимыя Англіею созыву конгресса; условія подъ которыми она согласилась въ немъ участвовать. Выходъ изъ кабинета лорда Дерби и назначеніе лорда маркиза Салисбюри. Соглашеніе, достигнутое между нимъ и графомъ Шуваловымъ, изложено въ трехъ запискахъ 18/30-го мая 1878 г. Обсужденіе въ нихъ вопроса о проливахъ. Россія обязалась не измѣнять существующаго порядка. Предположеніе Россіи о полученіи права пропуска ея военныхъ судовъ черезъ проливы могло быть осуществлено только съ согласія всѣхъ державъ, а не одного султана. Затруднительное положеніе Россіи на конгрессѣ вслѣдствіе сопротивленія Австріи и Англіи. Державы отказываются ручаться, согласно предложенію Россіи, за исполненіе постановленій Берлинскаго договора. Заявленіе лорда Салисбюри о толкованіи правилъ о проливахъ въ смыслѣ обязательства королевы Великобританіи по отношенію къ султану (11-го іюля 1878 г.), отвѣтное заявленіе графа Шувалова (12-го іюля 1878 г.) объ обязательности этихъ постановленій не только передъ султаномъ, но и передъ всѣми державами, ихъ подписавшими. Неправильность толкованія лорда Салисбюри. Желательно-ли для Россіи сохраненіе начала закрытія проливовъ?

«Турція, писалъ князь Горчаковъ Новикову, закрыла всѣ пути къ примиренію; въ пагубномъ ослѣпленіи она ступила на почву, на которой ея судьба свершится согласно видамъ Провидѣнія. Наше рѣшеніе, о которомъ вы догадываетесь, будетъ въ скоромъ будущемъ готово къ исполненію» [1]). Казалось бы, что въ тотъ торжественный моментъ, когда русскій императоръ готовился къ объявленію войны, онъ могъ разсчитывать на своихъ союзниковъ, императоровъ австрійскаго и германскаго, съ которыми его связывали и дружба, и отдѣльное соглашеніе, и которые хоть съ виду должны были бы сохранить съ нимъ единеніе.

Германія начала съ того, что на мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ, оставшагося въ Константинополѣ по распущеніи конференціи, назначила чрезвычайнымъ посломъ при султанѣ принца Рейсса. «Послѣ надменнаго отвѣта Порты великимъ державамъ, пишетъ князь Горчаковъ [2]), нельзя было ожидать появленія пословъ въ Константинополѣ, когда Порта ничего не сдѣлала, чтобы загладить свое оскорбительное обращеніе [3]). Назначеніе это произошло непосредственно Бисмаркомъ, безъ вѣдома русскаго поданника Убри, подъ тѣмъ предлогомъ, что, при открытіи военныхъ дѣйствій положеніе въ Константинополѣ можетъ сдѣлаться опаснымъ, въ виду чего представитель, облеченный самими широкими полномочіями, будетъ полезнѣе простого повѣреннаго въ дѣлахъ для защиты германскихъ интересовъ и поступавшихъ подъ покровительство Германіи русскихъ подданныхъ. По словамъ Убри, помощникъ статсъ-секретаря Бюловъ, сообщая ему о назначеніи Рейсса, покраснѣлъ и былъ видимо въ смущеніи. Примѣру Германіи послѣдовала Австрія, отправивъ посломъ въ Константинополь графа Зичи. Въ виду этого назначенія Новиковъ замѣтилъ графу Андраши, что возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ Портою со стороны обѣихъ державъ, связанныхъ съ нами дружбою и союзомъ, въ тотъ именно моментъ, когда мы вступали въ борьбу съ Портою, могло быть ис-

[1]) 1877. Vienne. II. Exp., lettre 1 avril.

[2]) 1877. Vienne. II. Exp., lettre 13 avril.

[3]) 1877. Доклады, 10 апрѣля. Berlin. I. Exp., tél. 10 avril. II. Réc., lettre 11/23 avril., tél. 11 avril. Exp., tél. 11 avril, 12 et 13 avril.

толковано Портою въ смыслѣ отпаденія Австріи и Германіи отъ союза съ Россіею. Онѣ становились въ то же положеніе, какъ Англія, назначившая первая посла въ Константинополь въ лицѣ сэра Чарльза А. Лайярда, т. е. въ положеніе, враждебное къ Россіи, въ ту минуту, когда мы брались за оружіе, чтобы поддержать передъ Турціей достоинство всей Европы [1]). На вопросъ Новикова, какъ Андраши можетъ согласовать отправленіе посла въ Константинополь съ предполагаемымъ занятіемъ Австріей Босніи и Герцеговины съ цѣлью, очевидно враждебною по отношенію къ Турціи, австрійскій канцлеръ отвѣтилъ, что при занятіи этихъ областей, не встрѣтится тогда препятствій къ отозванію посла. Австрія желала остаться нейтральной и казаться таковою какъ можно долѣе, почему она слѣдовала по стопамъ Германіи. Всякое отклоненіе въ нашу сторону, всякое сближеніе, маломальски явное въ этомъ направленіи, подвергло бы графа Андраши нападкамъ общественнаго мнѣнія и открыло бы существованіе нашего тайнаго соглашенія съ Австріей.

Трусливость графа Андраши передъ общественнымъ мнѣніемъ Венгріи доходила до того, что австро-венгерскому послу въ С.-Петербургѣ барону Лангенау было поручено [2]) указать на нежелательность того, чтобы въ готовящемся императорскомъ манифестѣ было обращено преимущественно вниманіе на славянскіе интересы. Пресловутый союзъ императоровъ, для поддержки котораго мы готовы были на всякія жертвы, оказался вымышленнымъ; въ самый критическій моментъ оба императора, наши союзники, высказали свое разномысліе съ нами. Это обстоятельство дало поводъ князю Горчакову закончить свой докладъ государю словами [3]): plus que jamais j'arrive à la conviction que Votre Majesté ne doit compter que sur Dieu et son épée» (болѣе чѣмъ когда-либо я прихожу къ убѣжденію, что ваше величество должно разсчитывать лишь на Бога и на свой мечъ). Къ чему государь прибавилъ: «Personne n'en

[1]) 1877. Докладъ, 10 апрѣля. 1877. Vienne. I. Réc. № 590, dép. 15/27 avril. № 44. II. Exp. lettre 13 avril.

[2]) 1877. Autriche-Hongrie. Réc., communication tél. d'Andrassy 4/16 avril.

[3]) 1877. Доклады, 10 апрѣля.

est plus persuadé que moi» (никто болѣе меня въ этомъ не убѣжденъ).

Тогда какъ наши союзники своими руками подкапывались подъ союзъ, Англичане, главнымъ образомъ ободрявшіе Турокъ въ сопротивленіи предложеніямъ державъ, принялись. передъ самымъ объявленіемъ войны, за водвореніе мира. Новый англійскій посолъ въ Константинополѣ Лайардъ объявилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ Нелидову, что онъ прибылъ съ порученіемъ склонить Порту къ миру [1]). На вопросъ Лайарда, кто же возбуждаетъ Порту къ войнѣ и на кого она разсчитываетъ, Нелидовъ отвѣтилъ, что военная партія опирается на поддержку Англіи, надѣясь на ея вмѣшательство въ случаѣ наступленія военныхъ событій. Лайардъ протестовалъ противъ такихъ притязаній и сказалъ, что, если бы Англія рѣшилась вступиться изъ чувства соперничества съ Россіей, то изъ этого не слѣдовало, чтобы Англія дѣйствовала въ пользу Турціи, такъ какъ Англичане должны обезпечить свои интересы, которые могутъ и не сходиться съ интересами Турціи. Въ чемъ заключались эти интересы, въ защиту которыхъ великобританское правительство готово было сражаться съ Россіей, главный статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ лордъ Дерби не преминулъ указать графу Шувалову по изданіи высочайшаго манифеста 12-го апрѣля объ объявленіи войны Турціи [2]). Въ нотѣ отъ 6-го мая лордъ Дерби заявилъ о томъ, что хотя Англія провозгласила себя нейтральною въ предстоявшей распрѣ между Россіей и Турціей, но она сочтетъ себя вынужденной выйти изъ нейтральнаго положенія, если будетъ нарушена кѣмъ-либо изъ воюющихъ сторонъ безопасность судоходства по Суэзкому каналу и если будетъ сдѣлано нападеніе Россіею на Египетъ или произведено занятіе его, хотя бы временное. «Правительство королевы, — говоритъ далѣе лордъ Дерби въ своей нотѣ, — вовсе не склонно быть равнодушнымъ свидѣтелемъ перехода Константинополя въ иныя руки, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ находится въ настоящее время эта столица, имѣющая столь важное значеніе. Освященный санкціею Европы порядокъ

[1]) 1877 Доклады, tél. du prince Gortchakow 10 avril.

[2]) 1877. Londres. II. Réc., note de Lord Derby, remise au comte Schouwalow á Londres le 6 mai.

судоходства черезъ Босфоръ и Дарданеллы кажется правительству королевы здравымъ и полезнымъ, и, по его мнѣнію, существовали бы важныя препятствія къ измѣненію его въ существенной его части».

Эта нота была передана лордомъ Дерби графу Шувалову передъ его отъѣздомъ въ С.-Петербургъ. Здѣсь графъ Шуваловъ подалъ записку [1]), въ которой онъ, предупреждая, что отношенія между Англіею и Россіею очень натянуты, доказывалъ необходимость избѣжать разрыва. Правительство Англіи увеличило бы силу сопротивленія Турціи, а это заставило бы насъ вести двѣ компаніи вмѣсто одной. «Въ состояніи ли мы выдержать ихъ?—спрашиваетъ графъ Шуваловъ.—Первымъ дѣломъ Англіи будетъ,—продолжалъ онъ,—занятіе пролива Дарданеллъ и обоихъ береговъ; а намъ придется выгонять оттуда Англичанъ, что будетъ сопряжено съ большими военными трудностями. Съ политической стороны, Англія желаетъ сохраненія оттоманской имперіи; въ случаѣ же ея гибели, она, въ союзѣ съ другими державами готова уступить Грекамъ главныя части имперіи. Не лучше ли намъ остановиться передъ Балканами, такъ какъ съ переходомъ ихъ связано наше наступленіе на Константинополь, чего страшится не только Англія, но и вся Европа? Мы могли бы достигнуть цѣли, нами намѣченной, не переходя черезъ Балканы, чѣмъ бы сократили войну, и, объявивъ нашу программу всѣмъ кабинетамъ, мы бы уничтожили то недовѣріе, которое Европа питаетъ къ нашей политикѣ».

Въ отвѣтъ на ноту лорда Дерби, графъ Шуваловъ получилъ указанія, которыя онъ могъ сообщить англійскому статсъ-секретарю, и секретную инструкцію для собственнаго руководства [2]). Графу Шувалову поручалось сообщить англійскому министру, что русское правительство не намѣрено препятствовать судоходству по Суэзскому каналу, ни вступать въ Египетъ. Что же касается Константинополя, то императорскій кабинетъ, не предрѣшая исхода войны, заявляетъ вновь, что пріобрѣтеніе этой столицы не входитъ въ виды государя. Онъ признаетъ, что, во всякомъ

---

[1]) 1877. Memoires. Schouwalow. 10 mai.

[2]) 1878. Londres. III. Exp. №№ 189 et 190, dép. 18 mai, projet d'instruction secréte 18 mai.

Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ.

случаѣ, судьба Константинополя представляется вопросомъ общаго интереса, подлежащимъ разрѣшенію по соглашенію между державами, при чемъ обладаніе имъ не можетъ быть допущено въ пользу какихъ-либо изъ государствъ Европы. Переходя затѣмъ къ проливамъ, князь Горчаковъ въ депешѣ признаетъ, что хотя оба берега проливовъ принадлежатъ одному и тому же государю, но эти проливы составляютъ исключительный выходъ двухъ обширныхъ морей, въ которыхъ всѣ государства имѣютъ какія-либо выгоды, почему для общаго мира и равновѣсія вопросъ о проливахъ долженъ быть разрѣшенъ по общему соглашенію, основанному на справедливости и на дѣйствительныхъ гарантіяхъ.

Въ секретной инструкціи князь Горчаковъ высказывается еще опредѣленнѣе о занятіи Константинополя и о проливахъ. «Наши увѣренія,—говорилъ онъ,—могутъ имѣть мѣсто лишь относительно завладѣнія городомъ или постояннаго его занятія. Избѣгайте обязываться въ томъ смыслѣ, что наши войска не въ правѣ, въ случаѣ необходимости, приблизиться къ Константинополю или даже временно занять его. Очень возможно, что вслѣдствіе упрямства Турокъ, въ особенности, если они узнаютъ, что они обезпечены отъ такой случайности, мы будемъ принуждены продолжать наступленіе и заключить миръ въ стѣнахъ столицы. Политическое положеніе проливовъ требуетъ его пересмотра въ духѣ справедливости. Соглашеніе, по которому Черное море, закрытое во время мира, открывается, въ случаѣ войны, всѣмъ флотамъ, враждебнымъ Россіи, было придумано изъ чувства недовѣрія и вражды. Россія, хотя замкнутая въ Черномъ морѣ, не пользуется никакимъ обезпеченіемъ безопасности, тогда какъ это море, принадлежа только двумъ береговымъ владѣльцамъ, по справедливости, должно быть равнымъ образомъ открыто имъ обоимъ. Въ интересахъ мира и равновѣсія желательно было бы разрѣшить эти вопросы по общему соглашенію, такимъ образомъ, чтобы оградить Черное море отъ послѣдствій ненормальнаго и исключительнаго положенія проливовъ».

Секретная депеша кончается изложеніемъ основаній соглашенія между Россіей, Австріей и Англіей о послѣдствіяхъ войны. «Разъ объявлена война, — пишетъ князь Горчаковъ,—намъ невозможно допустить какое-либо огра-

ниченіе въ предпринимаемыхъ нами операціяхъ. Онѣ подчинены исключительно военнымъ потребностямъ. Но послѣдствія этой войны могутъ быть впередъ показаны въ извѣстныхъ обусловленныхъ предѣлахъ. Мы могли бы и теперь обязаться не переходить Балканы, если державы останутся нейтральными и если Порта будетъ просить мира до перехода нашихъ войскъ черезъ эти горы. Миръ былъ бы заключенъ на основаніи автономіи Болгаріи, предоставленія реформъ Босніи и Герцеговинѣ и нѣкотораго увеличенія территоріи Сербіи и Черногоріи. Если эти условія будутъ приняты, державы могли бы требовать ихъ принятія Портою, съ предвареніемъ ея, что, въ случаѣ несогласія, она подвергнется всѣмъ послѣдствіямъ войны. Въ этомъ случаѣ Россія будетъ преслѣдовать свои военныя операціи до тѣхъ поръ, пока турецкое правительство не подпишетъ договора о мирѣ. Условія его будутъ зависѣть отъ военнаго положенія и военныхъ событій, и миръ будетъ заключенъ съ согласія державъ, если онѣ оставались нейтральными. Разумѣется, что сохраненіе нейтралитета исключаетъ возможность занятія Англіею Константинополя и проливовъ, хотя бы и временно. Если бы, напротивъ, Турція, еще до перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы, согласилась на вышеприведенныя условія мира, то Россія имѣла бы право выговорить себѣ нѣкоторыя особыя выгоды въ возмѣщеніе понесенныхъ ею военныхъ расходовъ. Эти выгоды не простирались бы далѣе возвращенія части Бессарабіи, уступленной въ 1856 г., и сдачи Батума съ прилегающею областью. Если бы Австро-Венгрія требовала бы съ своей стороны вознагражденія, взамѣнъ русскихъ пріобрѣтеній или въ видѣ залога, на случай территоріальныхъ и политическихъ передѣловъ въ пользу христіанскихъ княжествъ полуострова, Россія не возражала бы противъ того, чтобъ Австро-Венгрія возмѣстилась бы за счетъ Босніи и части Герцеговины».

Когда графъ Шуваловъ сообщилъ лорду Дерби содержаніе депеши отъ 18-го мая въ отвѣтъ на его ноту отъ 6-го числа, англійскій министръ нашелъ [1]), что депешой вовсе не обезпечивалось сохраненіе прежняго порядка въ

[1]) 1877. Londres. I. R. № 908; dép. $\frac{28 \text{ mai}}{9 \text{ juin}}$ № 85.

проливахъ, и не устранялась возможность временного занятія Константинополя. Какъ депеша отъ 18-го мая, такъ и секретная инструкція отъ того же числа, данная графу Шувалову, были сообщены графу Андраши[1]), который выразилъ мнѣніе, что Англичане будутъ, главнымъ образомъ, возражать противъ открытія проливовъ, такъ какъ Россія, будучи изъ двухъ береговыхъ владѣльцевъ самымъ сильнымъ, пріобрѣтетъ, по мнѣнію англичанъ, въ случаѣ предоставленія ея военнымъ судамъ права прохода черезъ Босфоръ, возможность занять Константинополь въ 48 часовъ. На это замѣчаніе графа Андраши Новиковъ возразилъ, что закрытіе проливовъ не служитъ намъ матеріальнымъ препятствіемъ къ такому занятію. «Если бы,—продолжалъ Новиковъ,—Россія вздумала бы предпринять набѣгъ на Босфоръ, то при наличности достаточнаго флота никакой договоръ, очевидно, не могъ бы препятствовать ей войти въ этотъ проливъ. Извѣстная конвенція о закрытіи не имѣетъ никакого значенія въ военное время, она только мѣшаетъ намъ въ нашихъ движеніяхъ въ мирное время, т.-е., когда мы вовсе не имѣемъ выгоды ею злоупотреблять. Такимъ образомъ, она безъ всякой пользы нарушаетъ наше достоинство».

Какъ только русскія войска перешли Дунай, Англія стала сосредоточивать суда въ Безикскомъ заливѣ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ англійскій посолъ Лайардъ могъ призвать флотъ въ случаѣ безпорядковъ въ Константинополѣ [2]). На вопросъ лорда Дерби, какъ смотритъ вѣнскій кабинетъ на движеніе русскихъ войскъ къ Константинополю [3]), графъ Андраши отвѣтилъ [4]), что, по его мнѣнію,

---

[1]) 1877. Vienne. III. Réc., tél. $\frac{29 \text{ mai}}{10 \text{ juin}}$. Réc. № 880, dép. 1/13 juin № 78. № 78. III. Réc., lettre 1/13 juin.

[2]) 1871. Доклады, tél. de Schouwalow $\frac{21 \text{ juin}}{3 \text{ juillet}}$. 1877. Londres. II. Réc. tél. $\frac{23 \text{ juin}}{5 \text{ juillet}}$. 1877. Londres. I. Réc. № 932, dép. $\frac{26 \text{ juin}}{8 \text{ juillet}}$ № 102. 1877. Londres. II. Réc. 7/19 et 14/26 juin, 15/27 juin 1877. Доклады, 16/28 juin.

[3]) 1877. Vienne. I. Réc. № 896, dép. 12/24 juin № 92. III. Réc., tél. 4/16 juin. II. Exp. Voyage., tél. 9 juin. 1877. Londres. II. Réc., lettre $\frac{29 \text{ juin}}{11 \text{ juillet}}$.

[4]) 1877. Londres. II. Réc., lettre $\frac{21 \text{ juin}}{3 \text{ juillet}}$. I. Réc. № 896, dép. 12/24 juin № 92. I. Réc. № 964, dép. 1/13 juillet № 110.

нѣтъ необходимости въ предупрежденіи случайностей путемъ общихъ дѣйствій Австріи и Англіи. Графъ Андраши вѣрилъ слову императора Александра II, что Русскіе не займутъ и не оставятъ за собою Константинополь, но онъ понималъ, что императоръ не могъ въ этомъ открыто обязаться. Что же касается послѣдствій войны, то Австро-Венгріи было невыгодно, чтобъ Россія заключила миръ безъ участія вѣнскаго кабинета и одобренія Европы. Австро-Венгрія не допуститъ образованія независимыхъ государствъ у своей границы. почему, когда придетъ моментъ, она потребуетъ для своей безопасности осязательнаго обезпеченія. Отъ лондонскаго кабинета зависитъ принять тѣ же мѣры для охраненія британскихъ интересовъ, теперь, или же когда русскіе перейдутъ Балканы, а также рѣшить: направить ли экспедицію къ Константинополю, или занять Галлиполійскій полуостровъ. Андраши не боялся того, чтобъ русскіе перешли черезъ Балканы, если же переходъ состоится, ихъ положеніе будетъ опаснѣе настоящаго и затрудненія увеличатся. Въ такомъ положеніи отъ Австріи съ Англіею будетъ всегда зависѣть остановить русскихъ и понудить ихъ къ отступленію. Для этого потребовались бы демонстрація флота со стороны Англіи и небольшой военный отрядъ со стороны Австріи, при чемъ положеніе Русскихъ стало бы невыносимымъ.

Такъ какъ Англія готовила десантныя войска, которыя пока сосредоточивались на Мальтѣ [1]), то съ цѣлью предупредить ихъ отправку и устранить опасность войны съ Англіею, графу Шувалову было сообщено [2]) измѣненіе въ его секретной инструкціи, примѣненіе которой должно было имѣть мѣсто только въ послѣдней крайности. Измѣненіе это заключалось въ томъ, что въ случаѣ перехода русскихъ войскъ за Балканы, миръ будетъ зависѣть исключительно отъ военныхъ событій. Но вопросъ о проливахъ и объ окончательномъ устройствѣ Константинополя могъ быть разрѣшенъ только съ согласія державъ, если онѣ оставались нейтральными. Разумѣется, что сохраненіе нейтралитета исключало всякую возможность занятія Англіею

---

1) 1877. Londres. I. Réc. № 932, dép. $\frac{26\ \text{juin}}{8\ \text{juillet}}$ № 102.

2) 1877. Londres. II. Réc., lettre 9/21 juin. III. Exp. № 205, tél. 22 juin. Berlin. II. Exp. № 207, tél. 22 juin. 1877. Доклады, 6-го іюля.

Константинополя и проливовъ, хотя бы временно. По переходѣ Балканъ, мы допускали обсужденіе условій мира державами Европы только по двумъ указаннымъ вопросамъ.

Не одна Англія съ опасеніемъ слѣдила за движеніемъ русскихъ войскъ; вѣнскій кабинетъ не разъ обращался въ Берлинъ съ предложеніемъ вмѣшаться и прекратить борьбу между Россіей и Турціей [1]). Но князь Бисмаркъ отклонилъ всякое вмѣшательство, а Новикову было поручено [2]) передать графу Андраши, что, какія бы то ни были послѣдствія войны, Россія останется вѣрной рейхштадтскому уговору, но что она допуститъ къ обсужденію державъ только тѣ условія мира, которыя относятся къ вопросу о проливахъ и о судьбѣ Константинополя. Графъ Андраши, какъ видно изъ его разговора съ Новиковымъ, опасался, чтобъ Россія не сговорилась съ Турціею самостоятельно, помимо Европы, почему онъ предоставлялъ нашимъ войскамъ полную свободу, но требовалъ, чтобъ послѣдствія войны были обсуждены всѣми державами. «Такимъ образомъ, — писалъ Новиковъ, — графъ Андраши не удовлетворится однимъ нашимъ заявленіемъ о томъ, что мы остаемся вѣрными рейхштадтскому уговору, онъ потребуетъ болѣе опредѣленныхъ гарантій [3]). Съ такими притязаніями австровенгерскаго канцлера русскій посолъ соглашался: «Если,—говорилъ онъ,—мы оспариваемъ право Англіи, Франціи и Италіи вмѣшиваться въ нашу борьбу съ Турціею, это понятно и справедливо, но другое дѣло— Австрія, которой кажется, что она намъ оказала дѣйствительныя услуги и имѣетъ возможность намъ таковыя оказывать, по дипломатической части, защищая насъ отъ Европы и по военной — сглаживая пути внутри Турціи». Въ виду такого замѣчанія Новикова, канцлеръ ему телеграфировалъ [4]), что союзъ трехъ императоровъ остается въ силѣ

[1]) 1877. Доклады, tél. d'Oubril. Berlin, $\frac{20 \text{ juin}}{2 \text{ juillet}}$. 1877. Vienne. II. Exp., tél. $\frac{21 \text{ juin}}{3 \text{ juillet}}$.

[2]) 1877. Vienne. II. Exp. № 206, tél. $\frac{22 \text{ juin}}{4 \text{ juillet}}$.

[3]) 1877. Vienne. III. Réc., lettre $\frac{23 \text{ juin}}{3 \text{ juillet}}$. 1877. Vienne. I. Réc. № 263, dép. 1/13 juillet № 94.

[4]) 1877. Доклады, 6-го іюля. 1877. Vienne. II. Exp. № 208, tél. 30 juin, tél. 15 juillet. 1877. Vienne. II. Exp. № 210, dép. 9 juillet; tél. 15 juillet.

и что отъ обсужденія условій мира ихъ кабинеты не исключены, исключеніе же касается всѣхъ остальныхъ державъ великой Европы, которымъ можетъ быть предоставлено только разсмотрѣніе вопросовъ общаго интереса, а именно о проливахъ и о судьбѣ Константинополя.

Графъ Шуваловъ, съ своей стороны, находилъ неудобнымъ [1]) допущеніе Англіи только къ обсужденію двухъ вопросовъ, такъ какъ лондонскій кабинетъ заинтересовался и другими и не допуститъ, чтобъ они были разрѣшены безъ его участія. Относительно же Константинополя и проливовъ англійскій посолъ въ Берлинѣ Одо Россель повѣдалъ нашему послу Убри [2]), что въ Англіи боятся, чтобъ Константинополь не остался въ нашихъ рукахъ, а общественное мнѣніе не могло примириться съ мыслью, что русскія военныя суда, при открытіи проливовъ, будутъ имѣть свободный доступъ къ Средиземному морю; съ этимъ сужденіемъ сама королева считалась. Того же числа князь Бисмаркъ передалъ Убри [3]), что, по его мнѣнію, намъ слѣдовало бы сговориться съ Англіею. «Этотъ союзъ намъ бы очень подошелъ,—замѣтилъ германскій канцлеръ;—ваше соглашеніе съ Австріею представляетъ разныя затрудненія въ виду польскаго элемента, входящаго въ ея составъ и господствующаго въ ней клерикализма. Ничто не препятствуетъ нашей близости съ вами и Англіею».

На предложеніе лорда Дерби о заключеніи секретной конвенціи противъ Россіи, графъ Андраши отвѣтилъ [4]), что онъ вѣритъ слову государя, что до сей поры Россія исполняла свои обѣщанія и что въ случаѣ какой-либо неожиданности, Австрія поступитъ сообразно обстоятельствамъ. Въ виду чего графъ Андраши отказался войти въ тайныя обязательства съ Англіею. Между тѣмъ возможность занятія, даже временно, Константинополя Русскими, про-

---

[1]) 1877. Londres. II. Réc. № 931, dép. $\frac{25 \text{ juin}}{7 \text{ juillet}}$ № 101. 1877. Доклады, 9-го іюля. 1877. Vienne. I. Réc. № 1015, dép. 11/23 juillet № 104.

[2]) 1877. Berlin. II. Réc, tél. $\frac{23 \text{ juin}}{5 \text{ juillet}}$. Доклады, $\frac{24 \text{ juin}}{7 \text{ juillet}}$.

[3]) 1877. Berlin. II. Réc., tél. $\frac{24 \text{ juin}}{6 \text{ juillet}}$.

[4]) 1877. Londres. II. Réc., lettre $\frac{29 \text{ juin}}{10 \text{ juillet}}$, Exp. № 210, dép. 9 juillet. Доклады, 9-го іюля.

извела на Англичанъ глубокое впечатлѣніе: лордъ Дерби вручилъ графу Шувалову памятную записку [1]) въ томъ смыслѣ, что такое занятіе, если бы оно произошло, въ силу военныхъ потребностей, угрожало бы добрымъ отношеніямъ между обоими правительствами. Почему великобританскій кабинетъ надѣялся, что русское правительство такого шага не сдѣлаетъ, а если бы онъ былъ сдѣланъ, то кабинетъ сочтетъ себя свободнымъ предпринять тѣ мѣры, которыя бы потребовались британскими выгодами. Записка кончалась предложеніемъ услугъ лондонскаго кабинета къ возстановленію мира на основаніяхъ согласныхъ съ общими интересами Европы и достоинствомъ Россіи. Графъ Шуваловъ отвѣтилъ лорду Дерби [2]), что мы предпочли бы достигнуть цѣли войны, не занимая Константинополя, но принимать на себя обязательства не завладѣвать столицею непріятеля, мы не могли. Ни о мирѣ, ни о посредничествѣ не могло быть рѣчи въ виду того, что турецкая армія была не тронута и цѣль войны не достигнута. Немного позднѣе, однако, государь заявилъ великобританскому военному агенту Веллеслею, что онъ готовъ вступить въ переговоры о мирѣ съ султаномъ, если возможно будетъ принять условія, предложенныя Турціею. Выражая свое удовольствіе по поводу такого заявленія государя, лордъ Дерби передалъ графу Шувалову [3]) памятную записку о томъ, что лондонскій кабинетъ очень озабоченъ положеніемъ Константинополя, когда приблизятся къ нему русскія войска, почему великобританское правительство, рѣшившись остаться нейтральнымъ, но не отказавшись отъ защиты интересовъ Англіи не сочтетъ нарушеніемъ съ своей стороны нейтралитета, если вынуждено будетъ направить свой флотъ въ Константинополь для охраненія европейскаго населенія. На что графъ Шуваловъ выразилъ лорду Дерби свои опасенія относительно того толкованія, которое придадутъ въ Турціи вступленію англійскаго флота въ Босфоръ; русскій посолъ полагалъ, что защита европейскаго населенія въ Константинополѣ представляла инте-

[1]) 1877. Londres. II. Réc., tél. 6/18 juillet; lettre 14/26 juillet.

[2]) 1877. Londres. II. Réc., tél. 7/19 juillet.

[3]) 1877. Londres. II. Réc., tél. 18/30 juillet. I. Réc. № 1006, англійскій меморандумъ 28/16 іюля. I. Réc. № 1008, dép. 19/31 juillet. 1877. Londres. II. Réc., tél. 19/31 juillet.

ресъ не одной Англіи, но всѣхъ державъ, почему съ этой цѣлью могъ бы быть высланъ отрядъ судовъ отъ всѣхъ государствъ, и вступленіе его въ Босфоръ не имѣло бы значенія своего рода поощренія Туркамъ. На это лордъ Дерби возразилъ, что такая демонстрація носила бы враждебный характеръ и имѣла бы видъ принужденія въ отношеніи Турціи.

Затрудненія, встрѣченныя нами въ борьбѣ съ Турками, устранили на время опасенія Англичанъ относительно завладѣнія нами Константинополя, для защиты котораго лондонскій кабинетъ первоначально рѣшилъ отправить эскадру [1]). Англичане успокоились и слѣдили равнодушно за борьбою между обоими государствами. Нашъ посолъ въ Лондонѣ, увѣренный въ нашей побѣдѣ, писалъ барону Жомини [2]), что при заключеніи мира нельзя будетъ устранить державы отъ участія въ обсужденіи его условій; главнымъ образомъ онъ напиралъ на необходимость щадить Австро-Венгрію и не допускать ее къ тому, чтобъ она вошла въ соглашеніе съ Англіею, которая всячески старалась ее задобрить [3]). Вопросъ о занятіи Босніи и Герцеговины австрійскими войсками, которому первоначально не сочувствовали ни Нѣмцы, ни Венгерцы, былъ разрѣшенъ окончательно въ утвердительномъ смыслѣ на совѣтахъ императора и графа Андраши, такъ что исчезли всякія сомнѣнія и колебанія насчетъ будущаго занятія Австрійцами этихъ областей [4]).

Передъ паденіемъ Плевны султанъ пытался просить великія державы о посредничествѣ. Во избѣжаніе того, чтобы Порта, подъ вліяніемъ Лайарда, не сдѣлала такихъ предложеній, которыхъ бы мы не могли принять, вслѣдствіе чего увеличились бы нареканія на насъ, было признано полезнымъ, по нашему почину, выработать условія

---

[1]) 1877. Londres. II. Réc., lettre $\frac{24 \text{ juillet}}{5 \text{ aout}}$. Гл. Арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц. № 1 (1877—1880), записка Нелидова $\frac{20 \text{ сентября}}{8 \text{ октября}}$.

[2]) 1877. Londres. II. Réc., lettre $\frac{29 \text{ juillet}}{10 \text{ aout}}$.

[3]) 1877. Londres. II. Réc., lettre $\frac{25 \text{ juillet}}{5 \text{ aout}}$.

[4]) 1877. Vienne. II. Exp. № 211, tél. $\frac{30 \text{ juin}}{12 \text{ juillet}}$. III. Réc., tél. 2/14 juillet lettre 11/23 juillet. 1877. Mémoires, 19 novembre.

Александръ Ивановичъ Нелидовъ.

мира, которыя могли бы быть сообщены нашимъ союзникамъ, австрійскому и германскому императору, и послужили бы основаніемъ для непосредственныхъ переговоровъ между нами и Портою [1]).

Кромѣ извѣстныхъ условій объ автономіи Болгаріи и устройствъ Босніи и Герцеговины, которыя, въ случаѣ желанія Австро-Венгріи, могли поступить въ ея управленіе, о возвращеніи Россіи части Бессарабіи, объ уступкѣ Карса и порта на Черномъ морѣ, записка А. И. Нелидова затрагивала вопросъ о проливахъ: «Главною цѣлью нашей морской политики въ Турціи, какъ говорится въ запискѣ, было достиженіе свободнаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ и недопущеніе того, чтобы непріятельскій флотъ могъ угрожать нашимъ берегамъ Чернаго моря. Нужно придумать такую комбинацію, которая бы обезпечила за одними нашими военными судами свободу плаванія черезъ проливы. Нѣтъ сомнѣнія, что при настоящемъ положеніи нашихъ морскихъ силъ въ Черномъ морѣ, которыя имѣютъ лишь одно оборонительное назначеніе и то на многіе годы, мы не могли бы и думать объ отправкѣ изъ Чернаго моря эскадры, которая бы возымѣла какое-либо вліяніе въ Архипелагѣ или въ Средиземномъ морѣ, въ особенности въ сравненіи съ морскими силами Англіи. Для насъ существуетъ настоятельная необходимость въ томъ, чтобъ могли проходить отдѣльныя суда, а въ особенности, чтобъ свободно проникали въ Черное море суда, пріобрѣтенныя нами за границей или построенныя нами на нашихъ верфяхъ въ сѣверныхъ моряхъ. Что же касается Турціи, то хотя ея флотъ остается и послѣ войны въ численности сильнѣе нашего, она не можетъ намъ нанести серьезнаго вреда, какъ это доказано настоящею войною. Такимъ образомъ, мы могли бы предложить существующія постановленія о проливахъ измѣнить въ томъ смыслѣ, что намъ бы предоставлялось право пропускать черезъ проливы съ разрѣшенія султана, военныя суда по одиночкѣ».. Постановленіе о проливахъ А. И. Нелидовъ излагалъ въ такомъ видѣ: «Проливы остаются закрытыми для иностранныхъ военныхъ судовъ. Прибрежныя государства Чернаго моря имѣютъ,

[1]) Гл. Арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц. № 1 (1876—1880), записка Нелидова 10/22 ноября 1877 г. Боготъ. 1877. Mémoires.

однако, право просить султана о пропускѣ военныхъ судовъ по одиночкѣ».

Вышеозначенныя условія мира были переданы императорамъ Вильгельму и Францу Іосифу [1]). Сообщенная вѣнскому кабинету записка очень смутила графа Андраши. Онъ не зналъ какъ совершить пріобрѣтеніе Босніи и Герцеговины, не ставъ, хотя бы съ виду, въ враждебныя отношенія къ намъ. Занятіе ихъ было бы облегчено, если бы Турція распалась, но она существовала и даже за нѣсколькими недѣлями до того сама предлагала указанныя области Австріи, безъ сомнѣнія, требуя за то ея заступничества. Еслибъ Австрія отказалась отъ нихъ, писалъ Новиковъ [2]), то по мнѣнію Андраши, и мы не могли ничего занимать въ Европѣ, а только въ Азіи. Австрія будто бы затруднялась поддерживать наше требованіе на часть Бессарабіи, такъ какъ Румынія ни за что не соглашалась на такую уступку. На это замѣчаніе Новиковъ отвѣтилъ, что онъ не понималъ, почему намъ не получить незначительной части Бессарабіи, если Австрія добровольно отказалась бы отъ занятія Босніи и Герцеговины. Затѣмъ графъ Андраши высказался скорѣе за закрытіе проливовъ, чѣмъ за открытіе ихъ и не придалъ особаго значенія оговоркѣ относительно пропуска нашихъ военныхъ судовъ по одиночкѣ съ разрѣшенія султана.

Коль скоро послѣ паденія Плевны наши войска двинулись на югъ и стали приближаться къ Константинополю, Англичанами снова завладѣли опасенія, чтобъ мы не заняли его и не захватили проливы, т. е. они вновь стали создавать всякія препятствія нашему движенію и скорѣйшему окончанію войны. Лордъ Дерби передалъ графу Шувалову памятную записку [3]), въ которой было изложено, что занятіе Константинополя русскими войсками, даже временно, единственно съ военною цѣлью, возбудило бы въ Англіи чувство неудовольствія въ народѣ, который потре-

---

[1]) 1877. Allemagne (fam. imp.). Lettre à l'empereur Guillaume. Poradim. $\frac{\text{27 novembre}}{\text{9 décembre}}$. Vienne. II. Réc. № 1403, dép. 10/22 décembre № 184. III. Réc., tél. 4/16 décembre.

[2]) 1877. Vienne. III. Réc., tél. $\frac{\text{23 décembre}}{\text{4 janvier}}$.

[3]) 1877. Londres. II. Réc., tél. 1/13 décembre. I. Réc. № 1350, dép. 3/11 décembre № 142.

бовалъ бы мѣры предосторожности. Почему лордъ Дерби надѣялся, что никакой попытки не будетъ предпринято для занятія Константинополя и Дарданеллъ, иначе англійскій кабинетъ былъ бы принужденъ принять тѣ мѣры, которыя потребовались для обезпеченія британскихъ интересовъ. Записка кончалась предложеніемъ посредничества со стороны англійскаго правительства. Въ отвѣтъ на эту записку было сообщено лондонскому кабинету черезъ графа Шувалова [1]), что виды русскаго правительства не измѣнились, что завладѣніе Константинополемъ никогда не входило въ его разсчетъ и что цѣль войны должна быть достигнута, а если упрямство Турокъ заставитъ государя продолжать войну, то таковая будетъ доведена до конца. Такимъ образомъ государь не считалъ возможнымъ остановить движеніе нашихъ войскъ впередъ. Депеша заканчивалась просьбою опредѣлить, какіе великобританскіе интересы могли быть нарушены такимъ движеніемъ русскихъ войскъ.

Одновременно съ этой депешой была сообщена графу Шувалову записка, заключающая условія мира, которыя мы намѣревались предложить Портѣ [2]). Графъ Шуваловъ телеграфировалъ канцлеру, что онъ держитъ записку въ самой величайшей тайнѣ, такъ какъ если бы она была извѣстна, то наши отношенія съ Англіею сразу бы ухудшились [3]). Графъ Шуваловъ находилъ, что на занятіе нами Болгаріи, Англія не согласится, усматривая въ этой мѣрѣ угрозу Константинополю.

Девятый пунктъ записки изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: начало закрытія проливовъ иностраннымъ военнымъ судамъ остается въ силѣ; государства прибрежныя къ Черному морю имѣли бы однако право на пропускъ (faire passer) военныхъ судовъ по одиночкѣ; султанъ былъ бы обязанъ выдавать каждый разъ необходимое на этотъ проходъ разрѣшеніе. «Этотъ пунктъ,—говоритъ графъ Шуваловъ,—вызоветъ въ Англіи несравненно большее неудовольствіе, чѣмъ если бы былъ допущенъ свободный пропускъ военныхъ судовъ черезъ Дарданеллы. При свободѣ

---

[1]) 1877. Londres. III. Exp. № 242, dép. 16/28 décembre.
[2]) 1877. Londres. I. Réc. № 1393, dép. 9/21 décembre № 153.
[3]) 1877. Londres. II. Réc., tél. 15/27 décembre.

проливовъ, которая такъ страшитъ Англичанъ, они, по крайней мѣрѣ, пользуются преимуществомъ взаимства, такъ какъ если мы будемъ имѣть право выхода, то они пріобрѣтутъ въ свою очередь право входа. Предоставленіе его спеціально русскимъ военнымъ судамъ (Турки пользуются уже этой возможностью), означало бы съ точки зрѣнія Англичанъ уступку въ исключительно русское владычество Чернаго моря, Босфора и Дарданеллъ. Это давало бы возможность для Россіи переводить ея суда одно за другимъ изъ Балтійскаго моря въ Черное, каковая возможность представляется зловѣщимъ призракомъ для Англіи. Въ случаѣ же соглашенія между Россіею и Турціею, чего боятся Англичане болѣе всего въ будущемъ, они видятъ въ свободномъ проходѣ русскихъ военныхъ судовъ черезъ проливъ грозящую опасность своимъ сообщеніямъ съ Индіею».

Подъ вліяніемъ великобританскаго посла Лайарда, султанъ обратился къ державамъ съ просьбою о посредничествѣ. Германія отвѣтила отказомъ, Австрія уклонилась, правительство англійской королевы приняло просьбу султана [1]). На вопросъ англійскаго посла въ С.-Петербургѣ лорда Лофтуса, приметъ ли императорское правительство посредничество Англіи, канцлеръ отвѣтилъ, что мы желали бы заключенія мира, но что съ этой цѣлью Порта должна обратиться прямо къ русскимъ главнокомандующимъ въ Европѣ и Азіи, которые ей сообщатъ условія мира [2]). Этотъ отвѣтъ очень раздражилъ лорда Дерби. Онъ сказалъ графу Шувалову: «Значитъ вы намѣрены заключить миръ черезъ голову Европы (over the head) [3]). Убѣдившись въ томъ, что мы не примемъ никакихъ посредниковъ, лордъ Дерби посовѣтовалъ Туркамъ послать уполномоченныхъ въ нашу главную квартиру для переговоровъ [4]).

Основанія, изложенныя выше въ запискѣ объ условіяхъ мира, были сообщены главнокомандующимъ въ инструкціи

---

[1]) 1877. Londres. II. Réc., tél. 5/17 décembre; 6/18 décembre.

[2]) 1877. Londres. III. Exp. № 243, tél. 17 décembre.

[3]) 1877. Londres. I. Réc. № 1477, dép. 18/30 décembre № 157. II. Réc., tél. 27 décembre / 8 janvier.

[4]) 1877. Доклады, 24 décembre. 1877. Londres. III. Exp. № 252, tél. 28 décembre.

высочайше утвержденной 17/29-го декабря 1877 г. [1]). Относительно проливовъ въ этой инструкціи говорилось, что между императоромъ и султаномъ состоится соглашеніе съ цѣлью обезпечить права и выгоды Россіи въ проливахъ Босфора и Дарданеллъ.

Приближеніе момента, когда уполномоченные Россіи и Турціи могли сговориться объ основаніяхъ мира, побудило Англію и Австрію всѣми мѣрами мѣшать осуществленію мира помимо ихъ участія. Хотя оппозиція въ Англіи рѣшилась препятствовать вмѣшательству, если только не будетъ предоставлено русскимъ военнымъ судамъ исключительное право прохода черезъ проливы, но англійскій посолъ передалъ канцлеру, что по мнѣнію его правительства всякій договоръ, заключенный между Россіею и Турціею, во измѣненіе трактатовъ 1856 и 1871 г.г., не будетъ имѣть силы безъ утвержденія его всѣми державами, принимавшими участіе въ Парижскомъ конгрессѣ и въ Лондонской конференціи [2]). Въ опроверженіе слуховъ о томъ, что Россія выговорила себѣ исключительное право прохода черезъ проливы въ условіяхъ мира, подлежавшихъ предъявленію турецкимъ уполномоченнымъ, было сообщено графу Шувалову [3]), что въ этихъ условіяхъ ничего не упоминалось о проливахъ, что этого вопроса мы вовсе не намѣрены были рѣшать отдѣльно отъ другихъ державъ и что если впослѣдствіи наше предложеніе о предоставленіи права прохода только военнымъ судамъ прибрежныхъ государствъ не было бы принято, то мы согласны на сохраненіе Чернаго моря закрытымъ, согласно существовавшему положенію, запрещавшему доступъ къ этому морю военнымъ судамъ всѣхъ націй.

Наши заявленія однако никакого дѣйствія не производили, такъ какъ Англіи и Австріи нуженъ былъ только предлогъ, чтобъ вмѣшаться. Графъ Андраши требовалъ, чтобъ великобританскій флотъ былъ немедленно высланъ въ Константинополь и обѣщалъ содѣйствіе Австріи сухо-

---

[1]) Гл. Арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц. № 1 (1876—1880), письмо военнаго министра Милютина вел. кн. Николаю Николаевичу 20-го декабря 1877 г. № 296.

[2]) 1878. Londres. III. Exp. № 6, tél. 4 janvier. Réc., tél. 7/19 janvier.

[3]) 1878. Londres. III. Exp. № 14, tél. 8 janvier. Exp. № 17, tél. 10 janvier.

путными войсками [1]). Съ цѣлью защиты пресловутыхъ великобританскихъ интересовъ лордъ Лофтусъ сообщилъ государственному канцлеру въ отвѣтъ на нашу депешу отъ 16/28-го декабря, что всякое дѣйствіе, имѣвшее цѣлью подвергнуть проливъ Дарданеллы контролю Россіи, будетъ сочтено англійскимъ правительствомъ, препятствіемъ къ заключенію окончательнаго соглашенія [2]), почему лордъ Лофтусъ задалъ вопросъ, будутъ ли русскія войска направлены на Галлиполи, на что князь Горчаковъ отвѣтилъ, что мы не были намѣрены дѣйствовать въ этомъ направленіи, развѣ если турецкія войска будутъ сосредоточены въ означенномъ пунктѣ, но что мы не могли допустить съ своей стороны, чтобъ Англія заняла этотъ полуостровъ, несмотря на заявленное ею нейтральное положеніе.

Мы сдержали обѣщаніе, и нашимъ войскамъ было приказано не приближаться къ Галлиполи, хотя было извѣстно, что къ этому городу были двинуты турецкія силы [3]). Въ виду чего главнокомандующій рѣшилъ не затягивать болѣе переговоровъ о мирѣ и объявить наши условія турецкимъ уполномоченнымъ Серверу-пашѣ и Намику-пашѣ [4]), такъ какъ иначе пришлось бы продолжать движеніе на Константинополь, влекущее за собою неизбѣжное въ военномъ отношеніи занятіе Галлиполи, что, согласно новымъ указаніямъ, писалъ великій князь государю, было бы лишь политическимъ усложненіемъ. Но такъ какъ турецкіе уполномоченные отказались принять предложенныя имъ условія мира безъ разрѣшенія султана, главнокомандующій просилъ указать, могъ ли онъ, въ случаѣ принятія султаномъ предложенныхъ нами условій, заключить перемиріе или должно ожидать новыхъ инструкцій. Кромѣ того, въ виду быстро совершавшихся событій и неожиданно скораго движенія нашихъ войскъ, главнокомандующій просилъ увѣдомить его, какъ ему поступать въ случаѣ подхода къ Царьграду, а также, что дѣлать въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если англійскій или другіе флоты вступятъ въ Босфоръ; 2) если будетъ иностранный десантъ въ Кон-

[1]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 4/16, 9/21 janvier.

[2]) 1878. Londres. III. Exp. № 3, tél. 2 janvier.

[3]) 1878. Londres. III. Exp. № 24, tél. 11 janvier.

[4]) Гл. Арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц., телеграмма государю 8-го января 1878 г. № 10.

стантинополѣ; 3) если будутъ тамъ безпорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ и 4) какъ отнестись къ Галлиполи съ Англичанами и безъ Англичанъ. При чемъ великій князь доказывалъ неизбѣжность занятія Константинополя и берега Босфора, а для полнаго обезпеченія нашихъ интересовъ на Востокѣ и въ особенности для предупрежденія захвата въ чужія руки необходимаго намъ выхода изъ Чернаго моря въ Средиземное, занятія Галлиполи и Дарданеллъ [1]).

Данное англійскому флоту предписаніе войти въ Дарданеллы было отмѣнено, когда стало извѣстнымъ, что Порта приняла предложенныя ей условія мира, которыя были переданы въ Лондонъ Лайардомъ въ искаженномъ видѣ, въ особенности по вопросу о проливахъ. Графъ Шуваловъ сообщилъ лондонскому кабинету дѣйствительный текстъ условій, подтвердивъ ему еще разъ, что мы вовсе не намѣрены были рѣшить вопросъ о проливахъ безъ участія всѣхъ державъ [2]). Генералу Игнатьеву, отправленному въ главную квартиру для заключенія мира съ Портою, князь Горчаковъ писалъ [3]), что вопросъ о проливахъ настолько деликатенъ и возбуждалъ столько недоумѣній, что необходимо его разсматривать съ большою осторожностью. Ему предписывалось во время переговоровъ касаться этого вопроса въ такихъ же неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какія употреблены въ нашихъ предварительныхъ условіяхъ о мирѣ, и заявить, что онъ подлежалъ обсужденію всѣхъ державъ.

Въ инструкціи, данной Игнатьеву, было точнѣе пояснено [4]), что такъ какъ мы едва ли добьемся на конференціи, подлежащей созыву для утвержденія условій о мирѣ, пропуска, даже по одиночкѣ, военныхъ судовъ, принадлежащихъ исключительно прибрежнымъ государствамъ, то начало закрытія проливовъ остается для насъ самымъ выгоднымъ, котораго мы и будемъ держаться. Такимъ образомъ, особое соглашеніе, о которомъ упоминается въ усло-

---

[1]) 1878. Quartier général, Schipka, tél. 10/22 janvier. Донесеніе главнокомандующаго. Казанлыкъ, 11-го января.

[2]) 1878. Quartier général. Exp. № 22, tél. 14 janvier. 1878. Londres. III. Réc., tél. 13/25 janvier.

[3]) Ignatiew. 1878. Exp., lettre 21 janvier. Exp. № 74, tél. 28 janvier.

[4]) 1878. Ignatiew. Exp. № 63, Adrianopole, dép. 25 janvier.

віяхъ, принятыхъ въ основаніе мира, заключалось бы въ подтвержденіи особымъ обязательствомъ общихъ гарантій, о которыхъ было бы постановлено конференціею относительно безусловнаго закрытія означеннаго морского прибрежья иностраннымъ военнымъ судамъ. 19/31-го января были подписаны въ Адріанополѣ перемиріе и условія, составлявшія основаніе будущаго мира; о проливахъ говорилось въ нихъ, что султанъ войдетъ въ соглашеніе съ императоромъ для охраненія правъ и интересовъ Россіи въ проливахъ Босфорскомъ и Дарданельскомъ.

Между тѣмъ лондонскій кабинетъ, продолжая опасаться приближенія Русскихъ къ Константинополю, вручилъ черезъ лорда Дерби, графу Шувалову памятную записку [1]), предупреждавшую русское правительство, что приближеніе русскихъ войскъ къ столицѣ Турціи, которое теперь, какъ военная мѣра, являлось излишнимъ въ виду состоявшагося перемирія, могло повлечь за собой самыя серьезныя послѣдствія. Постоянно предостерегая насъ отъ вступленія въ столицу оттоманской имперіи, Англичане все дѣлали, чтобъ насъ вызвать къ движенію на Константинополь и тѣмъ вызвать вмѣшательство.

29-го января главнокомандующій получилъ отъ великаго визира Сервера-паши телеграмму [2]), что, по сообщенію англійскаго посла Лайарда и коменданта Дарданельскихъ фортовъ, шесть великобританскихъ военныхъ судовъ получили приказаніе вступить въ Дарданеллы, но, что вслѣдствіе отказа коменданта въ ихъ пропускѣ, они вернулись въ Безикскую бухту. Серверъ-паша, увѣряя въ полнѣйшей безопасности Европейцевъ въ столицѣ, заявилъ, что онъ будетъ настаивать на томъ, чтобъ англійское правительство отмѣнило свое рѣшеніе. Объ этой телеграммѣ главнокомандующій донесъ государю и, увѣдомивъ о томъ Сервера-пашу, выразилъ ему свое одобреніе за отвѣтъ англійскому правительству. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, главнокомандующій имѣлъ въ виду указать министрамъ султана, что, въ случаѣ вступленія, вопреки всѣмъ договорамъ, англійской эскадры въ проливы, мы были бы вы-

---

[1]) 1878. Londres. I. Réc. № 102, dép. $\frac{\text{22 janvier}}{\text{4 février}}$ № 10.

[2]) Гл. Арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц., телеграмма Нелидову 29-го января 1878 г.

нуждены занять высоты надъ Константинополемъ, чтобъ учинить противовѣсъ тому давленію, которое произведетъ на переговоры о мирѣ присутствіе въ Константинополѣ англійскихъ военныхъ судовъ. Представлялось бы, несомнѣнно, для насъ еще выгоднѣе, если бы Порта, въ случаѣ, вступленія англійскаго флота въ проливы, не смотря на ея протестъ, призвала наши войска для занятія высотъ надъ Константинополемъ съ тою цѣлью, чтобъ берега Босфора и Дарданеллъ не оставались въ исключительномъ обладаніи одной державы [1]). Узнавъ объ отправленіи англійскаго флота въ Константинополь подъ предлогомъ защиты Европейцевъ и ихъ имущества, графъ Шуваловъ заявилъ лорду Дерби, что мы считаемъ себя освобожденными отъ всякихъ обязательствъ, принятыхъ нами въ отношеніи Константинополя и Галлиполи [2]). Въ виду чего мы рѣшились ввести часть нашихъ войскъ въ Константинополь съ цѣлью защиты всѣхъ христіанъ [3]), и главнокомандующій получилъ приказаніе отъ государя, въ случаѣ если бы Англичане сдѣлали гдѣ либо высадку, немедленно привести въ исполненіе предположенное вступленіе нашихъ войскъ въ Константинополь, для чего великому князю предоставлялась полная свобода дѣйствій на берегахъ Босфора и Дарданеллъ [4]). Англійскій флотъ получилъ приказаніе въѣхать въ проливъ по фирману султана или безъ него, и 2-го февраля онъ сталъ въ Мраморномъ морѣ у Принцевыхъ острововъ [5]). Сообщая о семъ графъ Шуваловъ телеграфировалъ, что очень въ Лондонѣ опасались нашего движенія на Галлиполи. Государь на этой телеграммѣ помѣтилъ: Me fondant sur ce télégramme, j'ai donné l'ordre à mon frère d'accélérer la marche de mes troupes tant sur Constantinopleque sur Gallipoli» (основы-

---

[1]) Quartier genéral. Notice $\frac{\text{29 janvier}}{\text{10 février}}$. 1878. Гл. Арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц. № 1, донесеніе изъ Адріанополя 31 января 1878 г.

[2]) 1878. Londres. III. Réc., tél. $\frac{\text{27 janvier}}{\text{8 février}}$, $\frac{\text{28 janvier}}{\text{9 février}}$, $\frac{\text{29 janvier}}{\text{10 février}}$.

[3]) 1878. Londres. III. Exp. № 81, tél. 30 janvier. Exp. № 91, tél. 3 février. III. Réc., tél. $\frac{\text{30 janvier}}{\text{11 février}}$. 1878. Quartier général. Exp. № 79, tél. 30 janvier.

[4]) Гл. Арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц. № 1, тел. государя 30 января 1878 г.

[5]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 1 et 2/14 février.

ваясь на этой телеграммѣ, я приказалъ своему брату ускорить движеніе моихъ войскъ какъ на Константинополь, такъ и на Галлиполи).

Между тѣмъ лордъ Дерби заявилъ графу Шувалову надежду, что мы не двинемся на Галлиполи, такъ какъ малѣйшее движеніе по этому направленію будетъ считаться угрозою флоту и повлечетъ за собою очень серьезныя послѣдствія, т. е объявленіе войны. Государь здѣсь помѣтилъ: et c'est pour cela que nous devons le faire (именно по этой причинѣ мы должны это сдѣлать [1]). Опасаясь чтобъ русскіе дѣйствительно не вступили въ Константинополь, разъ англичане вошли безъ всякаго разрѣшенія въ Дарданеллы, султанъ телеграфировалъ государю, что онъ просилъ королеву Викторію отозвать флотъ изъ Мраморнаго моря во избѣжаніе могущихъ случиться бѣдствій и выражалъ надежду на то, что, въ ожиданіи отвѣта королевы, императоръ не предприметъ никакихъ мѣръ съ своей стороны [2]), на что государь отвѣтилъ, что будетъ ждать отвѣта королевы. Но вслѣдъ за тѣмъ, онъ телеграфировалъ султану [3]), что такъ какъ англійская эскадра, не смотря на его протестъ, прошла черезъ Дарданеллы и бросила якорь у Принцевыхъ острововъ, то онъ долженъ признать справедливымъ временное вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь. Но такое вступленіе въ то время представляло гораздо болѣе затрудненій нежели 15 дней тому назадъ, въ виду того, что Турки опомнились послѣ паники, успѣли сосредоточить войска и получить поддержку отъ англійскаго и австрійскаго посла, которые не преминули ихъ увѣрить въ томъ, что всѣ условія о мирѣ будутъ пересмотрѣны европейской конференціей. Въ виду сего генералъ-адъютанту Игнатьеву, при послѣдовавшихъ переговорахъ съ турецкимъ уполномоченнымъ Савфетъ-пашой, пришлось выслушивать отъ него возраженія въ томъ смыслѣ, что не стоило вести переговоровъ, такъ какъ все подлежало пересмотру будущей конференціи [4]).

---

[1]) 1878. III. Réc., tél. 1 et 2 février.

[2]) 1878. Londres. III. Exp. № 83, tél. 1 février. Exp. № 87, tél. 2 février. Quartier general. Exp., tél. 1 février au Grand Duc Nicolas.

[3]) Quartier général, Exp., tél. 3 février.

[4]) 1878. Ignatiew. Réc., dép. d'Andrianople 3/15 février. Exp. № 90, tél. 3 février.

Нахожденіе англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ, заставляло Англичанъ опасаться, чтобъ Русскіе не захватили Галлиполи и Дарданельскіе форты и тѣмъ не заперли флотъ, почему лордъ Дерби вручилъ графу памятную записку [1]), въ которой изложено, что всякая попытка къ занятію Галлиполійскаго полуострова и проливовъ будетъ считаться мѣрой, прямо направленной противъ Англіи. Въ отвѣтъ графу Шувалову было поручено объявить, что мы не займемъ Галлиполи, если ни одинъ англійскій полкъ не будетъ высаженъ на берегъ европейскій, либо азіатскій [2]). Послѣ сего англійскій флотъ удалился отъ Принцевыхъ острововъ къ малоазіатскому берегу въ заливъ Муданья [3]). Давъ обѣщаніе не приближаться къ Галлиполи, мы не могли не сдѣлать движенія къ Константинополю, какъ о томъ было приказано государемъ, и съ тою цѣлью, чтобъ слѣдить за англійскимъ флотомъ, въ виду чего главнокомандующій объявилъ Портѣ черезъ Савфета-пашу, что такъ какъ Англичане нарушили договоры, прорвавшись въ проливъ, то во исполненіе воли государя, уже предупредившаго о томъ султана, онъ, избѣгая занятія самаго Константинополя, переполненнаго бѣглецами, переноситъ свою главную квартиру изъ Адріанополя въ Санъ-Стефано, предмѣстье Константинополя на берегу Мраморнаго моря, куда будетъ двинутъ отрядъ русскихъ войскъ [4]). На обѣщаніе наше не занимать Галлиполи лордъ Дерби памятной запиской [5]) отвѣтилъ обѣщаніемъ не высаживаться на европейскій берегъ проливовъ, а также и на азіатскій, если только и мы не займемъ сего послѣдняго берега. На что было Шувалову поручено объявить [6]), что мы не займемъ азіатскаго берега Дарданеллъ, если Англія сама его не займетъ. При исполненіи этого условія Англичанами, а

---

[1]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 3/15 février. 1878. I. Réc. № 192, dép. 6/18 février № 16

[2]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 4/16 février. III. Exp. № 96, tél. 5 février. Quartier général. Exp. № 97, tél. 5/17 février.

[3]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 3/15 février.

[4]) 1878. Quartier général, tél. 5 février. Гл. арх., аз. деп., дѣло диплом. канц. № 1, депеша Нелидова 5/17-го февраля.

[5]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 7/19 février, 8/20 février. I. Réc. № 194 dép. 8/20 février № 18.

[6]) 1878. Londres. III. Exp. № 112, tél. 8/20 février. Exp. № 117, tél 9/21 février.

также если они не высадятся на европейскій берегъ проливовъ, мы не займемъ Галлиполи.

Это заявленіе было принято лордомъ Дерби [1]), который, обезпечивъ безопасность британскаго флота со стороны Галлиполи, вновь сталъ грозить разрывомъ, если наши войска войдутъ въ Константинополь безъ разрѣшенія султана [2]); къ этой угрозѣ могло, по мнѣнію Шувалова, побудить англійскій кабинетъ и то обстоятельство, что мы по условіямъ мира требовали отъ Порты сдачи ея флота въ счетъ слѣдуемаго отъ нея вознагражденія, но впослѣдствіи мы отказались отъ указаннаго требованія [3]). Въ виду чего канцлеръ телеграфировалъ Шувалову: «англійскій флотъ вступилъ въ Дарданеллы, не смотря на протестъ турецкихъ властей, намъ же лондонскій кабинетъ грозитъ разрывомъ, если часть нашихъ войскъ вступила бы въ Константинополь безъ согласія султана съ тою же цѣлью защиты христіанъ, съ какою явился и англійскій флотъ. Пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Исторія, а можетъ быть даже современники произнесутъ свой приговоръ надъ этимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ логики и презрѣніемъ къ европейскому миру [4])» 11/23-го февраля великій князь Николай Николаевичъ телеграфировалъ государю, что онъ прибылъ въ Санъ-Стефано съ разрѣшенія султана [5]); при чемъ великій князь, въ виду опасеній, выраженныхъ Савфетомъ-пашой относительно вступленія нашего въ самый Царьградъ, увѣрилъ его, что онъ такого намѣренія не имѣлъ, но что если англійскій флотъ войдетъ въ Босфоръ, то Русскіе примутъ соотвѣтствующія мѣры для защиты своихъ интересовъ въ этомъ проливѣ и въ Черномъ морѣ [6]).

---

[1]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 10/22 février. Quartier général. Exp. № 125, tél. 12/24 février.

[2]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 9/21 février, 10/22 février. Exp. № 122, tél. 12/24 février. Quartier général. Exp. № 123, tél. 12 février.

[3]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 11/23 février. Exp. № 127 et 128, tél. 13/25 février.

[4]) 1878. Londres. III. Exp. № 119, tél. 10/22 février. Quartier général. Exp. № 118, tél. 10 février. Exp. № 121, tél. 10/22 février.

[5]) 1878. Quartier geneal. 11/23 février. Гл. арх., аз. деп., дѣло дипл. канц. № 1, донесеніе 14-го февраля 1878 г. 1878. Ignatiew. Réc. 15/27 février № 13.

[6]) 1878. Quartier general, tél. à l'empereur 9/21 février. 1878. Londres. III. Réc. № 128, tél. 13/23 février. 1878. Ignatiew. Réc., dép. 15/27 février № 15.

Подписаніе предварительнаго мира въ Санъ-Стефано.

Между тѣмъ переговоры объ условіяхъ мира приходили къ концу и русскіе уполномоченные были озабочены тѣмъ, чтобъ обезпечить себя отъ возможности отказа, со стороны Турціи, на будущей конференціи, отъ невыгодныхъ условій, почему они старались достигнуть какъ можно болѣе совершившихся фактовъ. Генералъ-адъютантъ Игнатьевъ доносилъ, что онъ предлагалъ включить въ секретный протоколъ обязательство обѣихъ сторонъ не допускать никакихъ измѣненій въ принятыхъ ими условіяхъ мира безъ взаимнаго между ними соглашенія. Въ этомъ протоколѣ упоминалось о томъ, что вопросъ о проливахъ подлежалъ обсужденію всѣхъ державъ, что Россія и Турція готовы были поддержать начало закрытія проливовъ, но что въ виду прибрежнаго положенія Россіи султанъ предоставлялъ себѣ возможность передъ Европой и обязывался передъ императоромъ пропускать наши военныя суда по одиночкѣ для службы посольства и миссіи, равнымъ образомъ для другихъ морскихъ надобностей. Генералъ - адъютантъ Игнатьевъ спрашивалъ канцлера, могъ ли онъ дать ходъ этимъ предположеніямъ. Государь помѣтилъ: «oui» [1]). На это Игнатьевъ получилъ увѣдомленіе, что предпочиталось передать весь вопросъ о проливахъ полностью обсужденію европейской конференціи [2]).

$\frac{\text{19-го февраля}}{\text{3-го марта}}$ предварительныя условія мира были подписаны въ Санъ-Стефано [3]); по утвержденіи ихъ султаномъ ихъ повезли въ С.-Петербургъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ и сераскиръ Реуфъ-паша, назначенный чрезвычайнымъ оттоманскимъ посломъ [4]). Едва эти условія были подписаны. какъ нѣкоторыя изъ нихъ оказались на практикѣ неудобоисполнимыми для насъ самихъ. Отправка нашихъ войскъ обратно на родину моремъ черезъ порты Чернаго и Мраморнаго моря представляла на дѣлѣ большія затрудненія, какъ въ виду нахожденія этихъ портовъ въ отда-

---

[1]) 1878. Ignatiew. Réc., tél. 15/27 février. Exp. № 107, tél. 7/19 février 1878. Quartier général, tél. 15/27 février.

[2]) 1878. Quartier général. Exp., tél. 16/28 février. Ignatiew. Exp. № 135 tél. 16/28 février.

[3]) 1878. Quartier général. Réc., tél. $\frac{\text{19 février}}{\text{3 mars}}$. Ignatiew. Réc., tél. $\frac{\text{19 février}}{\text{3 mars}}$.

[4]) 1878. Quartier général. Донесеніе 25-го февраля 1878 г., tél. 23 février, 24 février. 1878. Ignatiew. Exp. № 153, tél. 24 février. Réc. $\frac{\text{26 février}}{\text{10 mars}}$.

ленности отъ мѣста стоянки войскъ, такъ и въ виду того, что они не были приспособлены къ посадкѣ войскъ на суда. Всѣ эти неудобства обнаружились послѣ подписанія договора, но очевидно могли быть предвидѣны, если мы были бы лучше освѣдомлены и держались исключительно нашей выгоды, не взирая ни на какія постороннія соображенія. Статья, относящаяся къ эвакуаціи нашихъ войскъ. была изложена первоначально въ томъ смыслѣ, что войска могли быть перевезены въ любой изъ портовъ, представляющихся удобными для посадки людей на суда, но турецкіе уполномоченные признали нужнымъ ограничить мѣста высадки портами Чернаго и Мраморнаго моря, безусловно исключивъ такимъ образомъ Босфоръ. «Мы,— пишетъ А. И. Нелидовъ [1]),—не желая слишкомъ рано возбуждать вопроса о проливахъ, чтобъ не подавать повода къ заднимъ мыслямъ, которыя наши недоброжелатели старались отыскивать во всѣхъ нашихъ заявленіяхъ, сочли излишнимъ настаивать на предоставленіи намъ права пользоваться всѣми портами, въ надеждѣ на то, что Турція, по заключеніи мира, будетъ сама заинтересована въ скорѣйшей эвакуаціи областей, занятыхъ нашими войсками. Устраненіе препятствій къ скорѣйшей посадкѣ нашихъ людей на суда зависѣло послѣ подписанія договора отъ доброй воли Турокъ; мы не достигли этого устраненія, что, безъ сомнѣнія, повліяло на взаимныя отношенія обѣихъ сторонъ и чѣмъ воспользовались наши враги—Англичане».

«Вскорѣ по перенесеніи главной квартиры въ Санъ-Стефано, пишетъ главнокомандующій [2]), я имѣлъ первое объясненіе съ Реуфъ-пашой о намѣреніи моемъ открыть впослѣдствіи нашимъ войскамъ сообщеніе черезъ Бункдере моремъ и, по заключеніи мира, избрать этотъ пунктъ для посадки ихъ на суда. Онъ изъявилъ свое согласіе на это. Но когда, черезъ посредство статскаго совѣтника Ону, я сталъ просить Порту отдать по этому поводу надлежащія приказанія, то турецкіе министры немедленно выразили опасеніе, что приближеніе нашихъ войскъ къ Бункдере

[1]) 1878. Quartier général. Réc., dép. de Nélidow 9/21 mars № 494.

[2]) 1878. Quartier général, lettre d'Onou à Nélidow 1/13 et 4/16 mars; tél. 5 mars №№ 301 et 302, tél. de Nélidow 5 mars. Письмо Милютина Николаю Николаевичу 7 марта. Гл. арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц. (1876—1880) № 1, донесеніе Николая Николаевича 5 марта 1878 г.

возбудитъ подозрѣніе Англичанъ, покажется имъ попыткой съ нашей стороны занять берега Босфора и подастъ имъ поводъ ввести ихъ суда въ этотъ проливъ». «Если, продолжалъ Николай Николаевичъ, Англія дѣйствительно ищетъ предлога войти въ Босфоръ и вызвать насъ на бой, то намъ слѣдовало бы направить войска въ Буюкдере для посадки ихъ тамъ на суда, и при этомъ занять Пиргосъ и Бѣлградъ. При невозможности занять эти пункты мирнымъ путемъ, завладѣніе ими становится съ каждымъ днемъ труднѣе». Въ заключеніе главнокомандующій доказывалъ, что въ случаѣ разрыва съ Англіею наше положеніе будетъ очень неблагопріятнымъ, такъ какъ Турція врядъ-ли останется нейтральною. Вслѣдствіе происковъ Лайярда, котораго поддерживалъ австрійскій посолъ Зичи, Порта рѣшительно отказала въ посадкѣ нашихъ войскъ въ Буюкдере, такъ какъ эта мѣра вызвала бы входъ англійскаго флота въ Босфоръ [1]). Возвращеніе сераскира Реуфъ-паши изъ С.-Петербурга, объясненія и обѣщанія, которыя онъ привезъ султану отъ государя, и въ особенности свиданіе Абдулъ-Гамида съ великимъ княземъ главнокомандующимъ улучшили отношенія между нами и Портою [2]). Вслѣдствіе этого главнокомандующему было предложено потребовать отъ Порты, чтобъ она настояла въ Лондонѣ на уходѣ англійской эскадры изъ Мраморнаго моря [3]). На это предложеніе главнокомандующій отвѣтилъ государю [4]): «желаніе твое исполнено, султанъ, Реуфъ и даже Вефикъ обѣщаютъ послать Англичанамъ приглашеніе выйти изъ Мраморнаго моря, опираясь на томъ, что и наши войска уходятъ, для чего я отправлю изъ Санъ-Стефано въ Одессу подольскій полкъ съ четырехфунтовою батареею». Султанъ, дѣйствительно просилъ королеву Викторію отозвать англійскій флотъ въ виду начавшейся эвакуаціи русскихъ войскъ, на что англійское правительство отвѣтило, что, по предло-

---

¹) 1878. Quartier général. Réc., tél. 6/18 mars; dép. 9/21 mars № 494. 1878. Londres. Exp. № 175, tél. 7 mars. Lettre de Nélidow 8 et 9 mars.

²) Quartier général. Réc., dép. de Nélidow 16/28 mars № 564, tél. 15/27 mars.

³) 1878. Quartier général. Exp. № 188, tél. 10 mars.

⁴) Гл. арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц. (1876—1880) № 1 телеграмма 18 марта 1878. Quartier général, dép. $\frac{23 \text{ mars}}{4 \text{ avril}}$ № 579, lettre 23 mars.

женію, Россіи, оно готово удалить флотъ, совмѣстно съ одновременнымъ отступленіемъ русскихъ войскъ, на одинаковое разстояніе отъ Босфора [1]). Но не смотря на посредничество князя Бисмарка, соглашеніе между сторонами не состоялось.

Не путемъ одной посылки флота къ Константинополю великобританское правительство препятствовало русскому достигнуть заключенія прочнаго и выгоднаго мира съ Турціею. Отправивъ эскадру въ Мраморное море, лондонскій кабинетъ одновременно разстраивалъ уже состоявшееся между державами соглашеніе собраться въ Берлинъ на конгрессъ для обсужденія положенія, созданнаго войною. Сантъ-Джемскій кабинетъ объявилъ, что соглашается участвовать въ конгрессѣ подъ условіемъ, что разсмотрѣнію его будутъ подлежать всѣ, безъ исключенія, вопросы, затронутые въ мирномъ договорѣ, заключенномъ въ Санъ-Стефано, и что никакое измѣненіе порядка, установленнаго прежними трактатами, не будетъ признано дѣйствительнымъ иначе, какъ съ общаго согласія великихъ державъ [2]). Князь Горчаковъ поручилъ графу Шувалову передать лорду Дерби [3]), что мирный договоръ будетъ сообщенъ англійскому правительству до собранія конгресса, на которомъ всѣмъ державамъ предоставляется полная свобода дѣйствія и обсужденія, и что этой же свободой Россія намѣрена пользоваться. Между тѣмъ лордъ Дерби требовалъ, чтобъ мы заранѣе приняли рѣшенія другихъ державъ, которыя бы состоялись на конгрессѣ по европейскимъ вопросамъ; т. е. лондонскій кабинетъ желалъ возстановить на нашъ счетъ то обаяніе, которое оно потеряло, на что мы не могли согласиться [4]).

Слишкомъ большое значеніе, которое пріобрѣтала Россія на востокѣ въ ущербъ англійскому вліянію, составляло истинную причину недоброжелательства англійскаго правительства, какъ это объявилъ лордъ Дерби Шувалову при

---

[1]) Гл. арх., аз. деп., дѣло дипломат. канц. (1876—1880) № 1, телегр., государю 27 марта 1878 № 164.

[2]) 1878. Londres. I. Réc. № 318, dép. 4/16 mars № 30, communication de lord Derby.

[3]) 1878. Londres. I. Réc. № 320, dép. 6/18 mars № 32.

[4]) 1878. Londres. III. Exp. № 180, tél. 10 mars. Londres. I. Réc. № 348 dép. 10/22 mars № 36.

выходѣ своемъ изъ кабинета [1]). Лордъ Дерби совѣтовалъ ему быть спокойнымъ, уступчивымъ: «Я знаю своихъ товарищей по кабинету, они не хотятъ войны, но желаютъ удовлетворить свою партію демонстраціями. Вознаградите ихъ чѣмъ-нибудь, не Египтомъ, но какою-нибудь морскою станціею внѣ Мраморнаго моря и Дарданеллъ, и вы достигнете непосредственнаго соглашенія съ ними». «Я, писалъ графъ Шуваловъ канцлеру, былъ бы противъ такого вознагражденія; по моему безчестно отнимать чужое добро безъ предварительной войны».

Преемникъ лорда Дерби, маркизъ Салисбюри, черезъ военнаго агента полковника Веллеслея, передалъ канцлеру, что Англія готова участвовать въ конгрессѣ, если бы согласились обсуждать всѣ вопросы, которые возникнутъ въ собраніи. Канцлеръ заявилъ, что имъ уже давно провозглашена полная свобода обсужденія и дѣйствія для всѣхъ, но что онъ не могъ допустить, чтобъ насъ вызывали въ конгрессъ, какъ въ судилище, приговоры котораго были бы для насъ обязательными [2]). Затѣмъ великобританское правительство предложило для созыва конгресса слѣдующую формулу: «Пересмотръ договоровъ 1856 и 1871 г.г. въ ихъ связи съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ». Князь Горчаковъ, не возражая противъ этой формулы, сдѣлалъ ту оговорку, что державы должны удовлетвориться уже сдѣланнымъ сообщеніемъ договора, заключеннаго въ Санъ-Стефано, и не требовать предъявленія его вновь передъ конгрессомъ, какъ передъ какимъ-то судомъ [3]). Наконецъ, по инициативѣ князя Бисмарка, была выработана формула для приглашенія державъ на конгрессъ, а именно: «en conformité avec l'initiative prise par le cabinet de Vienne l'Allemagne propose aux puissances signataires des traités de 1856 et 1871 de discuter en congrès les stipulations du traité de San-Stephano [4])» (сообразно почину, принятому вѣнскимъ кабинетомъ, Германія предлагаетъ державамъ, подписавшимъ договоры 1856 и 1871 г.г., обсудить на конгрессѣ постановленія Санъ-Стефанскаго договора), при

[1]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 17/29 mars. 18 mars.
[2]) 1878. Londres. III. Exp. № 225, tél. 3/15 avril.
[3]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 6 avril № 12.
[4]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 2/14 mai, Friedrichsruhe.

чемъ предсѣдатель конгресса обезпечивалъ свободное обсужденіе сего договора.

Въ инструкціи, данной графу Шувалову, ему поручалось сговориться съ княземъ Бисмаркомъ и маркизомъ Салисбюри объ условіяхъ удаленія русскихъ войскъ и англійскаго флота; онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, уполномочивался заявить великобританскому правительству, что государь не имѣлъ намѣренія расширить свои владѣнія въ Азіи далѣе Батума и Карса и въ Европѣ далѣе границъ, указанныхъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ; по полученіи такого удостовѣренія, англійское правительство обязалось не оспаривать этихъ пріобрѣтеній Россіи [1]). Въ этомъ смыслѣ 18/30-го мая графъ Шуваловъ и маркизъ Салисбюри подписали въ Лондонѣ три записки (memorandum) [2]). Въ первой указывались всѣ территоріальныя измѣненія, предусмотрѣнныя Санъ-Стефанскимъ договоромъ, на которыя англійское правительство дало свое согласіе. Во второй запискѣ упоминалось между прочимъ, что великобританское правительство предоставляло себѣ право обсужденія всего вопроса о проливахъ, а русскій посолъ въ Лондонѣ призналъ, что его правительство придерживалось заявленія, сдѣланнаго 6-го мая 1877 г. лордомъ Дерби, именно, что существующія соглашенія, состоявшіяся съ одобренія европейскихъ державъ о судоходствѣ по Босфору и Дарданелламъ, признавались разумными и полезными англійскимъ правительствомъ, которое бы встрѣтило важныя препятствія къ ихъ измѣненію въ ихъ существѣ. Третья записка заключала заявленіе Шувалова о предѣлахъ русскихъ пріобрѣтеній, указанныхъ въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ.

Двадцать четвертая статья Санъ-Стефанскаго договора упоминала только о безпрепятственномъ проходѣ черезъ проливы, въ мирное и военное время, торговыхъ судовъ нейтральныхъгосударствъ. О проходѣ русскихъ военныхъ судовъ ничего не говорилось. Заявленіемъ отъ 6/18-го мая 1878, г. заключающимся во второй изъ вышеприведенныхъ записокъ, русскій уполномоченный обязался придерживаться существующаго порядка въ проливахъ и не измѣнять его.

Такимъ образомъ, еще до собранія Берлинскаго кон-

---

[1]) 1878. Londres. III. Exp. Instruction 5 mai. III. Rèc., tél. 12/24 mai.
[2]) 1878. Londres. II. Mémorandum 18/6 mai.

гресса, Россія была вынуждена отречься отъ домогательства, имѣвшаго громадное значеніе не только для морского господства, но и для государственной ея жизни, а именно, отъ требованія о пропускѣ ея военныхъ судовъ черезъ проливы; достиженіе этого права составляло бы для нея самую существенную выгоду отъ дорого стоившей ей войны. Уступивъ угрозамъ Англіи, Россія похоронила животрепещущій для нея вопросъ на вѣчныя времена. Безъ сомнѣнія, Россія могла получить право на проходъ своихъ военныхъ судовъ черезъ проливы по отдѣльному уговору съ Турціей, какъ это предполагалось въ запискѣ А. И. Нелидова отъ 10/22-го ноября 1877 г., въ инструкціи, данной главнокомандующему 17/29-го декабря 1877 г., въ таковой же, данной генералъ-адъютанту Игнатьеву 25-го января 1878 г., и, наконецъ, въ предварительныхъ условіяхъ мира, подписанныхъ въ Адріанополѣ 19/31-го января 1878 г.; но осуществленіе этого права прохода на дѣлѣ могло состояться только съ согласія державъ, участвовавшихъ въ международныхъ договорахъ, которыми опредѣлился существовавшій порядокъ въ проливахъ. Не надо забывать коллективное свойство обязательствъ, заключающихся во всѣхъ этихъ международныхъ актахъ, а именно, въ конвенціи о проливахъ 1841 года, такой же конвенціи, составляющей неотъемлемую часть Парижскаго трактата 1856 года, и въ Лондонскомъ договорѣ 1871 года.

Мы уже выше доказали, что въ установленіи совмѣстномъ или совокупномъ, а не единичномъ или отдѣльномъ, рѣшенія признавать непреложное начало закрытія проливовъ заключается то коллективное обязательство, которое приняли на себя всѣ пятеро, а затѣмъ шестеро, державъ, съ одной стороны, передъ султаномъ, какъ властителемъ надъ проливами — съ другой. Нераздѣльность этого обязательства, какъ мы уже выше пояснили, должно пониматься въ томъ смыслѣ, что нарушеніе его Портой въ пользу одной изъ шести державъ влечетъ за собою протесты со сторонъ остальныхъ не только противъ Порты, допускавшей исключеніе изъ начала закрытія въ пользу одной изъ нихъ, но и противъ послѣдней, воспользовавшейся или пытавшейся имъ воспользоваться. Такимъ образомъ закрытіе проливовъ въ предѣлахъ, указанныхъ международными актами 1856 и 1871 года, зависитъ исклю-

чительно отъ договорныхъ отношеній султана, какъ одной стороны, съ шестью великими державами, взятыми совокупно въ качествѣ другой стороны. Изъ чего слѣдуетъ, что отдѣльная сдѣлка, заключенная между султаномъ и одной изъ шести державъ, предоставляющая послѣдней особое право пользованія проливами, будетъ заключена въ нарушеніе международныхъ актовъ 1856 и 1871 года и, не возымѣвъ никакой юридической силы, какъ незаконная въ самомъ корнѣ, можетъ повлечь за собою требованіе державъ, которыхъ права нарушены, обращенное къ державамъ, ихъ нарушившимъ, о возстановленіи ихъ правъ. Такая отдѣльная сдѣлка, однако, могла бы получить юридическое значеніе, если бы международные акты 1856 и 1871 г., первый въ части, касающейся проливовъ, были отмѣнены или измѣнены, или если бы всѣ державы, ихъ подписавшія, согласились признать законность сдѣлки отдѣльно состоявшейся между Портою и одной изъ нихъ. Какъ уже сказано выше, мы, предвидя, что намъ не добиться никакихъ измѣненій въ порядкѣ, существующемъ въ проливахъ, отказались отъ всякаго домогательства по сему предмету и еще до открытія конгресса обязались передъ Англіею держаться существующаго порядка, который она считала разумнымъ и полезнымъ, т.-е. соотвѣтствующимъ британскимъ выгодамъ.

Посредствомъ неимовѣрныхъ усилій и жертвъ, мы кончили кампанію, предпринятую нами послѣ многихъ и долгихъ колебаній. Намъ слѣдовало ея избѣгнуть и война, по всему вѣроятію, могла быть отвращена, если бы одной изъ причинъ, побудившей императора Александра II къ ея объявленію, не было чувство оскорбленнаго достоинства, которое заставляло его искать случая для того, чтобъ уничтожить послѣдніе слѣды Парижскаго мира и возвратить Россіи часть Бессарабіи, отторгнутую отъ нея по договору 1856 г. Восемь лѣтъ тому назадъ это чувство заставило Александра II одностороннимъ отказомъ освободиться отъ исполненія международнаго договора; теперь оно вовлекло его въ войну, которая едва ли не превратилась въ европейскую и принесла Россіи выгоды, вовсе не соотвѣтствовавшія жертвамъ, ею понесеннымъ. Однимъ изъ ея послѣдствій было возвращеніе подъ скипетръ русскаго царя уступленной имъ въ 1856 г. части Бессарабіи, простран-

ствомъ не болѣе 10.000 кв. верстъ, чѣмъ удовлетворилось чувство собственнаго достоинства государя. Но если сравнить то ничтожное количество территоріи, которую Россія пріобрѣтала вновь, несмотря на протестъ Румыніи, съ тѣмъ громаднымъ пространствомъ земли (болѣе 1.500.000 кв. килом.), которое она добровольно продала 18/30-го марта 1867 г. Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки за 7.200.000 долларовъ, то послѣдняя сдѣлка вовсе не соотвѣтствовала достоинству великой державы, какъ въ виду того, что отчужденная территорія уже болѣе 70 лѣтъ принадлежала Россіи, такъ и потому, что русское правительство за безцѣнокъ уступило американскимъ штатамъ страну, изобилующую несмѣтными богатствами.

Кампанія 1877—1878 г., вслѣдствіе нашей неподготовленности и неосвѣдомленности въ военномъ отношеніи продолжалась несравненно болѣе, чѣмъ было сначала предположено. Къ недочетамъ другого рода слѣдуетъ отнести то, что неоправдалась та нравственная помощь, которую мы ожидали отъ союза съ сосѣдними имперіями. Германскій императоръ, подъ вліяніемъ своихъ англійскихъ родственниковъ и вслѣдствіе преклоннаго возраста, не имѣлъ мужества стать безповоротно на нашу сторону. Германскій канцлеръ, хотя увѣрялъ въ своей непоколебимой дружбѣ, искалъ только случая, чтобъ извлечь какъ можно болѣе выгоды изъ своего положенія, не ссорясь съ Англіею и поддерживая графа Андраши. Чтобъ привлечь Австрію и устранить тѣ препятствія, которыя она могла намъ создавать, мы допустили ея вліяніе въ славянскихъ земляхъ и, поощряя русскихъ добровольцевъ въ ихъ борьбѣ за независимость Сербовъ, мы одновременно подписывали тайный договоръ съ Австріею, коимъ признавали за нею право на присоединеніе Босніи и Герцеговины населенныхъ Сербами, переходящихъ подъ управленіе Венгріи, злѣйшаго врага Славянъ. Сознавая, что Россія нуждалась въ его содѣйствіи, вѣнскій кабинетъ сперва требовалъ себѣ въ вознагражденіе уступки части Босніи, затѣмъ уже всей этой области и Герцеговины. Несмотря на то, что Австро-Венгріи предстояло присоединеніе этихъ областей не силою ея оружія, а за счетъ русскихъ побѣдъ, она коварно ставила препятствія видамъ Россіи и тайно шла рука объ руку съ нескрытымъ ея врагомъ Англіею. Передъ стра-

хомъ войны съ Австріею и Англіею, Россія вынуждена была, дѣлая уступку за уступкой, остановить свои войска передъ Царьградомъ и затѣмъ передать весь договоръ, заключенный съ Турціею въ Санъ-Стефано, на разборъ и обсужденіе собранія державъ, на которомъ достигнутыя нами выгоды и преимущества разбивались о завистливое недоброжелательство державъ. Мы съ трудомъ отстояли свои притязанія, купленныя цѣною понесенныхъ жертвъ, но за то и Австрія и Англія сумѣли и не посовѣстились удѣлить себѣ пріобрѣтенія, которыя имъ не стоили никакихъ жертвъ, ни кровью, ни деньгами.

Несмотря на усилія русскихъ уполномоченныхъ, имъ пришлось на конгрессѣ поступиться многими требованіями, которыя были за нами признаны Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Графъ Шуваловъ, сообщая Н. К. Гирсу [1]), что Бисмаркъ очень благосклонно расположенъ къ намъ и охотно выслушиваетъ его, пишетъ: «Вы спросите меня, почему же мы до сей поры не достигаемъ лучшихъ результатовъ при всесильномъ содѣйствіи Бисмарка? Это объясняется тѣмъ, что намъ систематически противодѣйствуютъ Англія и Австрія. Андраши, очень сердечно расположенный и разыгрывающій рыцаря въ своихъ разговорахъ на единѣ со мною, совершенно иной человѣкъ, когда онъ находится въ присутствіи Англичанъ и рабски восхищается всякимъ словомъ произнесеннымъ Биконсфильдомъ и Салисбюри. Изъ этого слѣдуетъ, что Бисмаркъ, который преимущественно озабоченъ тѣмъ, чтобы устранить столкновенія и довести конгрессъ до конца, принужденъ лавировать между тремя и не всегда проявляетъ достаточно настойчивости въ своемъ благорасположеніи къ намъ». Чувствуя свою силу отъ поддержки князя Бисмарка, Андраши смотрѣлъ на пріобрѣтеніе Босніи и Герцеговины, какъ на дѣло рѣшенное и вполнѣ заслуженное Австро-Венгріею [2]), хотя Порта вовсе не была склонна уступить ей эти области [3]), а Салисбюри первоначально согласился на ихъ занятіе Австро-Венгріею только, пока продолжалось занятіе Болгаріи нашими войсками, но отказывался приз-

[1]) 1878. Londres, lettre de Schouwalow à Giers 7/19 juin.

[2]) 1878. Ignatiew. Réc. Vienne, tél. 16/28 mars. 1878. Londres. III. Réc., tél. 2/14 mai. 1878. Congrès. Lettre à l'empereur 3/15 juin.

[3]) 1878. Quartier général, tél. d'Onou au chancelier, Péra, 5/17 avril.

навать домогательство Австро-Венгріи на присоединеніе этихъ областей [1]). На конгрессѣ оба англійскихъ уполномоченныхъ выражали князю Горчакову свое отвращеніе къ политической безнравственности притязанія Австро-Венгріи (la répugnance des plénipotentiaires anglais contre l'immoralite politique de ce procédé n'a nullement diminué) [2]). Но это чувство отвращенія исчезло со временемъ, когда сами Англичане захватили Кипръ, такъ какъ въ засѣданіи конгресса 28 іюня предложеніе о передачѣ Босніи и Герцеговины въ управленіе Австро-Венгріи исходило отъ самихъ великобританскихъ уполномоченныхъ и поддерживалось княземъ Бисмаркомъ [3]). Но въ томъ же засѣданіи Австро-Венгрія заявила новое притязаніе на полученіе Новобазарскаго санджака, отдѣляющаго Черногорію и Сербію, извѣстнаго подъ названіемъ l'enclave, не въ управленіе, а только для проведенія военныхъ и торговыхъ дорогъ и учрежденія военныхъ постовъ. Только подъ условіемъ согласія Россіи на удовлетвореніе этого новаго притязанія, графъ Андраши обязывался на конгрессѣ не противодѣйствовать ея видамъ [4]).

Великобританскіе уполномоченные жаловались графу Шувалову [5]) на свое неловкое положеніе въ виду того, что подписанныя графомъ Шуваловымъ и маркизомъ Салисбюри секретныя записки попали въ печать и стали достояніемъ общественнаго мнѣнія, которое высказалось противъ уступокъ, сдѣланныхъ Россіею въ отношеніи возвращенія части Бессарабіи и пріобрѣтенія Карса и Батума, почему первый великобританскій уполномоченный лордъ Биконсфильдъ заявилъ, что онъ не отрекается отъ даннаго слова, но, въ виду общественнаго негодованія противъ сдѣланныхъ имъ уступокъ, онъ вынужденъ настаивать на всѣхъ другихъ пунктахъ, по которымъ онъ предоставилъ себѣ свободу обсужденія.

Такимъ образомъ, и со стороны Англіи и Австріи князь

---

[1]) 1878. Londres. III. Réc., tél. 13/25 mai.

[2]) 1878. Congrès. Lettre à l'Empereur 3/15 juin.

[3]) 1878. Congrès. Réc. № 762. Rap. en cour $\frac{19 \text{ juin}}{1 \text{ juillet}}$, protocole № 8, séance 28 juin.

[4]) 1878. Congrès, lettre de Schouvalow à Giers 7/19 juin.

[5]) 1878. Congrès, lettre 2/14 juin.

Горчаковъ встрѣчалъ противодѣйствіе на конгрессѣ, а князь Бисмаркъ, по словамъ русскаго канцлера, держался положенія, вовсе не соотвѣтствовавшаго тому, котораго мы держались въ 1871 г. въ отношеніи къ Германіи. «Въ виду чего, писалъ князь Горчаковъ [1]) государю, я выношу изъ конгресса то впечатлѣніе, что расчитывать на соглашеніе трехъ императоровъ будетъ одинъ только самообманъ (compter davantage sur l'entente des trois empreurs sera une illusion). Въ этомъ мѣстѣ письма государь помѣтилъ «c'est aussi mon opinion». «Графъ Андраши, продолжалъ князь Горчаковъ, сдѣлалъ все, чтобъ эту иллюзію уничтожить, а императоръ Францъ-Іосифъ слѣдуетъ внушеніямъ своего министра. Въ заключеніе я думаю, что послѣ плохого сего мира намъ придется возвратиться къ прежней поговоркѣ 1856 г.: Россія должна сосредоточиться въ самой себѣ. («En conclusion je pense, Sire, que nous aurons à revenir, cette paix boitteuse (sic) conclue, à l'adage de 1856: la Russie aura à se recueillir»).

Затѣмъ князь Горчаковъ обѣщалъ государю, что онъ приложитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобъ Европа поручилась за исполненіе постановленій договора, несмотря на всѣ попытки Порты освободиться отъ такого поручительства. Исполняя волю государя, князь Горчаковъ, въ засѣданіи 8-го іюля (протоколъ № 15) [2]) возбудилъ вопросъ, какимъ путемъ конгрессъ думаетъ обезпечить исполненіе своихъ рѣшеній. Въ слѣдующемъ засѣданіи князь Горчаковъ пояснилъ свою мысль въ томъ смыслѣ, чтобы державы, участвующія въ конгрессѣ, нераздѣльно поручились за исполненіе его постановленій. По мнѣнію турецкаго уполномоченнаго, подписаніе договора о мирѣ служило достаточнымъ ручательствомъ за исполненіе постановленій, заключающихся въ немъ, къ тому же оттоманское правительство уже дало конгрессу увѣреніе въ томъ, что его постановленія будутъ приведены въ исполненіе въ самый кратчайшій срокъ. Князь Бисмаркъ съ своей стороны высказалъ, что отдѣльное государство не можетъ быть принуждено оказывать вооруженное содѣйствіе къ исполненію постано-

---

[1]) 1878. Congrès. Lettre à Sa Majesté $\frac{20 \text{ juin}}{2 \text{ juillet}}$.

[2]) 1878. Congrès. Réc. № 802, rap. en cour $\frac{30 \text{ juin}}{12 \text{ juillet}}$.

вленій договора (de prêter main forte à l'exécution de ces arrangements); онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрицалъ, чтобъ могло существовать ручательство нераздѣльное и совокупное, хотя таковое дѣйствительно существовало, именно по вопросу о проливахъ, постановленное Лондонскимъ договоромъ 1841 г. Пренія по сему вопросу продолжались въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій и не привели къ какому-либо результату, такъ какъ большинство уполномоченныхъ высказались въ томъ смыслѣ, что подписаніемъ договора вполнѣ обезпечивалось его исполненіе [1]).

Отказъ русскимъ уполномоченнымъ въ солидарномъ ручательствѣ всѣхъ державъ за исполненіе постановленій конгресса далъ возможность маркизу Салисбюри сдѣлать въ засѣданіи 11-го іюля извѣстное заявленіе относительно толкованія постановленій о проливахъ. Мы уже доказали выше, что за соблюденіе начала закрытія проливовъ всѣмъ иностраннымъ военнымъ судамъ за исключеніями, предусмотрѣнными Лондонскою конвенціею, всѣ великія державы солидарно поручились другъ за друга. Это ручательство, какъ заключающееся въ статьяхъ конвенціи о проливахъ, составляющей неотъемлемую часть Парижскаго договора 1856 г. и Лондонской конвенціи 1871 г., не отмѣненныхъ Берлинскимъ договоромъ, остается обязательнымъ для всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ этихъ актахъ, хотя бы тѣ же державы отказались ручаться за исполненіе постановленій самого Берлинскаго договора. Въ засѣданіи конгресса 6-го іюля (протоколъ № 14) [2]) было постановлено, что въ проливахъ остается порядокъ вещей существовавшій до того (statu quo ante), т.-е. опредѣленный конвенціею о проливахъ 1856 г. и ст. 2-й Лондонской конвенціи 13-го марта 1871 г. Въ томъ же засѣданіи, лордъ Салисбюри заявилъ, что, если бы пріобрѣтеніе Батума Россіею послѣдовало при условіяхъ, которыя бы грозили свободѣ Чернаго моря, то Англія не приняла бы на себя обязательствъ передъ прочими европейскими державами не вступать въ это море,

---

[1]) 1878. Congrès. Réc. № 802, rap. en cour $\frac{\text{30 juin}}{\text{12 juillet}}$. Réc. № 829, rap. en cour 3/15 juillet. Réc. № 830. rap. en. cour 4/16 juillet, protocole 16/18, Séance 9/21 juillet.

[2]) 1878. Congrès. Réc. № 791, rap. en cour $\frac{\text{29 juin}}{\text{11 juillet}}$.

но такъ какъ Батумъ объявленъ открытымъ и торговымъ портомъ, то великобританское правительство не откажется возобновить обязательныя постановленія по сему предмету, слѣдовательно оно обязалось сохранить существовавшій до того порядокъ, т.-е. начало закрытія проливовъ для военныхъ судовъ.

Затѣмъ въ засѣданіи 11-го іюля [1]) при чтеніи проекта статьи договора съ ссылкой на статьи Парижскаго трактата и Лондонской конвенціи, лордъ Салисбюри просилъ внести въ протоколъ свое заявленіе, обязательное только для его правительства: «Въ виду того, что Берлинскій договоръ произведетъ измѣненіе въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ Парижскаго договора 1856 г., имѣющихъ большое значеніе и что толкованіе ст. 2-й Лондонскаго договора, находящейся въ связи съ Парижскимъ договоромъ, можетъ быть, такимъ образомъ, предметомъ разногласій, я заявляю отъ имени Англіи, что обязательства, принятыя Е. В. королевою Великобританіи по предмету закрытія проливовъ, сводятся исключительно къ обязательству по отношенію къ султану уважать, въ виду сего, его самостоятельныя рѣшенія, соотвѣтствующія существующимъ договорамъ». Это заявленіе лорда Салисбюри было имъ сдѣлано какъ разъ послѣ того, какъ въ томъ же засѣданіи отъ 11-го іюля конгрессъ отказалъ русскимъ уполномоченнымъ въ совокупномъ поручительствѣ всѣхъ державъ за исполненіе постановленій Берлинскаго договора. Лордъ Салисбюри пригналъ свое заявленіе къ этому моменту, полагая, что разъ не существуетъ солидарная отвѣтственность державъ при исполненіи Берлинскаго договора, исчезло совокупное ручательство, которое приняли на себя державы за соблюденіе начала закрытія проливовъ въ предѣлахъ, предусмотрѣнныхъ Лондонскою конвенціею. Но какъ этотъ актъ, такъ и особая конвенція о проливахъ, приложенная къ Парижскому договору, остались въ силѣ согласно ст. 63-й Берлинскаго трактата, а въ нихъ, какъ мы уже доказали выше, установлено солидарное поручительство всѣхъ великихъ державъ участвовавшихъ въ актахъ за соблюденіе начала закрытія проливовъ.

---

[1]) 1878. Congrès. Réc. № 830, rap. en cour 4/16 juillet, protocole 11, séance 11 juillet.

Въ слѣдующемъ засѣданіи отъ 12-го іюля графъ Шувaловъ въ отвѣтъ на декларацію лорда Салисбюри просилъ о занесеніи въ протоколъ своего заявленія по тому же предмету, представленнаго уполномоченными Россіи: «Уполномоченные Россіи, не будучи въ состояніи отдать себѣ яснаго отчета въ предложеніи маркиза Салисбюри, относительно закрытія проливовъ ограничиваются просьбой съ своей стороны о занесеніи въ протоколъ замѣчанія, что по ихъ мнѣнію начало закрытія проливовъ есть начало европейское и что постановленія, состоявшіяся по сему предмету въ 1841, 1856 и 1871 г.г., нынѣ подтвержденныя Берлинскимъ договоромъ, обязательны для всѣхъ державъ, согласно съ духомъ и буквою существующихъ договоровъ, не только передъ султаномъ, но и передъ всѣми державами, подписавшими ихъ».

Лордъ Салисбюри ничѣмъ не опровергъ возраженій русскихъ уполномоченныхъ противъ его заявленія; онъ не отказался отъ даннаго имъ въ засѣданіи 6-го іюля согласія на сохраненіе существовавшаго до того порядка (statu quo ante), признавъ тѣмъ самымъ обязательными для Англіи постановленія договоровъ 1856 и 1871 г.г. о соблюденіи начала закрытія проливовъ великими державами подъ ихъ круговою другъ за друга отвѣтственностью. Этому признанію лорда Салисбюри противорѣчитъ декларація, сдѣланная имъ впослѣдствіи въ засѣданіи 11-го іюля; хотя она и была занесена въ протоколъ засѣданія какъ одностороннее заявленіе, но она ничѣмъ не была мотивирована и ею не объяснялось, почему благородный лордъ такъ скоро измѣнилъ свое мнѣніе о толкованіи постановленій о проливахъ, которыя собраніе рѣшило сохранить въ неприкосновенности, изложивъ ихъ въ 63 ст. Берлинскаго договора.

Кромѣ того, надо признать, что заявленіе лорда Салисбюри было далеко не яснымъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Англія столкнулась съ Россіею на границахъ Афганистана, въ палатѣ лордовъ обсуждалась возможность вступленія англійскаго флота въ Дарданеллы; лордъ Страведенъ и Кампель въ засѣданіи 7-го мая 1885 г. [1]) доказывалъ, что черезъ Черное море легче

[1]) Hansards parliamentary debates. Vol. 297, from 7 April to 7 May 1885. House of Lords. Thursday 7 May 1885; p.p. 1818—1826.

всего нанести чувствительный ударъ Россіи, это есть ея самое уязвимое мѣсто. Почему слѣдовало, по мнѣнію лорда Кампеля, подвергнуть тщательному изслѣдованію тѣ дипломатическіе акты, на основаніи которыхъ Россія могла требовать отъ султана обезпеченія ея отъ единственной опасности, которую, по опыту, она признавала великою, т.-е. отъ опасности открытія проливовъ, такъ какъ при закрытіи Чернаго моря она считаетъ себя неуязвимою. Изъ этихъ договоровъ лордъ Кампель усматривалъ, что султанъ воленъ открывать проливы какимъ ему угодно судамъ на такомъ же основаніи, на какомъ Франція можетъ пропускать иностранныя суда въ Сену, Россія въ Неву. Въ виду этихъ соображеній лордъ Кампель требовалъ, чтобъ англійскій флотъ вступилъ, съ разрѣшенія султана, въ проливы и произвелъ набѣгъ на наше черноморское побережье.

Въ отвѣтъ на рѣчь лорда Кампеля главный статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ лордъ Гранвиль указалъ на то, что Берлинскій трактатъ подтвердилъ договоры 1856 и 1871 г.г. и упомянулъ о заявленіи, сдѣланномъ маркизомъ Салисбюри въ засѣданіи 11-го іюля Берлинскаго конгресса. Вслѣдъ за тѣмъ маркизъ Салисбюри объяснилъ, что этимъ заявленіемъ онъ желалъ установить то начало, что обязательства Англіи въ отношеніи Дарданеллъ не были обязательствами общаго европейскаго или международнаго характера, но обязательствами лично передъ султаномъ. Эта оговорка предусматривала тотъ случай, если бы султанъ, при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ, дѣйствовалъ не по своей волѣ, но подъ давленіемъ другой державы, и тогда Англія не считала бы себя связанной международнымъ обязательствомъ воздерживаться отъ прохода черезъ Дарданеллы. «Это безспорно,—прибавилъ маркизъ Салисбюри, чисто теоретическія соображенія. Но я желаю замѣтить, что мною сдѣлана вышеуказанная оговорка не по отношенію къ Батуму, но въ виду всякихъ другихъ обстоятельствъ, которыя могли бы потребовать нашего присутствія въ Черномъ морѣ». Вотъ въ какомъ смыслѣ лордъ Салисбюри 7-го мая 1885 г. объяснилъ свое заявленіе отъ 11-го іюля 1878 г., но въ засѣданіи Берлинскаго конгресса, бывшемъ этого числа, онъ ничего не сказалъ объ иностранномъ давленіи на султана; еще

менѣе могъ онъ говорить о томъ, что Англія при такомъ давленіи не признавала себя обязанною уважать закрытіе проливовъ. Очевидно, что лордъ Салисбюри, дѣлая заявленіе 11-го іюля 1878 г. на Берлинскомъ конгрессѣ, думалъ нанести ударъ солидарный отвѣтственности всѣхъ державъ за соблюденіе начала закрытія проливовъ, но она, въ виду сохраненія въ силѣ постановленій 1856 и 1871 г.г., пережила Берлинскій конгрессъ и осталась неприкосновенной по настоящее время.

Мы видѣли, что Англія нарушила начало закрытія проливовъ въ 1878 г.; она была готова его нарушить въ 1885 г., когда мы столкнулись съ нею на афганской границѣ и намѣревалась отправить свою эскадру въ Черное море. Мы же, съ своей стороны, нарушали начало закрытія, отправляя въ теченіе многихъ лѣтъ военныя суда изъ Чернаго моря на Востокъ, хотя и по одиночкѣ и даже съ разрѣшенія султана, но всетаки вопреки точному смыслу международныхъ постановленій. Нарушеніе ихъ то той, то другой державой не влечетъ еще за собой признанія ихъ потерявшими силу. Они состоялись по соглашенію между шестью, а затѣмъ и семью державами, которыя положили ихъ соблюдать съ круговой другъ за друга отвѣтственностью, какъ это доказано выше, и отмѣна ихъ можетъ состояться только по взаимному уговору этихъ державъ между собою. Доколѣ эти постановленія не отмѣнены въ этомъ порядкѣ, держава нарушившая ихъ отвѣчаетъ передъ всѣми остальными, и каждая изъ послѣднихъ имѣетъ право требовать удовлетворенія отъ нея отдѣльно или совокупно съ другими.

Переходя затѣмъ къ вопросу, на сколько существующій порядокъ соотвѣтствуетъ выгодамъ Россіи, мы не можемъ не замѣтить, что невыгодность его для насъ зависитъ главнымъ образомъ отъ ошибочности начала, принятаго, по докладу графа Кочубея въ 1802 г., въ основаніе нашей политики съ оттоманской Портой, а именно, что нѣтъ сосѣдей покойнѣе Турокъ въ виду ихъ слабости.

Податливость султана, какъ властителя надъ проливами, всякому вліянію какъ внѣшнему, такъ и внутреннему имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, что закрытіе проливовъ иностраннымъ судамъ никакой пользы намъ не приноситъ. Въ мирное время оно только мѣшаетъ движеніямъ нашихъ

судовъ. Въ военное же оно не имѣетъ никакого значенія: въ случаѣ нашей борьбы съ одной изъ западныхъ державъ, когда строгое соблюденіе начала закрытія должно обезпечивать безопасность нашихъ владѣній на Черномъ морѣ, мы не можемъ быть увѣрены, какъ это учатъ насъ примѣры прошедшаго, въ томъ, что султанъ, уступая давленію нашихъ враговъ, не откроетъ проливы ихъ военнымъ судамъ для слѣдованія въ Черное море. Вотъ почему при такомъ слабомъ сосѣдѣ начало закрытія проливовъ можетъ быть для насъ выгоднымъ, если только страхъ передъ нами удерживалъ бы султана отъ всякихъ поползновеній слушаться внушеніямъ нашихъ враговъ. Чтобъ этого достигнуть и защитить наши берега отъ нападенія непріятельскаго флота, мы неоднократно пытались добиться измѣненія постановленій о проливахъ въ томъ смыслѣ, чтобы, при сохраненіи начала закрытія проливовъ, Россія получила, какъ прибрежное къ Черному морю государство, для своихъ военныхъ судовъ исключительное право прохода черезъ проливы изъ Чернаго въ Средиземное море и обратно, хотя бы по одиночкѣ и съ разрѣшенія каждый разъ султана. Получивъ такое право, Россія импонировала бы султану, могла бы защищать свои берега отъ нападенія вражеской эскадры, проникала бы на своихъ военныхъ судахъ безпрепятственно въ Средиземное море и имѣла бы возможность вводить изъ Средиземнаго въ Черное свои военныя суда, построенныя на русскихъ сѣверныхъ верфяхъ или пріобрѣтенныя въ другихъ государствахъ. При разработкѣ условій въ 1877 г. предполагалось измѣнить въ этомъ смыслѣ постановленія о проливахъ; но оно встрѣтило бы, по мнѣнію графа Шувалова, какъ уже сказано выше, безусловное сопротивленіе Англичанъ, которые предпочли бы такому измѣненію открытіе проливовъ всѣмъ военнымъ судамъ. На такую мѣру и мы согласились, какъ это было сказано выше, во время Вѣнскихъ конференцій 1855—1856 г. и во время переговоровъ въ Лондонѣ въ 1870/1871 г.г.

Введеніе новаго порядка, въ видѣ открытія проливовъ военнымъ судамъ всѣхъ державъ, порядка прямо противоположнаго прежде существовавшему, могло бы состояться только въ силу постановленія всѣхъ державъ Европы, созванныхъ въ собраніе. Извѣстно, что противъ открытія проливовъ всегда

возставала Порта. Со стороны Россіи согласіе ея на введеніе новаго порядка было бы равносильно признанію присущаго ей могущества не нуждающимся для защиты береговъ Чернаго моря и черноморскаго флота въ искуственной мѣрѣ, преграждающей доступъ иностранныхъ военныхъ судовъ къ морю, омывающему богатѣйшую часть россійской имперіи.

